

Содержание

Психология здоровья

Тематический блок: **Возможности психологической реабилитации и культура здорового образа жизни**

А.А. Реан	Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних	3
С.А. Капустин	Новый критерий нормальной и аномальной личности	13
С. Лэнгле	Терапевтические возможности методов логотерапии и экзистенциального анализа	22
А.Ш. Тхостов, М.Г. Виноградова	Психологические проблемы реабилитации психически больных	32
Д.В. Лифинцев, А.Б. Серых, А.А. Лифинцева	Помогающие отношения в теории и практике социальной работы (на материалах зарубежных исследований)	38
Л.В. Карапетян, Г.А. Глотова	Структурная модель эмоционально-личностного благополучия	46
Е.И. Захарова, О.А. Карабанова	Кинотерапия: современный взгляд на возможности применения	57
А.К. Белоусова, О.Е. Евсеева, А.Ю. Николаев	Особенности личностного профиля ММИЛ у юношей с опытом первичных проб психоактивных веществ	66
О.В. Гордеева	Психологическая помощь пациентам, пережившим околосмертный опыт (по материалам зарубежных исследований)	75
Н.Н. Васягина, Е.Н. Григорян, Е.А. Казаева	Психолого-педагогические аспекты реабилитации детей с расстройством аутистического спектра в условиях дошкольного образования	92
А.Д. Вислова	Риски девиантной адаптации у подростков, связанные с потреблением наркотиков, и возможности их профилактики	102

Психология виртуальной реальности

Г.Я. Меньшикова, О.А. Савельева, М.С. Ковязина	Оценка успешности воспроизведения эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций при использовании систем виртуальной реальности	113
--	---	-----

Методология и методы психологии

Б.А. Богатых	Фрактально-голографический конструкт и теория поля К. Левина	123
--------------	--	-----

Профессиональное самоопределение личности

В.С. Собкин, А.И. Андреева, Ф. Р. Рзаева	Исследователь в сфере образования: барьеры в реализации научной деятельности	135
--	--	-----

Приложение

Информация для авторов	146
Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)	148

Content

Psychology of health

Topical Unit: **Possibilities of psychological rehabilitation and healthy lifestyle culture**

Arthur A. Rean Prevention of aggression and antisocial behaviour in adolescents.....	3
Sergey A. Kapustin A new criterion for identifying normal and abnormal personality.....	13
Silvia Längle Therapeutic capacity of logotherapy and existential analysis.....	22
Alexander Sh. Tkhostov, Marina G. Vinogradova Psychological issues of rehabilitation of mental patients.....	32
Dmitry V. Lifintsev, Anna B. Serykh, Alla A. Lifintseva Helping relationship in the theory and practice of social work (based on foreign research).....	38
Larisa V. Karapetyan, Galina A. Glotova Structural model of emotional well-being of a person.....	46
Elena I. Zakharova, Olga A. Karabanova A modern view of how to apply film therapy.....	57
Alla K. Belousova, Oksana E. Evseeva, Alexey Yu. Nikolaev Features of personal profile in MMPI males with experience of primary samples of psychoactive substances.....	66
Olga V. Gordeeva Psychological assistance to patients with near-death experience (based on foreign research).....	75
Nataliya N. Vasyagina, Elena N. Grigoryan, Evgenia A. Kazayeva Psychological and educational aspects of rehabilitation of children with autism spectrum disorder in preschool education.....	92
Aminat D. Vyslova Risks of drug-based deviant adaptation and prevention in adolescents.....	102

Psychology of virtual reality

Galina Ya. Menshikova, Olga A. Savelyeva, Maria S. Kovyazina Assessing successful reproduction of egocentric and allocentric spatial representations using virtual reality.....	113
--	-----

Methodology and methods of psychology

Boris A. Bogatykh Fractal holographic construct and the field theory of K. Lewin.....	123
--	-----

Professional identity of the person

Vladimir S. Sobkin, Anna I. Andreeva, Fatima R. Rzaeva Researcher in the field of education: barriers in actualising scientific work.....	135
--	-----

Application

Information For Authors.....	146
Guidelines for Abstract Writing.....	148

Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних

А.А. Реан

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 14 мая 2018/ Принята к публикации: 27 мая 2018

Prevention of aggression and antisocial behaviour in adolescents

Arthur A. Rean

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

Received May 14, 2018 / Accepted for publication: May 27, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Проблема профилактики асоциального поведения несовершеннолетних актуальна потому, что делинквентное, противоправное поведение детей и подростков является мощным фактором риска асоциального развития личности в целом, фактором, отрицательно влияющим на всю их дальнейшую жизнь.

Цель: проанализировать причины и последствия асоциального развития личности детей и подростков, рассмотреть теоретические исследования, посвященные профилактике асоциального поведения и преступности несовершеннолетних, безнадзорности и беспризорности, а также реабилитации и ресоциализации таких детей и подростков.

Описание хода исследования. В статье изучается проблема подростковой агрессии в современном российском обществе. Работа опирается на широкий круг зарубежных и отечественных исследований, посвященных данной проблеме, анализ нормативно-правовых документов и региональных практик, а также данные опроса российских подростков, проведенного автором в 2017 году.

Результаты исследования. Показано, что психологическая деформация семьи и системы отношений в ней оказывают непосредственное влияние на формирование девиантного, асоциального поведения подростков. Выявлена также значимая отрицательная корреляционная связь между школьным климатом и агрессивностью школьников. Были обнаружены высокие значимые положительные интеркорреляции между индикаторами школьного климата: безопасностью школы и отношениями учителей с учащимися. Установлено, что дети, не вовлеченные в ситуацию школьной травли, оценивают климат и безопасность в школе значительно выше, чем дети, которые включены в эту ситуацию. Эта закономерность характерна для всех участников травли, независимо от их роли в ситуации – жертвы, агрессора или наблюдателя.

Выводы. На основании рассмотренных в публикации данных даны рекомендации, которые могут быть учтены при формировании государственной политики по профилактике асоциального поведения и агрессии несовершеннолетних. Особо отмечается значимость совместной деятельности школы и семьи, которая может быть эффективным инструментом предупреждения подростковой агрессии.

Ключевые слова: противоправное поведение, агрессия, подростки, асоциальное поведение, семья, школа, педагоги, психологическая служба.

Background. The issue of preventing antisocial behavior in the juvenile is relevant nowadays as delinquent, unlawful behaviour in children and adolescents is a powerful risk factor of asocial development of the personality on the whole, and also the factor that negatively affects their entire future.

The Objective is to analyze the causes and consequences of the asocial development in children and adolescents, to consider theoretical studies devoted to the prevention of antisocial behaviour and juvenile delinquency, neglected and homeless children and adolescents, and their rehabilitation and resocialization.

Design. The paper studies the issue of adolescent aggression in modern Russian society. The paper recites a wide range of foreign and Russian research, analyses regulatory and legal documents and regional practices, and also employs the data of the author's survey of Russian adolescents conducted in 2017.

Research results. Family reshaping in terms of psychology and relationship between family members have a direct effect on deviant or antisocial behaviour in adolescents. A significant negative correlation between the school climate and the aggressiveness of schoolchildren was revealed. High positive intercorrelations within the indicators of the school climate were found to be high: school safety and teacher-student relations. Children who are not involved in bullying, assess the climate and school safety significantly higher than the children who are bullied. This pattern is typical for all participants in the persecution, regardless of their role, i.e. the victim, the aggressor or the observer.

Conclusion. Based on the data reviewed, the recommendations given can be taken into account when establishing the state policy on preventing antisocial behaviour and the aggression in the juvenile. The significance of the joint school and family measures that can be an effective tool for preventing teenage aggression is drawn special attention to.

Keywords: unlawful behavior, aggression, adolescents, asocial behaviour, family, school, schoolteachers, psychological service.

Задача профилактики асоциального поведения несовершеннолетних была актуальна всегда. Это напрямую связано с количеством несовершеннолетних, проявляющих асоциальное и делинквентное поведение. Тема актуальна еще и потому, что делинквентное, противоправное поведение детей и подростков является мощным фактором риска асоциального развития личности в целом, фактором, отрицательно влияющим на всю их дальнейшую жизнь. Криминологическая статистика свидетельствует, что рецидивная преступность среди тех, кто попал в места лишения свободы в возрасте до 18 лет, существенно выше, чем среди тех, кто попал туда впервые во взрослом возрасте. По данным исследований 60–65% рецидивистов – это люди, у которых правонарушающее поведение впервые было зафиксировано в несовершеннолетнем возрасте (Игошев, Миньковский, 1989). Поэтому предотвращение преступности несовершеннолетних можно рассматривать и в качестве фактора сужения базы и профилактики преступности в целом.

Наибольшую опасность, с точки зрения рисков криминальной агрессии, по нашему мнению, представляет собой первая типологическая группа – смысловая агрессия. Входящие в эту группу лица отличаются антисоциальной или асоциальной направленностью личности

В последние годы, по официальной государственной статистике, число правонарушений несовершеннолетних и лиц, их совершивших, неуклонно снижается. Участниками преступлений в 2016 году стали 48,6 тысяч подростков (в 2014 году – 54,4 тысячи подростков). Несовершеннолетними и при их участии совершено 53,7 тысяч преступлений (в 2014 году – 59,5 тысяч преступлений). В 2016 году на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних состояли 142,8 тысяч несо-

вершеннолетних, в 2014 году – 159,8 тысяч несовершеннолетних. Несмотря на это, в силу вышеназванных причин тема остается крайне актуальной. Произошедшие в последнее время резонансные преступления, убийства и попытки убийства, совершенные несовершеннолетними, доминируют этой теме остроты и драматизма.

В качестве драматических эксцессов можно вспомнить напавшие случаи агрессии несовершеннолетних. Например, в январе 2018 года в школе № 5 в поселке Сосновый Бор (близ Улан-Удэ, Республика Бурятия) подросток напал с топором на учеников и учительницу, а также попытался поджечь здание. В результате инцидента получили ранения шесть детей и учительница. В сентябре 2017 года в городе Ивантеевке (Московская область) в школе № 1 15-летний старшеклассник открыл стрельбу в классе и напал на учительницу с кухонным топориком. В результате возникшей паники три учащихся выпрыгнули из окна, один из них получил перелом. Открытую черепно-мозговую травму получила учительница. В октябре 2017 года в туалете школы № 85 Дзержин-

Все эти и подобные им случаи требуют тщательного психологического анализа и специальных исследований. Понимая, что здесь речь идет не просто об агрессии, а о криминальной агрессии, при анализе этих случаев следует использовать результаты специальных психолого-криминологических исследований и построенные на их основе типологии. Так, на основе большого и многоаспектного эмпирического исследования личности преступников, совершивших насильственные преступления, И.А. Кудрявцев и Н.А. Ратинова создали психологическую типологию криминальной агрессии. В этой типологии выделяются семь типов криминальной агрессии: смысловая агрессия, функционально-утилитарная агрессия, привычно-неконтролируемая агрессия, ситуативно-оборонительная агрессия, агрессия, обусловленная аффективной целью, катастрофическая агрессия, агрессия, обусловленная неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов (Кудрявцев, Ратинова, 2000). По нашему мнению, это по существу не психологическая классификация агрессии, а психологическая типология личности преступников, совершивших насильственные преступления. Но, применительно к обсуждаемой здесь проблеме, в этом как раз и состоит ее ценность. Потому что в данной типологии на основе эмпирических исследований доказательно описаны личностные, характерологические особенности преступников и риски их противоправного поведения в определенных специфических социальных ситуациях.

Наибольшую опасность, с точки зрения рисков криминальной агрессии, по нашему мнению, представляет собой первая типологическая группа – смысловая агрессия. Входящие в эту группу лица отличаются антисоциальной или асоциальной направленностью личности. Для них характерны максимально высокие показатели агрессивности, по сравнению со всеми другими группами. Установки на конфронтацию в этой группе оказались также максимальными. Насильственно-доминирующий стиль межличностного взаимодействия оказывается у этих лиц явно выраженным. Для их отношений с окружающими характерны недоверчивость, подозрительность и враждебность.

Артур Александрович Реан – профессор, доктор психологических наук, академик РАО, руководитель Лаборатории профилактики асоциального поведения НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: shagalovil@gmail.com <https://www.hse.ru/org/persons/198024489>

Важной особенностью этих лиц является деформация морально-этической сферы, девальвация ценности человеческой жизни, эмоциональная холодность (Кудрявцев, Ратинова, 2000).

По данным исследований, преимущественно зарубежных, подростки, которые устраивали стрельбу в школах, нередко подвергались буллингу со стороны одноклассников или учителей (Shetgiri, 2013). Следует отметить, что от буллинга страдают не только его жертвы, но и инициаторы травли, которые испытывают проблемы с социальной адаптацией и демонстрируют склонность к противоправному поведению и насилию (Wang, Wang, 2010; Shetgiri, 2013; Wang et al., 2017; Voulgaridou, Kokkinos, 2015; Volk et al., 2018; Shaheen et al., 2018; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017). По результатам масштабного исследования, проведенного под эгидой Всемирной организации здравоохранения в 2016 г. (в исследовании приняли участие 42 страны из Европы и Северной Америки, опрошено более 220 тысяч детей), было установлено, что с буллингом сталкивались в среднем около 12% мальчиков и 10% девочек. При этом следует подчеркнуть, что это именно средние показатели по большому числу стран. В целом имеются значительные межстрановые различия.

Результаты исследования, проведенного Г.У. Солдатовой с соавторами в 2010 году, показывают, что у нас в стране 23% детей, пользующихся интернетом, стали жертвой буллинга (не обязательно кибербуллинга). В Санкт-Петербурге эта цифра достигает 35%, что значительно превышает средний показатель по России (Солдатова и др., 2012). Пятая часть российских детей – жертв буллинга подвергается травле либо каждый день, либо 1–2 раза в неделю. Каждый десятый российский школьник сталкивается с буллингом в интернете. В России 25% детей отмечают, что были субъектами буллинга в реальной жизни или в интернете. Следует отметить, что по этому показателю Россия превосходит европейские страны в два раза (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017).

Результаты социологических исследований представлений россиян о том, как изменились люди и отношения между ними за последние 15–20 лет, под-

тверждают драматичность ситуации. Так, по мнению 68% респондентов агрессивность людей возросла, только 11% считают, что она ослабла, и 15% полагают – осталась на прежнем уровне. Доброжелательность, напротив, по мнению 60% опрошенных, снизилась, только 10% считают, что она возросла, 23% полагают, что она осталась на прежнем уровне. Снижение честности отметили 60% опрошенных, а ее усиление – только 6%, 26% полагают, что этот показатель остался на прежнем уровне. Усиление цинизма констатируют 61% опрошенных респондентов, а его ослабление – только 10%, 17% считают, что изменений здесь нет (Горшкова, Петухова, 2015).

Такие негативные тенденции характерны не только для России, но и для других стран. В США, например, количество американцев, считающих, что «людям надо верить» упало с 55% в 1960 г. до 32% в 2009 г., то есть большинство граждан США перестали доверять друг другу (Millenials in ..., 2014; Зимбардо, Коломбе, 2017). Эти данные отражают мнение всего народонаселения страны. Однако согласно исследованию 2012 г., среди молодежи доля тех, кто полагает, что «людям надо верить», еще ниже и составляет всего 19%. В Великобритании степень доверия упала с 56% в 1959 г. до 30% в 2008 г. (Larsen, 2013).

По мнению Ф. Зимбардо и Н. Коломбе, корни этого феномена надо искать в деятельности СМИ, которые «постоянно говорят о разрыве между богатыми и бедными, о коррупции, политических махинациях, лжесвидетельствах, когда репутации именитых людей лопаются как мыльные пузыри» (Зимбардо, Коломбе, 2017, С. 66). Нам представляется, что такая интерпретация, хотя и справедлива в определенной мере, все-таки является значительным упрощением. Описанные феномены, надо признать, это не фантазии СМИ, а отражение реальных фактов. Другое дело, что есть много других реальных фактов – позитивных, к которым СМИ испытывают гораздо меньше интереса и, соответственно, более скудно и менее ярко их отражают.

По проблемам агрессии и насилия несовершеннолетних у нас в стране проводятся многочисленные конференции, круглые столы и семинары. Осознание

чрезвычайной важности этой проблемы привело к созданию специальной межведомственной рабочей группы при Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних, целью которой является подготовка предложений по мероприятиям, направленным на предотвращение случаев противоправного поведения несовершеннолетних, их агрессии и асоциального поведения. Разработана и утверждена решением Правительства РФ в марте 2017 года Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года. Хотелось бы обратить внимание на присутствие в названии Концепции термина «безнадзорность». Это означает прямую отсылку к теме семьи. Термин «безнадзорность», в отличие от понятия «беспризорность», означает, что у ребенка есть семья, что проживает он дома, а не на улице. Но в силу разных причин семья и родители не осуществляют необходимый присмотр за ребенком, не участвуют должным образом в его жизни. Основное время «безнадзорный» проводит на улице, и именно улица оказывает основное влияние на развитие его личности.

Возвращаясь к Концепции, замечу, что в целом – это очень грамотный, сбалансированный и научно обоснованный документ. Совершенно справедливо в концепции подчеркивается, что современные эффективные модели системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основываются на личностно ориентированном подходе. Также абсолютно верно подчеркивается, что профилактическая работа должна быть, прежде всего, направлена на укрепление института семьи и на профилактику семейного неблагополучия. Наконец то, о чем мы многократно говорили на научных конференциях, опираясь на результаты исследований, закреплено на уровне правительственного документа.

Можно также с удовлетворением отметить, что в концепции прямо говорится о том, что особенно остро в условиях психологического и социального неблагополучия несовершеннолетних воспринимаются проблемы в сфере их обеспечения психологической и социальной помощью. Может показаться, что здесь

Должна быть серьезно переосмыслена роль и значение педагога в системе психологической службы школы. Учитель должен стать важнейшей составляющей этой службы, ее активным элементом. Концептуальной основой психологической службы должна стать не диада «психолог – учащийся», а триада «психолог – педагог – учащийся»

нечему удивляться и что это вещи очевидные, если не сказать тривиальные. Однако мы намеренно акцентируем внимание на этом положении. На самом деле все не так очевидно, если появляются предложения, причем на самом высоком государственном уровне, ликвидировать систему школьной психологической службы в силу ее ненужности. Здесь мы имеем ввиду некоторые последние инициативы, прозвучавшие в Государственной Думе РФ. Справедливости ради надо отметить, что в самой Государственной Думе их поддерживают не все. В действительности школьную психологическую службу надо развивать, расширять и поддерживать. Современные зарубежные научные исследования и практика подтверждают данный тезис (Yüksel-Şahin, 2015). Дела в этой области на сегодняшний день обстоят неважно. В 2015/2016 учебном году педагоги-психологи имелись в штате только каждой второй школы – точнее в 53,1% школ. При этом нагрузка на каждого психолога составляет примерно 880 учеников. В таких условиях, при так называемой «клинической модели» организации деятельности школьной психологической службы, принятой в настоящее время, эффективность работы психолога будет крайне невысокой.

Подросток уходит в группы асоциальной направленности не спонтанно и не беспричинно. Им движут вполне рациональные мотивы. Как правило, в таких группах этим подросткам психологически комфортно

Уже подготовлены новые нормативы нагрузки школьного психолога. Они значительно ниже – предположительно, на каждого психолога будет приходиться почти в два раза меньше учащихся, чем сейчас. Однако только мерами экстенсивного характера проблему не решить. Требуется серьезное изменение организационной модели школьной психологической службы и ее концепции. Мы

Неуспешные в академическом смысле подростки не могут удовлетворить в обычной школьной группе одну из базовых потребностей личности – потребность в уважении и признании

полагаем, что должна быть серьезно переосмыслена роль и значение педагога в системе психологической службы школы. Учитель должен стать важнейшей составляющей этой службы, ее активным элементом. Концептуальной основой психологической службы должна стать не диада «психолог – учащийся», а триада «психолог – педагог – учащийся».

В большинстве регионов России существуют центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи несовершеннолетним. По данным на 2015 год такие центры работали в 65 субъектах Российской Федерации. Считается, что именно эти центры оказывают действенную помощь несовершеннолетним с девиантным поведением. Однако в действительности сами специалисты таких центров нуждаются в профессиональной помощи по работе с такими детьми и подростками. Базовой подготовки, пусть это даже серьезное классическое образование, в таких случаях зачастую не хватает. Нужны специальные программы повышения квалификации для специалистов центров профилактики делинквентности и агрессии несовершеннолетних. Нужны также аналогичные программы для школьных психологов и, тем более, для учителей.

Такие программы должны быть нацелены на формирование системных, социально-личностных и инструментальных профессиональных компетенций. В числе которых надо, в первую очередь, назвать следующие:

– осуществление диагностики актуального эмоционального состояния, личностных качеств, семейных и социальных характеристик учащихся, которые

- повышают вероятность вовлечения их в асоциальное поведение;
- оценивание характеристик взаимодействия внутри коллектива учеников с точки зрения вероятности возникновения у его членов асоциального поведения, квалифицированное выявление факторов риска агрессивного поведения или буллинга;
- целенаправленное осуществление мер профилактики возникновения агрессивного поведения и буллинга в школьном коллективе;
- планирование и организация мероприятий по коррекции агрессивного поведения и борьбе с буллингом в школьном коллективе, которые воздействуют не только учащихся, но и педагогический состав, и родителей;
- взаимодействие с организациями социальной защиты и здравоохранения, а также с подразделениями по делам несовершеннолетних по вопросам сопровождения учащихся, склонных к асоциальному поведению.

Эти программы разработаны или разрабатываются в некоторых научных и учебно-научных центрах, которые профессионально и целенаправленно занимаются вопросами профилактики асоциального, агрессивного поведения несовершеннолетних и буллинга, изучением механизмов и факторов такого поведения. В частности, такая программа разработана в лаборатории профилактики асоциального поведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и проходит апробацию в различных профессиональных группах, (Реан, Коновалов, Новикова, 2018).

Следует отметить, что подросток уходит в группы асоциальной направленности не спонтанно и не беспричинно. Им движут вполне рациональные мотивы. Как правило, в таких группах этим подросткам психологически комфортно. Согласно концепции А.А. Реана об интеракционном конфликте самооценки (Реан, 2013), подросток попадает в асоциальные группы следующим образом. Неуспешные в академическом смысле подростки не могут удовлетворить в обычной школьной группе одну из базовых потребностей личности – потребность в уважении и признании. Школа стигматизирует таких подростков

и буквально «вытесняет, выталкивает» их из традиционной группы. Поэтому «вытесненные» ищут другие группы, в которых их базовые социальные потребности – аффилиативные, в признании и уважении – были бы удовлетворены. Такие группы рано или поздно находятся. И зачастую ими оказываются группы с асоциальной направленностью, с контрнормативной шкалой ценности. Но субъективно именно в этой группе подростков достигается психологического комфорта. Поэтому так часто терпят провал попытки взрослых: родителей, педагогов, психологов, сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних – «вытащить» подростка из такой группы. Следовательно, действенным механизмом, по нашему мнению, будет (Реан, 2013; Реан, Коломинский, 2008) не просто удаление подростка из асоциальной группы, а включение его в иную группу просоциальной направленности, в которой удовлетворялись бы его базовые потребности в уважении и признании. Ближкую к нашей позиции высказывают и некоторые криминологи, которые подчеркивают, что тактика отрыва от неблагоприятно влияющей среды неизмеримо менее эффективна, чем тактика ее нормализации (Игошев, Миньковский, 1989). Конечно, важно разрабатывать специальные программы и проводить обучение по сокращению агрессии среди подростков с асоциальным бэкграундом, способствующее решению проблемы агрессивного поведения (Кауа, Вузлу, 2016). Но, еще более важно создавать специальные программы по профилактике агрессии, в которые будут вовлекаться подростки из более широкой социальной группы – среды социального окружения, включающей и правопослушных подростков.

Чтобы работа по профилактике противоправного поведения и агрессии несовершеннолетних проходила эффективно, нужны не только соответствующие знания, профессиональная компетентность учителей и школьных психологов. Кроме того нужна соответствующая мотивация на личностном уровне (учителя, школьные психологи) и на уровне организации (школа). Чтобы этого достичь, критерием эффективности работы школы должны быть не только результаты ЕГЭ, но и психологический климат, воспитательные достижения школы.

Изменения критериев оценки школы как социального института неизменно приведут к изменению профессионального сознания учителя. В частности, к изменениям восприятия и оценивания учащихся на личностном уровне

Изменения критериев оценки школы как социального института неизменно приведут к изменению профессионального сознания учителя. В частности, к изменениям восприятия и оценивания учащихся на личностном уровне. Пока же, как показывают наши исследования, центральными факторами позитивного или негативного оценивания педагогом личности учащегося являются послушание, дисциплинированность и отношение к учебе (Реан, 2008). Это же касается и отношения к делинквентным подросткам. А в этом случае именно глубокое проникновение в личность подростка является краеугольным фактором построения успешной воспитательной и коррекционной работы. Вместе с тем, проанализировав характеристики, которые педагоги дали делинквентным подросткам, мы, например, обнаружили, что в 88% случаев такая важная единица анализа личности, как самооценка подростка, вообще отсутствует (Реан, 2008). Комментируя наши исследования, И.С. Кон отмечает, что учитель не видит за учеником личность. Игнорирование педагогом представлений школьника о самом себе, его образа «Я» неизменно проявляется и в общем стиле воспитания (Кон, 2009).

Как справедливо пишет А.В. Юревич (Юревич, 2016), в настоящее время особенно актуально возвращение школе ее воспитательной функции, в 1990-е годы изъятой у нее реформаторами, превратившими этот институт в некое подобие сервисной структуры по оказанию «образовательных услуг». Вместе с тем, возвращение школе воспитательной функции должно иметь организационное и мотивационное обеспечение. Поэтому мы говорим о расширении системы критериев оценки эффективности работы школы.

В нашей лаборатории – лаборатории профилактики асоциального поведения НИУ ВШЭ в 2017 году мы организовали и провели исследование школьной агрессии и буллинга. В нем на основе случайной репрезентативной выборки по полу, возрасту и другим социально-демографическим параметрам приняли участие

около 1000 учащихся 9–10 классов из шести регионов России. При этом регионы представляли разные федеральные округа страны.

В исследовании, в частности, была установлена значимая отрицательная корреляционная связь между школьным климатом и агрессивностью школьников. Иначе говоря, чем хуже был школьный климат, тем выше – уровень агрессивности. Кроме того, были выявлены высокие значимые положительные интеркорреляции между показателями школьного климата: безопасностью школы и отношением учителей с учащимися.

Очень показательны также то, что дети, не вовлеченные в ситуацию буллинга, оценивают школьный климат и безопасность в школе значимо выше, чем дети, которые включены в эту ситуацию. Важно при этом, что такая закономерность характерна для всех участников буллинга, независимо от их роли в ситуации: жертвы, булли или наблюдателя.

Есть мнение, что постановка вопроса о включении в критерии эффективности работы школы показателей школьного климата и воспитательных достижений неправомерна – учитель и так перегружен уроками и методической подготовкой к ним. Такие суждения характерны, как правило, для профессиональных педагогов, а также для представителей органов управления системой образования. Однако, соглашаясь с тезисом о большой загруженности педагогов, принять эти возражения нельзя. Хотя бы потому, что надо учитывать азбучную для педагогики и педагогической психологии истину – процесс образования – это двухсоставной процесс: обучения и воспитания. Очевидно, надо искать конкретные организационные пути снятия учебной перегрузки педагогов в целях осуществления действенной интеграции в их деятельность процесса воспитания.

В осуществлении профилактики асоциального поведения и агрессии несовершеннолетних ключевая роль принадлежит семье. Школа, несомненно, тоже принимает активное участие в этой работе. Но все-таки семье отводится в ней

Процесс социализации личности начинается в семье и на протяжении нескольких первых лет жизни почти исключительно в ней и осуществляется. Влияние семьи на процесс социализации и развития личности остается чрезвычайно высоким и в последующие годы, когда к этому процессу подключаются другие институты социализации

основное место. Процесс социализации личности начинается в семье и на протяжении нескольких первых лет жизни почти исключительно в ней и осуществляется. Влияние семьи на процесс социализации и развития личности остается чрезвычайно высоким и в последующие годы, когда к этому процессу подключаются другие институты социализации: школа, улица, группы сверстников и другие (Кон, 1989; Реан, 2013; Массен и др., 1987; Fang et al., 2009). Как показывают исследования, даже в подростковом возрасте, когда максимально проявляется тенденция ориентации на группу сверстников и отдаления от родителей («обесценивание родителей»), даже и тогда семья является мощным фактором влияния на подростка и его поддержки в трудной жизненной ситуации (Реан, 2013; Кон, 1989; Ремшидт, 1994; Реан, 2010).

ценностей и особенностей восприятия мира на поведение детей. В данном исследовании была выявлена положительная корреляция между ориентацией матери на ценности «власть – богатство» и «самоутверждение» и выраженностью асоциальности ребенка. Ориентация матери на ценность «достижение» коррелирует с отсутствием стремления понравиться сверстникам (Ениколопов и др., 2014). Таким образом, ориентация матери на нетрадиционные для женщин маскулинные ценности усиливает тенденцию ребенка к отчужденному поведению. Кроме того, для внесемейного поведения враждебную картину мира (подозревают окружающих в зависти, презрительном отношении и равнодушии), характерен ряд важных особенностей, серьезно затрудняющих их социальную адаптацию.

Мы хотим обратить внимание на случаи (очевидно, они самые трудные), когда родители активно отказываются от какой-либо помощи, считая это вмешательством в семью. Семья, действительно, – это «интимный» институт, и она настороженно относится к любому вмешательству извне

О роли семьи в генезисе асоциального и агрессивного поведения мы уже неоднократно писали ранее (Реан, 2015; Реан, 2016; Реан, 2008; Реан, 2010). В этих работах был проведен анализ современных представлений о роли семьи в формировании асоциального поведения, о семейных факторах, об особенностях семейного воспитания, влияющих на развитие агрессивности и склонности к насилию. Там приведены результаты эмпирических исследований на эту тему, в том числе и различных наших исследований. Эта тема остается неизменно актуальной, ежегодно выходят все новые и новые работы, посвященные анализу семьи, внутрисемейных конфликтов как источников агрессии детей (Li et al., 2017; Buelga, Prieto, Cava, 2017; Wang et al., 2018; Guo, 2018). Хочется дополнительно отметить результаты одного относительно нового эмпирического исследования, посвященного влиянию родителей, их системы

У таких детей отсутствует интерес к тому, нравятся ли они, любят ли их, обращают ли на них внимание взрослые и сверстники. Эти дети не пытаются получить одобрение, избегают контакта, когда он предлагается другим человеком, не принимают направленную на них симпатию (Ениколопов и др., 2014).

Оказание консультативной помощи семье по вопросам профилактики противоправного поведения и агрессии несовершеннолетних может сопровождаться серьезными трудностями. Трудности могут быть разного характера. Мы хотим обратить внимание на случаи (очевидно, они самые трудные), когда родители активно отказываются от какой-либо помощи, считая это вмешательством в семью. Семья, действительно, – это «интимный» институт, и она настороженно относится к любому вмешательству извне. К тому же, некоторые общественные организации агрессивно возражают против лю-

бых попыток вмешательства в дела семьи. Однако работа по оказанию помощи семье в профилактике противоправного и девиантного поведения несовершеннолетних крайне важна. Конечно, при условии, что она осуществляется профессионально. Не обязательно эта работа сводится к интервенции в семью. Здесь очень важна организация совместной деятельности: школа – родительское сообщество (через родительские общественные организации) – семья. Мы должны констатировать, что, к сожалению, еще нет проработанных устойчивых эффективных механизмов и практик такой организации. Однако определенный опыт все-таки имеется, и он нуждается в научном анализе, психолого-педагогическом осмыслении и обобщении.

Важно обратить внимание на то, что асоциальное поведение несовершеннолетних имеет место не только в неполных семьях (Fomby and Cherlin, 2007; Cavanagh, 2008), и не только в семьях группы риска (Heard, 2007a, b; Fomby, Sennott, 2012), но часто и во внешне вполне благополучных семьях. Как осуществить в таком случае, при отсутствии явных признаков рисков их раннюю диагностику? Здесь возникают серьезные трудности своевременного распознавания признаков девиации поведения. Хотя базовые принципы профилактической и коррекционной работы одинаковы во всех случаях: усиление внимания родителей к жизни их ребенка, установление более высокого уровня взаимопонимания.

В исследовании А.А. Реана, посвященном изучению отношения старшеклассников к институту семьи и семейным ценностям, респондентов, в частности, спрашивали: «Хотите ли вы, чтобы ваша будущая семья была похожа на ту, в которой вы выросли?». В исследовании были задействованы две выборки. Одну составили подростки группы социальной нормы, с просоциальным поведением, другую – подростки с девиантным, асоциальным поведением. Положительно на вышеназванный вопрос в группе «норма» ответили 41% респондентов, а в группе «девиантные» – только 26% подростков. Отрицательно ответили на вопрос в группе «норма» 35%, а в группе «девиантные» – 55% респондентов. Затруднились с ответом в первой группе 24%, а во второй груп-

пе – 19% (Реан и др., 2018). Результаты, даже по группе «норма», конечно, не назовешь отрадными. Ведь более половины старшеклассников (вместе с затруднившимися с ответом) не могут считать свою нынешнюю семью образцом, по которому они хотели бы строить свое семейное будущее. В группе девиантных подростков этот показатель еще больше, он составляет 76%. Заметим, что подростков, не определившихся со своей позицией, в группе «девиантные» меньше, чем в группе «норма». Таким образом, девиантные подростки значительно более негативно воспринимают свою родительскую семью, что в целом вполне ожидаемо. Этот факт еще раз доказывает решающее влияние семьи, системы отношений в ней на формирование девиантного, асоциального поведения подростков. Весьма тревожным является тот факт, что среди подростков группы «норма», так высок процент тех, кто не может назвать свою нынешнюю семью образцом, на который они хотели бы ориентироваться.

Что представляет собой «внешне благополучная семья»? Это семья полная, где оба родителя работают, ведут вполне просоциальный образ жизни, не имеют явных конфликтов с ребенком. Однако зачастую и в такой семье ребенку уделяется крайне мало внимания. Это объясняется высокой занятостью, работой («надо содержать семью»). Нередко недостаточное внимание объясняется причинами психологического и педагогического порядка. То есть, речь идет о низком контроле за ребенком по концептуальным соображениям. Ему предоставляется максимальная свобода в принятии решений, что связывается с доверием к нему, уважением его как личности, желанием развивать его самостоятельность. Однако, как показали специальные исследования (Массен и др., 1987), именно такие семьи «дают» более высокие показатели девиантного поведения детей. Более того, отсроченные, спустя годы, опросы детей, выросших в таких семьях, показывают их малую удовлетворенность своим детством, несмотря на предоставляемую им свободу. Забота родителей об уважении свободы личности ребенка воспринимается самими детьми как отсутствие заботы о нем, недостаток внимания и эмпатийного взаимодействия.

Сейчас разрабатывается комплекс мер по профилактике противоправного поведения и агрессии несовершеннолетних. В связи с этим, мы считаем важным и полезным организацию и проведение ежегодных Всероссийских конкурсов на лучшие региональные практики профилактики асоциального поведения. Такие

Девиантные подростки значительно более негативно воспринимают свою родительскую семью, что в целом вполне ожидаемо. Этот факт еще раз доказывает решающее влияние семьи, системы отношений в ней на формирование девиантного, асоциального поведения подростков

конкурсы – это и стимуляция, и мотивация повышения активности и эффективности деятельности в данном направлении отдельных образовательных учреждений, муниципальных образований и регионов в целом. Кроме того, кон-

Нередко недостаточное внимание объясняется причинами психологического и педагогического порядка. То есть, речь идет о низком контроле за ребенком по концептуальным соображениям. Ему предоставляется максимальная свобода в принятии решений, что связывается с доверием к нему, уважением его как личности, желанием развивать его самостоятельность

курсы обеспечивают возможность психолого-педагогического, аналитического и экспертного обобщения практик, что, конечно, очень важно. На основе всего этого становится реальным формирование методических, практических рекомендаций, что не только важно, но и крайне необходимо, практически полезно и востребовано.

Забота родителей об уважении свободы личности ребенка воспринимается самими детьми как отсутствие заботы о нем, недостаток внимания и эмпатийного взаимодействия

Мы проанализировали материалы одного из крупных грантовых конкурсов, который посвящен программам профилактики асоциального поведения и преступности несовершеннолетних, безнадзорности и беспризорности, а также реабилитации и ресоциализации таких детей и подростков (Реестр проектов, URL: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-proektov/2017/>). Анализ представленных конкурсных заявок на уровне постановки задач показывает актуальные направления профилактической и реабилита-

онной работы по данному направлению. Например, в большинстве программных материалов ставится задача повышения квалификации специалистов, работающих с несовершеннолетними из группы социального риска, склонными к совершению правонарушений, а также с их семьями. При этом обращается вни-

мание на необходимость создания методического обеспечения для повышения профессиональной компетентности специалистов. Также ставится задача и подчеркивается необходимость разработки и внедрения новых программ

и технологий работы с несовершеннолетними группы риска с целью профилактики асоциального и делинквентного поведения.

Во многих программных материалах подчеркивается актуальность и выделяется задача организации межведомственного взаимодействия, непрерывного межведомственного со-

циально-правового и социально-психологического сопровождения несовершеннолетних, склонных к противоправному поведению. Возникает вопрос, почему вновь и вновь эта проблема ставится как актуальная задача при разработке профилактических программ, хотя очевидность этого подхода уже давно всем ясна? В связи с этим, было бы интересно проанализировать на организационном и методическом уровне предлагаемые практики, чтобы понять, что в них не работает, а что работает, но не с ожидаемой эффективностью.

Литература:

- Арестова О.Н., Махмудова С.Х. Субъективная презентация семейных отношений на разных уровнях осознанности (на примере подросткового возраста) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – №1 – С. 55–69.
- Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. Игры, порно и потеря идентичности. – Москва, 2017.
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. – Москва, 2014.
- Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. – Москва, 1989.
- Карабанова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – №3 – С. 54–62.
- Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. – Москва, 2009.
- Кон И.С. Психология ранней юности. – Москва, 1989.
- Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и план по ее реализации [Электронный ресурс] // Правительство России : [сайт]. URL : <http://government.ru/docs/26901/> – (дата обращения 16 мая 2018).
- Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – Москва, 2000.
- Развитие личности ребенка / Массен П., Конджер Дж., Каган Дж., Хьюстон А. – Москва, 1987.
- Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология подростка: полное руководство / под ред. А.А. Реана. – Москва, 2008. – С. 324–337.
- Реан А.А. Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 3–8. doi: 10.11621/npj.2016.0101
- Реан А.А. Психология личности. – Санкт-Петербург, 2013.
- Реан А.А. Семья, социальные установки и асоциальное поведение детей и подростков // Российский психологический журнал. – 2015. – Т. 12. – № 1. – С. 29–40.
- Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – Санкт-Петербург, 2008.
- Реан А.А., Коновалов И.А., Новикова М.А. Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением // Мир психологии. – 2018. – № 1. – С. 75–88.
- Реестр проектов, финансируемых фондом в 2017 г. [Электронный ресурс] // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : [сайт]. URL: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-proektov/2017/> – (дата обращения 5 июня 2018).
- Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. – Москва, 1994.
- Российское общество и вызовы времени. В 2 кн. / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – Москва, 2015.
- Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. – Москва : АСТ, 2010.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России. Компетентность и безопасность. – Москва, 2017.
- Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки // Вопросы психологии. – 2016. – № 6. – С. 49–62.
- Buelga, S., Prieto, A.B., & Cava, M.J. (2017) Differences in family climate and family communication among cyberbullies, cybervictims, and cyber bully-victims in adolescents. *Computers in Human Behavior*, 76, 164–173. doi: 10.1016/j.chb.2017.07.017
- Cavanagh, S.E. (2008) Family structure history and adolescent adjustment. *Journal of Family Issues*, 29, 944–980. doi: 10.1177/0192513X07311232
- Fang, C.Y., Egleston, B.L., Brown, K.M., Lavigne, J.V., Stevens, V.J., Barton, B.A., Chandler, D.W., & Dorgan, J.F. (2009) Family cohesion moderates the relation between free testosterone and delinquent behaviors in adolescent boys and girls. *Journal of Adolescent Health*, 44, 590–597. doi: 10.1016/j.jadohealth.2008.11.018
- Fomby, P., & Cherlin, A.J. (2007) Family Instability and Child Well-Being. *American Sociological Review*, 72, 181–204. doi: 10.1177/000312240707200203
- Fomby, P., & Sennott, C. (2013) Family Structure Instability and Mobility: The Consequences for Adolescents' Problem Behavior. *Social Science Research*. doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.08.016
- Guo, S. (2018) A model of religious involvement, family processes, self-control, and juvenile delinquency in two-parent families. *Journal of Adolescence*, 63, 175–190. doi: 10.1016/j.adolescence.2017.12.015
- Heard, H.E. (2007a) The family structure trajectory and adolescent school performance. *Journal of Family Issues*, 28, 319–354. doi: 10.1177/0192513X06296307
- Heard, H.E. (2007b) Fathers, mothers, and family structure: family trajectories, parent gender, and adolescent schooling. *Journal of Marriage and Family*, 69, 435–450. doi: 10.1111/j.1741-3737.2007.00375.x
- Kaya, F., & Buzlu, S. (2016) Effects of aggression replacement training on problem solving, anger and aggressive behaviour among adolescents with criminal attempts in Turkey: A quasi-experimental study. *Archives of Psychiatric Nursing*, 30, 729–735. doi: 10.1016/j.apnu.2016.07.001
- Larsen, C.A. (2013) *The Rise and Fall of Social Cohesion: The Construction and De-construction of Social Trust in the US, UK, Sweden and Denmark*, 12. United Kingdom, Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199681846.001.0001
- Li, M., Johnson, S. B., Musci, R. J., & Riley, A. W. (2017) Perceived neighborhood quality, family processes, and trajectories of child and adolescent externalizing behaviors in the United States. *Social Science & Medicine*. 192, 152–161. doi: 10.1016/j.socscimed.2017.07.027.
- Millennials in Adulthood (2014, Murch 7). Pew Research Center: <http://www.pewsocialtrends.org/2014/03/07/millennials-in-adulthood/> (Accessed Oct 10, 2017).
- Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. (2017). Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 179–191. doi: 10.11621/pir.2017.0212

- Shaheen, A.M., Hammad, S., Haourani, E.M., & Nassar, O.S. (2018) Factors affecting Jordanian school adolescents' experience with being bullied. *Journal of Pediatric Nursing*, 38, e66–e71. doi: 10.1016/j.pedn.2017.09.003
- Shetgiri, R. (2013) Bullying and victimization among children. *Advances in pediatrics*, 60(1), 33–51. doi: 10.1016/j.yapd.2013.04.004
- Wang, H.Y., & Wang, S.H. (2010) User acceptance of mobile internet based on the unified theory of acceptance and use of technology: Investigating the determinants and gender differences. *Social Behavior and Personality: an international journal* 38(3), 415–426. doi: 10.2224/sbp.2010.38.3.415
- Wang, X., Yang, L., Gao, L., Yang, J., Lei, L., & Wang, C. (2017) Childhood maltreatment and Chinese adolescents' bullying and defending: The mediating role of moral disengagement. *Child Abuse & Neglect*, 69, 134–144. doi: 10.1016/j.chiabu.2017.04.016
- Wang, P., Hsiao, R.C., Chen, L.M., Sung, Y., Hu, H., & Yen, C. (2018) Associations between callous-unemotional traits and various types of involvement in school bullying among adolescents in Taiwan. *Journal of the Formosan Medical Association = Taiwan yi zhi*.
- Volk, A., Schiralli, K., Xia, X., Zhao, J., & Dane, A. (2018) Adolescent bullying and personality: A cross-cultural approach. *Personality and Individual Differences*, 125, 126–132. doi: 10.1016/j.paid.2018.01.012
- Voulgaridou, I., & Kokkinos, C. M. (2015) Relational aggression in adolescents: A review of theoretical and empirical research. *Aggression and Violent Behavior*, 23, 87–97. doi: 10.1016/j.avb.2015.05.006
- Yüksel-Sahin, F. (2015a) An examination of bullying tendencies and bullying coping: behaviors among adolescents. *Soc. Behav. Sci.* 191, 214–221. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.415
- Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Tarasova L.V., Gaidamashko I. V. (2016). The contamination of young people's notions about narcotics and psychoactive substances as a threat to psychological security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(2), 39–53. doi: 10.11621/pir.2016.0204

References:

- Arestova, O.N., & Mahmudova, S.Kh. (2018) Subjective presentation of family relations at different levels of awareness (on the example of adolescence). [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 1, 55–69.
- Buelga, S., Prieto, A.B., & Cava, M.J. (2017) Differences in family climate and family communication among cyberbullies, cyber victims, and cyber bullying victims in adolescents. *Computers in Human Behavior*, 76, 164–173. doi: 10.1016/j.chb.2017.07.017
- Cavanagh, S.E. (2008) Family structure history and adolescent adjustment. *Journal of Family Issues*, 29, 944–980. doi: 10.1177/0192513X07311232
- Concepts for the development of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency and the plan for its implementation. [*Pravitel'stvo Rossii*]. Retrieved from: <http://government.ru/docs/26901/> (Accessed May 16, 2018).
- Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., & Chudova, N.V. (2014) Aggression in everyday life. Moscow.
- Fang, C.Y., Egleston, B.L., Brown, K.M., Lavigne, J.V., Stevens, V.J., Barton, B.A., Chandler, D.W., & Dorgan, J.F. (2009) Family cohesion moderates the relation between free testosterone and delinquent behaviors in adolescent boys and girls. *Journal of Adolescent Health*, 44, 590–597. doi: 10.1016/j.jadohealth.2008.11.018
- Fomby, P., & Cherlin, A.J. (2007) Family Instability and Child Well-Being. *American Sociological Review*, 72, 181–204. doi: 10.1177/000312240707200203
- Fomby, P., & Sennott, C. (2013) Family Structure Instability and Mobility: The Consequences for Adolescents' Problem Behavior. *Social Science Research*. doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.08.016
- Gorshkova, M.K., & Petukhova, V.V. (Eds.) (2015) Russian society and the challenges of time. 2 books. Moscow.
- Guo, S. (2018) A model of religious involvement, family processes, self-control, and juvenile delinquency in two-parent families. *Journal of Adolescence*, 63, 175–190. doi: 10.1016/j.adolescence.2017.12.015
- Heard, H.E. (2007a) The family structure trajectory and adolescent school performance. *Journal of Family Issues*, 28, 319–354. doi: 10.1177/0192513X06296307
- Heard, H.E. (2007b) Fathers, mothers, and family structure: family trajectories, parent gender, and adolescent schooling. *Journal of Marriage and Family*, 69, 435–450. doi: 10.1111/j.1741-3737.2007.00375.x
- Igoshev, K.E., & Minkovsky, G.M. (1989) Family, children, school. Moscow.
- Karabanova, O.A. (2016) Child-parent relations as a factor of professional self-determination of the person in adolescence and adulthood. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 3, 54–62.
- Kaya, F., & Buzlu, S. (2016) Effects of aggression replacement training on problem solving, anger and aggressive behaviour among adolescents with criminal attempts in Turkey: A quasi-experimental study. *Archives of Psychiatric Nursing*, 30, 729–735. doi: 10.1016/j.apnu.2016.07.001
- Kon, I.S. (2009) The boy is the father of a man. Moscow.
- Kon, I.S. (1989) Psychology of early adolescence. Moscow.
- Kudryavtsev, I.A., & Ratinova, N.A. (2000) Criminal aggression. Moscow.
- Larsen, C.A. (2013) The Rise and Fall of Social Cohesion: The Construction and De-construction of Social Trust in the US, UK, Sweden and Denmark, 12. United Kingdom, Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199681846.001.0001
- Li, M., Johnson, S. B., Musci, R. J., & Riley, A. W. (2017) Perceived neighborhood quality, family processes, and trajectories of child and adolescent externalizing behaviors in the United States. *Social Science & Medicine*. 192, 152–161. doi: 10.1016/j.socscimed.2017.07.027.
- Massen, P., Conger, J., Kagan, J., & Houston, A. (Eds.) (1987) Development of the child personality. Moscow.
- Millennials in Adulthood (2014, Murch 7). Pew Research Center: <http://www.pewsocialtrends.org/2014/03/07/millennials-in-adulthood/> (Accessed Oct 10, 2017).
- Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. (2017). Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 179–191. doi: 10.11621/pir.2017.0212

- Rean, A.A. (2008) Adolescent aggression. [*Psikhologiya podrostka: polnoe rukovodstvo*]. Moscow, 324–337.
- Rean, A.A. (2016) The attitude of young people to the institution of the family and family values. *National Psychological Journal*, 1, 3–8. doi: 10.11621/npj.2016.0101
- Rean, A.A. (2013) Psychology of Personality. St. Petersburg.
- Rean, A.A. (2015) Family, social attitudes and antisocial behavior of children and adolescents. [*Rossiiskij psikhologicheskij zhurnal*], 12(1), 29–40.
- Rean, A.A., & Kolominsky Ya.L. (2008) Social educational psychology. St. Petersburg.
- Rean, A.A., Konovalov, I.A., & Novikova, M.A. (2018) Family in the representation of adolescents with prosocial and antisocial behaviour. [*Mir Psikhologii*], 1, 75–88.
- Rean, A.A. (Ed.) (2010) Family: psychology, pedagogy, social work. Moscow, AST.
- Register of projects funded in 2017. [*Fond podderzhki detey, nakhodyashchikhsya v trudnoy zhiznennoy situatsii*]. Retrieved from: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-proektov/2017/> (Accessed June 5, 2018).
- Remshmidt, Kh. 1994 Adolescent and youthful age. Issues of personality development. Moscow.
- Shaheen, A.M., Hammad, S., Haourani, E.M., & Nassar, O.S. (2018) Factors affecting Jordanian school adolescents' experience with being bullied. *Journal of Pediatric Nursing*, 38, e66–e71. doi: 10.1016/j.pedn.2017.09.003
- Shetgiri, R. (2013) Bullying and victimization among children. *Advances in pediatrics*, 60(1), 33–51. doi: 10.1016/j.yapd.2013.04.004
- Soldatov, G.U., Rasskazova, E.I., & Nestik, T.A. (2017) Digital generation of Russia. Competence and safety. Moscow.
- Yurevich, A.V. (2016) Moral state of modern Russian society: empirical estimates. [*Voprosy psikhologii*], 6, 49–62.
- Wang, H.Y., & Wang, S.H. (2010) User acceptance of mobile internet based on the unified theory of acceptance and use of technology: Investigating the determinants and gender differences. *Social Behavior and Personality: an international journal* 38(3), 415–426. doi: 10.2224/sbp.2010.38.3.415
- Wang, X., Yang, L., Gao, L., Yang, J., Lei, L., & Wang, C. (2017) Childhood maltreatment and Chinese adolescents' bullying and defending: The mediating role of moral disengagement. *Child Abuse & Neglect*, 69, 134–144. doi: 10.1016/j.chiabu.2017.04.016
- Wang, P., Hsiao, R.C., Chen, L.M., Sung, Y., Hu, H., & Yen, C. (2018) Associations between callous-unemotional traits and various types of involvement in school bullying among adolescents in Taiwan. *Journal of the Formosan Medical Association = Taiwan yi zhi*.
- Volk, A., Schiralli, K., Xia, X., Zhao, J., & Dane, A. (2018) Adolescent bullying and personality: A cross-cultural approach. *Personality and Individual Differences*, 125, 126–132. doi: 10.1016/j.paid.2018.01.012
- Voulgaridou, I., & Kokkinos, C. M. (2015) Relational aggression in adolescents: A review of theoretical and empirical research. *Aggression and Violent Behavior*, 23, 87–97. doi: 10.1016/j.avb.2015.05.006
- Yüksel-Sahin, F. (2015a) An examination of bullying tendencies and bullying coping: behaviors among adolescents. *Soc. Behav. Sci.* 191, 214–221. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.415
- Zimbardo, F., & Kolombe, N. (2017) The man in isolation. Games, porn and identity loss. Moscow.
- Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Tarasova L.V., Gaidamashko I. V. (2016). The contamination of young people's notions about narcotics and psychoactive substances as a threat to psychological security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(2), 39–53. doi: 10.11621/pir.2016.0204

Новый критерий нормальной и аномальной личности

С.А. Капустин

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 3 марта 2018/ Принята к публикации: 12 апреля 2018

A new criterion for identifying normal and abnormal personality

Sergey A. Kapustin

Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia

Received March 3, 2018 / Accepted for publication: April 12, 2018

Актуальность (контекст) тематика статьи. Проблема критериев различения нормальной и аномальной личности – одна из важнейших фундаментальных научных проблем психологии. Однако на сегодняшний день она не имеет удовлетворительного решения.

Цель исследования – предложить новый критерий нормальной и аномальной личности, содержащийся в неявном виде в работах Эриха Фромма.

Описание хода исследования. Для достижения этой цели был проведен методологический и теоретический анализ представлений Э. Фромма о продуктивной и непродуктивной личности.

Результаты исследования. На основании этого анализа предложен новый так называемый экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности.

Выводы. Согласно этому критерию нормальность и аномальность личности определяются, во-первых, особенностями содержания, во-вторых, особенностями формирования ее позиции по отношению к свойственной природе человека, так называемым экзистенциальным дихотомиям – объективно существующим, неустрашимым, двухальтернативным противоречиям между разными ее сторонами. Позиция нормальной личности по содержанию ориентирует человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий и необходимость поиска компромисса при их разрешении. Она формируется при активном участии самого человека на рациональной основе. Позиция аномальной личности по содержанию субъективно отрицает противоречивую заданность человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, ориентируя человека на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни, который не предполагает его самоопределения. Она навязывается человеку другими людьми на иррациональной основе. Понимаемая таким образом аномальная личность рассматривается как один из важнейших факторов, влияющих на возникновение у человека различного рода психологических проблем и психических расстройств, прежде всего, неврозов.

Практическое применение. Даны ссылки на эмпирические исследования, в которых показано, что экзистенциальный критерий может быть успешно использован для диагностики нормальной и аномальной личности и выявления причин возникновения у человека многих психологических проблем.

Ключевые слова: природа человека, сущность человека, экзистенциальные дихотомии, нормальная личность, аномальная личность, Э. Фромм.

Background. Developing criteria for distinguishing between normal and abnormal personality is one of the most important fundamental scientific problems of psychology. However, today it does not have a satisfactory explanation.

The main Objective of this paper is to propose a new criterion to identify normal and abnormal personality that refers to the works of Erich Fromm.

The methodological and theoretical analysis of E. Fromm's ideas of productive and non-productive personality was carried out.

Based on the analysis of Fromm's accounts an existential criterion for identifying normal and abnormal personality is proposed.

Conclusion. According to this criterion, firstly normal and abnormal personalities can be identified by special features of their position regarding existential dichotomies, secondly they include particular aspects of acquiring this position. Such dichotomies are inherent, bilateral discrepancies. The position of a normal personality pre-determines certain existential dichotomies and the necessity of searching for compromise in resolving these dichotomies. This position is actively developed by a person taking into account the rational approach. The position of an abnormal personality is to deny a contradicting predetermination of inherent in existential dichotomies and leads a person toward a consistent, noncompetitive, and eventually single way where self-determination is not taken into account. This position is imposed by other people on an irrational basis. Abnormal personality is deemed as one of the most important factors that influence the development of various kinds of psychological problems and mental disorders (e.g. neurosis).

The references are made to empirical studies, which show that the existential criterion can be successfully used to diagnose normal and abnormal personality and to identify the causes of many psychological problems in humans.

Key words: human nature, human essence, existential dichotomy, normal personality, abnormal personality, Erich Fromm;

Проблема определения нормальной и аномальной личности – одна из важнейших фундаментальных научных проблем психологии, от решения которой зависит успешность разработки целого ряда задач, стоящих как перед прикладной психологической

бенно в практике психотерапии и психологического консультирования.

Несмотря на актуальность, проблема определения нормальной и аномальной личности пока не имеет удовлетворительного решения. В обзорных публикациях по этой проблеме стало уже тради-

цией эту критику, поскольку она хорошо известна и убедительна. Вместо этого на основе анализа работ Э. Фромма (Fromm, 1942, 1947, 1964, 1977, 1991, 1994) мы предложим совершенно новый, так называемый экзистенциальный критерий.

Знания о нормальной и аномальной личности крайне необходимы для квалифицированного оказания психологической помощи человеку, особенно в практике психотерапии и психологического консультирования

наукой, так и перед психологической практикой. Самой важной из них, имеющей отношение к жизни каждого человека, является задача разработки научно обоснованных ценностных ориентиров и практических рекомендаций по воспитанию нормальной личности. Не менее важной

целью указывать на наиболее известные критерии нормальности и аномальности, основной перечень которых представлен в таблице 1, и подвергать их обоснованной критике (Братусь, 1988; Перре, Бауманн, 2012; Современные представления ..., 2015; Baron, 1995; Carlson, Buskist, 1997;

Результаты и их обсуждение

Особенность подхода Э. Фромма к проблеме определения нормальной и аномальной личности состоит в том, что изначально она была им поставлена и решалась в более широком контексте – в контексте философских этических проблем. С его точки зрения, в этике можно выделить одно крупное направление – он называет его направлением гуманистиче-

Табл. 1. Перечень обсуждаемых в психологии основных критериев нормальности и аномальности

Критерий	Нормальность	Аномальность
Статистический	Совпадение со средним арифметическим	Отклонение от среднего арифметического
Культурологический	Соответствие общепринятым нормам и правилам	Несоответствие общепринятым нормам и правилам
Адаптивный	Адаптация к жизни в обществе	Социальная дезадаптация
Клинический	Отсутствие симптомов психического заболевания	Наличие симптомов психического заболевания
Субъективный	Отсутствие жалоб на плохое самочувствие	Плохое самочувствие (дистресс)

Table 1. List of main criteria of normality and anomaly discussed in psychology

Criterion	Norm	Anomaly
Statistic	Coincidence with the arithmetic mean	Deviation from the arithmetic mean
Cultural	Compliance with the generally accepted norms and rules	Non-compliance with generally accepted rules and regulations
Adjusting	Adjustment to life in society	Social maladjustment
Clinical	Absence of mental illness symptoms	Presence of mental illness symptoms
Subjective	Absence of complaints about poor health	Poor health (distress)

задачей является использование критериев нормальной и аномальной личности для диагностики ее развития у детей разных возрастов, при отборе и оценке персонала для работы с людьми, в клинической практике. Знания о нормальной и аномальной личности крайне необходимы для квалифицированного оказания психологической помощи человеку, осо-

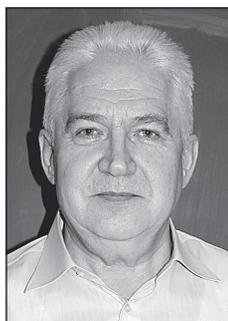
Coon, 1995; Davison, Neale, 1994; Halgin, Whitbourne, 2010; Mahoney, 1980; Sarason, Sarason, 1989).

Цель исследования

В настоящей работе мы отступим от указанной традиции – не будем повто-

ской этики, – которое имеет самое непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме. Специфика этого направления раскрывается Э. Фроммом в его противопоставлении авторитарной этике по двум основным критериям, обозначенным им как формальный и содержательный.

Формальное отличие этих двух направлений в диаметрально противоположном решении вопроса о том, кто и как должен устанавливать для человека систему ценностей, которой ему следует руководствоваться в своей жизни. С точки зрения авторитарной этики, сам человек не способен к познанию добра и зла. Поэтому система ценностей, во-первых, должна исходить из некоего внешнего источника, а, во-вторых, навязываться человеку помимо его собственной воли и разума на иррациональной основе – на основе же-

Сергей Александрович Капустин – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: skapustin@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/skapustin/>

ланий и чувств, которые он испытывает по отношению к этому внешнему источнику, благодаря чему последний приобретает власть над ним и возможность управления его поведением. В гуманистической этике, напротив, признается способность человека к познанию добра и зла и, следовательно, его право самому определять ценности собственной жизни, руководствуясь при этом не иррациональными чувствами, а своим опытом и разумом.

Содержательное отличие этих направлений заключается в разном понимании назначения систем ценностей в жизни человека. Авторитарная этика считает, что, их назначение состоит в управлении человеческим поведением в интересах внешних по отношению к человеку лиц или институтов, которые навязывают ему те или иные ценности. Назначение систем ценностей, согласно гуманистической этике, – организация и направление жизни человека в его собственных интересах.

В гуманистической этике Э. Фромм, в свою очередь, выделяет два крупных направления, которые по-разному трактуют собственные интересы человека: субъективистское и объективистское.

Сторонники субъективистского направления полагают, что собственные интересы человека являются субъективными и индивидуальными, и заключаются в удовлетворении его желаний. Это означает, что каждый человек сам определяет, какие желания следует ему удовлетворять, и их удовлетворение является высшей целью и ценностью его жизни. С точки зрения объективистского направления, напротив, существуют объективные и универсальные, т.е. одинаковые для всех без исключения людей, жизненные интересы, реализация которых

должна быть высшей целью и ценностью жизни каждого человека.

На вопрос о том, в чем состоят эти объективные и универсальные жизненные интересы, Э. Фромм отвечает буквально одной фразой: жить, быть живым. Эти слова, конечно, не следует интер-

Сторонники субъективистского направления полагают, что собственные интересы человека являются субъективными и индивидуальными, и заключаются в удовлетворении его желаний. Это означает, что каждый человек сам определяет, какие желания следует ему удовлетворять, и их удовлетворение является высшей целью и ценностью его жизни

претировать и толковать в соответствии с нашими обыденными представлениями о жизни и смерти, согласно которым жизнь представляется как некий ограниченный временной период существования человека от момента его рождения до смерти. С точки зрения философии объективистской гуманистической этики, жить или быть живым означает проживание человеком своей жизни в соответствии с сущностью человека¹.

Очевидно, что, если в рамках объективистской гуманистической этики высшей ценностью для человека является проживание им собственной жизни в соответствии с сущностью человека, то из этого логически следуют соответствующие представления о добре и зле. Добром является то, что способствует реализации в жизни человека его сущности, а злом – все то, что этому препятствует. Э. Фромм, пишет, что «добро в гуманистической этике – это утверждение жизни, раскрытие человеческих сил. Добродетель – это ответственность по отношению к собственному существованию. Злом является помеха развитию человеческих способностей, порок – это безответственность по отно-

шению к себе... Цель человеческой жизни следует понимать как раскрытие его сил и возможностей в соответствии с законами его природы» (Фромм, 1993, С. 33).

Эти философские идеи, разработанные в рамках объективистской гуманистической этики, были положены

Э. Фроммом в основу его теоретических представлений о продуктивной и непродуктивной личности. Если попытаться дать самое общее определение продуктивной личности, то оно будет состоять в следующем: продуктивная личность – это такой тип индивидуальности, который способствует проживанию жизни человека в соответствии с его сущностью. Напротив, непродуктивная личность представляет собой тип индивидуальности, препятствующий реализации в жизни человека его сущности.

Результатом непродуктивного развития личности является перерождение человека в какое-то иное, всего лишь человекоподобное существо. В современной философии для отделения так называемого полноценного человека, соответствующего своей человеческой сущности, от человекоподобного существа, лишь внешне похожего на человека, но лишённого его сущностных характеристик, широко используется понятие зомби (Ревонсуо, 2013; Chalmers, 1996; Kirk, 2005). Как известно, этим словом в повседневной жизни обозначается оживший покойник, который внешне почти ничем не отличается от живого человека, но по

¹ Как указывают философы П.С. Гуревич и И.Т. Фролов, понятие сущности человека следует отличать от понятия природы человека. С их точки зрения, природу человека характеризуют «стойкие неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи Homo sapiens во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Раскрыть эти признаки – значит выразить человеческую природу» (Гуревич, Фролов, 1991, С. 3). Вместе с тем, среди этих признаков существует «верховное, державное качество человека. Выявить эту главенствующую черту – означает постичь сущность человека» (Гуревич, Фролов, 1991, С. 4). Очевидно, что в такой трактовке понятие сущности человека, с логической точки зрения, по объёму уже, чем понятие природы человека. В соответствии со сделанным этими авторами различием, понятие сущности человека можно определить как совокупность самых существенных характеристик человека, которые утверждают его в этом качестве, т.е., благодаря которым, он является именно человеком, а не каким-либо иным существом. Из этого определения следует, что, если мы мысленно представим себе некое существо, у которого присутствуют пусть даже все без исключения характеристики, свойственные природе человека, но нет сущностных, то это существо может квалифицироваться не более чем, как всего лишь человекоподобное, т.е. похожее на человека существо, но не как человек в точном смысле этого слова. Однако, несмотря на различия между понятиями природы и сущности человека, на которые указывают нам П.С. Гуревич и И.Т. Фролов, мы вынуждены согласиться с ними в том, что в литературе эти понятия нередко используются как тождественные, т.е. полностью совпадающие по объёму. В частности, в работах Э. Фромма мы столкнулись с тем, что термин «природа» человека по большей части употребляется им в значении «сущности». Поэтому мы сделали соответствующие коррективы авторской терминологии с тем, чтобы эти два разных термина здесь и далее использовались согласно их точным значениям.

своей сущности таковым не является, поскольку он мертвый. Точно также философский зомби – это существо, которое по внешности, поведению и высказываниям очень легко принять за человека, но тем не менее зомби – не человек, потому что он не соответствует сущности человека.

Учитывая то, что с точки зрения объективистской гуманистической этики, способ жизни продуктивной личности является нормой человеческой жизни, продуктивную личность можно квалифицировать как нормальную, а непродуктивную – как отклоняющуюся от этой нормы, т.е. аномальную личность. Таким образом,

Экзистенциальные дихотомии свойственны самой сущности человеческой жизни, что как раз и подчеркивается термином «экзистенциальные», следовательно, они являются объективно неустраняемыми

логика обоснования правомерности использования нами для характеристики продуктивной и непродуктивной личности терминов «нормальная» и «аномальная» заключается в следующем. Одним из центральных вопросов этики является вопрос о том, как должен жить человек, какова этическая норма его жизни. На этот вопрос сторонники объективистской гуманистической этики дают однозначный ответ – человек должен жить в соответствии с сущностью человека. В своих работах Э. Фромм конкретизирует этот общий ответ, указывая на то, что в соответствии с сущностью человека живет продуктив-

сущностные характеристики человека, и что собой представляют типы индивидуальности продуктивной и непродуктивной личности.

В его работах можно найти описание двух очень тесно связанных между собой сущностных характеристик человека.

Первой сущностной характеристикой является так называемая дисгармоничность человеческой жизни. Как считает Э. Фромм, основополагающими причинами этой дисгармоничности является отсутствие у человека инстинктов, обеспечивающих его приспособление к окружающему миру, и возникновение разума. Отсутствие инстинктов приводит к тому,

что человек, будучи частью природы, оказывается биологически неприспособленным к жизни в ней, а благодаря разуму, он обнаруживает проблемность условий своей жизни, сталкиваясь со множеством так называемых дихотомий. Термин «дихотомии» используется Э. Фроммом для обозначения объективно существующих в жизни человека двухальтернативных противоречий между разными ее сторонами, которые предстают перед ним как проблемы, требующие разрешения. По его мнению, следует различать два вида дихотомий: экзистенциальные и исторические.

Основное содержание понятия дисгармоничности человеческого существования, как сущностной характеристики человека, указывает на то, что человеческая жизнь полностью не определена, не задана, не запрограммирована заранее

ная личность. Следовательно, с точки зрения объективистской гуманистической этики, продуктивную личность можно рассматривать как нормальную. Точно так же нетрудно логически обосновать использование термина «аномальная» для непродуктивной личности.

Эти общие теоретические представления о продуктивной (нормальной) и непродуктивной (аномальной) личности, ядром которых является понятие сущности человека, раскрываются Э. Фроммом более детально по двум наиболее ключевым вопросам: что собой представляют

Экзистенциальные дихотомии свойственны самой сущности человеческой жизни, что как раз и подчеркивается термином «экзистенциальные», следовательно, они являются объективно неустраняемыми. Можно сказать, что человек в своей сущности обречен жить с экзистенциальными дихотомиями. Одним из наиболее часто приводимых Э. Фроммом примеров экзистенциальной дихотомии является дихотомия жизни и смерти, которая возникает в результате осознания человеком факта конечности своего существования. Она заключается в объ-

ективно существующем противоречии между естественным желанием человека жить и пониманием бессмысленности жизни в связи с предстоящей смертью.

Исторические дихотомии, в отличие от экзистенциальных, хотя и присутствуют в жизни человека, не являются принципиально неустраняемыми. Их содержание специфично для каждого конкретного исторического периода развития общества, они создаются самими людьми, поэтому ими же и могут быть устранены.

Таким образом, основное содержание понятия дисгармоничности человеческого существования, как сущностной характеристики человека, указывает на то, что человеческая жизнь полностью не определена, не задана, не запрограммирована заранее. Если и можно говорить о заданности человеческой жизни, то только лишь в том смысле, что она задана как проблема, как ряд экзистенциальных дихотомий – объективно существующих в жизни человека, неустраняемых, двухальтернативных противоречий между разными ее сторонами, требующих разрешения. Как подчеркивает Э. Фромм, «человек – единственное существо, ... для которого собственное существование является проблемой, от которой он не в силах уйти» (Фромм, 1993, С. 46–47).

Вторая сущностная характеристика человека состоит в том, что он является существом свободным. Это означает, что в жизни человека с необходимостью должно присутствовать его самоопределение в той проблемной, и поэтому неопределенной жизненной ситуации, в которой он оказывается.

Очевидно, что эти две сущностные характеристики человека очень тесно связаны друг с другом и не существуют одна без другой, поскольку человек может быть свободен и проявлять свою свободу только тогда, когда его жизнь никем и ничем полностью не задана и не определена. Таким образом, с точки зрения Э. Фромма, быть человеком по своей сущности – это значит жить, полагаясь на самого себя, самостоятельно определяясь при разрешении экзистенциальных дихотомий, опираясь на собственный опыт и разум, и не допуская вмешательства в свою жизнь каких-либо, по терминологии ученого, гетерономных влияний, т.е.

влиятельных, управляющих сознанием и поведением человека извне.

Раскрытие представлений Э. Фромма о типах индивидуальности продуктивной и непродуктивной личности следует начать с указания на его точку зрения на основную движущую силу развития личности. Такой движущей силой является потребность человека в гармонизации своей жизни, потребность в непротиворечивом, безальтернативном существовании. Она неизбежно возникает у человека как реакция на объективную дисгармоничность и неопределенность самой сущности его жизни. Эта потребность побуждает человека к выработке общих представлений о мире и о себе, которые содержали бы готовые однозначные решения тех многочисленных экзистенциальных и исторических дихотомий, с которыми он сталкивается в своей жизни, а, значит, подсказывали бы ему, как надо и как не надо жить. Если эти представления способны указывать человеку пути разрешения жизненных противоречий, предписывать, как ему поступать в той или иной проблемной ситуации, то они естественно выполняют функцию гармонизации его жизни. Характерная особенность этих общих представлений состоит в том, что они являются не только познавательными, но также и представлениями, в истинность которых человек, безусловно, верит.

Эти общие представления человека о мире и о своем месте в нем Э. Фромм назвал схемами ориентации и поклонения, поскольку они, с одной стороны, ориентируют человека в решении жизненных противоречий в познавательном отношении, а с другой – являются объектами его веры и поэтому имеют власть над его поведением. Примерами такого рода схем ориентации и поклонения могут служить всевозможные религиозные, философские, идеологические и научные учения, системы моральных ценностей, правил и норм поведения различных классов, социальных слоев и групп. Благодаря вере человека в истинность этих представлений, они используются им в качестве руководства к конкретным действиям, направляя и регулируя его поведение подобно тому, как инстинктивные механизмы направляют и регулируют поведение животных. В результате

жизнь человека приобретает для него самого определенность и направленность, а его поведение – черты постоянства и устойчивости.

В реальной жизни можно встретить довольно много схем ориентации и поклонения, различающихся по содержанию, и едва ли возможно составить полный их перечень. Важно подчеркнуть, что, оставаясь в той или иной степени свободным в выборе для себя содержания этих схем, человек не может не иметь их вообще, так как потребность в них проистекает из его сущности – «человек не свободен в выборе, иметь или не иметь ему «идеалы», но он свободен в выборе между разными идеалами» (Фромм, 1993, С. 53).

По мнению Э. Фромма, схемы ориентации и поклонения составляют основу характера человека, который, главным образом, характеризует тип индивидуальности продуктивной (нормальной) и непродуктивной (аномальной) личности. Продуктивным личностям свойственны характеры с продуктивными схемами ориентации и поклонения, непродуктивным – с непродуктивными. Эти типы характеров определяют разные способы жизни человека, которые обозначаются как ориентированные на бытие или на обладание. Ориентация на бытие наблюдается у продуктивных личностей, а ориентация на обладание – у непродуктивных. Указанные два типа характеров и, соответственно, способов жизни человека следует рассматривать как идеальные типы, которые в реальности в чистом виде не встречаются. Оба они присущи каждому человеку, но в разных пропорциях, так что у одних людей доминирует продуктивный тип характера, а у других – непродуктивный.

Специфику продуктивных и непродуктивных схем ориентации и поклонения, являющихся, как уже отмечалось, основой характера человека, можно описать с помощью двух основных характеристик, касающихся их содержания и особенностей формирования.

Содержательная характеристика непродуктивных схем состоит в том, что они субъективно отрицают противоречивую заданность человеческой жизни в виде объективно существующих и неустранимых экзистенциальных дихотомий, тем самым, ориентируя чело-

века на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни.

Отличительная особенность формирования непродуктивных схем заключается в том, что они навязываются человеку другими людьми на основе желаний и чувств, которые он испытывает по отношению к ним, т.е. на иррациональной основе. Следовательно, непродуктивные схемы не являются результатом самоопределения человека.

Очевидно, что непродуктивные схемы ориентации и поклонения по рассмотренным характеристикам не соответствуют сущности человека и, тем самым, препятствуют его жизни в соответствии с его сущностью. Основная характеристика способа жизни человека с непродуктивной ориентацией характера заключается, по мнению Э. Фромма, в осуществлении им так называемой непродуктивной или отчужденной активности во всех сферах его жизни. Давая характеристику этой активности, Э. Фромм отмечает, что «при отчужденной активности я, в сущности, не действую, действие совершается над мной внешними или внутренними силами. Я отделился от результата своей деятельности» (Фромм, 1990б, С. 96).

Понятие непродуктивной активности характеризует очень тонкие нюансы человеческой жизни, трудные для понимания и поэтому требует специальных дополнительных разъяснений. Для этой цели можно воспользоваться примером самого Э. Фромма, в котором непродуктивная активность иллюстрируется на материале фактов постгипнотического поведения человека. «Вот субъект А; гипнотизер В погружает его в гипнотический сон и внушает ему, что, проснувшись, он захочет прочесть рукопись, не найдет ее, решит, что другой человек, В, эту рукопись украл, и очень рассердится на этого В. В завершении ему говорится, что он должен забыть об этом внушении. Добавим, что наш А никогда не испытывал ни малейшей антипатии к В, и напомним, что никакой рукописи у него не было. Что же происходит? А просыпается и после непродолжительной беседы на какую-нибудь тему вдруг заявляет: «Да, кстати! Я написал недавно что-то в этом роде. У меня рукопись с собой, давайте я вам прочту». Он начинает искать свою рукопись, не находит ее, поворачи-

Содержательное отличие продуктивных схем состоит в том, что они ориентируют человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий, т.е. на способ жизни, соответствующий ее сущности. Это означает, что человек с такого рода схемами осознает дисгармоничность своего существования

вается к В и спрашивает, не взял ли тот его рукопись. В отвечает, что не брал, что никакой рукописи вообще не видел. Внезапно А взрывается яростью и прямо обвиняет В в краже рукописи. Затем он приводит доводы, из которых следует, что В – вор» (Фромм, 1990а, С. 160).

В этом примере следует обратить особое внимание на важную характеристику непродуктивной активности, состоящую в том, что она не осознается человеком как имеющая внешнее происхождение. В данном примере субъект А полностью убежден, что все мысли, чувства, образы, желания и поступки, внушенные ему Б, принадлежат именно ему самому. Более того, если какой-нибудь внешний наблюдатель не знает о предшествовавшем гипнотическом внушении, то он так же, как и сам субъект А, будет убежден в том, что все эти мысли, чувства, образы и поступки субъекта А принадлежат, безусловно, ему самому.

Для Э. Фромма этот пример является демонстративным еще и в том плане, что он очень хорошо моделирует реальную жизнь человека. Э. Фромм убежден, что не только в ситуации гипнотического внушения, но и в условиях обычной повседневной жизни многие мысли, чувства, желания и поступки человека, которые он воспринимает как свои собственные, и которые воспринимаются таковыми другими людьми, в действительности ему не принадлежат, а навязаны каким-то внешним источником, имеющим над ним власть. Такими внешними источниками, выполняющими подобную функцию гипнотизера, в повседневной жизни человека являются, прежде всего, его родители и другие близкие люди: родственники, друзья, любимые. Такими источниками могут быть учителя, книги, фильмы, средства массовой информации и др. Более того, не только мысли, чувства, образы, желания и поступки, но и сама личность человека может иметь внешнее происхождение. Такую личность Э. Фромм на-

зывает псевдо-Я или псевдоличностью. Псевдоличность образуют навязанные человеку другими людьми непродуктивные схемы ориентации и поклонения. Если человек отождествляется с этими схемами, воспринимает их как свои собственные, то в результате происходит его отчуждение от самого себя².

Продуктивные схемы ориентации и поклонения принципиально отличаются от непродуктивных, как по содержанию, так и по формированию.

Содержательное отличие продуктивных схем состоит в том, что они ориентируют человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий, т.е. на способ жизни, соответствующий ее сущности. Это означает, что человек с такого рода схемами осознает дисгармоничность своего существования. Он осознает, что его жизнь не определена, не задана заранее, и только он сам должен искать и находить компромиссные решения многочисленных экзистенциальных дихотомий, не отрицая, а, напротив, учитывая их противоречивые требования, при этом опираясь на собственные способности и возможности, тем самым осуществляя во всех сферах своей жизни так называемую продуктивную или неотчужденную активность. По Э. Фромму, понятие продуктивной активности означает, что любые формы человеческой активности порождаются самим человеком, а не гетерономными, т.е. внешними по отношению к нему источниками, управляющими его сознанием и поведением. Поэтому эта активность не отчуждена от человека, напротив, он полностью сопричастен ей. Как пишет Э. Фромм, «неотчужденная активность – это процесс рождения, создания чего-либо и сохранения связи с тем, что я создаю. При этом подразумевается, что моя активность есть проявление моих потенций, что я и моя деятельность едины. Такую неотчужденную активность я называю продуктивной активностью» (Фромм, 1990б, С. 97).

Характеризуя особенность формирования продуктивных схем, Э. Фромм специально подчеркивает, что они формируются при активном участии самого человека на рациональной основе, т.е. на основе знаний, источником которых являются его собственный опыт и разум. В результате вера человека в истинность продуктивных схем основывается на его собственном убеждении. Такого рода веру Э. Фромм называет рациональной, отличая ее от веры иррациональной. По его словам, «иррациональная вера – это фанатическая убежденность в чем-то или в ком-то, суть которой в подчиненности личному или внеличному иррациональному авторитету. Рациональная вера, напротив, есть твердое убеждение, основанное на продуктивной интеллектуальной и эмоциональной активности» (Фромм, 1993, С. 158).

Непродуктивная личность, приводящая к перерождению человека в некое человекоподобное существо – зомби, рассматривается Э. Фроммом как одна из важнейших психологических предпосылок возникновения у него различного рода психологических проблем и психических расстройств, прежде всего, неврозов. По его мнению, «все данные свидетельствуют о том, что в гетерономном вмешательстве в процесс развития ребенка, а позднее и взрослого человека, скрыты наиболее глубокие корни психической патологии и, особенно, деструктивности» (Фромм, 1990б, С. 86).

Из такого понимания Э. Фроммом психологических предпосылок возникновения у человека многих жизненных проблем и расстройств психики и поведения с необходимостью следует основная цель психологической помощи, которая заключается в возрождении специфически человеческого в человеке или, как пишет сам Э. Фромм, в целительстве его души. На практике эта цель состоит в том, чтобы помочь человеку осознать основную причину возникновения его жизненных проблем или заболеваний, которая коренится в самом способе его жизни, связанном с непродуктивной ориентацией его характера. Тем самым человеку указывается путь к разрешению этих проблем или к излечению, который предполагает

² Понятие отчуждения Э. Фромм заимствует у К. Маркса, труды которого он очень высоко ценит, считая себя убежденным марксистом.

коренное изменение его характера и переход к новому, продуктивному способу жизни, т.е. к жизни в большем согласии с сущностью человека.

Выводы

На основе анализа работ Э. Фромма предложен новый критерий нормальной и аномальной личности, который можно представить в виде трех основных различий, указанных в таблице 2. Поскольку в качестве этого критерия используются особенности содержания и формирования позиции личности по отношению к экзистенциальным дихотомиям, то он был обозначен как экзистенциальный.

Экзистенциальный критерий успешно использовался в наших исследованиях для диагностики личности клиентов психологической консультации по детско-родительским, супружеским и личным проблемам

важнейшим психологическим фактором, влияющим на возникновение многих детско-родительских проблем, является аномальность личности родителей, проявляющаяся в применяемых по отношению к своим детям стилях воспитания: гиперопеке и сверхтребовательности. Эти стили воспитания способствуют формированию у детей аномальных типов личности с чрезмерной ориентацией либо на внешнюю помощь, либо на соответствие своего поведения требованиям других людей, либо на протест против такого соответствия. Свойственные этим

В исследованиях семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию за помощью в решении психологических проблем, у родителей был выявлен тип нормальной личности. Они используют по отношению к своим детям так называемый сбалансированный стиль воспитания, который способствует формированию у них нормальной личности с двойственной, противоречивой ориентацией при решении жизненных задач на себя и на родителей. У этих детей отсутствуют проблемы социальной адаптации (Капустин, 2015б).

Табл. 2. Экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности

	Характеристики позиции личности по отношению к экзистенциальным дихотомиям	
	Нормальная личность	Аномальная личность
Содержание позиции	Компромиссная – ориентирует на противоречивую заданность человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий и поиск компромисса в их разрешении	Односторонняя – ориентирует на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни, отрицая ее противоречивую заданность в виде экзистенциальных дихотомий
Формирование позиции	Собственная – результат самоопределения человека	Навязанная – сформирована другими людьми
	Рациональная – основана на собственном опыте и разуме	Иррациональная – основана на чувствах и желаниях

Table 2. Existential criterion of the normal and abnormal personality

	Characteristics of the individual position related to existential dichotomies	
	Normal personality	Abnormal personality
Position	Compromise position is aimed at the contradictory predetermination of human life in the form of existential dichotomies and the search for a compromise in their resolution	Unilateral position is aimed at a non-contradictory, non-alternative, and therefore unilateral way of life, denying its contradictory predetermination in the form of existential dichotomies
Development	Own development is the result of personal choice	Imposed development is set up by other people
	Rational development is based on personal experience and reason	Irrational development is based on from feelings and wants

Практическое применение

Экзистенциальный критерий успешно использовался в наших исследованиях для диагностики личности клиентов психологической консультации по детско-родительским, супружеским и личным проблемам. Было показано, что

типам личностные черты не позволяют детям надлежащим образом справляться с требованиями со стороны ближайшего социального окружения (родителей, учителей, других людей), в связи с этим у них возникают проблемы социальной адаптации (Капустин, 2014, 2015а, 2015б; Капустин, 2016).

Результаты исследования консультационных случаев жизненных проблем взрослых людей позволили сделать вывод о том, что многие их проблемы тесно связаны с аномальностью их собственной личности или личностями людей из их ближайшего окружения, прежде всего, супругов и родителей (Капустин, 2016а, 2016б).

Литература:

Братусь Б.С. Аномалии личности: монография. – Москва : Мысль, 1988.

Гуревич П.С., Фролов И.Т. Философское постижение человека // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / ред. И.Т. Фролов и др. – Москва : Политиздат. – С. 3–19.

Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 76–90.

Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. –

2015a. – № 2. – С. 51–62.

Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации // Национальный психологический журнал. – 2015б. – №1(17). – С. 79–87. doi: 10.11621/npj.2015.0109

Капустин С.А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей // Национальный психологический журнал. – 2015с. – № 4(20). – С. 119–129. doi: 10.11621/npj.2015.0412

Капустин С.А. Использование результатов исследования семей с детско-родительскими проблемами в практике психологического консультирования взрослых людей // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. – 2016а. – № 1. – С. 79–95.

Капустин С.А. Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем // Национальный психологический журнал. – 2016б. – №1(21). – С. 62–69. doi: 10.11621/npj.2016.0108

Перре М., Бауманн У. Клиническая психология и психотерапия: монография – Санкт-Петербург : Питер, 2012.

Ревонсуо А. Психология сознания : монография. – Санкт-Петербург : Питер, 2013.

Современные представления о психической норме и патологии: психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. – Москва : Когито-Центр, 2015. – С. 11–21.

Фромм Э. Бегство от свободы : монография. – Москва : Прогресс, 1990а.

Фромм Э. Иметь или быть? : монография – Москва : Прогресс, 1990б.

Фромм Э. Психоанализ и этика : монография. – Москва : Республика, 1993.

Baron, R.A. (1995) Psychology. Boston, Alyn & Bacon.

Carlson, N.R., & Buskist, W. (1997) Psychology: The Science of Behavior. Boston: Alyn & Bacon.

Chalmers, D. (1996) The Conscious Mind, In Search of a Fundamental Theory. New York and Oxford: Oxford University Press.

Coon, D. (1995) Introduction to Psychology. Minneapolis, St. Paul, West publishing company.

Davison, G.C., Neale, J.M. (1994) Abnormal Psychology. – New York: John Wiley & Sons, Inc.

Fromm, E. (1942) Fear of Freedom. London, K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.

Fromm, E. (1947) Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics. New York, Rinehart and Co.

Fromm, E. (1964) The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil. San Francisco, Harper & Row.

Fromm, E. (1977) To Have or to Be? New York: Continuum.

Fromm, E. (1991) On Being Human. London, Bloomsbury Academic & Professional.

Fromm, E. (1994) Art of Beeng. London, Bloomsbury Academic & Professional.

Halgin, R.P., & Whitbourne, S.K. (2010) Abnormal Psychology. Boston, Mc Graw Hill.

Капустин, С.А. (2016) Using the existential criterion for assessing the personality of overprotective and overly demanding parents in the families of patients who have sought psychological counseling for parent-child problems. *Russian Education and Society*, 58(4), 247–259. doi: 10.1080/10609393.2016.1250489

Kirk, R. (2005) Zombies and Consciousness. Oxford, Oxford University Press. doi: 10.1093/0199285489.001.0001

Mahoney, M.J. (1980) Abnormal Psychology: Perspectives on Human Variance. San Francisco, Harper & Row.

Quintino-Aires J. (2016) Emptiness in psychological science and practice. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(4), 16–22. doi: 10.11621/pir.2016.0402

Sarason, I.G., & Sarason, B.R. (1989) Abnormal Psychology. New Jersey, Prentice Hall, Englewood Cliffs.

References:

Bratus, B.S. (1988) Anomalies of personality: monograph. Moscow, Mysl'.

Baron, R.A. (1995) Psychology. Boston, Alyn & Bacon.

Belopolskaya, N.L. (Ed.) (2015) Modern ideas about the mental norm and pathology: psychological, clinical and social aspects. Moscow, Kogito Tcenter, 11–21.

Carlson, N.R., & Buskist, W. (1997) Psychology: The Science of Behavior. Boston: Alyn & Bacon.

Chalmers, D. (1996) The Conscious Mind, In Search of a Fundamental Theory. New York and Oxford: Oxford University Press.

Coon, D. (1995) Introduction to Psychology. Minneapolis, St. Paul, West publishing company.

Davison, G.C., Neale, J.M. (1994) Abnormal Psychology. – New York: John Wiley & Sons, Inc.

Fromm, E. (1942) Fear of Freedom. London, K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd.

Fromm, E. (1947) Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics. New York, Rinehart and Co.

Fromm, E. (1964) The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil. San Francisco, Harper & Row.

Fromm, E. (1977) To Have or to Be? New York: Continuum.

Fromm, E. (1991) On Being Human. London, Bloomsbury Academic & Professional.

Fromm, E. (1994) Art of Beeng. London, Bloomsbury Academic & Professional.

Fromm, E. (1990a) Flight from freedom: a monograph. Moscow, Progress.

Fromm E. (1990b) To have or to be? Monograph. Moscow, Progress.

Fromm, E. (1993) Psychoanalysis and ethics: a monograph. Moscow: Respublika.

Gurevich, P.S., & Frolov, I.T. Philosophical comprehension of man. [*Chelovek: mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii.*

- Drevniy mir – epokha Prosveshcheniya*]. Moscow, Politizdat, 3–19.
- Halgin, R.P., & Whitbourne, S.K. (2010) *Abnormal Psychology*. Boston, Mc Graw Hill.
- Kapustin, S.A. (2014) Styles of parental upbringing in families of clients of psychological counseling on child-parental problems. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 4, 76–90.
- Kapustin, S.A. (2015a) Use of the existential criterion for the evaluation of the personality of hyper-responsive and over-demanding parents in the clients' families of psychological counseling on child-parent problems. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series. 14. Psychology, 2, 51–62.
- Kapustin, S.A. (2015b) Features of the child personality in the client families of psychological counseling. *National Psychological Journal*, 1, 79–87. doi: 10.11621/npj.2015.0109
- Kapustin, S.A. (2015c) Balanced style of parental upbringing and its impact on child personality. *National Psychological Journal*, 4 (20), 119–129. doi: 10.11621/npj.2015.0412
- Kapustin, S.A. (2016a) Use of the results of the study of families with child-parental problems in the practice of psychological counseling for adults. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series. 14. Psychology, 1, 79–95.
- Kapustin, S.A. (2016b) The influence of overprotection on spouse problems. *National Psychological Journal*, 1, 62–69. doi: 10.11621/npj.2016.0108
- Kapustin, S.A. (2016) Using the existential criterion for assessing the personality of overprotective and overly demanding parents in the families of patients who have sought psychological counseling for parent-child problems. *Russian Education and Society*, 58(4), 247–259. doi: 0.1080/10609393.2016.1250489
- Kirk, R. (2005) *Zombies and Consciousness*. Oxford, Oxford University Press. doi: 10.1093/0199285489.001.0001
- Mahoney, M.J. (1980) *Abnormal Psychology: Perspectives on Human Variance*. San Francisco, Harper & Row.
- Perre, M., & Baumann, U. (2012) *Abnormal psychology and psychotherapy: monograph*. St. Petersburg, Piter.
- Quintino-Aires J. (2016) Emptiness in psychological science and practice. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(4), 16–22. doi: 10.11621/pir.2016.0402
- Revonsuo, A. (2013) *Psychology of consciousness: monograph*. St. Petersburg, Piter.
- Sarason, I.G., & Sarason, B.R. (1989) *Abnormal Psychology*. New Jersey, Prentice Hall, Englewood Cliffs.

Терапевтические возможности методов логотерапии и экзистенциального анализа¹

Сильвия Лэнгле
Вена, Австрия

Поступила 30 октября 2017/ Принята к публикации: 12 декабря 2017

Therapeutic capacity of logotherapy and existential analysis

Silvia Längle
Vien, Austria

Received October 30, 2017 / Accepted for publication December 12, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Виктор Франкл разработал два метода, основанные на фундаментальной (духовной) способности человека к самодистанцированию и самотрансценденции: парадоксальная интенция и дерефлексия. Дальнейшее развитие и углубление понятий Person и Existence в рамках экзистенциального анализа Альфридом Лэнгле позволило расширить научный базис для создания новых терапевтических интервенций и их методологического описания. Нам представляется весьма актуальным представить в статье анализ логотерапевтических и экзистенциально-аналитических психотерапевтических методов, существующих на настоящий момент.

Цель данной работы — дать обзор методов логотерапии (ЛТ) и экзистенциального анализа (ЭА), и попытаться и объяснить, почему они работают. Кроме того, автор старается прояснить логику экзистенциально-аналитических методов в соотношении с антропологией ЭА и методологией.

Описание хода исследования. Обзор методов ЛТ и ЭА представлен в статье в том виде, в котором они на настоящий момент применяются в психотерапевтической практике и преподаются как часть обучающей программы по психотерапии и консультированию Международного общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE-International). Объяснение того, как действуют методы логотерапии и экзистенциального анализа сделано посредством соотношения методов ЭА в первой части статьи с его антропологической концепцией, а во второй части — с уровнем (или глубиной) нарушения, на котором метод оказывает воздействие и, соответственно, происходит психотерапевтическая работа.

Результаты исследования. Выделены и охарактеризованы три различных уровня или слоя методов ЛТ и ЭА, отличающиеся друг от друга принципами психотерапевтической работы. Два первые уровня — область действия кратковременной терапии, куда входит, с одной стороны, консультирование, с другой, — ориентированные на процесс терапевтические процедуры. Третий уровень: процесс развития персонального диалога — ориентация на Person. Рассмотрен персональный экзистенциальный анализ (ПЭА), который является ядром ЭА и представляет собой внутри- или межличностный диалогический процесс, посредством которого человек утверждает себя через решительное занятие позиции, оказавшись лицом к лицу с конкретной ситуацией. Проанализирован терапевтический метод ПЭА, состоящий из трех шагов и вводной части, описаны все его этапы.

Выводы. Описанные выше методы предоставляют терапевту арсенал для различных интервенций, направленных на активизацию пациента. Интервенции призваны помочь пациенту найти себя в экзистенциальном отношении, обрести собственный голос, придать ему силы, помочь ему найти описание и дать выражение новым, лучшим способам бытия.

Ключевые слова: экзистенциальный анализ, методология, методы, принцип воздействия, психотерапия, методы психотерапии.

Background. Victor Frankl developed two methods based on the fundamental (spiritual) ability to self-distraction and self-transcendence, i.e. paradoxical intention and dereflection. Further development and extension of the concepts Person and Existence in the framework of existential analysis by Alfred Längle allowed to expand the scientific basis for the creation of new therapeutic interventions and their methodological description. It seems very relevant to present in the paper the analysis of the logotherapeutic and existential analytical psychotherapeutic methods that exist at the present moment.

The Objective of this paper is to give an overview of the logotherapy methods (LT) and existential analysis (EA), and to try and explain why they work. Also the author tries to clarify the logic of existential-analytical methods in correlation with EA anthropology and methodology.

Design. The review of the LT and EA methods is presented here as they are currently used in psychotherapeutic practice and are taught as part of the training program on psychotherapy and counseling of the International Society for Logotherapy and Existential Analysis (GLE-International). The explanation of how the methods of logotherapy and existential analysis operate are done by correlating the EA methods in the first part of the paper with its anthropological concept, and in the second part — with the level (or extension) of the disturbance influenced by the method used and the psychotherapeutic work accordingly.

Results. Three different levels or layers of LT and EA methods distinguished from each other by the principles of psychotherapeutic work are characterized. The first two levels are the area of action of short-term therapy including counseling on the one hand, and process-oriented therapeutic procedures, on the other hand. The third level developing the process of developing a personal dialogue is aimed at the Person concept. Being the nucleus of EA, Personal Existential Analysis (PEA) is considered to be an intra- or interpersonal dialogical process through which a person claims himself/herself through a decisive occupation of a position, being faced with a certain situation. The therapeutic method of PEA (introductory part, 3 steps including all stages) is described.

Conclusion. The methods described provide the therapist with an array of various interventions aimed at activating the patient. Interventions are designed to help the patient find themselves in an existential relationship, gain their own voice, give their strength, help them find a description and give expression to new, better ways of being.

Keywords: existential analysis, methodology, methods, principle of influence, psychotherapy, methods of psychotherapy.

¹ Längle, S. (2001) *Die Methodenstruktur der Logotherapie und Existenzanalyse. Existenzanalyse.. Bd. 18, 2+3, 19–30.*

Данная статья представляет собой обзор и анализ терапевтических возможностей методов логотерапии (ЛТ) и экзистенциального анализа (ЭА), в том виде, в котором они на настоящий момент применяются в психотерапевтической практике и преподаются как часть обучающей программы по психотерапии и консультированию Международного общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE-International). Это необходимо подчеркнуть, поскольку в разных логотерапевтических сообществах имеются серьезные расхождения в применяемых методах работы и в способах преподавания.

Цель данной работы – не просто перечислить ряд методов логотерапии и экзистенциального анализа, но и попытаться объяснить, почему они работают. В первой части статьи это будет сделано посредством соотнесения методов ЭА с антропологической концепцией экзистенциального анализа, а во второй – с уровнем (или глубиной) нарушения, на котором метод оказывает воздействие и, соответственно, происходит психотерапевтическая работа.

Мы делаем попытку прояснить логику экзистенциально-аналитических методов и их соотнесение с антропологией ЭА и методологией.

Структура экзистенциального анализа и логотерапии с точки зрения антропологии

Вначале рассмотрим темы и принципы терапевтической работы в логотерапии и в экзистенциально-аналитической терапии. В работе А. Лэнгле «Фундаментальные экзистенциальные мотивации» (Längle A., 2003) описана структурная модель экзистенциального анализа. Автор

формулирует цель современной экзистенциально-аналитической терапии как достижение способности жить в состоянии внутреннего согласия с собой, что значит – определить внутри себя «да» по отношению к тому, что ты делаешь. Внутреннее согласие можно описать как возможность действовать и разрешать сложные ситуации так, чтобы это приводило к принятию себя и ответственности за собственные действия, к экзистенциальной свободе.

Доступ к свободной воле человека становится фундаментом зрелой, осмысленной жизни, характеризующейся одобрением себя, других и принятием ответственности. Поэтому все методы логотерапии и экзистенциального анализа объединены общей целью достижения личной, экзистенциальной свободы, свободы Person.

Это общее направление психотерапевтической работы. Чтобы более подробно охарактеризовать структуру методов, необходимо глубже взглянуть на содержание экзистенциально-аналитической антропологии.

Антропология классической логотерапии (В.Э. Франкл)

Какие шаги и процессы Person приводят нас к жизни в состоянии экзистенциальной свободы? Классический экзистенциальный анализ, основанный на антропологии, сформулированной В.Э. Франклом (Frankl, 1959, 1985, 1986, 1991), постулирует две базовые способности духовного человека: самодистанцирование (СД) и самотрансценденцию (СТ). Они являются базовыми условиями экзистенциального бытия (бытия с качеством экзистенции). Франкл описывает эти состояния как специфический спо-

соб существования в экзистенциальном, духовном (ноэтическом) измерении, которому он противопоставляет психическое и соматическое (или биологическое) измерения.

Самодистанцирование подчеркивает способность духовного человека действовать вопреки собственным психологическим и биологическим механизмам. Как писал Франкл: «Человек свободен подняться над плоскостью соматических и психических детерминант своего существования. Этим он открывает новое измерение. Человек проникает в измерение духовного порядка, которое резко отличается от соматических и психических феноменов. Он становится способным занять твердую позицию по отношению к миру, равно как и по отношению к самому себе» (Frankl, 1985, P. 19).

Поскольку быть Person – значит быть способным дистанцироваться от условий жизни и себя самого, мобилизуя волю к свободе, непременно встает следующий вопрос: «На что будет направлена воля?» Ответ лежит в понятии самотрансценденции.

Приведем собственное описание Виктора Франкла, поскольку оно кратко и четко объясняет, что такое логотерапия. «Установка логотерапии основана на том, что самотрансценденция является самой сутью экзистенции. Эта установка означает, что экзистенция аутентична только в той степени, в которой она направлена на нечто, отличное от себя ... Человек, я бы хотел сказать, реализует и актуализирует ценности. Он находит себя лишь в той мере, в которой он первоначально теряет себя, будь это ради кого-то или чего-то, ради человека, идеи или “ради Бога”. Стремление человека пробиться к себе и собственной идентичности обречено на провал, если оно не является актом преданности и посвящения себя чему-то за собственными пределами, чему-то, что выше него» (Frankl, 1985, P. 87).

Франкл подчеркивает, что люди не являются пленниками своих чувств или окружения, но они могут подняться над эгоцентризмом и взглянуть на свою ситуацию с другой точки зрения. Люди свободны в выборе и принятии решения о том, куда им свернуть, или посвятить себя чему-то или кому-то за пределами себя. Но, с точки зрения Франкла, только про-

Сильвия Лэнгле (Silvia Längle) –

доктор философских наук, частнопрактикующий психотерапевт, супервизор, тренер, ведущий образовательных проектов GLE-international, главный редактор журнала «Existenzanalyse» (Австрия, Вена)
E-mail: silvia.laengle@existenzanalyse.org
<http://www.laengle.info>

цесс «оставления себя позади ведет к экзистенциальному бытию и воплощению Person.

Развивая концепцию психо-духовного антагонизма, Франкл подчеркивает, что необходимо «оставить позади» психосоматическое измерение и условия, выйти за пределы этих ограничений. Формулировка антропологии Франкла ведет к двусмысленной односторонности, которая может быть связана с отношением человека к себе. Эта тема, например, касается роли самопознания в программе подготовки психотерапевтов (Langle S., 2001, P. 20 etc.; Langle A., 1996c).

Антропология персонального экзистенциального анализа (А. Лэнгле)

Франкл воспринимал антагонизм психического и духовного как стартовую точку любой психотерапии (Frankl, 1959, P. 686). Но в современном экзистенциальном анализе эта парадигма претерпела значительные изменения. Односторонняя открытость человека миру дополняется «поворотом к человеку», который, как следует из названия, является поворотом к условиям человеческого существования, а также «поворотом к эмоциональности» (Langle A., 1999a,b). Здесь появляется большое отличие от первоначальной логотерапии Франкла. Персональный экзистенциальный анализ (ПЭА) в равной мере учитывает важность, как рефлексии, разума, совести, так и человеческой импульсивности, инстинктивных стремлений и физической стороны существования. Эти аспекты подробнее обсуждаются в работе Лэнгле по ПЭА (Langle A., 1993).

Важно отметить, что модель ПЭА не рассматривает духовное и психофизическое измерения как непременно и априори антагонистические. Духовное не имеет превосходства над психологическим и физическим измерениями (и не замещает их). Напротив, в первом приближении они едины.

Человек несет в себе внутреннюю способность переживать новые впечатления и воздействия на себя посредством ощущений, чувств, импульсов. Его спонтанные реакции доказывают единство

Человек несет в себе внутреннюю способность переживать новые впечатления и воздействия на себя посредством ощущений, чувств, импульсов. Его спонтанные реакции доказывают единство духовного с психологическим и соматическим измерениями. То же относится и к активным самовыражениям человека

духовного с психологическим и соматическим измерениями. То же относится и к активным самовыражениям человека. Здесь духовное так же существует в гармонии с психологическими и физическими силами и с реальными условиями мира. Только когда человеческие существа принимают осознанное решение, они выходят за пределы этого психофизического единения. Занятие позиции относится к духовности (которая в данном контексте понимается не в религиозном смысле), находящейся за пределами ситуационных ограничений. Это означает (когда речь идет о ресурсах Person), что, в дополнение к СД и СТ, человеческие существа умеют преодолевать антагонизм, и именно эта способность охраняет и защищает человеческую идентичность, указывает на принятие себя.

Принятие себя возникает из откры-

Занятие такой позиции открывает возможность диалога, который осуществляется в двух направлениях: вовне и вовнутрь. Как следствие единства Person, диалог представляет собой процесс взаимообмена между внутренним и внешним.

Таким образом, в современном экзистенциальном анализе в дополнение к человеческой способности к самодистанцированию и самотрансценденции, которые указываются в традиционной логотерапии, добавляется еще один ресурс Person – способность к самопринятию (СП). Это три столпа, которые делают возможным постоянный внутренний диалог. Person вовне и вовнутрь. Ведение такого диалога указывает на наличие буберовских отношений «Я–Ты» (Buber, 1973), являющихся основой жизненной, экзистенциальной Встречи и отношений. Этот экзистенциальный образ жизни

В современном экзистенциальном анализе в дополнение к человеческой способности к самодистанцированию и самотрансценденции, которые указываются в традиционной логотерапии, добавляется еще один ресурс Person – способность к самопринятию (СП)

тости перед собой, что, в свою очередь, означает принятие внешней реальности, а также того, что происходит у человека перед внутренним взором, переходит во внутреннее движение – я посвящаю себя и тому, и другому с равной серьезностью. Вследствие этого человек находится в постоянном диалоге с внешним и внутренним миром.

всегда является актуализацией свободы Person каждого посредством пребывания открытым по отношению к ситуации и выработки собственных ответов на вопросы (запросы ситуации). Актуализация свободы Person является целью экзистенциальной терапии и консультирования.

Актуализация свободы человека как Person – общая цель любых экзистенци-

Рис. 1. Двойная открытость Person как результат двойного соотнесения (вовне и вовнутрь).

Fig 1. Double openness Person as a result of double correlations (in the outer and inner worlds)

ально-аналитических интервенций – фокусируется главным образом на СД, СТ и СП, как на человеческих ресурсах, которые приводят к персональной свободе. Если посмотреть на эти три способности Person, можно увидеть первое структур-

Пациент сам находит свой путь. Это означает, что он осознает опыт, который был забыт, и становится открытым для нового опыта. События, составляющие этот опыт, заставляют пациента почувствовать собственную целостность и подлинность

ное отличие методов ЭА. Методы отличаются в зависимости от того, нацелены они на СД, СТ или СП. Например, хорошо известно, что «парадоксальная интенция» нацелена на СД, а «деревлексия» – на СТ.

Методологическая структура экзистенциального анализа и логотерапии с позиции уровня психотерапевтической работы

В нашем распоряжении имеется весьма широкий набор методов, посредством которых можно достичь вышеуказанных целей. Большинство из них разработаны А. Лэнгле в 1980-е годы и в начале 1990-х опубликованы в Германии. Далее мы рассмотрим эти методы с точки зрения антропологии и методологии.

Методы, направленные на активизацию доступа к ресурсам, имеют одну общую основную идею – они прерывают замкнутый круг тревожности и приводят к установлению феноменологической открытости по отношению к ситуациям, которые воспринимаются как угрожающие

Если внимательно рассмотреть методы ЭА и ЛТ, то можно обнаружить три различных уровня или слоя, отличающиеся друг от друга принципами психотерапевтической работы.

Первый уровень: ориентация на ресурсы

На первом уровне мы находим классические методы в том виде, как они были разработаны В. Франклом: «парадоксальная интенция» (ПИ), «деревлексия» (ДР)

и «метод изменения позиции» (МИП) (Frankl, 1970, P. 100 etc.; Frankl, 1985, P. 140 etc.). Здесь интервенции выстраиваются в соответствии с классической франкловской логикой – мы напрямую обращаемся к ресурсам Person. Подобные интервенции по умолчанию предполагают, что пациент имеет необходимые персональные способности. Консультант или терапевт подводит пациента к диалогу вовне и вовнутрь, основываясь на предположении, что он самостоятельно найдет нужные ответы и таким образом приобретет непосредственный опыт компетентности и умений. Пациент сам находит свой путь. Это означает, что он осознает опыт, который был забыт, и становится открытым для нового опыта. События, составляющие этот опыт, заставляют пациента почувствовать собственную целостность и подлинность.

В отличие от психотерапии, которая предполагает длительный процесс роста, данные методы работают там, где пациент может обратиться к опыту самостоятельно или относительно самосто-

ятельно – с помощью поддерживающего и побуждающего к работе консультанта. В результате у пациента может поменяться перспектива, либо появится свежий взгляд на прошлый опыт, что означает открытие и расширение полученного впечатления. Экзистенциально-аналитические терапевты могут применять парадоксальную интенцию, деревлексию или метод изменения позиции, если у пациента не нарушены персональные способности, но из-за переживаний, связанных с проблемой, свободный доступ к персональным ресурсам закрыт. В таких случаях пациент оказывается неспособным к внутреннему диалогу и размышлению на некоторые темы, при том, что его общая способность или компетентность не повреждены. Чтобы получить доступ к ресурсам Person, пациенту необходим импульс, который как раз и дают терапевтические отношения, полные эмпатии. Методы, направленные на активизацию доступа к ресурсам, имеют одну общую основную идею – они прерывают замкнутый круг тревожности и приводят к установлению феноменологической открытости по отношению к ситуациям, которые воспринимаются как угрожающие.

Франкл продемонстрировал, что защитные механизмы устроены по принципу замкнутого круга, который усиливает установку избегания (Frankl, 1985, P. 143 etc.; Frankl, 1970, P. 102 etc.). Появление симптома как отправная точка порочного замкнутого круга оказывает дестабилизирующее воздействие на пациента. Переживание неуверенности или тревоги приводит к повышенному вниманию и ожиданиям, что, в свою очередь, усиливает симптом.

Порочный круг оказывается дестабилизирующим и фиксирует тревогу, но ее можно ослабить, если обратиться к упомянутым выше ресурсам Person:

- Страх ожидания указывает на переживание экзистенциальной угрозы в определенных ситуациях (например, покраснение на людях). В этом случае СД может помочь осознать, что человек продолжает существовать, несмотря на наличие страха. Подходящий метод: парадоксальная интенция.
- Компulsive самонаблюдение или гиперрефлексия возникает из-за стра-

Рис. 2. Круг тревожности

Fig 2. Anxiety circle

Для цитирования: Лэнгле С. Терапевтические возможности методов логотерапии и экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 22–31. doi: 10.11621/npj.2018.0203

For citation: Längle S. (2018) Therapeutic capacity of logotherapy and existential analysis. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 11(2), 22–31. doi: 10.11621/npj.2018.0203

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

ха потери контроля. Пациенты с такого рода навязчивостью склонны к чрезмерной концентрации на чем-либо с целью все проконтролировать и обезопасить себя. СТ приводит к открытости для нового опыта тем же способом, что применяется в дерефлексии.

- Фиксированные установки часто указывают на страх перемен по отношению к тому, что воспринимается как угроза для жизни. СП ведет к более открытому взгляду на жизнь – можно осмелиться продолжать жить, оставаясь собой, и позволить жизни идти своим чередом, даже если ее нельзя контролировать. Здесь требуется метод изменения позиции.

Все эти методы активируют способность пациента повернуться лицом к собственной неуверенности, призывают его больше не быть жертвой собственного страха ожидания или фиксированных установок.

Приведем классический пример, описанный Франклом.

«В нашу клинику пришел молодой врач, страдающий от сильной гидрофобии. Уже долгое время его беспокоили нарушения вегетативной нервной системы. Однажды ему случилось повстречать на улице своего начальника, и когда молодой человек протянул ему руку, он заметил, что вспотел обильнее обычного. В следующий раз, когда он попал в подобную ситуацию, он ожидал, что снова начнет потеть, и его предчувствующее беспокойство вызвало обильное потоотделение. Начался замкнутый круг: гипергидроз вызвал гидрофобию, а та, в свою очередь, провоцировала гипергидроз. Мы посоветовали пациенту в том случае, если возникнет страх ожидания, намеренно показать людям, с которыми он в это время общается, как обильно он может вспотеть. Через неделю он вернулся и рассказал, что, стоит ему повстречаться с кем-то, кто провоцирует в нем страх ожидания, он говорит себе: «Из меня до сих пор вышел только литр пота, ну а сейчас это будет как минимум десять литров!». Каков же результат такого парадоксального решения? После четырехлетних мучений, вызванных фобией, он быстро сумел, в результате всего одной сессии, полностью избавиться от своей проблемы, благодаря новой процедуре» (Frankl, 1985, P. 143).

Табл. 1. Методы первого уровня в их связи с экзистенциально-аналитической антропологией

Принцип воздействия	Ресурсы Person		
	СД	СТ	СП
Первый уровень Ориентация на ресурсы	ПИ	ДР	МИП
...			
...			

Table 1. The first-level methods in their connection with existential analytical anthropology

Type of impact	Resources of Person		
	SD	ST	SA
First level Focus on Resource	PI	DR	PCM
...			
...			

Приведенные выше методы не работают с обстоятельствами возникновения проблемы и таким образом игнорируют источник ее возникновения. Вместо этого они направлены на пробуждение фундаментальных способностей Person, что приводит к стабилизации. Они дают поддержку и приводят к свободному диалогу с внутренним и внешним миром.

Задача на первом ресурсно-ориентированном уровне – восстановление опоры, защиты и пространства. Неуверенности пациента противопоставляется его опыт соотнесения с фактами, с тем, что есть. Эта процедура приостанавливает дальнейший рост неуверенности в соответствии с порочным кругом.

В экзистенциально-аналитическом понимании, активизация СД, СТ и СП является необходимым условием для существования любой способности обхождения с реальностью. Здесь речь идет о содержании первой фундаментальной мотивации – мочь-быть-в-мире (Langle A., 2003). Условием этого является включение всех трех способностей Person. Опыт обретения почвы в экзистенциальном смысле индуцируется при переживании пациентом способности быть, несмотря на наличие дефицитов, как показано в описанных выше методах.

Второй уровень: ориентация на проблему

Методы второго уровня отличаются от ресурсно-ориентированных методов тем, что они уделяют больше внимания переживанию пациентом проблемы и травматического опыта.

В ходе реализации шагов метода, направленных на углубление переживания и обеспечивающих поддержку, вырисо-

вывается логика суждений пациента – то, как он выносит оценку, обнаруживаются установки избегания, склонность принимать желаемое за действительное. Выявляются ситуации, в которых пациент оказывается беспомощным, бессильным. В ходе такой работы у пациента улучшается эмоциональное состояние, проясняется точка зрения, установки, появляется понимание, куда двигаться дальше. То есть пациент сначала размышляет, анализирует, а потом обращается к собственным ресурсам и способностям. Все это происходит в форме беседы, в поддерживающей атмосфере таким образом, что скрытые ресурсы в итоге активизируются и укрепляются.

Если сформулировать более точно: на втором уровне мы имеем дело с методами, предоставляющими пациенту возможность в проблемной ситуации наладить отношения с самим собой и окружающим миром. В процессе работы с применением данных методов соотнесение пациента с внутренним и внешним миром становится более прочным. Таким образом, эти методы приводят к близости с собой и другими, а иногда даже к чувству глубокой благодарности. Это может привести к тому, что ориентиром для человека станет переживание самоценности, а не ожидания, желания или воображаемые идеи.

В экзистенциально-аналитическом понимании этот процесс соответствует углублению и развитию на уровне второй базовой мотивации (Langle A., 2003).

Преданность чему-то или кому-то за пределами себя приводит к опыту отношений и близости с другими, но, что важнее всего, с самим собой, а это, в свою очередь, позволяет работать со своими

Преданность чему-то или кому-то за пределами себя приводит к опыту отношений и близости с другими, но, что важнее всего, с самим собой, а это, в свою очередь, позволяет работать со своими эмоциями на глубоком уровне и может способствовать укреплению «да» жизни, укреплению связи с жизнью

эмоциями на глубоком уровне и может способствовать укреплению «да» жизни, укреплению связи с жизнью. Наконец, наслаждение жизнью и «да» жизни создают основу для любого переживания ценности (внутренняя ценность), делают пациента открытым для чувствования ценностей, а это означает, что человек оказывается целиком затронут переживанием ценностей.

Вот пример психотерапевтической работы на втором уровне.

При прохождении лечения в больнице после попытки самоубийства пациентке предложили поработать с психотерапевтом. На первой встрече 25-летняя женщина рассказала о причинах, толкнувших ее к отчаянному шагу. Она пристрастилась к наркотикам с 14 лет, в 16 лет прошла первый курс терапии. К сожалению, под влиянием химически зависимого парня она снова начала принимать наркотики. Себя она считала неудачницей. За последние два года она все чаще помышляла о самоубийстве, но ни с кем об этом не разговаривала. Теперь она рада, что ей не удалось покончить с собой, и чувствовала себя так, словно тысяча ангелов уберегла ее, когда она прыгнула с моста под проходящий внизу поезд. В последние годы ее жизнь определяли наркотики, хотя она помнила удачный двухлетний период, в течение которого после работы с терапевтом она их не употребляла. Она была счастлива получить новый шанс на жизнь и одновременно боялась сорваться снова. Она сомневалась, что самостоятельно сможет отказаться от наркотиков, но только такая жизнь была желанна для нее, лишь так стоило жить.

Хотя это и было идеальным началом для терапии, в данной ситуации наблюдались осложняющие факторы. У пациентки был ряд тяжелых переломов, в результате чего она вынуждена была остаться в больнице на несколько недель, после чего ее должны были перевести в реабилитационный наркологический центр. Это ограничивало количество сессий до 10. Что следовало (и что можно

было сделать) за этот срок? Без сомнения, в первую очередь, следовало стабилизировать и укрепить ее желание жить. Она не знала, как осуществить свои желания и субъективно ощущала это как отсутствие силы воли. В результате этого женщина стала считать себя слабым человеком, жертвой обстоятельств и неспособности быть твердой. Она сомневалась, что сможет достичь цели, страдала из-за низкой самооценки, переживала, как будут дальше развиваться отношения с ее парнем, но надеялась, что мама поможет ей. Более того, она чувствовала вину за то, что сделала, и это еще больше подрывало ее самооценку.

В экзистенциальном анализе цель психотерапевтической интервенции – заново утвердить автономию Person. Достигается это с помощью того, что человек встает лицом к лицу с собственным намерением. В случае этой молодой женщины мы воспользовались методом укрепления воли (МУВ) (Langle A., 2000b), который применяется следующим образом.

Первый шаг состоит в описании намерений пациента и положительных последствий, ожидаемых от психотерапии. Желание пациентки жить без наркотиков в тот момент было предельно ясно. Она хотела начать новую, нормальную жизнь, быть способной бороться и переносить трудности, с которыми могла столкнуться. Жизнь с наркотиками изматывала ее. Второй шаг МУВ – прояснение контраргументов, осознание того, что препятствует реализации намерения. Чего она лишится, живя без наркотиков? От чего ей придется отказаться? Наркотики были ее надежным методом справляться с проблемами. Ей придется научиться стойкости и найти другие способы переносить эмоционально трудные ситуации. «Я принимала наркотики, чтобы закрыться». Что с ней произойдет, когда она больше не сможет закрываться? На этом втором этапе мы должны были внимательно присмотреться к ее способности ожидать немедленного облегчения от наркотиков, избегая таким образом про-

блем и страданий. Есть ли у нее достаточно мужества? Сможет ли она обрести достаточно мужества? На кого и на что она может опереться? Отказавшись от наркотиков, ей придется отказаться и от знакомого окружения, которое подпитывало ее привычку. Цель второго этапа – помочь пациенту осознать препятствия, причины, работающие против ее намерений. Мы должны отнестись к ним так же серьезно, как и к положительным последствиям. Эти вопросы вызвали у женщины сильное беспокойство, поскольку под тонкой оболочкой знакомого стиля жизни скрывалась пустота. Жизнь без наркотиков была ей незнакома, у нее не было почвы под ногами. На этом этапе мы не просто обсуждаем, как справиться с препятствиями – это огромный шаг навстречу себе, развитие осознания не только положительных, но и негативных чувств, приближение к себе. Было тяжело столкнуться с чувством фрустрации, осознать, насколько она одинока. Но то, что она, по крайней мере, до сих пор жива, давало ей мощное основание и силы цепляться за жизнь. То, что пациентка смогла выразить свои чувства и серьезно отнестись к себе, продвинуло ее растущее ощущение уверенности и мужества. Первоначальная ориентация на нечто за пределами ее была возвращена обратно к ней: «Как мои планы связаны со мной самой?» Развитию воли способствовало пошаговое решение проживать свою жизнь по своим собственным правилам. Чувствовать силу воли – значит быть готовым посвятить свою жизнь поставленной цели. Желание жизни без наркотиков стало теперь не просто очевидной, простой целью, это было ее личное решение, касающееся ее собственной жизни, со своими личными причинами и основаниями. В этом случае пациентка сумела поставить перед собой вопросы и столкнуться с сомнениями. Было важно не предаваться иллюзиям по поводу будущего или прошлого. Чем больше получалось конкретизировать надежды и страхи, тем более сильное облегчение она испытала, почувствовав, что способна жить своей новой жизнью.

Теперь она была готова к третьему шагу – усилению положительной стороны. В экзистенциальном анализе это усиление осуществляется за счет прибли-

жения к чувствам, возникающим в связи с намерением. Это в свою очередь приводит к тому, что намерение становится собственным, внутренне ощущаемым. Пациентка снова получила подтверждение желания жить без наркотиков в процессе исследования того, какие последствия будет иметь для ее жизни данное решение. На этом последнем шаге она воссоздала в памяти свою предыдущую ситуацию – для нее отказ от наркотиков изначально подразумевал решение: за жизнь или против жизни. Но сейчас она чувствовала себя ближе к себе, стала лучше знакома с собой. Это придало женщине уверенности перед началом длинного и сложного пути. Ее страх перед неудачей ослаб, и она решила, что быть одной, возможно, и не столь ужасно, она смогла довериться себе. В конце концов, это доверие перешло в фундаментальную способность выйти за пределы себя, суметь посвятить свою жизнь чему-то или кому-то, и это решение наполнило ее жизнь смыслом. В той мере, в какой она сможет реализовать способность к самотрансценденции, в той мере она сможет обнаружить вновь силу собственного воления.

Процесс на втором уровне – исследование проблемы – требует определенной силы «Я». Если пациент не может преодолеть этот вызов, подвергнуть сомнению собственную цель, нам придется идти вглубь и развивать личностную автономность и ресурсы, как это обычно делается в ПЭА.

Два первые уровня – область действия кратковременной терапии, куда входит, с одной стороны, консультирование, с другой, – ориентированные на процесс терапевтические процедуры (Langle S., 1996).

Интересно отметить, что в этой группе мы также используем три метода, каждый из которых относится к фундаментальным личным способностям СД, СТ или СП:

– Метод нахождения персональной позиции (ПП) (Langle A., 1994a) – это трехшаговый метод для обнаружения персональной позиции по отношению к какой-либо конкретной ситуации. Он предшествует более глубокому процессу СД, позволяет устранить ограничения, узость, которые возникают из-за того, что человек не достаточно оценил положение дел (не занял пози-

цию) в запутанной ситуации. Проблемы в отношениях часто указывают на наличие подобной запутанной структуры – человек запутался или не знает, что делать. В подобных случаях показан данный метод.

– Метод укрепления воли (МУВ) (Langle A., 1994a) – пошаговый метод, который работает с волей к смыслу. Развитие воления осуществляется в процессе диалога, направленного вовне и вовнутрь, в ходе которого наступает ясность, цели становятся осознанными, укрепляется СТ. Показаниями к применению этого метода являются разные виды зависимостей, а также возникновение фрустрации от неспособности завершить некоторое действие, связанное, например, с учебной или работой.

– Метод нахождения смысла (МНС) (Langle A., 1998, Drexler, 2000) – этот метод возвращает нас к способности принимать себя, являющейся основанием для осознания человеком вопроса о смысле.

Четыре шага МНС соответствуют четырем основным мотивациям экзистенциального анализа. Данный метод показан, если человек находится в состоянии, когда смысл утрачен, либо же поиски смысла не дают результатов. Такое часто случается в ситуации переезда или при серьезных утратах.

Теперь мы можем дополнить нашу схему (см. табл. 2).

Третий уровень: процесс развития персонального диалога – ориентация на Person

В соответствии с увеличением степени поддержки со стороны терапевта доступ пациента к ресурсам Person движется от

1) активации посредством прямого обращения к нераскрытому потенциалу на первом уровне,

затем к
2) постепенному раскрытию и тренировке на втором уровне,

затем к
3) процессу развития еще нереализованных потенциалов на третьем уровне.

Когда терапевт сталкивается с пациентами, обладающими меньшей силой «Я» (что часто встречается в случае личностных расстройств или посттравматического стресса), он перемещает психотерапевтический процесс от использования методов, направленных на активацию ресурсов, к процессуальным методам, ориентированным на Person.

Персональный экзистенциальный анализ (ПЭА) (Langle A., 1993, 1995, 1999a, 2000) – это внутри- или межличностный диалогический процесс, посредством которого человек утверждает себя через решительное занятие позиции, оказавшись лицом к лицу с конкретной ситуацией. В ПЭА, который является ядром ЭА, Person понимается как процесс – то, что не может быть зафиксировано, но что находится в постоянном развитии. Ресурсы Person активизируются, когда человек, как Person, вступает в диалогический обмен с миром, что отражено в трех шагах ПЭА.

Впечатление, занятие позиции и выражение – три фундаментальные способности Person. Благодаря этим способностям возможна встреча с самим собой – доступ к самому себе в собственной интимности, а также встреча с другим – возможность доступа к другому и к его ответу на наше существование.

Диалогический процесс, в ходе которого Person дает себя впечатлить, при-

Табл. 2. Методы первого и второго уровней в их связи с ЭА-антропологией

Принцип воздействия	Ресурсы Person		
	СД	СТ	СП
Первый уровень Ориентация на ресурсы	ПИ	ДР	МИП
Второй уровень Ориентация на проблему	ПП	МУВ	МНС
...			

Table 2. Methods of the first and second levels in their connection with EA anthropology

Type of impact	Resources of Person		
	SD	ST	SA
First level Focus on Resource	PI	DR	PCM
Second level Focus on Problem	PI	MSW	MFM
...			

водит к занятию позиции и находит в ней свое выражение, представляя собой всегда единое целое. Здесь можно обнаружить, что Person имеет способность открываться, выбирать и способность к взаимодействию с внешним миром. Ценности переживания, ценности созидания и ценности позиции, описанные В. Франклом (Frankl, 1970, P. 70, 1985, P. 29), можно понять как реализацию трех описанных выше способностей Person.

Теория ПЭА предлагает понимание человеческого развития, которое приводит к персональному и экзистенциальному образу жизни. Это означает, что мы в рамках терапевтического процесса можем выработать инструменты, которые помогут этому развитию. Там, где процесс оказывается прерван, заблокирован или искажен, терапия может вдохнуть новую жизнь в процесс роста и привести к уверенности и способности успешно управлять своей жизнью.

Как терапия может направлять данный процесс?

В экзистенциальном анализе это возможно двумя путями:

- 1) с использованием структурной модели, имеющей в основании базовые мотивации;
- 2) с применением процессуальной модели, основанной на ПЭА.

Терапевтический метод ПЭА состоит из трех шагов и предваряется вводной частью. Данный метод можно описать следующим образом:

ПЭА 0. Подготовка или введение – мы описываем проблему, излагаем факты. Этот шаг также служит для установления терапевтических отношений между пациентом и терапевтом. Задача этого шага – получение информации терапев-

том. ПЭА 0 также является началом процесса СП.

ПЭА 1. Феноменологический анализ. Задача этого шага – ухватить первичную эмоцию, первый «эмоциональный отклик» на ситуацию. Тогда становится понятно, что ситуация означает для человека, а это и есть феноменологическое содержание этой ситуации. На этой стадии терапевтическая установка – установка эмпатии. Дальнейшее развитие первичной эмоции активизирует СД, при котором человек отодвигается на большую дистанцию от своего первоначального впечатления.

ПЭА 2. Это стадия реструктурирования проблемы в соотношении с собственной аутентичностью. Здесь впечатление интегрируется в существующие ценностные структуры – это процесс, нацеленный на то, чтобы пациент понял свою проблему, сделал выбор и пришел к окончательному решению. Целью является развитие внутренней соотнесенности с самим собой, которая ведет к интегрированной эмоции. Содержание первичной эмоции могло стать другим, но, так или иначе, психодинамическая, бессознательная реакция переходит в осознанное отношение. Задача терапевта на этом этапе – конфронтация и встреча.

На втором этапе происходит как значительное отделение от психофизического состояния, так и мощная активация духовного (персонального, экзистенциального) измерения, возрастает способность к укреплению, усилению персональной позиции. Это точка кульминации в переживании экзистенциальной свободы – человек может оставить позади ограничения, накладываемые психодинамикой или бессознательными

процессами, и положить начало своему «будущему». Это значит, что он способен решить, что является важным (существенным) для его жизни и будущего. Таким образом, открывается путь для СТ.

ПЭА 3. На этом шаге на первый план выходит самоактуализация пациента. Мы хотим найти подходящее выражение ответа, найденного пациентом на предыдущих шагах, что превращается в итоге во внешнюю соотнесенность. Ответ необходим для того, чтобы жизнь пациента была основана на сознательных решениях, чтобы он мог жить самотрансцендентно с принятием себя. Терапевтической задачей здесь является поддержка и подбадривание.

ПЭА означает постоянное развитие, проживание жизни шаг за шагом. Осуществление экзистенции характеризуется цельностью, здесь и СД, и СТ, и СП являются необходимыми элементами осуществления процесса переработки.

Экзистенциально-аналитическая терапия всегда направлена на работу со всем процессом в целом. Хорошо известные терапевтические процедуры, такие как работа с биографией (Kolbe, 1994; Langle A., 1994b; Tutsch, Luss, 2000), упражнения на создание мысленного образа (Pora, 2001) или изменение перспективы (Kolbe, 2000), оказывают воздействие на ту или иную часть процесса переработки и основаны на обращении к разным экзистенциальным ресурсам СП, СТ или СД.

Теперь перед нами полная картина и мы можем комплексно взглянуть на методологическую структуру ЭА (см. табл 3).

Табл. 3. Полная методологическая схема ЭА

Принцип воздействия	Ресурсы Person		
	СД	СТ	СП
Первый уровень Ориентация на ресурсы	ПИ	ДР	МИП
Второй уровень Ориентация на проблему	ПП	МУВ	МНС
Третий уровень Ориентация на Person	←	ПЭА	→

Table 3. Full methodological scheme of EA (existential analysis)

Type of impact	Resources of Person		
	SD	ST	SA
First level Focus on Resource	PI	DR	PCM
Second level Focus on Problem	PP	MSW	MFM
Third level Focus on Person	←	PEA	→

Для цитирования: Лянгле С. Терапевтические возможности методов логотерапии и экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 22–31. doi: 10.11621/npsyj.2018.0203

For citation: Langle S. (2018) Therapeutic capacity of logotherapy and existential analysis. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskij zhurnal], 11(2), 22–31. doi: 10.11621/npsyj.2018.0203

Обобщение

- Мы выявили три уровня методов ЭА:
- Ориентация на ресурсы – разорвать порочный замкнутый круг → провокация;
 - Ориентация на проблему – быть опорой для пациента в процессе постепенного доступа к собственным эмоциям и чувствам → тренировка;
 - Ориентация на Person – развить способности Person к поддержанию внутри- и межличностного диалога → развитие.

На каждом из уровней мы обращаемся к трем фундаментальным способностям Person:

- СД – освобождение от тесной связанности с собой, собственной психодинамикой и миром;
- СТ – интенциональность по отношению к миру, другому, диалог с внешним окружением;
- СП – диалог с внутренним миром, глубокое и истинное принятие себя.

Описанные выше методы предоставляют терапевту арсенал для различных интервенций, направленных на активизацию пациента. Интервенции призваны

описанные выше методы предоставляют терапевту арсенал для различных интервенций, направленных на активизацию пациента. Интервенции призваны помочь пациенту найти себя в экзистенциальном отношении, обрести собственный голос, придать ему силы, помочь ему найти описание и дать выражение новым, лучшим способам бытия

помочь пациенту найти себя в экзистенциальном отношении, обрести собственный голос, придать ему силы, помочь ему найти описание и дать выражение новым, лучшим способам бытия. В дополнение к методам, приведенным в настоящей статье, в ЭА разработаны другие виды интервенций, которые можно осуществлять при наличии того или иного диагноза,

например, тревожное расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, депрессия, личностные расстройства (такие, как нарциссизм, гистрионное расстройство и тд.).

Перевод с английского:

Алексей Астапенков

Научная редакция: Екатерина Евстигнеева, Елена Станковская

Литература:

Бион У.Р. Научение через опыт переживания. – Москва : Когито-Центр, 2008. – 127 с.

Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. – Москва : Генезис, 2003.

Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа. // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 4(24). – С. 23–33. doi: doi.org/10.11621/npj.2016.0403

Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 26–38. doi: 10.11621/npj.2015.0104

Роджерс К. Человекоцентрированный/клиентцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 48–58.

Франкл В. Доктор и душа. – Санкт-Петербург : Ювента, 1997.

Франкл В. Воля к смыслу. – Москва : ЭКСМО, 2000.

Шумский В.Б. Понятие основных экзистенциальных мотиваций как теоретическая основа психотерапевтической практики в экзистенциальном анализе // Вопросы ментальной медицины и экологии. – 2002. – Т. VIII. – № 1. – С. 67–71.

Bion, W.R. (2008) Learning through experience. Moscow, Kogito-Tsentr, 127.

Buber, M. (2000) Das dialogische Prinzip. Heidelberg: Lambert Schneider, 1973.

Drexler H. Schritte zum Sinn. Existenzanalyse, 17(1), 36–41.

Frankl, V. (1959) Grundriß der Existenzanalyse und Logotherapie. *Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie*. V. Frankl, V. Gebattel, J. Schultz (Hrsg.). München; Wien: Urban & Schwarzenberg, III, 663–736.

Frankl, V. (1970) The Will to Meaning. N.Y., The New American Library, Inc.

Frankl, V. (1985) Psychotherapy and Existentialism. N.Y., Washington Square Press.

Kolbe, Ch. (1994) Biographie. Verständnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse. Wien, GLE-Verlag.

Kolbe, Ch. Perspektiven-Shifting. Methode zur Arbeit mit primärer Emotionalität und unbewußten Stellungnahmen. *Existenzanalyse*, 17(1), 17–20.

Längle, A. (1988) Wende ins Existentielle. Die Methode der Sinnerfassung. *Entscheidung zum Sein*. Viktor E. Frankls Logotherapie in der Praxis. A. Längle (Hrsg.). München, Piper, 40–52.

Längle, A. (1993) Personale Existenzanalyse. Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. A. Längle (Hrsg.). Wien, GLE-Verlag, 133–160.

Längle, A. (1994a) Die Personale Positionsfindung (PP). *Bulletin der GLE*, 1(3), 6–21.

Längle, A. (1994b) Die biographische Vorgangsweise in der Personalen Existenzanalyse. *Biographie. Verständnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse*. Ch. Kolbe (Hrsg.). Wien, GLE-Verlag, 9–33.

Längle, A. (1995) Personal Existential Analysis. *Psychotherapy East and West. Integration of Psychotherapies*. Seoul, Korean Academy of Psychotherapists, 348–364.

Längle, A. (1999a) Die anthropologische Dimension der Personalen Existenzanalyse (PEA). *Existenzanalyse*, 16(1), 18–25.

Längle, A. (1999b) Authentisch leben – Menschsein zwischen Sachzwängen und Selbstsein oder: Wie können wir trotzdem werden, wer wir sind? — Anregungen aus der Existenzanalyse. *Existenzanalyse*, 16(1), 26–34.

Längle, A. (1999c) Kritik, Bedeutung und Stellenwert der Selbsterfahrung in Logotherapie und Existenzanalyse. *Psychotherapie Forum*, 4, 194–202.

Längle, A. (2000a) Die «Personale Existenzanalyse» (PEA) als therapeutisches Konzept. *Praxis der Personalen Existenzanalyse*. A. Längle (Hrsg.). Wien, Facultas, 9–38.

Längle A. (2000b) Die Willensstärkungsmethode (WSM). *Existenzanalyse*, 17(1), 4–16.

Längle, A. (2003) The Art of Involving the Person. The Existential Fundamental Motivations as Structure of the Motivational Process. *European Psychotherapy*, 4(1), 47–58.

- Längle, S. (1996) Was ist existenzanalytisch-logotherapeutische Beratung und Begleitung. *Existenzanalyse*, 13(1), 36–37.
- Längle, S. (2001) Die Methodenstruktur der Existenzanalyse und Logotherapie. *Existenzanalyse*, 18(2/3), 19–30.
- Popa, W. (2001) Das existentielle Bilderleben. *Existenzanalyse*, 18(2/3), 62.
- Shumsky, V.B. (2002) The concept of major existential motivation as a theoretical basis of psychotherapeutic practice in existential analysis. [*Voprosy mental'noy meditsiny i ekologii*], VIII(1), 67–71.
- Tutsch, L., & Luss, K. (2000) Anleitung für die biographische Arbeit in der Existenzanalyse. *Existenzanalyse*, 17(1), 31–35.

References:

- Bion, W.R. (2008) Learning through experience. Moscow, Kogito-Tsentr, 127.
- Buber, M. (2000) Das dialogische Prinzip. Heidelberg: Lambert Schneider, 1973.
- Drexler H. Schritte zum Sinn. *Existenzanalyse*, 17(1), 36–41.
- Frankl, V. (1959) Grundriß der Existenzanalyse und Logotherapie. *Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie*. V. Frankl, V. Gebattel, J. Schultz (Hrsg.). München; Wien: Urban & Schwarzenberg, III, 663–736.
- Frankl, V. (1970) The Will to Meaning. N.Y., The New American Library, Inc.
- Frankl, V. (1985) Psychotherapy and Existentialism. N.Y., Washington Square Press.
- Frankl, V. (1986) Die Psychotherapie in der Praxis. München, Piper.
- Frankl, V. (1991) Der Wille zum Sinn. München, Piper.
- Frankl, V. (1997) Doctor and soul. SPb, Yuventa.
- Frankl, W. (2000) The will to meaning. Moscow, EKSMO.
- Kolbe, Ch. (1994) Biographie. Verständnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse. Wien, GLE-Verlag.
- Kolbe, Ch. Perspektiven-Shifting. Methode zur Arbeit mit primärer Emotionalität und unbewußten Stellungnahmen. *Existenzanalyse*, 17(1), 17–20.
- Längle, A. (1988) Wende ins Existentielle. Die Methode der Sinnerfassung. *Entscheidung zum Sein*. Viktor E. Frankls Logotherapie in der Praxis. A. Längle (Hrsg.). München, Piper, 40–52.
- Längle, A. (1993) Personale Existenzanalyse. Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. A. Längle (Hrsg.). Wien, GLE-Verlag, 133–160.
- Längle, A. (1994a) Die Personale Positionsfindung (PP). *Bulletin der GLE*, 1(3), 6–21.
- Längle, A. (1994b) Die biographische Vorgangsweise in der Personalen Existenzanalyse. *Biographie. Verständnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse*. Ch. Kolbe (Hrsg.). Wien, GLE-Verlag, 9–33.
- Längle, A. (1995) Personal Existential Analysis. *Psychotherapy East and West. Integration of Psychotherapies*. Seoul, Korean Academy of Psychotherapists, 348–364.
- Längle, A. (1999a) Die anthropologische Dimension der Personalen Existenzanalyse (PEA). *Existenzanalyse*, 16(1), 18–25.
- Längle, A. (1999b) Authentisch leben – Menschsein zwischen Sachzwängen und Selbstsein oder: Wie können wir trotzdem werden, wer wir sind? – Anregungen aus der Existenzanalyse. *Existenzanalyse*, 16(1), 26–34.
- Längle, A. (1999c) Kritik, Bedeutung und Stellenwert der Selbsterfahrung in Logotherapie und Existenzanalyse. *Psychotherapie Forum*, 4, 194–202.
- Längle, A. (2000a) Die «Personale Existenzanalyse» (PEA) als therapeutisches Konzept. *Praxis der Personalen Existenzanalyse*. A. Längle (Hrsg.). Wien, Facultas, 9–38.
- Längle A. (2000b) Die Willensstärkungsmethode (WSM). *Existenzanalyse*, 17(1), 4–16.
- Längle, A. (2003) The Art of Involving the Person. The Existential Fundamental Motivations as Structure of the Motivational Process. *European Psychotherapy*, 4(1), 47–58.
- Längle, S. (1996) Was ist existenzanalytisch-logotherapeutische Beratung und Begleitung. *Existenzanalyse*, 13(1), 36–37.
- Längle, S. (2001) Die Methodenstruktur der Existenzanalyse und Logotherapie. *Existenzanalyse*, 18(2/3), 19–30.
- Längle, A. (2003) Life, filled with meaning. Moscow, Genesis.
- Längle A. (2016) Why do we suffer? Understanding and handling suffering in terms of existential analysis. *National psychological journal*, 4, 23–33. doi: doi.org/10.11621/npj.2016.0403
- Längle, Alfred (2015) Existential-analytical understanding of emotionality: theory and practice. *National psychological journal*, 1, 26–38. doi: 10.11621/npj.2015.0104
- Popa, W. (2001) Das existentielle Bilderleben. *Existenzanalyse*, 18(2)/3, 62.
- Rogers, K. (2001) Person-oriented / client-oriented approach in psychotherapy. [*Voprosy psikhologii*], 2, 48–58.
- Shumsky, V.B. (2002) The concept of major existential motivation as a theoretical basis of psychotherapeutic practice in existential analysis. [*Voprosy mental'noy meditsiny i ekologii*], VIII(1), 67–71.
- Tutsch, L., & Luss, K. (2000) Anleitung für die biographische Arbeit in der Existenzanalyse. *Existenzanalyse*, 17(1), 31–35.

Психологические проблемы реабилитации психически больных

А.Ш. Тхостов, М.Г. Виноградова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 27 апреля 2018/ Принята к публикации: 11 мая 2018

Psychological issues of rehabilitation of mental patients

Alexander Sh. Tkhostov*, Marina G. Vinogradova

Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail:tkhostov@mail.com

Received April 27, 2018 / Accepted for publication: May 11, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. На разных этапах развития общества меняются принципы, которые закладываются в основу реабилитационных программ и отстаиваются специалистами разных направлений. Возможности, которыми обладает современное общество, те ресурсы, которое оно готово затратить на решение широкого спектра проблем реабилитации, трансформируются, эволюционируют и требуют научной рефлексии.

Цель: обсуждение современных принципов реабилитации и социальной интеграции людей с психическими заболеваниями.

Описание хода исследования. Обсуждается роль субъекта реабилитационной программы и роль общества в осуществлении этой программы.

Обосновываются принцип общенаправленной и адресной реабилитационной работы, принцип преемственности и возрастающей специфичности психологической помощи, принцип собственной активности субъекта.

Результаты исследования. Раскрывается необходимость обращения не только к сознательной мотивации субъекта, но и учет бессознательных мотивов участия в реабилитационных мероприятиях и в поддержании здоровья. Обсуждается устойчивость в обществе представлений о норме как об идеале и трудности изменения стереотипов в отношении к больному человеку.

Выводы. Реабилитация психически больного человека, с одной стороны, должна опираться на формирование и поддержание у него соответствующей направленности личности, способности принимать часть ответственности за свое состояние и развитие. С другой стороны, необходимы поддержка больного обществом, готовность общества к его интеграции в активную социальную жизнь, к изменению устоявшихся стереотипов.

Ключевые слова: реабилитация психически больных, психологическая помощь, мотивация, принципы реабилитации, социальная интеграция.

Background. At different stages of the development of the society, the principles that lie in the basis of rehabilitation programs and are justified by experts of various fields are changing. The opportunities that modern society possesses, the resources that it is ready to spend to solve a wide range of rehabilitation problems, are transformed, evolve and require scientific reflection.

The Objective is to discuss modern principles of rehabilitation and social integration of mentally disturbed individuals.

Design. The role of the subject of the rehabilitation program and the role of society in implementing the programs are discussed. The principle of general and targeted rehabilitation work is justified, the principle of continuity and increasing specificity of psychological assistance, the principle of the subject's own activity are identified.

Research results. The need to address not only the conscious motivation of the subject, but also the consideration of unconscious motives for participation in rehabilitation activities and in maintaining health is disclosed. The fixed notion of norm as the ideal and the difficulty of changing stereotypes towards a mentally disturbed person are discussed.

Conclusion. On the one hand, rehabilitation of a mental patients should be based on the developed and appropriately maintained personality orientation, the ability to take partial responsibility for mental condition and development. On the other hand, the patient needs societal support, preparedness of society to integrate into an active social life and to change the established stereotypes.

Keywords: rehabilitation of mental patients, psychological assistance, motivation, rehabilitation principles, social integration

**Принципы реабилитации
и социальной интеграции
людей с психическими
заболеваниями**

На разных этапах развития общества представления об основных целях и задачах реабилитации меняются не столь существенно по сравнению с принципами, которые закладываются в основу реабилитационных программ и отстаиваются специалистами разных направлений (Григорьева и др., 2006; Холмогорова и др., 2001; Kovyazina et al., 2018; Grassi

Cockerham, 2016; Schauman et al., 2012; Prochaska et al., 2008; Ezzati et al., 2004).

Обсуждение принципов реабилитации и социальной интеграции людей с психическими заболеваниями неизбежно ставит два основных вопроса: роль самого субъекта и роль общества в осуществлении необходимых изменений. При постановке первого вопроса в дискуссиях нередко избегается проблема собственной мотивации субъекта и его направленности на изменение. Какими бы квалифицированными ни были специалисты, есть ряд моментов, которые за самого субъекта

Обсуждение принципов реабилитации и социальной интеграции людей с психическими заболеваниями неизбежно ставит два основных вопроса: роль самого субъекта и роль общества в осуществлении необходимых изменений

et al., 2017; Dwamena et al., 2012; Hagger et al., 2009; Butcher et al., 1998 и др.). Конечно, провозглашаемые цели интеграции болеющего человека, инвалида в пространство общественной жизни и задачи по достижению этих целей не являются новыми. Но те возможности, которыми обладает современное общество, те ресурсы, которое оно готово затратить на решение широкого спектра проблем реабилитации, трансформируются, эволюционируют и, несомненно, требуют научной рефлексии (Гурович и др., 2004; White et al., 2018; Carta M. et al., 2017;

никто не сделает. Он должен сам приложить определенные усилия к улучшению своего состояния, успех которого зависит от уровня мотивации, желания, активности включения в жизнь. У больного человека может быть и другая позиция – он может не включаться в жизнь. Есть возможность жизни в условиях сниженного существования, сниженной ответственности и, в каком-то смысле, эта позиция имеет преимущество, которое хорошо показано культурологами. В европейской культуре болезнь является вполне легальным, законным обстоятельством, которое

позволяет снизить уровень ответственности человека.

Хорошо известные специалистам феномены вторичной выгоды, госпитализма, выученной беспомощности часто обходятся вниманием при разработке реабилитационных программ. А эффективность проводимых мероприятий недостаточно анализируется с позиций преодоления различных осознанных и неосознанных установок больных по факту участия в определенном реабилитационном процессе. Такая ситуация неизбежно приводит к эффектам, которые нередко фиксируются специалистами по окончании реабилитационной программы – малая направленность участников на самостоятельное преодоление возникающих трудностей в реальной жизни, привычная апелляция к мнению авторитета или «усвоенному» правилу – все это подменяет самостоятельный поиск решений и «творческое» использование способов и средств регуляции своего состояния и поведения. Поэтому все чаще в фокусе исследователей оказываются проблемы мотивации сохранения здоровья, эмоциональных детерминант поведения, поддерживающего здоровье (Rhodes et al., 2018; Baldwin, Sala, 2018; Holland et al., 2010; Mohr et al., 2010; Miller et al., 2002).

**Новая модель организации
специализированной
психиатрической помощи**

Развитие в последние десятилетия биопсихосоциального подхода направлено на установление взаимосвязей нейробиологических, клинко-психопатологических, психологических и социальных факторов (Рассказова, Тхостов, 2015; Холмогорова, 2014; White, 2005). В рамках данного подхода предполагается особая модель организации специализированной психиатрической помощи, нацеленной на соматическое (и шире – биологическое), психологическое и социальное восстановление пациентов.

Реализация этой модели осуществляется посредством организации психокоррекционной работы в едином пространстве, объединяющем стационарные и амбулаторные формы оказания помощи пациентам. Подобный интегративный подход,

Александр Шамильевич Тхостов –
доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой нейро- и патопсихологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tkhostov@gmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/Tkhostov/>

Марина Геннадьевна Виноградова –
кандидат психологических наук, доцент кафедры
нейро- и патопсихологии факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: mvinogradova@yandex.ru
<https://istina.msu.ru/profile/VinogradovaMarina/>

охватывающий различные направления и формы работы психологической службы, позволяет более эффективно оказывать психологическую помощь населению, поддерживать достигнутые результаты проводимой фармакотерапии, повышать качество жизни пациентов, воссоздавая их социально-трудовой статус.

Можно выделить несколько уровней, на которых реализуется клиничко-психологическая реабилитация: стационарный, амбулаторный и поликлинический. На стационарном уровне важным принципом является сочетание развернутой и мишень-ориентированной психологической диагностики. Задачи диагностической работы в этом случае определяются как общими целями лечебного процесса, устанавливаемыми совместно с врачом, так и целями, задаваемыми собственно психологом, например, определение личностных особенностей пациента, его приверженность лечению, показания к участию в реабилитационных мероприятиях. При этом обеспечивается реализация принципа общенаправленной и адресной реабилитационной работы. В такой работе ставятся адаптационные и информационные цели, связанные с нахождением пациента в новой или уже продолжающейся ситуации заболевания. Кроме того, ставятся и более локальные цели, вызванные, например, изменением трудового статуса пациента. Подключение психолога к постановке диагноза, определению прогноза, обсуждению соотношения компенсаторных процессов и возможной дефицитарности психического функционирования позволяет обоснованно назначать и проводить реабилитационные мероприятия.

Все перечисленные компоненты психологической реабилитационной работы на уровне стационара осуществляются и на последующих уровнях – на уровне дневного стационара, амбулаторного и поликлинического. В этом реализуется принцип преемственности и необходимой возрастающей специфичности оказания психологической помощи.

Роль субъекта в осуществлении реабилитационной работы

Успешное, продуктивное решение поставленных задач требует достаточного

Подключение психолога к постановке диагноза, определению прогноза, обсуждению соотношения компенсаторных процессов и возможной дефицитарности психического функционирования позволяет обоснованно назначать и проводить реабилитационные мероприятия

(а иногда и высокого) уровня активности самого субъекта. Необходима его направленность не только на получение навыков и способов реализации определенных программ и принципов регуляции своего состояния, но и согласие с определенным уровнем собственной ответственности, готовность к самостоятельному принятию решений. Нередко отдельной целью реабилитационной работы является формирование и поддержание адекватной мотивационной направленности пациента (Турович и др., 2004; Fulford et al., 2018; Gallagher et al., 2012; Weinstein, Ryan, 2010).

В реабилитационной программе важно затронуть не только сознательные, рефлексивные, рациональные стороны мышления и мотивации субъекта, но и его бессознательные устремления, переживания и представления

В этом случае принцип реабилитации, заключающийся в необходимости собственной активности пациента, реализуется именно в формировании активной позиции субъекта, в развитии и поддержании его автономности и, вместе с тем, способности участвовать в совместной деятельности.

Надо подчеркнуть, что в реабилитационной программе важно затронуть не только сознательные, рефлексивные, рациональные стороны мышления и мотивации субъекта, но и его бессознательные устремления, переживания и представления. Иначе субъект сможет «дать отчет» о понятии, усвоенном при прохождении реабилитационной программы, но это будет плохо соотноситься с его реальным по-

Достижение цели социальной адаптации, которая во многом является мерилем обоснованности и успешности реабилитационных мероприятий, зависит не только от человека, но и от того, насколько общество готово включить больного человека в свои ряды

ведением, «отчет» не будет отражать его собственные выборы и состояния в повседневной жизни. Примером укрепления бессознательной мотивации субъекта на активное противостояние болезни являются широко распространенные в западной массовой культуре рассказы

известных людей, знаменитостей о своем недуге, о некоторых этапах и результатах лечения, которые традиционно скрывались в обществе, помечая носителя знаком тяжелой опасной болезни.

Роль общества в осуществлении реабилитационной работы

Очевидно, что при разработке и реализации реабилитационных программ кроме вопроса о роли субъекта неизбежно поднимается второй вопрос –

о роли общества (Turnock, 2015; Pratt et al., 2013; Henshaw et al., 2009; Taylor, Brown, 1988 и др.). Необходимо учитывать, что достижение цели социальной адаптации, которая во многом является мерилем обоснованности и успешности реабилитационных мероприятий, зависит не только от человека, но и от того, насколько общество готово включить больного человека в свои ряды. Приходится признать, что общество не всегда готово к этому. Для того, чтобы успешно осуществлялась клиничко-психологическая реабилитация, необходимо поднимать и обсуждать данную проблему.

Во многих странах мира эти вопросы уже в некоторой степени осмыслены и преодолены. В нашей стране мы только приступаем к осмыслению следующие

го момента: общество испытывает определенное стремление избежать контакта с болезнью, смертью, инвалидом, со всеми моментами, которые напоминают каждому из нас о конечности, ограниченности нашего существования. Иллюзией является предположение о том, что общество всег-

Мы все в значительной степени находимся в плену просветительского идеализма, который заключается в следующем: мы придаем достаточно большое значение осознанному, вербальным, высказываемым мыслям, забывая, что есть огромный пласт бессознательного, коллективного бессознательного, который не так легко рефлексировать

да хочет включать больных людей, помогать им. Чаще люди с проблемами здоровья исключены из общества. И обществом не предусмотрено никакого места для их существования. Достаточно вспомнить наши здания, устройство улиц, театров, магази-

мы сейчас все объясним, то все наладится и пойдет правильным путем. Существует скрытый сложный пласт нашего сознания, который обуславливает тот факт, что смерть, болезнь и инвалидность вызывают у нас ужас и страх. Это одна из серьезных

Просветительский идеализм приводит к тому, что общество ошибочно полагает: если мы сейчас все объясним, то все наладится и пойдет правильным путем. Существует скрытый сложный пласт нашего сознания, который обуславливает тот факт, что смерть, болезнь и инвалидность вызывают у нас ужас и страх

нов – они сделаны так, чтобы их никогда не посещал больной человек, он выключен из общества. Проведенное психологами исследование зафиксировало широко распространенное мнение о «заразности»

проблем философии, психологии и медицины.

Способы решения этой проблемы в обществе варьируются. В качестве типичного варианта выступает избега-

Выявляется важная проблема: мы не в состоянии понять то, что болезнь, инвалидность, смерть – это реальные вещи, это то, с чем мы должны жить. И до того момента, пока мы удаляем эти темы на периферию сознания, больные люди будут представлять собой маргинальную область изгоев

онкологических заболеваний, их неизлечимости, причем, это мнение встречалось и у людей с медицинским образованием (Герасименко, Тхостов, Кошут, 1986). Данная ситуация обладает значительной интактносью, несмотря на развитие медицины, и требует своего осмысления для преодоления тех ограничений, с которыми сталкиваются просветительские и пропагандистские мероприятия в области общественного здравоохранения.

Мы все в значительной степени находимся в плену просветительского идеализма, который заключается в следующем: мы придаем достаточно большое значение осознанному, вербальным, высказываемым мыслям, забывая, что есть огромный пласт бессознательного, коллективного бессознательного, который не так легко рефлексировать. Специальной задачей врачей и психологов является привлечение внимания к этой теме. Поскольку взглянуть в лицо данной реальности страшно, каждый человек стремится ее избегать. Просветительский идеализм приводит к тому, что общество ошибочно полагает: если

ние и игнорирование – у нас нет такой проблемы, мы не видим на улице больных, инвалидов, у нас человек умирает не в кругу семьи, как оно и должно быть, а там, где этим обязаны заниматься специалисты.

Другой вариант связан с классическими представлениями о норме, которые существуют у каждого человека. Мы никогда их не обсуждаем, они кажутся нам абсолютно естественными. Хотя естественность не столь уж очевидна. В частности, это касается возникшего в эпоху Античности представления о болезни как о неправильной, ложной форме человеческой сущности. Человек не должен болеть, не должен умирать, не должен стариться. Сформировался нормативный идеал молодого атлета, а то, что ему не соответствовало: старость, полнота, худоба, заболевание считалось дефектом. Хотя в реальной жизни такой идеал практически не достижим, однако представление о нем упорно внедряется в сознательное и бессознательное человека, в том числе и в настоящее время. Сегодня это осу-

ществляется с помощью телевизионной рекламы и СМИ. Культурные коды так естественно и незаметно впиваются, так незримо используются, что возникает отдельная, специальная задача по их рефлексии и многомерному осмыслению.

Выявляется важная проблема: мы не в состоянии понять то, что болезнь, инвалидность, смерть – это реальные вещи, это то, с чем мы должны жить. И до того момента, пока мы удаляем эти темы на периферию сознания, больные люди будут представлять собой маргинальную область изгоев. Для иного развития событий требуются радикальные перемены общественного сознания.

Еще одна проблема – это опасность классического рассмотрения некоторых социальных проблем как чисто медицинских и вынесение их в область патологии. Тогда реабилитация больных как область компетенции, приписываемая исключительно «специалистам» – врачам, психологам, оказывается областью, отгороженной от социальной реальности здоровых людей.

Заключение

Психологические аспекты реабилитации психически больного человека должны опираться на формирование и поддержание у него соответствующей направленности личности, способности принимать часть ответственности за свое состояние и развитие. Однако общество не всегда готово принять больного человека, и он сам, как член этого общества, начинает относиться к своему заболеванию, как к дефекту, как к некоторому знаку ущербности.

Привлечение внимания к проблемам реабилитации в последнее время свидетельствует о большей готовности общества менять устоявшиеся стереотипы, о возрастающем стремлении к интеграции в активную социальную жизнь тех людей, чьи ограничения, вызванные болезнью, инвалидностью, требуют дополнительного внимания со стороны общества. Важным является научно обоснованное понимание принципов реабилитационной работы в новых условиях, целью которой становится формирование для больного человека достойного места в обществе.

Литература:

- Герасименко В.Н., Тхостов А.Ш., Кошуг Н.Г. Социальные установки и отношение к онкологическим больным // Вопросы онкологии. – 1986. – № 11. – С. 50–55.
- Григорьева В.Н., Ковязина М.С., Тхостов А.Ш. Когнитивная нейрореабилитация больных с очаговыми поражениями головного мозга. – Москва : УМК «Психология», 2006.
- Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Сторожакова Я.А. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. – Москва : Медпрактика-М, 2004.
- Расказова Е.И., Тхостов А.Ш. Биопсихосоциальный подход к пониманию здоровья и болезни // Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 2015. – Т. 2. – С. 17–21.
- Тхостов А.Ш. Возможности и перспективы социальной патопсихологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – №1 – С. 36–50.
- Холмогорова А.Б. Обострение борьбы парадигм в науках о психическом здоровье: в поисках выхода // Социальная и клиническая психиатрия. – 2014. – № 4. – С. 53–61.
- Холмогорова А.Б., Довженко Т.В., Гаранян Н.Г. и др. Взаимодействие специалистов в комплексном лечении психических расстройств // Консультативная психология и психотерапия. – 2001. – № 4. – С. 144–153.
- Baldwin, A.S., & Sala, M. (2018) Perceived Satisfaction with Health Behavior Change. In: *Affective Determinants of Health Behavior*. Eds David M. Williams, Ryan E. Rhodes, & Mark T. Conner. Oxford University Press, 138–161. doi: 10.1093/oso/9780190499037.003.0004
- Butcher, J.N., Rouse S.V., & Perry J.N. (1998) Assessing resistance to psychological treatment. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 31(2), 95–104.
- Carta, M.G., Patten, S., Nardi, A.E., & Bhugra, D. (2017) Mental health and chronic diseases: a challenge to be faced from a new perspective. *International Review of Psychiatry*, 29(5), 373–376. doi: 10.1080/09540261.2017.1364885
- Cockerham, W.C. (2016) Medical Sociology. Routledge. NY. 439. doi: 10.1002/9781405165518.wbeosm075.pub2
- Dwamena, F., & Holmes-Rovner M. et al. (2012) Interventions for providers to promote a patient-centred approach in clinical consultations. *Cochrane Database Syst Rev*. doi: 10.1002/14651858.CD003267.pub2
- Ezzati, M., Lopez, A.D., Rodgers, A., & Murray, C.J.L. (2004) Mortality and burden of disease attributable to individual risk factors. In: Eds. Bull F.C., Armstrong T.P., Dixon T., Ham S., Nieman A., & Pratt M. *Comparative Quantification of Health Risks Global and Regional Burden of Disease Attributable to Selected Major Risk Factors*. Geneva: World Health Organization.
- Fulford, D., Campellone, T., & Gard, D.E. (2018) Social motivation in schizophrenia: How research on basic reward processes informs and limits our understanding. *Clinical Psychology Review*, 63, 12–24. doi: 10.1016/j.cpr.2018.05.007
- Gallagher, P., Yancy, W.S. Jr., Swartout, K., Denissen, J.J.A., Kühnel, A., & Voils, C.I. (2012) Age and sex differences in prospective effects of health goals and motivations on daily leisure-time physical activity. *Preventive Medicine*, 55(4), Oct. 2012, 322–324. doi: 10.1016/j.ypmed.2012.07.017
- Grassi, L., Mezzich, J. E., Nanni, M. G., Riba, M. B., Sabato, S., & Caruso, R. (2017) A person-centred approach in medicine to reduce the psychosocial and existential burden of chronic and life-threatening medical illness. *International Review of Psychiatry*, 29(5), 377–388. doi: 10.1080/09540261.2017.1294558
- Hagger, M.S., & Chatzisarantis, N.L. (2009) Integrating the theory of planned behavior and self-determination theory in health behavior: a meta-analysis. *Br. J. Health Psychol.* May 2009;14 (Pt 2), 275–302. doi: 10.1348/135910708X373959
- Henshaw, E.J., & Freedman-Doan, C.R. (2009) Conceptualizing mental health care utilization using the health belief model. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 16 (4), 420–439. doi: 10.1111/j.1468-2850.2009.01181.x
- Holland J.C. et al. (Eds.) (2010) *Psycho-oncology*. Oxford University Press, NY, 692. doi: 10.1093/med/9780195367430.001.0001
- Kovязина, M.S., Fomina, K. A., & Moskvina, V.V. et al. (2018) Clinical and psychological approach to the rehabilitation of patients in a state of the depression of consciousness after suffering a stroke. *Papeles del Psicologo*, 39(2), 155–160.
- Miller. A.M., & Iris. M. (2002) Health promotion attitudes and strategies in older adults. *Health Educ Behav.* Apr 2002; 29(2), 249–267. doi: 10.1177/1090198102029002009
- Mohr, D.C., Ho, J., Duffe, J., Baron, K.G., Lehman, K.A., Jin, L., & Reifler, D. (2010) Perceived barriers to psychological treatments and their relationship to depression. *Journal of Clinical Psychology*, 66(4), 394–409. doi: 10.1002/jclp.20659
- Pratt, C., Gill, K., Barrett, N., & Roberts, M. (2013) *Psychiatric Rehabilitation*. 3rd Ed. Elsevier, 634.
- Prochaska, J.O., Redding, C.A., & Evers, K.E. (2008) The transtheoretical model and stages of change. In: K. Glanz, B.K. Rimer, & K. Viswanath (Eds.), *Health behavior and health education: Theory, research, and practice*. 4th Ed. Jossey-Bass (Wiley), San Francisco, CA, 458.
- Rasskazova, E.I., & Tkhostov, A.Sh. (2015) Biopsychosocial approach to understanding health and disease. [*Obzrenie psikiatrii i meditsinskoy psikhologii im. V.M. Bekhtereva*], 2, 17–21.
- Rhodes, R.E., Williams, D.M., & Conner, M.T. (2018) Affective Determinants of Health Behavior: Common Themes, Future Directions, and Implications for Health Behavior Change. In: David M. Williams, Ryan E. Rhodes, Mark T. Conner (Eds.) *Affective Determinants of Health Behavior*. Oxford University Press, 485–498. doi: 10.1093/oso/9780190499037.003.0021
- Taylor, S.E., & Brown, J.D. (1988) Illusion and well-being: a social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 116, 193–210. doi: 10.1037/0033-2909.103.2.193
- Turnock, B.J. (2015) *Public Health: What It Is and How It Works*. 6th Ed. Jones & Bartlett L., 454.
- Schauman, O., & Mansell, W. (2012) Processes underlying ambivalence in help-seeking: The loss of valued control model. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 19 (2), 107–124. doi: 10.1111/j.1468-2850.2012.01277.x
- Weinstein, N., & Ryan, R.M. (2010) When helping helps: Autonomous motivation for prosocial behavior and its influence on well-being for the helper and recipient. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98(2), 222–244. doi: 10.1037/a0016984
- White M., & Casey, L.M. (2018) What do help-seeking measures assess? Building a conceptualization framework for help-seeking intentions through a systematic review of measure content. *Clinical Psychology Review*, Feb. 2018, 59, 61–77.
- White, P. (2005) *Biopsychosocial medicine: An integrated approach to understanding illness*. Oxford Un, P. 272. doi: 10.1093/med:psy/9780198530343.001.0001

References:

- Baldwin, A.S., & Sala, M. (2018) Perceived Satisfaction with Health Behavior Change. In: *Affective Determinants of Health Behavior*. Eds David M. Williams, Ryan E. Rhodes, & Mark T. Conner. Oxford University Press, 138–161. doi: 10.1093/oso/9780190499037.003.0004
- Butcher, J.N., Rouse S.V., & Perry J.N. (1998) Assessing resistance to psychological treatment. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 31(2), 95–104.
- Carta, M.G., Patten, S., Nardi, A.E., & Bhugra, D. (2017) Mental health and chronic diseases: a challenge to be faced from a new perspective. *International Review of Psychiatry*, 29(5), 373–376. doi: 10.1080/09540261.2017.1364885
- Cockerham, W.C. (2016) *Medical Sociology*. Routledge. NY. 439. doi: 10.1002/9781405165518.wbeosm075.pub2
- Dwamena, F., & Holmes-Rovner M. et al. (2012) Interventions for providers to promote a patient-centred approach in clinical consultations. *Cochrane Database Syst Rev*. doi: 10.1002/14651858.CD003267.pub2
- Ezzati, M., Lopez, A.D., Rodgers, A., & Murray, C.J.L. (2004) Mortality and burden of disease attributable to individual risk factors. In: Eds. Bull F.C., Armstrong T.P., Dixon T., Ham S., Nieman A., & Pratt M. *Comparative Quantification of Health Risks Global and Regional Burden of Disease Attributable to Selected Major Risk Factors*. Geneva: World Health Organization.
- Fulford, D., Campellone, T., & Gard, D.E. (2018) Social motivation in schizophrenia: How research on basic reward processes informs and limits our understanding. *Clinical Psychology Review*, 63, 12–24. doi: 10.1016/j.cpr.2018.05.007
- Gallagher, P., Yancy, W.S. Jr., Swartout, K., Denissen, J.J.A., Kühnel, A., & Voils, C.I. (2012) Age and sex differences in prospective effects of health goals and motivations on daily leisure-time physical activity. *Preventive Medicine*, 55(4), Oct. 2012, 322–324. doi: 10.1016/j.ypmed.2012.07.017
- Gerasimenko, V.N., Tkhostov, A.Sh., & Koshchug, N.G. (1986) Social attitudes and attitude to oncological patients. [*Voprosy onkologii*], 11, 50–55.
- Grassi, L., Mezzich, J. E., Nanni, M. G., Riba, M. B., Sabato, S., & Caruso, R. (2017) A person-centred approach in medicine to reduce the psychosocial and existential burden of chronic and life-threatening medical illness. *International Review of Psychiatry*, 29(5), 377–388. doi: 10.1080/09540261.2017.1294558
- Grigorieva, V.N., Kovyazina, M.S., & Tkhostov, A.Sh. (2006) Cognitive neurorehabilitation of patients with focal brain lesions. Moscow, UMK «Psikhologiya».
- Gurovich, I.Ya., Shmukler, AB, & Storozhakova, Ya.A. (2004) Psychosocial therapy and psychosocial rehabilitation in psychiatry. Moscow, Medpraktika-M.
- Hagger, M.S., & Chatzisarantis, N.L. (2009) Integrating the theory of planned behavior and self-determination theory in health behavior: a meta-analysis. *Br. J. Health Psychol.* May 2009;14 (Pt 2), 275–302. doi: 10.1348/135910708X373959
- Henshaw, E.J., & Freedman-Doan, C.R. (2009) Conceptualizing mental health care utilization using the health belief model. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 16 (4), 420–439. doi: 10.1111/j.1468-2850.2009.01181.x
- Holland J.C. et al. (Eds.) (2010) *Psycho-oncology*. Oxford University Press, NY, 692. doi: 10.1093/med/9780195367430.001.0001
- Kholmogorova, A.B. (2014) The aggravation of the struggle of paradigms in the sciences of mental health: in search of an exit. [*Social'naya i klinicheskaya psichiatriya*], 4, 53–61.
- Kholmogorova, A.B., Dovzhenko, T.V., Garanyan, N.G. et al. (2001) Interaction of specialists in the complex treatment of mental disorders. [*Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*], 4, 144–153.
- Kovyazina, M.S., Fomina, K. A., & Moskvina, V.V. et al. (2018) Clinical and psychological approach to the rehabilitation of patients in a state of the depression of consciousness after suffering a stroke. *Papeles del Psicologo*, 39(2), 155–160.
- Miller, A.M., & Iris. M. (2002) Health promotion attitudes and strategies in older adults. *Health Educ Behav.* Apr 2002; 29(2), 249–267. doi: 10.1177/1090198102029002009
- Mohr, D.C., Ho, J., Duffecy, J., Baron, K.G., Lehman, K.A., Jin, L., & Reifler, D. (2010) Perceived barriers to psychological treatments and their relationship to depression. *Journal of Clinical Psychology*, 66(4), 394–409. doi: 10.1002/jclp.20659
- Pratt, C., Gill, K., Barrett, N., & Roberts, M. (2013) *Psychiatric Rehabilitation*. 3rd Ed. Elsevier, 634.
- Prochaska, J.O., Redding, C.A., & Evers, K.E. (2008) The transtheoretical model and stages of change. In: K. Glanz, B.K. Rimer, & K. Viswanath (Eds.), *Health behavior and health education: Theory, research, and practice*. 4th Ed. Jossey-Bass (Wiley), San Francisco, CA, 458.
- Rasskazova, E.I., & Tkhostov, A.Sh. (2015) Biopsychosocial approach to understanding health and disease. [*Obzrenie psikhologii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva*], 2, 17–21.
- Rhodes, R.E., Williams, D.M., & Conner, M.T. (2018) Affective Determinants of Health Behavior: Common Themes, Future Directions, and Implications for Health Behavior Change. In: David M. Williams, Ryan E. Rhodes, Mark T. Conner (Eds.) *Affective Determinants of Health Behavior*. Oxford University Press, 485–498. doi: 10.1093/oso/9780190499037.003.0021
- Taylor, S.E., & Brown, J.D. (1988) Illusion and well-being: a social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 116, 193–210. doi: 10.1037/0033-2909.103.2.193
- Tkhostov, A.Sh. (2017) Possibilities and prospects of social pathopsychology. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 1, 36–50.
- Turnock, B.J. (2015) *Public Health: What It Is and How It Works*. 6th Ed. Jones & Bartlett L., 454.
- Schauman, O., & Mansell, W. (2012) Processes underlying ambivalence in help-seeking: The loss of valued control model. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 19 (2), 107–124. doi: 10.1111/j.1468-2850.2012.01277.x
- Weinstein, N., & Ryan, R.M. (2010) When helping helps: Autonomous motivation for prosocial behavior and its influence on well-being for the helper and recipient. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98(2), 222–244. doi: 10.1037/a0016984
- White M., & Casey, L.M. (2018) What do help-seeking measures assess? Building a conceptualization framework for help-seeking intentions through a systematic review of measure content. *Clinical Psychology Review*, Feb. 2018, 59, 61–77.
- White, P. (2005) Biopsychosocial medicine: An integrated approach to understanding illness. Oxford Un, P. 272. doi: 10.1093/med:psych/9780198530343.001.0001

Помогающие отношения в теории и практике социальной работы (на материалах зарубежных исследований)

Д.В. Лифинцев, А.Б. Серых, А.А. Лифинцева

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

Поступила 23 октября 2017 / Принята к публикации: 30 ноября 2017

Helping relationship in the theory and practice of social work (based on foreign research)

Dmitry V. Lifintsev*, Anna B. Serykh, Alla A. Lifintseva

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

* Corresponding author E-mail: DLifintsev@kantiana.ru

Received October 23, 2017 / Accepted for publication: November 30, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Функциональность социального работника, система его профессиональных компетенций и качество межличностного контакта с клиентом создают основу для анализа помогающих отношений как одного из факторов эффективности социально-психологической помощи. Проблема помогающих отношений имеет весьма ограниченный диапазон представленности в современной психологии.

Цели проведенного аналитико-теоретического исследования заключаются в подробном анализе феномена «помогающих отношений» в социальной работе, в выявлении специфики процесса «оказания помощи», в обсуждении основных составляющих помогающих отношений в социальной работе.

Описание хода исследования. В теоретико-аналитическом исследовании последовательно дан анализ работ пионеров в области изучения помогающих отношений, а именно, F. Biestek, H. Perlman, R. Weiss и многих других. Рассматривая феномен «оказания помощи», авторы описывают базис помогающих отношений в социальной работе. Охарактеризованы типы клиентских запросов, среди которых основными являются предоставление конкретных услуг и поддержка/руководство в трудных жизненных ситуациях. Представлены основные стадии развития помогающих отношений в практике социальной работы: начальный этап, исследование и оценка, решение проблемы, завершение.

Результаты исследования. Несмотря на весьма значительную роль, которую играют помогающие отношения в практике социальной работы, до сих пор остаются неясными вопросы их дифференциации с терапевтическими отношениями, проблемы содержания компетенций специалиста, способного к построению помогающих отношений и описания качества помогающих отношений как одного из факторов эффективности оказания помощи.

Выводы. Помогающие отношения – это долгосрочные отношения в рамках профессионально заданных ролей и статусов, связанные с поддержкой и сопровождением человека в его развитии и социальной адаптации, со стимулированием индивидуальных изменений и сохранением или восстановлением его психологического и социального благополучия. Построение и развитие помогающих отношений возможно только на основе эмпатического понимания, уважения, позитивной обратной связи, подлинности, конгруэнтности, непосредственности и проявления теплых чувств по отношению к клиенту.

Ключевые слова: социальная работа, социальная поддержка, помогающие отношения, оказание социальной помощи.

Background. The functionality of the social worker, their professional competencies and the quality of interpersonal contact with the client create the background for analyzing the helping relationships as a main factor of efficacy of psychological help.

The Objective of this paper is to analyze the phenomenon of «helping relationships» in social work. The phenomenon of “helping” lies in the basis of helping relationships. “Helping” means finding a joint solution of certain problem of the client and the development of their social competencies. Client requests are given in brief, they include the provision of certain services and support/guidance in difficult life situations. Particular attention is paid to the analysis of the pioneering works in the field of helping relationships, e.g. F. Biestek, H. Perlman, R. Weiss, etc. Helping relationships are viewed through the categories of communication, interaction, working alliance, form, connection. The key components of a helping relationship are reciprocity, feelings, knowledge, reality, interest, goals, impartiality, ability to offer something new and facilitation. Helping relationships are always associated with changes in both the social worker and their client. Helping relationship in the practice of social work developed for a specific purpose and terminate when the goal is achieved. Helping relationship differ from other types of interpersonal relationships. Care for the client system, expectations, empathy and clear communication, authenticity of experiences and acceptance, authority are important factors in the development of helping relationship. The main stages of helping relationship in the practice of social work are considered: the initial stage, research and evaluation, problem solving and completion.

Research Results. Despite a significant role that helping relationship plays in social work, there are still the issues that require further study, e.g. distinction of helping relationship and therapeutic relationship, expert competence, capability of building mutual assistance and describing the quality of mutual assistance.

Conclusion. Helping relationship is a long-term relation within the framework of professionally assigned roles and statuses related to the support and assistance to a person in their development and social adjustment, incentivizing individual changes and preserving or restoring their psychological and social well-being. Building and developing mutual assistance is possible only within the relations based on empathic understanding, respect, positive feedback, authenticity, congruence, immediacy and warm feelings towards the client.

Keywords: social work, social support, helping relationship, social assistance.

В современном обществе существует целый ряд профессий (педагог, психолог, социальный работник, врач и т.п.), основное содержание деятельности которых связано с ответственностью за организацию и оказание помощи людям, имеющим различные социальные, психологические или медицинские проблемы и ограничения. Несмотря на то, что эти профессии ин-

димность установления эмоционального контакта и специфических отношений между специалистами и клиентом (пациентом).

В практике социальной работы качеству взаимоотношений социального работника и клиента исторически отводится особая роль. С самого начала становления профессии предполагалось, что именно хороший контакт с клиентом

В практике социальной работы качеству взаимоотношений социального работника и клиента исторически отводится особая роль. С самого начала становления профессии предполагалось, что именно хороший контакт с клиентом и способность завоевать его доверие являются ключевыми факторами эффективности оказываемой помощи

стигуализированы на разных правовых и научных основах, используют разные методы и формы работы и обнаруживают мало сходства в теоретических обоснованиях и профессиональной подготовке, всех их объединяет одно – необхо-

и способность завоевать его доверие являются ключевыми факторами эффективности оказываемой помощи (Martin et al., 2000; Horvath, Luborsky, 1993; Seabury, 2011; Bell, Smerdon, 2011; Ribner, Knei, Paz, 2002). Помогающие отношения яв-

лялись и продолжают оставаться в центре внимания многих ученых: R. Weiss, F. Biestek, P. Burnard, H. Perlman, A. Keith-Lucas, P. Trevitnick, S. Halverson, R. Miars, S. Morgan, M. Bogo, C. Munson, D. Ribner, C. Knei-Paz, T. Wills, M. Rosenberg и многих других. Отдельная часть трудов посвящена анализу, интеграции и/или дифференциации помогающих и терапевтических отношений в практике оказания психологической помощи (Burnard, 1989; Dillon, 1990; Lloyd, Maas, 1992; Nelson-Jones, 1988; Bond, 1993; Murgatroyd, 1985; D'Antonio, 2004; Priebe, McCabe, 2008; Borg, Kristiansen, 2004).

В контексте социальной работы помогающие отношения могут рассматриваться в трех основных аспектах. Во-первых, качество и характер отношений определяется теми функциями, которые выполняет социальный работник по отношению к клиенту. Во-вторых, поддержание профессионально целесообразных отношений можно рассматривать через призму системы профессиональных компетенций социальных работников. И, наконец, третьим аспектом анализа помогающих отношений является качество межличностного контакта и чувствительность работника к межличностным потребностям клиентов в качестве факторов эффективности социальной работы.

Ключевым для понимания специфики профессиональных отношений в социальной работе становится понятие «оказание помощи» («helping»). G. Egan, один из первых описавший роль отношений в контексте консультирования, предложил включить в феномен «оказание помощи» два аспекта, каждый из которых базируется на потребностях человека, ищущего поддержки. Первый аспект помощи связан непосредственно с решением конкретных проблем – «это то, что помогает клиентам более эффективно решать свои конкретные проблемы и обнаруживать неиспользованные или недостаточно использованные возможности». Второй – определяется более глобальной целью развития у человека общих социальных компетенций и способности самостоятельно справляться с жизненными трудностями и расширять диапазон ресурсов для решения повседневных проблем (Egan, 1998, P. 7–8). Различные аспекты обсуждения понятия «оказание помощи» в практике помога-

Дмитрий Валентинович Лифинцев –

доктор педагогических наук,
профессор Института гуманитарных наук Балтийского
федерального университета имени И. Канта.
E-mail: DLifintsev@kantiana.ru
<https://www.kantiana.ru/about/staff/03900007497/>

Анна Борисовна Серых –

доктор психологических наук,
профессор Института гуманитарных наук Балтийского
федерального университета имени И. Канта.
E-mail: ASerykh@kantiana.ru
<https://famous-scientists.ru/7872>

Алла Александровна Лифинцева –

доктор психологических наук, доцент
Института гуманитарных наук Балтийского
федерального университета имени И. Канта.
E-mail: ALifintseva@kantiana.ru
<http://psycdigest.ru/author/detail.php?Author=5143>

Для цитирования: Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А. Оценка успешности воспроизведения эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций при использовании систем виртуальной реальности // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 38–45. doi: 10.11621/npj.2018.0205

For citation: Lifintsev D.V., Serykh A.B., Lifintseva A.A. (2018) Helping relationship in the theory and practice of social work (based on foreign research). National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 11(2), 38–45. doi: 10.11621/npj.2018.0205

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

ющих профессий можно также встретить в работах К. Bailey, Н. Wood, G. Nava, С. Barker, R. Carkhuff, W. Anthony, A. Fletcher, J. Hattie, В. Hogan и других.

Обзор исследований проблемы помогающих отношений в социальной работе, проведенный М. Russell, выявил ряд тенденций (Russell, 1990). Во-первых, большая часть работ сосредоточена на теории в попытках создать научную основу вмешательств при реализации практики клинической социальной работы. Во-вторых, ряд исследований ориентированы на анализ и проверку эффективности различных структурированных и регламентированных интервенций. В-третьих, лишь очень небольшое количество работ посвящено оценке роли отношений между социальным работником и клиентом при реализации тех или иных вмешательств. По мнению Е. Goldstein, эти данные резко контрастируют с большинством текстов по практике социальной работы, где постоянно подчеркивается важность помогающих отношений и их вклад в эффективность социальных вмешательств (Goldstein, 1995).

Обычно в практике социальной работы выделяют два типа клиентских запросов: предоставление конкретных услуг и поддержка/руководство в трудных жизненных ситуациях. В первом случае личность специалиста не имеет особого значения – клиент ожидает, что социальный работник будет компетентен в решении его проблемы, а его мировоззрение или характерологические особенности второстепенны и не будут вносить особый вклад в процесс оказания помощи. Но во втором случае потребность в поддержке и руководстве, в сопровождении изменений делают специалиста уникальной фигурой для клиента – сталкиваясь с серьезными жизненными трудностями, клиенты чувствуют потребность в тесном контакте с авторитетной фигурой, которая символически принимала бы их переживания как собственные и искала способы выхода из трудных ситуаций (Weiss, 1973).

Ф. Biestek, один из первых начавший обсуждать проблему отношений в социальной работе и оказавший значительное влияние на более поздние профессиональные дискуссии, характеризовал отношения как «душу» процесса помощи. В его понимании помогающие отно-

шения – это динамическое взаимодействие чувств и отношений социального работника и клиента. Ф. Biestek предполагал, что помогающие отношения могут быть построены только при соблюдении социальным работником семи базовых принципов: индивидуальности, целенаправленного и целесообразного выражения эмоций, создании контролируемой эмоциональной среды, принятия, отсут-

Если профессиональные отношения социального работника с клиентом чрезмерно сосредоточены на методах, техниках или безличных интервенциях, то это усиливает беспокойство клиентов, вызывает недоверие и индуцирует тревогу

ствия осуждения, конфиденциальности и поддержки самоопределения клиента (Biestek, 1954). Н. Perlman, ставшая родоначальником проблемно-ориентированного подхода в социальной работе, под помогающими отношениями понимала поддерживающий рабочий альянс между социальным работником и клиентом, который ограничен во времени и имеет определенные цели. Базируясь на работах К. Роджерса, она выделила пять основных характеристик этого процесса, которые способствуют развитию помогающих отношений: эмоциональное тепло, принятие, заинтересованность, забота и подлинность (Perlman, 1979).

А. Keith-Lucas определяет помогающие отношения в социальной работе как «поддерживающее средство, которое предлагается людям, находящимся в трудных жизненных ситуациях, с помощью которого им предоставляется возможность делать свободный выбор как в отношении принятия помощи, так и в способах ее использования». Он отмечает, что ключевыми элементами помогающих отношений являются взаимность, чувства, знания, признание реальности, заинтересованное отношение к другому, цели, беспристрастность, способность предлагать что-то новое и т.п. (Keith-Lucas, 1973, Р. 47). С. Bisman, продолжая описывать помогающие отношения, говорит, что последние представляют собой «форму связывающих убеждений» между социальным работником и клиентом – обе стороны должны верить, что «у социального работника есть что-то, что поможет его клиенту, а сам клиент способен к изменениям» (Bisman, 1994, Р. 77).

Наиболее распространенным на сегодняшний момент является определение помогающих отношений, предложенное М. Glickен: «это связь между двумя незнакомыми людьми, построенная на основе доверия к процессу помощи и веры в то, что он приведет к позитивным изменениям; социальный работник фасилитирует коммуникацию, вступает в диалог с клиентом и они совместно

ищут наилучший способ решения жизненных проблем клиента» (Glickен, 2004, Р. 50). Изучение помогающих отношений в реальной практике возможно с использованием специализированных психодиагностических инструментов, таких как, например, «Опросник помогающих отношений», разработанный Т. Young и J. Poulin (Young, Poulin, 1998).

И. Salzberger-Wittenberg говорит, что помогающие отношения – это двусторонний процесс, в котором обе стороны влияют друг на друга, учатся друг у друга и меняются каждый в свою сторону. Изменения выглядят как реципрокный процесс, где каждый опыт контакта впоследствии имеет значение для следующего этапа жизни человека. Как для клиента, так и для социального работника, каждая их встреча – это место приобретения нового социального опыта, расширения своих знаний и формирования новых навыков (Salzberger-Wittenberg, 1970). В ситуации жизненных кризисов и трудностей устойчивые помогающие отношения позволяют клиентам вернуть чувства надежды и оптимизма, сохранять доверие и чувство безопасности во взаимоотношениях с другими людьми. Помимо этого, если профессиональные отношения социального работника с клиентом чрезмерно сосредоточены на методах, техниках или безличных интервенциях, то это усиливает беспокойство клиентов, вызывает недоверие и индуцирует тревогу. Впоследствии это затрудняет повторное обращение за помощью к специалистам социальных служб (Trevitnick, 2003).

Помогающие отношения в социальной работе формируются с определен-

ной целью и прекращаются, когда эта цель достигнута. Социальный работник предпринимает сознательные, целенаправленные и определенные усилия по развитию помогающих отношений, которые содержат в себе следующие составляющие:

- систематическая забота о клиента;
- ожидания;
- эмпатия и ясная коммуникация;
- подлинность переживаний и принятие;
- авторитет/власть.

Ожидания клиента – оправданные или неоправданные – могут значительно влиять на построение помогающих отношений и на особенности взаимодействия с социальным работником

Забота о клиенте предполагает сосредоточение внимания социального работника на всем том, что происходит с клиентом в течение всего периода работы с ним. А. Keith-Lucas отмечает, что беспокойство и забота связаны с «обслуживанием интересов» клиента и включают в себя понимание, тепло, безусловное уважение, симпатию и многое другое, что может помочь клиенту преодолеть его трудности (Keith-Lucas, 1973).

Подлинное и конгруэнтное отношение базируется на открытости социального работника, а его поведение совпадает с вербальными интервенциями и соответствует ценностям социальной работы. Помогающие отношения строятся, исходя из идеи честности специалиста – если он говорит, что он искренен в отношениях с клиентом, то он должен признавать и собственные ошибки

Ожидания – это один из самых важных компонентов человеческого поведения. Ожидания клиента – оправданные или неоправданные – могут значительно влиять на построение помогающих отношений и на особенности взаимодействия с социальным работником. Исследовате-

Формальный авторитет позволяет клиенту увидеть социального работника как способного помочь ему справиться с его трудностями, найти возможность реализации прямых действий по решению его проблемы и создать условия по обеспечению доверия и безопасности в их отношениях

лями выделяются три набора ожиданий, которые могут возникнуть в практике социальной работы. Первый из них связан с тем, как социальный работник оценивает способность и желание клиента изменяться, а также свои собственные способно-

сти влиять на ситуацию клиента. Второй тип касается ожиданий клиента относительно действий социального работника – помощь не может быть эффективной, пока ожидания клиента не встретятся с некоторыми откликами в поведении социального работника. Чем больше несогласованность в ожиданиях клиента и того, что происходит в его отношениях с социальным работником, тем выше вероятность завершения совместной работы. И, наконец, третий набор ожиданий предполагает веру клиента в эффектив-

ность помогающего процесса и компетентность социального работника. По сути, это ожидания относительно результатов построения помогающих отношений с социальным работником.

Еще К. Роджерс рассматривал эмпатию как важнейший фактор помогающих отношений. Эмпатия в коммуникации свидетельствует о том, что социальный работник понимает всю глубину страдания клиента, и что он готов находиться

рядом с ним. В помогающих отношениях проявлениями эмпатии может быть: сосредоточение на помогающих интервенциях, формулировка интервенций в поддерживающем ключе, обратная связь в чувственном помогающем тоне, отзывчивость и т.п. Эмпатичными сооб-

щениями в поддерживающих отношениях будут: «Я понимаю, что ты расстроен», «Это должно быть трудно для тебя...», «Я разделяю с тобой твоё переживание» и т.д. Роль эмпатии обсуждается в работах J. Clark, A. Bohart, L. Greenberg.

Подлинное и конгруэнтное отношение базируется на открытости социального работника, а его поведение совпадает с вербальными интервенциями и соответствует ценностям социальной работы. Помогающие отношения строятся, исходя из идеи честности специалиста – если он говорит, что он искренен в отношениях с клиентом, то он должен признавать и собственные ошибки. В то же время, принятие заключается в выражении доброжелательного отношения к клиенту, несмотря на его трудности или дезадаптивное поведение. Принятие подразумевает, что клиент – это уникальный человек с присущими только ему чувствами, мыслями и переживаниями.

Авторитет и власть – это та сила, которая делегирована социальным работникам обществом, институциональной системой или агентством. Власть всегда будет присутствовать в помогающих отношениях в социальной работе, что изначально не позволяет рассматривать нам их в понятиях «равных» или «однаковых». Именно формальный авторитет позволяет клиенту увидеть социального работника как способного помочь ему справиться с его трудностями, найти возможность реализации прямых действий по решению его проблемы и создать условия по обеспечению доверия и безопасности в их отношениях.

Развитие помогающих отношений, по мнению многих авторов, требует прохождения нескольких стадий, каждая из которых имеет свои особенности и требует от социального работника разнообразных действий. На первой стадии – развитии отношений – предполагается первая встреча с клиентом, создание раппорта, предоставление информации, определение совместных целей и информирование клиента об особенностях организации процесса оказания ему помощи (конфиденциальность, роли социального работника и клиента, частота встреч и т.д.). Вторая стадия – исследование и оценка – связана с деятельностью социального работника, который, используя разнообразные техники, теоретические подходы и стратегии, проводит анализ когнитивных и эмоциональных процессов клиента, параметров его проблем, предыдущего опыта совладания

с трудностями, способностей к изменению и принятию решений, переоценке жизненных целей и задач. Решение проблем – третья стадия построения помогающих отношений, здесь в центре внимания активность и клиента, и социального работника. Активность клиента предполагает переоценку его ценностей и установок, динамические характеристики личности, освоение новых форм поведения и их апробацию в реальном жизненном процессе. Фасилитация, демонстрация, инструктирование и предоставление безопасности среды для изменений составляют основу активности социального работника. И, наконец, последняя, четвертая стадия определяет завершение помогающих отношений и закрепление полученного в процессе работы опыта (Corey et al., 2011; Halverson, Miars, 2005; Kunyk, Olson, 2001; Velleman, Aris, 2010; France, Weikel, 2014; Howe, 1998; Horvath, Greenberg, 1994.)

Таким образом, можно определить, что помогающие отношения – это долгосрочные отношения в рамках профессионально заданных ролей и статусов, связанные с поддержкой и сопровождением человека в его развитии и социальной адаптации, со стимулированием индивидуальных изменений и сохранением или восстановлением его психологического и социального благополучия. Построение и развитие помогающих отношений возможно только на основе эмпатического понимания, уважения, позитивной обратной связи, подлинности, конгруэнтности, непосредственности и проявлении теплых чувств по отношению к клиенту. Это то, что делает контакт между специалистом и клиентом доверительным, устойчивым и эмоционально открытым. Именно такие черты характеризуют любые отношения, в которых есть прочная межличностная связь и взаимная приверженность общим целям. Но проблема, которая возникает в этом случае – как отличать профессиональные отношения от реальных, в которых возникают естественные формы помощи и поддержки: дружеских, детско-родительских, супружеских, родственных и др.? Мы полагаем, что коммуникативное содержание и эмоциональная сторона личных и профессиональных отношений имеют одну и ту же природу вне

зависимости от социальных контекстов, определяющих внешние рамки отношений – базовые потребности человека в основе своей стабильны и, хотя и трансформируются, но не меняют свое содержание в зависимости от того, где вы сейчас находитесь – на работе, в семье, в компании, друзей и т.д. Социальные контексты меняют только приоритетность и способы их реализации. С точки зрения потребностей клиента, отношения между детьми и педагогами, психологом (социальным работником), врачом и пациентом могут быть насыщены эмоциональными ожиданиями и личной вовлеченностью, но, очевидно, ограничены формализованными социальными контрактами и диапазоном взаимных обязательств. Для специалиста отношения с клиентом, несмотря на возможный интенсивный и прочный эмоциональный контакт с ним, остаются, как правило, в пространстве служебных отношений («работа»), отделенных от зоны частной жизни («privacy») – личного пространства, где люди ищут подлинную близость и эмоциональную связь. Хотя эмоциональное содержание личных отношений может быть близким к профессиональным

Хотя эмоциональное содержание личных отношений может быть близким к профессиональным помогающим отношениям, но остается одно очень существенное различие – принципиально отличается форма этих отношений

помогающим отношениям, но остается одно очень существенное различие – принципиально отличается форма этих отношений. Профессиональные помо-

Социальным работникам, участвующим в процессе оказания непосредственной помощи клиентам, необходимо обладать рядом компетенций, которые можно обозначить, как «помогающие компетенции»

гающие отношения ограничены рамками специальных сеттингов т.е. наборами правил, контрактов, условий, определяющих границы отношений, за рамками которых обязательства по отношению друг к другу не действуют. Условно говоря, профессиональные помогающие отношения – это отношения со взаимно «ограниченной ответственностью».

Профессиональные помогающие отношения в социальной работе обладают определенными характеристиками, ко-

торые отличают их от других типов межличностных взаимодействий. Во-первых, помогающие отношения структурируются социальным работником и имеют свое начало и окончание. Во-вторых, в основе данных отношений лежат доверие, забота, принятие, разделяемые и социальным работником, и клиентом. В-третьих, помогающие отношения предполагают асимметричный коммуникативный обмен – они возникают на основе открытого сотрудничества и предназначаются для решения жизненных трудностей клиента, поэтому его потребности имеют приоритет и доминируют над потребностями социального работника. И, в-четвертых, помогающие отношения основаны на открытости новому опыту и предполагают рост и развитие обеих сторон, участвующих в помогающем процессе.

Социальным работникам, участвующим в процессе оказания непосредственной помощи клиентам, необходимо обладать рядом компетенций, которые можно обозначить, как «помогающие компетенции». Среди них особое место отводится способности ясно понимать границы профессиональных контрак-

тов и условий предоставления помощи, наличие навыков и ресурсов, позволяющих оставаться вовлеченным в помогающий процесс и активно слушать клиента,

рефлексивным способностям к анализу эмоциональной динамики контакта и готовности к эмпатическому отклику на его эмоциональные потребности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социальная поддержка как коммуникативный феномен в социальной работе и социально-педагогической практике» (№15-06-10871).

Литература:

- Bailey, K.G., Wood, H.E., & Nava, G.R. (1992) What do clients want? Role of psychological kinship in professional helping. *Journal of Psychotherapy Integration*, 2, 125–147. doi: 10.1037/h0101244
- Barker, C. & Pistrang, N. (2002) Psychotherapy and social support: Integrating research on psychological helping. *Clinical Psychology Review*, 22, 361–379. doi: 10.1016/S0272-7358(01)00101-5
- Bell, K. & Smerdon, M. (2011) Deep Value: A literature review of the role of effective relationships in public services. *Community Links*.
- Biestek, F. (1954) Analysis of the casework relationship. *Social Casework*, 35, 57–61.
- Bisman, C.D. (1994) *Social work practice: Cases and principles*. Pacific Grove, CA: Brooks Cole.
- Bogo, M. (2006) *Social Work Practice: Concepts, Processes, and Interviewing*. Columbia University Press.
- Bohart, A.C., & Greenberg, L.S. (Eds.). (1997) *Empathy reconsidered: New directions in psychotherapy*. Washington, DC: American Psychology Association. doi: 10.1037/10226-000
- Bond, T. (1993) Counselling, counselling skills and professional roles. In *Counselling and Psychology for Health Professionals* (eds. R. Bayne and P. Nicolson). London: Chapman & Hall, 3–14.
- Borg, M. & Kristiansen, K. (2004) Recovery-Oriented Professionals: Helping Relationship in Mental Health Services. *Journal of Mental Health*, 13: 493–505. doi: 10.1080/09638230400006809
- Braun, D, Davis, H., & Mansfield, P. (2006) *How Helping Works: Towards a shared model of process*. London: Parentline Plus.
- Burnard, P. (1989) *Counselling Skills for Health Professionals*. London: Chapman & Hall. doi: 10.1007/978-1-4899-3336-2
- Carkhuff, R.R. (1987) *The art of helping* (6th ed.). Amherst, MA: Human Resource Development Press.
- Carkhuff, R.R., & Anthony, W.A. (1979) *The skills of helping: An introduction to counseling*. Amherst, MA: Human Resource Development Press.
- Clark, J. (2003) Reconceptualizing empathy for culturally competent practice. In *W. Shera (Ed.) Emerging perspectives on anti-oppressive practice*. Toronto: Canadian Scholars Press.
- Corey, G., Corey, M.S., & Callanan, P. (2011) *Issues and Ethics in the Helping Professions*. 8th Edition. Belmont CA: Brooks/Cole.
- D'Antonio, P. (2004) Relationship, reality, and reciprocity with therapeutic environments: A historical case study. *Archives of Psychiatric Nursing*, 18, 11–16. doi: 10.1053/j.apnu.2003.11.003
- Dillon, I.T. (1990) *The Practice of Questioning*. London: Routledge.
- Egan, G. (1998) *The Skilled Helper*. CA: Brooks/Cole.
- Fletcher, A.M. (2003). Renewed hope for self-change. *American Psychologist*, 58, 822–823. doi: 10.1037/0003-066X.58.10.822
- France, K., Weikel, K. (2014) *Helping skills for Human Service Workers: Building Relationships and Encouraging Productive Change*. Springfield, IL: Charles C.Thomas.
- Glicklen, M.D. (2004) *Using the strengths perspective in social work practice*. Boston: Pearson.
- Goldstein, E. (1995) *Ego psychology and social work practice*. 2nd ed. New-York: Free Press.
- Halverson, S., Miars, R. (2005) The helping relationship. In *D.Capuzzi, D.Gross. Introduction to the counselling profession*. Boston, MA: Allyn&Bacon, 56–74.
- Hattie, J.A., Sharpley, C.E., & Rogers, H.J. (1984) Comparative effectiveness of professional and paraprofessional helpers. *Psychological Bulletin*, 95, 534–541. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.534
- Hogan, B.E., Linden, W., & Najarian, B. (2002) Social support interventions: Do they work? *Clinical Psychology Review*, 22, 381–440. doi: 10.1016/S0272-7358(01)00102-7
- Horvath, A.O., Luborsky, L. (1993) The role of the therapeutic alliance in psychotherapy. *J. Consult. Clin. Psychol*, 61, 561–573. doi: 10.1037/0022-006X.61.4.561
- Horvath, A., & Greenberg, L. (1994) *The Working Alliance: Theory, Research and Practice*. New York: Wiley.
- Howe, D. (1998) Relationship-based thinking and practice in social work. *Journal of Social Work Practice: Psychotherapeutic Approaches in Health, Welfare and the Community*, 12(1), 45–56. doi: 10.1080/02650539808415131
- Keith-Lucas, A. (1973) *Giving and taking*. NK: Univ. Of North Carolina Pr.
- Kunyk, D., & Olson, J.K. (2001) Classifications on conceptions of empathy. *Journal of Advanced Nursing*, 35(3), 317–325. doi: 10.1046/j.1365-2648.2001.01848.x
- Lloyd, C., & Maas, E. (1992) Interpersonal skills and occupational therapy. *British Journal of Occupational Therapy*, 55(10), 379–382. doi: 10.1177/030802269205501005
- Lloyd, C., & Maas, F. (1992) The helping relationship: The application of Carkhuff's model. *CJOT*, 60(2), 83–89. doi: 10.1177/000841749306000205
- Martin, D.J., Garske, J.P. & Davic, M.K. (2000) Relation of the therapeutic alliance to outcome and other variables: A meta-analytic review. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 68, 438–450. doi: 10.1037/0022-006X.68.3.438
- Morgan S. (1996) *Helping relationships in mental health*. London: Chapman & Hall. doi: 10.1007/978-1-4899-3224-2
- Munson, C. (1978) The Worker/Client Relationship: Relevant Role Theory. *The Journal of Sociology & Social Welfare*, 5(3), 404–417.
- Murgatroyd, S. (1985) *Counselling and Helping*. London: Methuen.
- Nelson-Jones, R. (1988) *Practical Counselling and Helping Skills*, 2nd edn. London: Cassell.
- Perlman, H. (1979) *Relationship: The heart of helping people*. Chicago: University of Chicago Press.
- Priebe, S. & McCabe, R. (2008) Therapeutic relationships in psychiatry: The basis of therapy or therapy itself? *International Review of Psychiatry*, 20,

521–526. doi: 10.1080/09540260802565257

Ribner, D.S & Knei-Paz, C (2002) Client's view of a successful helping relationship. *Social Work*, 47, 379–387. doi: 10.1093/sw/47.4.379

Rogers, C.R. (1967) *On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy*. London: Constable.

Rogers, CR. (1951) *Client-Centred Therapy*. London: Constable.

Rosenberg, M. (1999). *Non-violent Communication: A Language of Compassion*. Del Mar, CA.: Puddle Dancer Press.

Russell, M. (1990) *Clinical social work: Research and practice*. Newbury Park, CA: Sage.

Salzberger-Wittenberg, I. (1970) *Psycho-Analytic Insight, and Relationships*. London, Routledge.

Seabury, B.A., Seabury, B.H. & Garvin, C.D. (2011) *Foundations of interpersonal practice in social work: Promoting competence in generalist practice*. London: Sage Publications.

Trevitnick, P. (2003) Effective relationship-based practice: at theoretical exploration. *Journal of Social work practice*, 17(2), 163–176. doi: 10.1080/026505302000145699

Velleman, R., Aris, S. (2010) *Counselling and Helping: Psychology in Action*. London: Wiley Blackwell, British Psychological Society.

Weiss, R. (1973) Helping relationships: relationships of clients with physicians, social workers, priests, and others. *Social problems*, 20(3), 319–328. doi: 10.2307/799596

Wills, T.A. (1982) *Basic Processes in Helping Relationships*. New York: Academic Press.

Young, T., & Poulin, J. (1998) The helping relationship inventory: A clinical appraisal. *Families in Society*, 79(2), 123–134. doi: 10.1606/1044-3894.3613

References:

Bailey, K.G., Wood, H.E., & Nava, G.R. (1992) What do clients want? Role of psychological kinship in professional helping. *Journal of Psychotherapy Integration*, 2, 125–147. doi: 10.1037/h0101244

Barker, C. & Pistrang, N. (2002) Psychotherapy and social support: Integrating research on psychological helping. *Clinical Psychology Review*, 22, 361–379. doi: 10.1016/S0272-7358(01)00101-5

Bell, K. & Smerdon, M. (2011) Deep Value: A literature review of the role of effective relationships in public services. *Community Links*.

Biestek, F. (1954) Analysis of the casework relationship. *Social Casework*, 35, 57–61.

Bisman, C.D. (1994) *Social work practice: Cases and principles*. Pacific Grove, CA: Brooks Cole.

Bogo, M. (2006) *Social Work Practice: Concepts, Processes, and Interviewing*. Columbia University Press.

Bohart, A.C., & Greenberg, L.S. (Eds.). (1997) *Empathy reconsidered: New directions in psychotherapy*. Washington, DC: American Psychology Association. doi: 10.1037/10226-000

Bond, T. (1993) Counselling, counselling skills and professional roles. In *Counselling and Psychology for Health Professionals* (eds. R. Bayne and P. Nicolson). London: Chapman & Hall, 3–14.

Borg, M. & Kristiansen, K. (2004) Recovery-Oriented Professionals: Helping Relationship in Mental Health Services. *Journal of Mental Health*, 13, 493–505. doi: 10.1080/09638230400006809

Braun, D, Davis, H., & Mansfield, P. (2006) *How Helping Works: Towards a shared model of process*. London: Parentline Plus.

Burnard, P. (1989) *Counselling Skills for Health Professionals*. London: Chapman & Hall. doi: 10.1007/978-1-4899-3336-2

Carkhuff, R.R. (1987) *The art of helping* (6th ed.). Amherst, MA: Human Resource Development Press.

Carkhuff, R.R., & Anthony, W.A. (1979) *The skills of helping: An introduction to counseling*. Amherst, MA: Human Resource Development Press.

Clark, J. (2003) Reconceptualizing empathy for culturally competent practice. In *W. Shera (Ed.) Emerging perspectives on anti-oppressive practice*. Toronto: Canadian Scholars Press.

Corey, G., Corey, M.S., & Callanan, P. (2011) *Issues and Ethics in the Helping Professions*. 8th Edition. Belmont CA: Brooks/Cole.

D'Antonio, P. (2004) Relationship, reality, and reciprocity with therapeutic environments: A historical case study. *Archives of Psychiatric Nursing*, 18, 11–16. doi: 10.1053/j.apnu.2003.11.003

Dillon, I.T. (1990) *The Practice of Questioning*. London: Routledge.

Egan, G. (1998) *The Skilled Helper*. CA: Brooks/Cole.

Fletcher, A.M. (2003). Renewed hope for self-change. *American Psychologist*, 58, 822–823. doi: 10.1037/0003-066X.58.10.822

France, K., Weikel, K. (2014) *Helping skills for Human Service Workers: Building Relationships and Encouraging Productive Change*. Springfield, IL: Charles C. Thomas.

Glicklen, M.D. (2004) *Using the strengths perspective in social work practice*. Boston: Pearson.

Goldstein, E. (1995) *Ego psychology and social work practice*. 2nd ed. New-York: Free Press.

Halverson, S., Miars, R. (2005) The helping relationship. In *D. Capuzzi, D. Gross. Introduction to the counselling profession*. Boston, MA: Allyn&Bacon, 56–74.

Hattie, J.A., Sharpley, C.E., & Rogers, H.J. (1984) Comparative effectiveness of professional and paraprofessional helpers. *Psychological Bulletin*, 95, 534–541. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.534

Hogan, B.E., Linden, W., & Najarian, B. (2002) Social support interventions: Do they work? *Clinical Psychology Review*, 22, 381–440. doi: 10.1016/S0272-7358(01)00102-7

Horvath, A.O., Luborsky, L. (1993) The role of the therapeutic alliance in psychotherapy. *J. Consult. Clin. Psychol*, 61, 561–573. doi: 10.1037/0022-006X.61.4.561

- Horvath, A., & Greenberg, L. (1994) *The Working Alliance: Theory, Research and Practice*. New York: Wiley.
- Howe, D. (1998) Relationship-based thinking and practice in social work. *Journal of Social Work Practice: Psychotherapeutic Approaches in Health, Welfare and the Community*, 12(1), 45–56. doi: 10.1080/02650539808415131
- Keith-Lucas, A. (1973) *Giving and taking*. NK: Univ. Of North Carolina Pr.
- Kunyk, D., & Olson, J.K. (2001) Classifications on conceptions of empathy. *Journal of Advanced Nursing*, 35(3), 317–325. doi: 10.1046/j.1365-2648.2001.01848.x
- Lloyd, C., & Maas, E. (1992) Interpersonal skills and occupational therapy. *British Journal of Occupational Therapy*, 55(10), 379–382. doi: 10.1177/030802269205501005
- Lloyd, C., & Maas, F. (1992) The helping relationship: The application of Carkhuff's model. *CJOT*, 60(2), 83–89. doi: 10.1177/000841749306000205
- Martin, D.J., Garske, J.P. & Davic, M.K. (2000) Relation of the therapeutic alliance to outcome and other variables: A meta-analytic review. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 68, 438–450. doi: 10.1037/0022-006X.68.3.438
- Morgan S. (1996) *Helping relationships in mental health*. London: Chapman & Hall. doi: 10.1007/978-1-4899-3224-2
- Munson, C. (1978) The Worker/Client Relationship: Relevant Role Theory. *The Journal of Sociology & Social Welfare*, 5(3), 404–417.
- Murgatroyd, S. (1985) *Counselling and Helping*. London: Methuen.
- Nelson-Jones, R. (1988) *Practical Counselling and Helping Skills*, 2nd edn. London: Cassell.
- Pelzman, H. (1979) *Relationship: The heart of helping people*. Chicago: University of Chicago Press.
- Priebe, S. & McCabe, R. (2008) Therapeutic relationships in psychiatry: The basis of therapy or therapy itself? *International Review of Psychiatry*, 20, 521–526. doi: 10.1080/09540260802565257
- Ribner, D.S & Knei-Paz, C (2002) Client's view of a successful helping relationship. *Social Work*, 47, 379–387. doi:10.1093/sw/47.4.379
- Rogers, C.R. (1967) *On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy*. London: Constable.
- Rogers, C.R. (1951) *Client-Centred Therapy*. London: Constable.
- Rosenberg, M. (1999). *Non-violent Communication: A Language of Compassion*. Del Mar, CA.: Puddle Dancer Press.
- Russell, M. (1990) *Clinical social work: Research and practice*. Newbury Park, CA: Sage.
- Salzberger-Wittenberg, I. (1970) *Psycho-Analytic Insight, and Relationships*. London, Routledge.
- Seabury, B.A., Seabury, B.H. & Garvin, C.D. (2011) *Foundations of interpersonal practice in social work: Promoting competence in generalist practice*. London: Sage Publications.
- Trevitnick, P. (2003) Effective relationship-based practice: at theoretical exploration. *Journal of Social work practice*, 17(2), 163–176. doi:10.1080/026505302000145699
- Velleman, R., Aris, S. (2010) *Counselling and Helping: Psychology in Action*. London: Wiley Blackwell, British Psychological Society.
- Weiss, R. (1973) Helping relationships: relationships of clients with physicians, social workers, priests, and others. *Social problems*, 20(3), 319–328. doi:10.2307/799596
- Wills, T.A. (1982) *Basic Processes in Helping Relationships*. New York: Academic Press.
- Young, T., & Poulin, J. (1998) The helping relationship inventory: A clinical appraisal. *Families in Society*, 79(2), 123–134. doi:10.1606/1044-3894.3613

Структурная модель эмоционально-личностного благополучия

Л.В. Карапетян

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Г.А. Глотова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 14 ноября 2017 / Принята к публикации: 7 декабря 2017

Structural model of emotional and personal well-being

Larisa V. Karapetyan*

Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Galina A. Glotova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: karapetyanl@mail.ru

Received November 14, 2017 / Accepted for publication: December 7, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Статья посвящена разработке нового подхода к изучению переживания человеком благополучия/неблагополучия. Изменения, происходящие в сфере экономики, политики и геополитики, в социальной сфере в нашей стране и мире в целом привели к возникновению ряда особенностей жизни современного человека, в значительной мере сказывающихся на переживании им внутреннего благополучия. В связи с этим в психологии возрос интерес к данной проблеме. Однако, если в западной психологии четко дифференцированы два теоретических конструкта «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие» и создан соответствующий каждому из конструктов инструментарий, то в отечественной психологической науке наблюдается терминологическое разнообразие при одновременном заимствовании зарубежного психодиагностического инструментария.

Цель. Целью данного исследования является разработка концепции эмоционально-личностного благополучия, опирающейся на интеграцию существующих в зарубежной и отечественной психологии подходов к изучению благополучия, в новый теоретический конструкт и структурную модель, а также трансформация модели в исследовательский инструмент и его эмпирическая проверка. В статье эмоционально-личностное благополучие рассматривается как целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека.

Описание хода исследования. Проведение пилотного исследования на выборке численностью 117 человек и анализ научной литературы позволили создать теоретический конструкт «эмоционально-личностное благополучие», который включает девять параметров. При этом три из них составляют позитивный эмоциональный компонент благополучия, три – позитивный личностный компонент благополучия, три – компонент неблагополучия. Данные параметры «эмоционально-личностного благополучия» положены в основу исследовательской методики «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ), которая была проведена на выборке 2229 человек.

Результаты исследования. С помощью кластерного анализа выделены и описаны группы респондентов, различающихся по особенностям самооценки эмоционально-личностного благополучия.

Выводы. Полученные результаты могут быть использованы как в исследовательской работе, так и в практической деятельности психолога для диагностики и оптимизации уровня эмоционально-личностного благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, эмоционально-личностное благополучие, структурная модель, методика самооценки эмоционально-личностного благополучия (СЭЛБ).

Background. The paper is devoted to the development of a new approach to the study of a person's well/ill-being. Changes in economy, politics and geopolitics, social sphere in Russia and the entire world have resulted in emerging features of modern life that significantly affect the well-being of a person. In this regard, psychology interest in this issue is rising. In Western psychology, two theoretical constructs of «subjective well-being» and «psychological well-being» are clearly differentiated, and the toolkit to correspond each construct is created. However, in the national psychological science, there is a variety of terms with borrowed foreign psychodiagnosical tools.

The objective of this research is to develop a concept of emotional and personal well-being based on the integration of existing foreign and national psychology approaches to the study of well-being within a new theoretical construct and structural model, and also transforming the models in the research tool and its empirical verification. The paper considers emotional and personal well-being as an entire existential condition of harmony between the inner and outer world, initiated throughout the living process, activity and communication of a human.

Design. Conducting a pilot study based on the sample of 117 subjects and the analysis of reference literature allowed to build the theoretical construct of «emotional well-being of a person» that includes nine parameters: the three of them include the positive emotional component of well-being, other three ones include positive personal component of well-being, and three components indicate ill-being. These parameters lie in the basis of the research methods for self-evaluation of emotional and personal well-being (SEPPWB) carried out using the sample of 2 229 subjects.

Conclusion. The cluster analysis identified and described groups of respondents in terms of self-evaluation of emotional and personal well-being.

The results obtained can be used both in research and in practical activities of a psychologist for diagnosing and optimizing the level of emotional and personal well-being.

Keywords: subjective well-being, psychological well-being, emotional and personal well-being, structural model, methods of self-evaluation of emotional and personal well-being (SEPPWB).

Современный человек живет в условиях социальной турбулентности, неопределенности, многозадачности, что предъявляет определенные требования к его индивидуальным и личностным особенностям, профессиональным качествам и зачастую негативно влияет на динамику жизни и ее восприятие. Отдельным мощным блоком факторов, ставящих под угрозу удовлетворенность человека окружающей действительностью и самим собой, выступают чрезвычайные ситуации и происшествия: природные ката-

венности каждого конкретного человека, но и значимой областью государственной политики, важной сферой теории и практики различных наук, предметом междисциплинарных исследований, в том числе психологических.

Изучение благополучия имеет древнюю историю. Со времен Античности в исследовании благополучия выделилось два направления: гедонистическое (Аристипп, Эпикур, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) и эвдемонистическое (Аристотель, Вольтер, Гольбах, Дидро, Монтень,

который впоследствии, благодаря работам Е. Диепа, получил название «субъективное благополучие». Изучение психологического благополучия с позиций эвдемонистического подхода предполагает в качестве основного фактора благополучия человека реализацию его собственного потенциала в обществе (Ryff, 1989; Deci, Ryan, 1985). Таким образом, психологическое благополучие базируется на тех аспектах, которые характеризуют человека как личность.

Подчеркнем, что в зарубежной литературе понятия субъективного и психологического благополучия к настоящему времени четко разведены, а содержательная специфика данных феноменов эксплицирована в соответствующем инструментарии (Diener, 1984; Ryff, 1989). Эти два подхода являются общепризнанными и используются в большинстве зарубежных работ, при этом исследователи придерживаются либо одного подхода, либо другого, либо их сочетают (Gallagher, Lopez, Preacher, 2009).

В отличие от зарубежной психологии, в отечественной психологической литературе отмечается терминологическое разнообразие, разная интерпретация одноименных терминов (М.В. Соколова, Л.В. Куликов, Г.Л. Пучкова, Н.К. Бахарева, Р.М. Шамионов, Е.Е. Бочарова, Т.И. Александрова, А.Е. Созонтов, О.Ю. Данилова, О.Г. Калина, А.А. Лебедева, Г.А. Глотова, А.А. Пахалкова, О.И. Одарущенко).

Понятия субъективного и психологического благополучия часто рассматриваются безотносительно тем двум линиям, которые сложились на западе (Л.В. Куликов, М.С. Дмитриева, М.Ю. Долина, О.В. Иванов, М.А. Розанова, Т.Г. Тимошенко, А.В. Воронина, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, М.В. Бучацкая, Т.О. Гордеева, Е.Б. Весна, О.С. Ширяева, Ю.В. Живаева, И.Б. Вологжанина, Р.М. Шамионов, Ю.Б. Дубовик, Л.В. Жуковская, З.Х. Лепшокова, Т.Р. Абсарова, Л.П. Александрова, О.А. Идобаева, С.А. Минюрова, И.В. Заусенко, Р.В. Овчарова). В настоящее время некоторые исследователи предлагают различать гедоническое и эвдемоническое благополучие, разрабатывают свой инструментарий для диагностики структуры субъективного благополучия, но не исследуют баланс либо преобладание одного из изучаемых видов благополучия

Самоощущения отдельных людей, их самооценка, чувство надежности и защищенности, оценка качества жизни, восприятие других людей и мира либо как враждебных, агрессивных, либо как дружественных, позитивных, безусловно, влияют на благополучие социума в целом и, в то же время, являются индикаторами благополучия общества

клизмы, техногенные катастрофы, социальные, экономические и политические кризисы. Самоощущения отдельных людей, их самооценка, чувство надежности и защищенности, оценка качества жизни, восприятие других людей и мира либо как враждебных, агрессивных, либо как дружественных, позитивных, безусловно, влияют на благополучие социума в целом и, в то же время, являются индикаторами благополучия общества. В связи с этим, задача достижения благополучия (материального, духовного, психологического и др.) является не только зоной ответст-

Сенека, Спиноза, Фома Аквинский и др.). В дальнейшем данные направления получают свое развитие в концепциях «субъективного благополучия» и «психологического благополучия».

Исследование субъективного благополучия, восходящее к гедонистической традиции, подразумевает его зависимость, прежде всего, от эмоционального состояния человека (Bradburn, 1969; Diener, 1984). N. Bradburn разработал модель психологического благополучия, отражающую баланс позитивного и негативного аффектов, и описал феномен,

Лариса Владимировна Карапетьян –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии департамента психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

E-mail: karapetyanl@mail.ru

<https://istina.msu.ru/workers/1128614/>

Галина Анатольевна Глотова –

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории педагогической психологии при кафедре психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

E-mail: galina.glotova1@mail.ru

<https://istina.msu.ru/profile/galina.glotova1/>

Для цитирования: Карапетьян Л.В., Глотова Г.А. Структурная модель эмоционально-личностного благополучия // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 46–56. doi: 10.11621/npj.2018.0206

For citation: Karapetyan L.V., Glotova G.A. (2018) Structural model of emotional and personal well-being. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 11(2), 46–56. doi: 10.11621/npj.2018.0206

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

над другим (Е.В. Бенко, Е.Л. Солдатова и др.). Есть также мнение, что субъективное благополучие является неотъемлемой частью психологического благополучия личности, при этом субъективное благополучие понимается как краткосрочное состояние, а психологическое – как более длительное, имеющее долгосрочные последствия (О.Ю. Зотова).

Таким образом, учитывая терминологические сложности, имеющие место при изучении благополучия, а именно, тот факт, что в настоящее время на Западе термин «субъективное благополучие» связан с одним конструктом и инструментарием (Diener, 1984), а термин «психологическое благополучие» связан с другим конструктом и инструментарием (Ryff, Keyes, 2002), мы полагаем, что использование данных терминов без применения соответствующих инструментов было бы недостаточно корректным. В связи с тем, что за ранее используемыми понятиями (субъективное, психологическое благополучие) закреплена вполне определенное содержание, в качестве понятия, объединяющего два основных направления изучения благополучия (гедонистическое и эвдемонистическое), мы предлагаем использовать термин «эмоционально-личностное благополучие» (Карапетыян, Глотова, 2017).

Описание исследования

Исследование проводилось в г. Екатеринбурге на выборке 2229 респондентов (821 мужчина, 1408 женщин; девять профессиональных групп; от «без образования» до «высшего», Мо=«среднее образование»; от «20 лет и меньше» до «60 лет и старше», Мо=21-25 лет) и включало в себя несколько этапов: пилотный этап, основной этап и лонгитюдное исследование, при этом пилотный и основной этап, описываемые в данной статье, проводились в 2008 году и предшествовали обширному циклу исследований, которые завершились в 2016 году.

Под эмоционально-личностным благополучием мы понимаем целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Результатом снижения уровня такой гар-

монии является переживание состояния эмоционально-личностного неблагополучия (Glotova, Karapetyan, 2017).

Для выявления конкретных индикаторов благополучия нами были сформулированы два открытых вопроса: 1. С какими эмоциями, мыслями или действиями связывается для вас состояние внутреннего благополучия? Можете дать от одного до пяти ответов. 2. С какими эмоциями, мыслями или действиями связывается для вас состояние внутреннего неблагополучия? Можете дать от одного до пяти ответов.

Сбор и анализ ответов на данные вопросы составил предварительный этап исследования, для проведения которого

нами была сформирована выборка (117 чел., 71 женщина и 46 мужчин, представители разных профессиональных групп в возрасте от 20 до 60 лет).

В табл. 1, 2 представлены ответы, характеризующие «внутреннее благополучие» и «внутреннее неблагополучие».

Если же за 100% принять не общее число респондентов ($n=117$), а общее число ответов, полученных на первый вопрос и характеризующих благополучие ($n=342$), то проценты ответов по каждой из шести категорий будут следующими: оптимизм (21,93%), надежность (17,54%), счастье (15,79%), компетентность (15,50%), успешность (успех) (15,50%), везение (13,74%).

Табл. 1. Ответы, характеризующие «внутреннее благополучие»

Категории ответов	Количество высказываний	%
Оптимизм	75	64,10
Надежность	60	51,28
Счастье	54	46,15
Компетентность	53	45,30
Успешность (успех)	53	45,30
Везение	47	40,17
Итого	342	-

Сумма ответов превышает 100% ($n=117$), так как можно было написать несколько ответов.

Table 1. Answers with Well-Being

Category	Number of Answers	%
Optimism	75	64,10
Reliability	60	51,28
Happiness	54	46,15
Competency	53	45,30
Success	53	45,30
Luck	47	40,17
Total	342	-

The sum total of the answers exceeds 100% ($n = 117$) as the respondents were allowed to indicate several answers

Табл. 2. Ответы, характеризующие «внутреннее неблагополучие»

Категории ответов	Количество высказываний	%
Несчастье	69	58,97
Пессимизм	60	51,28
Завистливость (зависть)	40	34,19
Итого	169	-

Сумма ответов превышает 100%, так как можно было написать несколько ответов.

Table 2. Answers with Ill-Being

Category	Number of Answers	%
Unhappiness	69	58,97
Pessimism	60	51,28
Envy	40	34,19
Total	169	-

The sum total of the answers exceeds 100% ($n = 117$) as the respondents were allowed to indicate several answers

Если, как и в предыдущем случае, за 100% принять не общее число респондентов ($n=117$), а общее число ответов, полученных на второй вопрос и характеризующих неблагополучие ($n=169$), то проценты ответов по каждой из трех категорий будут такими: несчастье (40,83%), пессимизм (35,50%), завистливость (зависть) (23,67%).

Как можно видеть из приведенных данных, количество высказываний респондентов о благополучии в два раза превышает количество высказываний о неблагополучии, причем высказывания о благополучии отличаются большим разнообразием, что позволило выделить шесть позитивных категорий ответов, связанных с благополучием, тогда как для неблагополучия удалось выделить три негативных категории ответов.

Полученные на этапе пилотажного исследования данные позволили выдвинуть предположение о девятифакторной структуре эмоционально-личностного благополучия. Отметим, что термин «фактор» используется нами в данном контексте не в статистическом смысле, то есть не как результат математической обработки данных методом факторного анализа, а в более широком значении, аналогично тому, как термин «фактор» представлен в шестифакторной модели К. Рифф.

Выделив эмпирическим путем данные девять категорий, мы рассмотрели степень изученности соответствующих им феноменов в психологических исследованиях, а также в философских концепциях и, отчасти, в трудах филологов.

Группа позитивных феноменов

По мнению как зарубежных (Waterman, 1993; Chambers, 2003; Waterman, Schwartz, Conti, 2008; Bergsma, Ardel, 2011; Diener, Oishi, Lucas, 2012; Yuki, Sato, Takemura, Oishi, 2013; Diener, 2000; Diener, Biswas-Diener, 2008; Kushlev, Dunn, Lucas, 2015; Oishi, Gilbert, 2016), так и отечественных (В.А. Петровский, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, Л.З. Левит, И.А. Джидарьян) исследователей, счастье – одно из позитивных эмоциональных переживаний, связанных с внутренним, эмоциональным миром человека. Это дает нам основания рассматривать его в качестве фактора эмоционального компонента

конструкта «эмоционально-личностное благополучие». В большинстве проанализированных нами исследований феномена везения (Ray, 1980; Darke, Freedman, 1997; Pritchard, Smith, 2004; Sagon, DeCaroli, 2014) указывается на его связь с позитивными переживаниями, а также на отсутствие корреляций с духовными достижениями, интеллектом и моральными качествами личности. Это позволяет нам, наряду с феноменом «счастье», отнести и этот феномен к числу факторов эмоционального компонента конструкта «эмоционально-личностное благополучие».

Эмпирическое изучение оптимизма в психологии началось, благодаря работам М. Селигмана, и дальнейшее развитие получило в рамках зарубежных (Greenberg, 2004; Jenson, 2004; Чиксентмихайи, 2011) и отечественных (К. Муздыбаев, М.С. Замышляева, Е.А. Перова, С.Н. Ениколопов, С.Т. Посохова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, К.А. Новикова, И.А. Джидарьян, Д.А. Циринг, К.Ю. Эвнина) исследований. В данных работах отражается связь оптимизма с позитивными эмоциями, что свидетельствует о возможности его включения в число факторов эмоционального компонента конструкта «эмоционально-личностное благополучие».

Особенно широко проблема успеха и успешности исследуется за рубежом (Atkinson, 1964; Ray, 1980; Д. Макклелланд). В России в 90-х годах прошлого столетия рыночные реформы заложили предпосылки ориентации на индивидуальный успех, что стало предметом исследования в философско-этических и социологических работах российских ученых (М.В. Богданова, И.М. Клямкин, А.Ю. Согомонов, Г.С. Батыгин, С.Г. Климова, А.Е. Чирикова). Большинство авторов указывают на роль личностных качеств в достижении успеха, что является подтверждением правомерности отнесения успеха к факторам личностного компонента конструкта «эмоционально-личностное благополучие».

Исследователи компетентности (Deci, Ryan, 1985, Б.Б. Коссов, В.В. Знаков, Н.В. Кузьмина, Н.И. Конюхов, А.К. Маркова, В.А. Адольф, Е.В. Бондаревская, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Т.Н. Щербакова, М.В. Соколова) подчеркивают, что для формирования компетентности в разных сферах

жизни человека, связанных с внешним миром, ему необходимы определенные личностные качества, т.е. компетентность может быть рассмотрена в качестве фактора личностного компонента конструкта «эмоционально-личностное благополучие».

Термин «надежность» в психологической литературе изначально характеризовал функционально-деятельностно-личностные показатели индивида (В.Д. Небылицын), а затем он стал широко использоваться и в психологии труда (Б.Ф. Ломов, К.М. Гуревич, М.А. Котик, Ю.Г. Фокин, Э.Ф. Зеер, В.М. Крук, Г.С. Никифоров, А.А. Ендржеевский, В.Г. Мельников). В современной психологии надежность рассматривается не только в трудовом, профессиональном аспекте, но и в личностной плоскости, при этом она сопоставляется с такими личностными качествами, как «нравственность», «ответственность», «устойчивость моральных качеств и убеждений». Данный ракурс трактовки понятия «надежность» дает основания рассматривать этот феномен в качестве фактора личностного компонента конструкта «эмоционально-личностное благополучие».

Группа негативных феноменов

Активные исследования пессимизма как самостоятельного психологического феномена начались сравнительно недавно (Held, 2004; Palgi, 2011; Friedman, Robbins, 2012; Armbruster, Pieper, Klotsche, Hoyer, 2015; М. Зелигман, К. Муздыбаев, З.А. Арскиева, Е.Ф. Зайцева, И.А. Джидарьян). В целом, в работах, посвященных пессимизму, прослеживается негативное эмоциональное окрашивание данного феномена, в частности, крайних его проявлений. Психологические исследования несчастья в основном реализуются в контексте изучения счастья (Н.К. Шамсутдинова, В. Татаркевич и др.). Р.М. Шамионов полагал, что «несчастье нужно понимать именно как отсутствие счастья, субъективного благополучия, но не наличие страдания, хотя, известно, что отсутствие благополучия может усиливать негативные переживания» (Шамионов, 2008, С. 27). В работах исследователей данного феномена отмечается, что периоды, когда человек ощущает себя несчастлив, сопровождаются негатив-

ными эмоциями (грусть, тревога, страх, печаль, беспокойство), являющимися барьером на пути достижения гармонии. В работах современных зарубежных психологов подчеркивается социальный характер зависти (Р. Плутчик, П. Куттер; Seidler, 2000; Ven van de, Zeelenberg, Pieters, 2011; Steinbeis, Singer, 2013; Veiga, Baldrige, Markóczy, 2014). Наиболее полно раскрываются и анализируются позиции зарубежных и отечественных авторов, касающиеся проблемы зависти, в работах О.Р. Бондаренко, У. Лукан, Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой, Н.В. Горшениной, А.И. Донцова. Проведенные ими исследования свидетельствуют о том, что зависть – это личностное качество, связанное с проявлением неприязни, враждебности, досады, огорчения, что может препятствовать достижению человеком внутреннего благополучия.

На основе результатов пилотного исследования и анализа литературы нами была построена девятифакторная модель эмоционально-личностного благополучия (рис. 1). Она включает:

- Три позитивных фактора благополучия, ориентированных на внутренний мир человека и образующих позитивный эмоциональный компонент благополучия (отношение человека к своей жизни, установки по отношению к своему прошлому и будущему, чувство защищенности/незащищенности и др.). К этой группе факторов относятся «счастье», «везение», «оптимизм», которые при самооценке человеком своего «внутреннего» благополучия проявляются в виде представлений о себе как о человеке «счастливым», «везучем» и «оптимисте».
- Три позитивных фактора, ориентированных на внешний мир и образующих позитивный личностный компонент благополучия (отношения с людьми: друзьями, близкими и дальними, отношение к деятельности и ее качеству). В данную группу факторов входят «успех», «компетентность», «надежность». Они при оценивании своего «внутреннего» благополучия отражаются в виде представлений о себе как об «успешном», «компетентном» и «надежном» человеке.
- Три негативных фактора, связанные как с внутренним, так и с внешним ми-

ром человека (негативное отношение к различным аспектам своей жизни, взаимодействию с миром), понижающие общий уровень внутреннего благополучия. К этой группе факторов относятся «пессимизм», «несчастливость» (факторы эмоционального неблагополучия, ориентированные на внутренний мир) и «завистливость (зависть)» (фактор личностного неблагополучия, ориентированный на внешний мир). В структуре самооценки «внутреннего» благополучия эти факторы соотносятся с представлениями о себе как о «пессимисте», «несчастливым» и «завистливым» человеке.

Предполагается, что структура представлений человека о себе, как о счастливым, везучем, оптимисте (позитивный эмоциональный компонент «А»); успешном, компетентном, надежном (позитивный личностный компонент «В»); пессимисте, несчастливом, завистливым (негативный компонент «С») рассматривается в качестве основы для характеристики особенностей его эмоционально-личностного благополучия. Общий индекс эмоционально-личностного бла-

гополучия (А+В-С) визуализирован в рис. 1 в виде центрального круга.

На основе описанной выше модели нами была разработана исследовательская методика, направленная на изучение эмоционально-личностного благополучия (Карапетьян, Глотова, 2017). Поскольку изучение эмоционально-личностного благополучия предполагалось с опорой на самооценку респондентов, то данная методика была названа нами «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ).

При разработке методики были учтены результаты исследований К. Рифф (Ryff, 1989; Ryff & Keyes, 2002), продемонстрировавшие, что для того, чтобы изучить конкретный психологический феномен, нет необходимости использовать громоздкие опросники, содержащие большое число пунктов. Как показано в исследовании Ryff & Keyes (2002), корреляции расширенной версии опросника К. Рифф из 120 пунктов и сокращенной версии из 18 пунктов таковы, что вполне позволяют использовать сокращенную версию, получая результаты, весьма близкие к тем, которые были по-

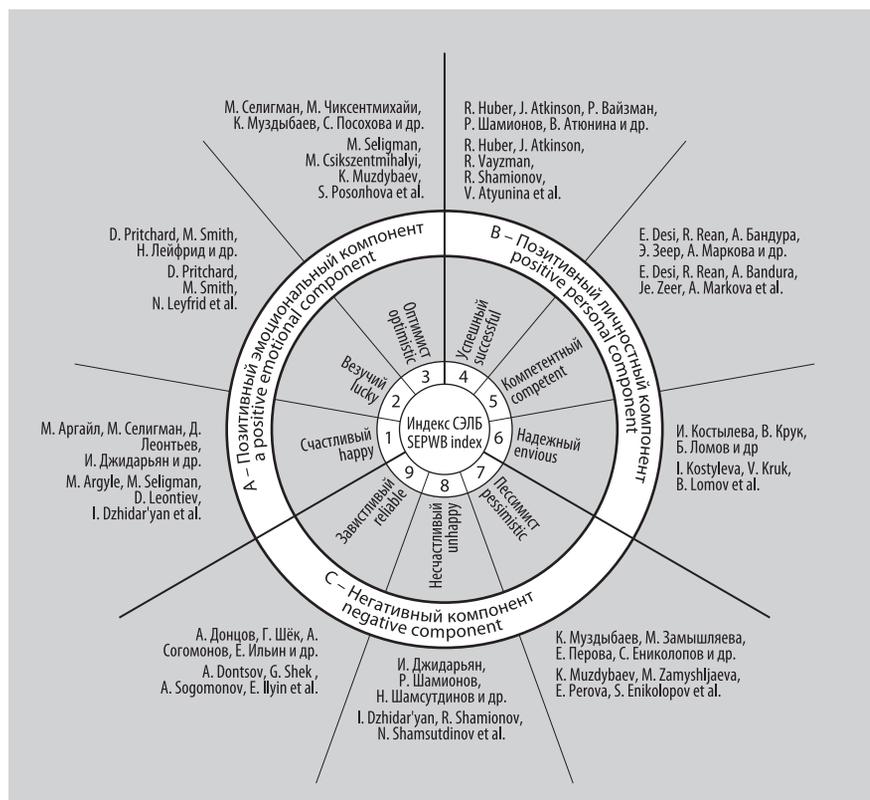

Рис. 1. Модель изучения эмоционально-личностного благополучия
Fig. 1. Model for studying emotional and personal well-being

Табл. 3. Описательная статистика по моно-шкалам методики СЭЛБ (n=2229)

	Счастливым	Везучий	Оптимист	Успешный	Компетентный	Надежный	Пессимист	Несчастливый	Завистливый
M	4,76	4,48	5,31	4,52	4,89	5,71	2,30	2,09	1,63
R (ранг параметра)	4	6	2	5	3	1	7	8	9
σ	1,717	1,608	1,626	1,537	1,441	1,324	1,502	1,485	1,055
Me	5,00	5,00	6,00	5,00	5,00	6,00	2,00	2,00	1,00
Mo	5	5	7	5	5	7	1	1	1
As	-613	-360	-863	-544	-605	-1,185	1,194	1,583	2,202
Ex	-343	-479	,025	-,137	,103	1,308	,835	2,063	5,858
Min	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Max	7	7	7	7	7	7	7	7	7

Table 3. Descriptive statistics of SEPWB methodology mono-scales (n=2229)

	Happy	Lucky	Optimistic	Successful	Competent	Reliable	Pessimistic	Unlucky	Envious
M	4.76	4.48	5.31	4.52	4.89	5.71	2.30	2.09	1.63
R (parameter rank)	4	6	2	5	3	1	7	8	9
σ	1.717	1.608	1.626	1.537	1.441	1.324	1.502	1.485	1.055
Me	5.00	5.00	6.00	5.00	5.00	6.00	2.00	2.00	1.00
Mo	5	5	7	5	5	7	1	1	1
As	-613	-360	-863	-544	-605	-1.185	1.194	1.583	2.202
Ex	-343	-479	.025	-.137	.103	1.308	.835	2.063	5.858
Min	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Max	7	7	7	7	7	7	7	7	7

лучены с помощью расширенной версии. Методика СЭЛБ содержит 9 моно-шкал, по которым испытуемые оценивали свое благополучие прямо и непосредственно, используя баллы от 1 (свойство выражено минимально) до 7 (свойство выражено максимально).

В целом, можно сказать, что разработанная методика «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ), предназначенная для выделения типов эмоционально-личностного благополучия и изучения особенностей, характерных для каждого типа, является достаточно компактной, позволяющей проводить опросы большого числа респондентов.

Выборку второго этапа исследования составили 2229 человек (821 мужчина, 1408 женщин) из 9 групп – 8 профессиональных групп (врачи, военнослужащие, менеджеры, педагоги, рабочие промышленных предприятий, инженерно-технические работники, психологи, студенты) и одной группы сравнения (осужденные)

(Карапетын, 2017). Респонденты имели разный уровень образования от «без образования» до «высшего», Mo=«среднее образование» (Карапетын, 2017) и были отнесены к 10 возрастным подгруппам от «20 лет и меньше» до «60 лет и старше», Mo=21-25 лет (Карапетын, 2014).

Результаты статистического анализа приведены в табл. 3.

Обсуждение результатов

Полученные данные (табл. 3) показывают, что на общей выборке 2229 человек не было получено ни одного нормального распределения баллов – по всем девяти моно-шкалам асимметрия (положительная или отрицательная) превышала критические значения, эксцесс для моно-шкал «оптимист», «компетентный», «успешный» соответствовал критерию нормального распределения, а для моно-шкал «счастливым» и «везучий» был близок к этому критерию, однако по со-

вокупности показателей асимметрии и эксцесса ни одно распределение не соответствовало нормальному.

На основании оценок по отдельным моно-шкалам был проведен двухшаговый кластерный анализ, в результате которого испытуемые разделились на четыре группы: две основные (с выраженной позитивной и выраженной негативной оценкой собственного эмоционально-личностного благополучия) и две промежуточные (со слабой позитивной и слабой негативной самооценкой эмоционально-личностного благополучия). Интересно отметить, что группа с выраженной позитивной СЭЛБ получилась не так уж велика (370 чел., 16,6%), то есть довольно мало людей оценили себя высоко по позитивным моно-шкалам. Значительно больше численность группы с выраженной негативной оценкой собственного эмоционально-личностного благополучия (515 чел., 23,1%). Самой многочисленной (903 чел., 40,5%) оказалась группа со слабой позитивной СЭЛБ, меньше по объему – группа со слабой негативной СЭЛБ (441 чел., 19,8%).

Если сравнить средние значения по каждой из девяти моно-шкал (табл. 4), то можно отметить, что по положительным моно-шкалам «счастливым», «успешный», «компетентный», «везучий», «оптимист» и «надежный» баллы плавно снижаются от первой группы (с выраженной позитивной самооценкой эмоционально-личностного благополучия), где средние баллы по моно-шкалам самые высокие, ко второй (со слабой позитивной самооценкой), далее к третьей (со слабой негативной самооценкой) и от нее – к четвертой группе (с выраженной негативной самооценкой), где баллы по указанным моно-шкалам самые низкие. В целом, средние баллы по положительным моно-шкалам в группе с выраженной позитивной самооценкой примерно в 1,3–2,3 раза выше, чем в группе с выраженной негативной самооценкой. По моно-шкалам «успешный», «счастливым» и «везучий» средние значения выше в 2,14–2,28 раза, а по моно-шкалам «надежный», «оптимист» и «компетентный» – в 1,3–1,65 раза. По негативному параметру «несчастливый» средние значения плавно повышаются от первой к четвертой группе (в группе

с выраженной позитивной самооценкой среднее значение по этому параметру в 2,82 раза меньше, чем в группе с выраженной негативной самооценкой). Для средних значений по моно-шкалам «пессимист» и «завистливый» отмечаются самые высокие средние значения, поэтому группу со слабой негативной самооценкой можно условно назвать группой «завистливых пессимистов». Средние значения по параметру «завистливый» в группе с выраженной позитивной самооценкой в 2,49 раза ниже, чем в группе со слабой негативной самооценкой, а по параметру «пессимизм» – в 3,02 раза меньше.

Как можно видеть из таблиц 4 и 5, только в 2-х случаях из 54 возможных различия средних значений оказались недостоверными: нет значимых различий по параметру «надежный» между группами со слабой позитивной и слабой негативной СЭЛБ и по параметру «завистливый» между группами со слабой позитивной и с выраженной негативной СЭЛБ. Во всех остальных случаях (52-х из 54-х) различия средних значений по моно-шкалам между четырьмя группами достоверны на высоком уровне.

Важно отметить, что, несмотря на то, что, во-первых, испытуемые напрямую оценивали себя по разным параметрам (а значит, не могли не срабатывать установки на преподнесение себя с социально желательной стороны) и, во-вторых, оценки располагались преимущественно в положительном диапазоне по позитивным моно-шкалам и в отрицательном диапазоне по негативным моно-шкалам, есть явные индивидуальные различия в самооценках. Они позволяют характеризовать одних испытуемых как более субъективно благополучных, а других – как менее субъективно благополучных.

Данные, полученные по методике СЭЛБ, могут быть использованы для индивидуальной психодиагностической работы. Процедура индивидуальной работы строится на анализе ответов, характерных для людей с той или иной разновидностью самооценки эмоционально-личностного благополучия, а также на анализе профиля респондента, построенного на основании значений параметров объекта СД «Я в настоящем» методики СЭЛБ (рис. 2).

Можно предположить, что эти субъективные групповые и индивидуальные оце-

Табл. 4. Средние значения моно-шкал в группах с разными типами СЭЛБ

Я в настоящем	Группа с выраженной позитивной СЭЛБ (М)	Группа со слабой позитивной СЭЛБ (М)	Группа со слабой негативной СЭЛБ (М)	Группа с выраженной негативной СЭЛБ(М)
Везучий	6,01	4,81	4,49	2,81
Оптимист	6,54	5,68	4,58	4,42
Успешный	5,99	4,99	4,55	2,63
Компетентный	6,13	5,07	4,89	3,71
Надежный	6,58	5,76	5,68	5,04
Пессимист	1,23	1,93	3,72	2,49
Несчастливый	1,15	1,44	2,88	3,24
Счастливый	6,14	5,45	4,51	2,79
Завистливый	1,12	1,42	2,76	1,38

Table 4. Mean values of SEPWB methodology mono-scales

Me now	Group with severe positive (SP) SEPWB (M)	Group with mild positive (MP) SEPWB (M)	Group with mild negative (MN) SEPWB (M)	Group with severe negative (SN) SEPWB (M)
Happy	6.14	5.45	4.51	2.79
Lucky	6.01	4.81	4.49	2.81
Optimistic	6.54	5.68	4.58	4.42
Successful	5.99	4.99	4.55	2.63
Competent	6.13	5.07	4.89	3.71
Reliable	6.58	5.76	5.68	5.04
Pessimistic	1.23	1.93	3.72	2.49
Unlucky	1.15	1.44	2.88	3.24
Envious	1.12	1.42	2.76	1.38

Табл. 5. Достоверность различий (критерий Колмогорова-Смирнова, $p < 0,05$) средних значений показателей моно-шкал для групп с разными типами СЭЛБ

Я в настоящем	ВП – СП	ВП – СН	ВП – ВН	СП – СН	СП – ВН	СН – ВН
Счастливый	,000	,000	,000	,000	,000	,000
Везучий	,000	,000	,000	,000	,000	,000
Оптимист	,000	,000	,000	,000	,000	,000
Успешный	,000	,000	,000	,000	,000	,000
Компетентный	,000	,000	,000	,043	,000	,000
Надежный	,000	,000	,000	,383	,000	,000
Пессимист	,000	,000	,000	,000	,000	,000
Несчастливый	,000	,000	,000	,000	,000	,001
Завистливый	,000	,000	,000	,000	,388	,000

Примечание: «ВП» – группа с выраженной позитивной СЭЛБ; «СП» – группа со слабой позитивной СЭЛБ; «СН» – группа со слабой негативной СЭЛБ; «ВН» – группа с выраженной негативной СЭЛБ.

Table 5. Mean values reliability (Kolmogorov-Smirnov criterion. $p < 0,05$) of mono-scale indicators for groups with different types of SEPWB

Me now	SP – MP	SP – MN	SP – SN	MP – MN	MP – SN	MN – SN
Happy	.000	.000	.000	.000	.000	.000
Lucky	.000	.000	.000	.000	.000	.000
Optimistic	.000	.000	.000	.000	.000	.000
Successful	.000	.000	.000	.000	.000	.000
Competent	.000	.000	.000	.043	.000	.000
Reliable	.000	.000	.000	.383	.000	.000
Pessimistic	.000	.000	.000	.000	.000	.000
Unlucky	.000	.000	.000	.000	.000	.001
Envious	.000	.000	.000	.000	.388	.000

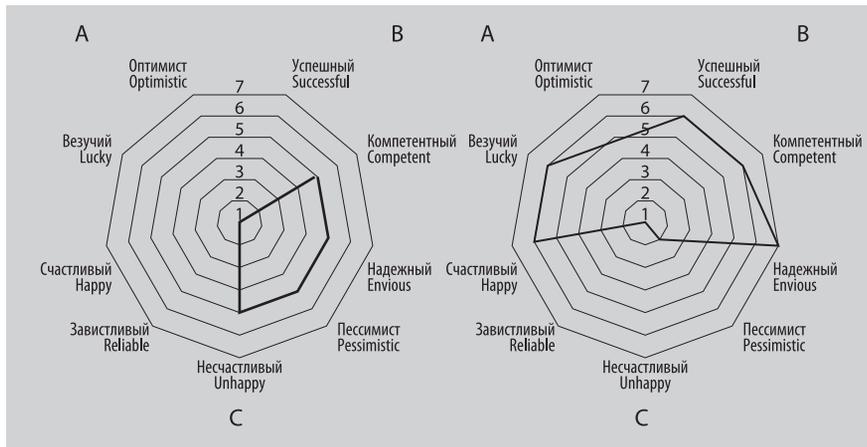

Рис. 2. Индивидуальные профили респондентов с выраженной негативной (а) и выраженной позитивной (б) СЭЛБ.

Fig. 2. Individual profiles of respondents with a severe negative (a) and severe positive (b) SEEWB.

ночные шкалы эмоционально-личностного благополучия являются отражением уровня внутреннего благополучия каждого испытуемого и выделившихся групп испытуемых. Чем выше уровень субъективного благополучия, тем более высокие оценки своим качествам может «позволить» себе испытуемый. «Позволить» взято в кавычки, поскольку речь не идет о сознательном намерении оценить себя более высоко или более низко, а скорее, о проекции уровня собственного эмоционально-личностного благополучия на выставляемые оценки, даже с учетом явной социальной желательности/нежелательности оцениваемых качеств. Возможно, два человека могут быть совершенно одинаковыми, скажем, по уровню «надежности», проявляемому во взаимоотношениях с людьми, но у одного высокий уровень внутреннего благополучия, а у другого – низкий. Так вот, этот субъективно ощущаемый уровень собственного эмоционально-личностного благополучия выступит в качестве опосредующего звена при оценивании в баллах своей надежности. Отсюда можно предположить, что тот, у кого уровень эмоционально-личностного благополучия выше, будет склонен оценивать

свою надежность более высоким баллом, чем тот, у кого уровень эмоционально-личностного благополучия ниже. В этом смысле субъективная шкала самооценивания может рассматриваться как репрезентирующая уровень эмоционально-личностного благополучия человека.

Выводы

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Существуют два термина, с примерно равной частотой используемые в зарубежных исследованиях: «субъективное благополучие» (восходящий к гедонистической традиции) и «психологическое благополучие» (являющийся «продуктом» эвдемонистического направления), что привело к оформлению в зарубежной психологии двух соответствующих направлений в изучении благополучия.
2. В отечественной психологии, в отличие от зарубежной, отмечается большее разнообразие подходов к теоретическому осмыслению феномена благополучия, однако в эмпирических исследо-

ваниях чаще используются зарубежные психодиагностические методики.

3. Исследовательская работа по изучению благополучия может быть проведена с помощью интеграции гедонистического и эвдемонистического подходов, позволяющей совместить в единой концепции представления о субъективном и психологическом благополучии, разработать новый исследовательский инструментарий, создать конструкт и определить его структуру.
4. Структурная модель разработанного конструкта «эмоционально-личностное благополучие» включает в себя девять факторов благополучия, представляющих собой психологические феномены, выявленные в ходе пилотажного исследования и проанализированные на основе психологических и философских источников.
5. Разработанная 9-ти факторная исследовательская методика СЭЛБ является компактным инструментом, позволяющим включать в исследование выборки большого объема.
6. Двухшаговый кластерный анализ, проведенный на основании оценок по девяти моно-шкалам методики СЭЛБ, позволил выделить четыре группы респондентов: две крайние (с выраженной позитивной и выраженной негативной оценкой своего эмоционально-личностного благополучия) и две промежуточные (со слабой позитивной и слабой негативной самооценкой эмоционально-личностного благополучия). Они различаются особенностями самооценки эмоционально-личностного благополучия.
7. Методика СЭЛБ может использоваться также в индивидуальном консультировании для диагностики и оказания психологической помощи лицам с низким (выраженным и слабым) уровнем эмоционально-личностного благополучия.

Литература:

Александрова Т.И. Мотивационно-смысловые установки личности педагога и их влияние на эмоциональное благополучие личности учащихся: дис. ... канд. психол. наук; [Дальневосточный гос. ун-т]. – Хабаровск, 2006.

Глотова Г.А. Сравнительный анализ некоторых отечественных и зарубежных моделей изучения личности // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований : материалы XXII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2016. – С. 78–86.

Глотова Г.А. Структура и индикаторы субъективного благополучия // Международная научная школа психологии и педагогики. – 2014. – № 7(15). – Ч. 2. – С. 22–25.

Для цитирования: Карапетян Л.В., Глотова Г.А. Структурная модель эмоционально-личностного благополучия // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 46–56. doi: 10.11621/npj.2018.0206

For citation: Karapetyan L.V., Glotova G.A. (2018) Structural model of emotional and personal well-being. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 11(2), 46–56. doi: 10.11621/npj.2018.0206

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

- Карапетыан Л.В. Возрастная динамика представлений о собственном эмоционально-личностном благополучии // Человеческий капитал. – 2014. – № 6(66). – С. 179–184.
- Карапетыан Л.В. Особенности самооценки эмоционально-личностного благополучия у респондентов с различным профессиональным статусом // Актуальные проблемы психологического знания. – 2017. – № 1. – С. 55–66.
- Карапетыан Л.В. Особенности самооценки эмоционально-личностного благополучия у респондентов с различным образовательным статусом // Актуальные проблемы психологического знания. – 2017. – № 1. – С. 22–33.
- Карапетыан Л.В., Глотова Г.А. Эмоционально-личностное благополучие : монография. – Екатеринбург : изд-во Уральского института ГПС МЧС России, 2017.
- Рикель А.М., Туниянц А.А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – №2. – С. 64–82.
- Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. [Электронный ресурс] // Путь воина : [сайт]. URL: <http://baguzin.ru/wp/mihaj-chiksentmihaj-potok-psihologi/> – (дата обращения 27.04.2018).
- Шамянов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. – Саратов : Научная книга, 2008.
- Armbruster, D., Pieper, L., Klotsche, J., & Hoyer, J. (2015) Predictions get tougher in older individuals: a longitudinal study of optimism, pessimism and depression. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 50(1), 153–163. Retrieved from: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00127-014-0959-0> (дата обращения: 12.01.2016).
- Atkinson, J.W. (1964) *An introduction to motivation*. Princeton, Van Nostrand.
- Bergsma, A., & Ardel, M. (2011) Self-Reported Wisdom and Happiness: An Empirical Investigation. Retrieved from: http://www.researchgate.net/publication/225487194_Self-Reported_Wisdom_and_Happiness_An_Empirical_Investigation (дата обращения: 24.03.2015).
- Bradburn, N.M. (1969) *The structure of psychological wellbeing*. Chicago, Aldine Pub. Co.
- Chambers J.R. et al. (2003) Egocentrism, Event Frequency, and Comparative Optimism: When What Happens Frequently Is “More Likely to Happen to Me”. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 29(11), 1343–1356. doi: 10.1177/0146167203256870
- Chernorizov A.M., Isaychev S.A., Zinchenko Yu.P., Znamenskaya I.A., Zakharov P.N., Khakhalin A.V., Gradoboeva O.N., Galatenko V.V. (2016). Psychophysiological methods for the diagnostics of human functional states: New approaches and perspectives. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(4), 23–36. doi: 10.11621/pir.2016.0403
- Darke, P.R., & Freedman, J.L. (1997) The Belief in Good Luck Scale. *Journal of Research in Personality*, 31, 486–511. doi: 10.1006/jrpe.1997.2197
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985) The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 9(2), 109–134. doi: 10.1016/0092-6566(85)90023-6
- Diener. E. (2000) Subjective Well-Being: the Science of Happiness and Proposal for a National Index. *American Psychologist*, 55 (1), 34–43. doi: 0.1037/0003-066X.55.1.34
- Diener. E., Biswas-Diener R. (2008) *Happiness*. Blackwell Publishing. doi: 10.1002/9781444305159
- Diener, E. (1984) Subjective Well-being. *Psychological Bulletin*, 95, 542–575. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.542
- Diener, E., Oishi, S., & Lucas, R. E. (2012) Subjective Well-Being: The Science of Happiness and Life Satisfaction (Book Chapter: The Oxford Handbook of Positive Psychology).
- Friedman, H.S., & Robbins, B.D. (2012) The negative shadow cast by positive psychology: Contrasting views and implications of humanistic and positive psychology on resilience. *The Humanistic Psychologist*, 40(1), 87–102. doi: 10.1080/08873267.2012.643720
- Gallagher, M.W., Lopez, S.J., & Preacher, K.J. (2009) The hierarchical structure of well-being. *J Pers*, 77, 1025–1050. doi: 0.1111/j.1467-6494.2009.00573.x
- Glотова, Г.А., & Карапетыан, Л.В. (2017) Emotional and personal well-being's relations with the extraversion-introversion, burnout and adaptation. In PACT 2017, International Psychological Applications Conference and Trends. 29 April–1 May. Budapest, Hungary. Book of proceedings. Eds. C. Pracana, & M. Wang. Lisbon, Portugal, W.I.A.R.S, 454–458.
- Greenberg, J. S. (2004) The Effect of Quality of the Relationship Between Mothers and Adult Children With Schizophrenia, Autism, or Down Syndrome on Maternal Well-Being: The Mediating Role of Optimism. *American Journal of Orthopsychiatry*, 74(1), 14–25. doi: 10.1037/0002-9432.74.1.14
- Held, B.S. (2004) The negative side of positive psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 44, 9–46. Retrieved from: <http://www.bowdoin.edu/faculty/b/hheld/pdf/JHP-held-2004.pdf> (дата обращения: 14.09.2011).
- Jenson, W. R. et al. (2004) Positive Psychology and Externalizing Students in a Sea of Negativity. *Psychology in the Schools*, 41(1), 67–79. doi: 10.1002/pits.10139
- Kushlev, K., Dunn, E.W., & Lucas, R.E. (2015) Higher income is associated with less daily sadness but not more daily happiness. *Social psychological and personality science*, 6(5), 483–489. doi: 10.1177/1948550614568161
- Oishi, S., & Gilbert, E.A. (2016) Current and future directions of culture and happiness research. *Current opinion in psychology*, 8, 54–58. doi: 10.1016/j.copsyc.2015.10.005
- Palgi, Yuval (2011) The relationships between daily optimism, daily pessimism, and affect differ in young and old age. *Personality and Individual Differences*. 50(8), 1294–1299. Retrieved from: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886911001061> (дата обращения: 12.05.2013).
- Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. (2017). Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 179–191. doi: 10.11621/pir.2017.0212
- Perelygina E.B., Rikel A.M., Dontsov A.I. (2017). The subjective well-being of a person as a prism of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (4), 185–194. doi: 10.11621/pir.2017.0416
- Pritchard, D., & Smith, M. (2004) The psychology and philosophy of luck. *New Ideas in Psychology*. Retrieved from: <https://www.stat.berkeley.edu/~aldous/157/Papers/pritchard.pdf> (дата обращения: 12.05.2012).

- Ray, J.J. (1980) Belief in Luck and Locus of control. *The J. of Social Psychology*, 111, 299–300.
- Ryff, C.D. (1989) Happiness is everything of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59, 1069–1081. doi: 10.1037/0022-3514.57.6.1069
- Ryff, C.D., Keyes, C.L.M. (2002) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 1007–1022.
- Sagon, E., & De Caroli, M.E. (2014) Locus Of Control And Beliefs About Superstition And Luck In Adolescents: What's Their Relationship? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 140, 318–323. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.04.427
- Seidler, G.H. (2000) Phenomenological and psychodynamic aspects of shame and envy affects. *Psyche*, 55 (1), 43–62.
- Steinbeis, N., & Singer, T. (2013) The effects of social comparison on social emotions and behavior during childhood: the ontogeny of envy and schadenfreude predicts developmental changes in equity-related decisions. *Journal of experimental child psychology*, 115(1), 198–209. doi: 10.1016/j.jecp.2012.11.009
- Van de Ven, N., Zeelenberg, M., & Pieters, R. (2011) Why envy outperforms admiration. *Personality and social psychology bulletin*, 37 (6), 784–795. doi: 10.1177/0146167211400421
- Veiga, J.F., Baldrige, D.C., Markóczy, L. (2014) Toward greater understanding of the pernicious effects of workplace envy. *International journal of human resource management*, 25(17), 2364–2381. doi: 10.1080/09585192.2013.877057
- Waterman A.S. (1993) Two conceptions of happiness: contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64, 678–691. doi: 10.1037/0022-3514.64.4.678
- Waterman, A. S., Schwartz, S.J., Conti, R. (2008) The implications of two conceptions of happiness (hedonic enjoyment and eudaimonia) for the understanding of intrinsic motivation. *Journal of Happiness Studies*, 9, 41–79. doi: 10.1007/s10902-006-9020-7
- Yuki, M., Sato, K., Takemura, K., & Oishi, Sh. (2013) Social ecology moderates the association between self-esteem and happiness. *Journal of experimental social psychology*, 49(4), 741–746. doi: 10.1016/j.jesp.2013.02.006

References:

- Armbruster, D., Pieper, L., Klotsche, J., & Hoyer, J. (2015) Predictions get tougher in older individuals: a longitudinal study of optimism, pessimism and depression. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 50(1), 153–163. Retrieved from: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00127-014-0959-0> (дата обращения: 12.01.2016).
- Atkinson, J.W. (1964) An introduction to motivation. Princeton, Van Nostrand.
- Bergsma, A., & Ardel, M. (2011) Self-Reported Wisdom and Happiness: An Empirical Investigation. Retrieved from: http://www.researchgate.net/publication/225487194_Self-Reported_Wisdom_and_Happiness_An_Empirical_Investigation (дата обращения: 24.03.2015).
- Bradburn, N.M. (1969) The structure of psychological wellbeing. Chicago, Aldine Pub. Co.
- Chambers J.R. et al. (2003) Egocentrism, Event Frequency, and Comparative Optimism: When What Happens Frequently Is “More Likely to Happen to Me”. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 29(11), 1343–1356. doi: 10.1177/0146167203256870
- Chernorizov A.M., Isaychev S.A., Zinchenko Yu.P., Znamenskaya I.A., Zakharov P.N., Khakhalin A.V., Gradoboeva O.N., Galatenko V.V. (2016). Psychophysiological methods for the diagnostics of human functional states: New approaches and perspectives. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(4), 23–36. doi: 10.11621/psr.2016.0403
- Chikszentmihayi, M. (2011) The flow. Psychology of optimal experience. Moscow. Retrieved from: http://lib100.com/book/practic_psychology/flow/_%cc%e8%f5%e0%e9%20%d7%e8%ea%f1%e5%ed%f2%ec%e8%f5%e0%e9%e8,%20cf%ee%f2%ee%ea.pdf (accessed: April 15, 2014).
- Darke, P.R., & Freedman, J.L. (1997) The Belief in Good Luck Scale. *Journal of Research in Personality*, 31, 486–511. doi: 10.1006/jrpe.1997.2197
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985) The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 9(2), 109–134. doi: 10.1016/0092-6566(85)90023-6
- Diener. E. (2000) Subjective Well-Being: the Science of Happiness and Proposal for a National Index. *American Psychologist*, 55 (1), 34–43. doi: 10.1037/0003-066X.55.1.34
- Diener. E., Biswas-Diener R. (2008) Happiness. Blackwell Publishing. doi: 10.1002/9781444305159
- Diener, E. (1984) Subjective Well-being. *Psychological Bulletin*, 95, 542–575. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.542
- Diener, E., Oishi, S., & Lucas, R. E. (2012) Subjective Well-Being: The Science of Happiness and Life Satisfaction (Book Chapter: The Oxford Handbook of Positive Psychology).
- Friedman, H.S., & Robbins, B.D. (2012) The negative shadow cast by positive psychology: Contrasting views and implications of humanistic and positive psychology on resilience. *The Humanistic Psychologist*, 40(1), 87–102. doi: 10.1080/08873267.2012.643720
- Gallagher, M.W., Lopez, S.J., & Preacher, K.J. (2009) The hierarchical structure of well-being. *J Pers*, 77, 1025–1050. doi: 10.1111/j.1467-6494.2009.00573.x
- Glотова, G.A. (2016) Comparative analysis of some domestic and foreign models of personal. [Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy: materialy 22oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]. Novosibirsk, Izdatel'stvo TsRNS, 78–86.
- Glотова, G.A. (2014) Structure and indicators of subjective well-being. [Mezhdunarodnaya nauchnaya shkola psikhologii i pedagogiki], 7 (15), Part 2, 22–25.
- Glотова, G.A., & Karapetyan, L.V. (2017) Emotional and personal well-being's relations with the extraversion-introversion, burnout and adaptation. In PACT 2017, International Psychological Applications Conference and Trends. 29 April-1 May. Budapest, Hungary. Book of proceedings. Eds. C. Pracana, & M. Wang. Lisbon, Portugal, W.I.A.R.S, 454–458.
- Greenberg, J. S. (2004) The Effect of Quality of the Relationship Between Mothers and Adult Children With Schizophrenia, Autism, or Down Syndrome on Maternal Well-Being: The Mediating Role of Optimism. *American Journal of Orthopsychiatry*, 74(1), 14–25. doi: 10.1037/0002-9432.74.1.14
- Held, B.S. (2004) The negative side of positive psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 44, 9–46. Retrieved from: <http://www.bowdoin.edu/>

faculty/b/hheld/pdf/JHP-held-2004.pdf (дата обращения: 14.09.2011).

Jenson, W. R. et al. (2004) Positive Psychology and Externalizing Students in a Sea of Negativity. *Psychology in the Schools*, 41(1), 67–79. doi: 10.1002/pits.10139

Karapetyan, L.V. (2014) Age dynamics of ideas about one's own emotional-personal well-being *Chelovecheskiy Kapital*, 6 (66), 179–184.

Karapetyan, L.V. (2017) Self-assessment of emotional and personal well-being in respondents with different professional status. [*Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*], 1, 55–66.

Karapetyan, L.V. (2017) Features of self-evaluation of emotional and personal well-being among respondents with different educational status [*Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*], 1, 22–33.

Karapetyan, L.V., & Glotova, G.A. (2017) Emotional personal well-being: monograph. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo instituta GPS MChS Rossii.

Kushlev, K., Dunn, E.W., & Lucas, R.E. (2015) Higher income is associated with less daily sadness but not more daily happiness. *Social psychological and personality science*, 6(5), 483–489. doi: 10.1177/1948550614568161

Oishi, S., & Gilbert, E.A. (2016) Current and future directions of culture and happiness research. *Current opinion in psychology*, 8, 54–58. doi: 10.1016/j.copsyc.2015.10.005

Palgi, Yuval (2011) The relationships between daily optimism, daily pessimism, and affect differ in young and old age. *Personality and Individual Differences*. 50(8), 1294–1299. Retrieved from: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886911001061> (дата обращения: 12.05.2013).

Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. (2017). Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 179–191. doi: 10.11621/pir.2017.0212

Perelygina E.B., Rikel A.M., Dontsov A.I. (2017). The subjective well-being of a person as a prism of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (4), 185–194. doi: 10.11621/pir.2017.0416

Pritchard, D., & Smith, M. (2004) The psychology and philosophy of luck. *New Ideas in Psychology*. Retrieved from: <https://www.stat.berkeley.edu/~aldous/157/Papers/pritchard.pdf> (дата обращения: 12.05.2012).

Ray, J.J. (1980) Belief in Luck and Locus of control. *The J. of Social Psychology*, 111, 299–300.

Rikel A.M., Tuniyants A.A., Batyrova N. (2017). The concept of subjective well-being in the hedonistic and eudemonistic approaches. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 2, 64–82.

Ryff, C.D. (1989) Happiness is everything of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59, 1069–1081. doi: 10.1037/0022-3514.57.6.1069

Ryff, C.D., Keyes, C.L.M. (2002) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 1007–1022.

Sagon, E., & De Caroli, M.E. (2014) Locus Of Control And Beliefs About Superstition And Luck In Adolescents: What's Their Relationship? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 140, 318–323. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.04.427

Seidler, G.H. (2000) Phenomenological and psychodynamic aspects of shame and envy affects. *Psyche*, 55 (1), 43–62.

Steinbeis, N., & Singer, T. (2013) The effects of social comparison on social emotions and behavior during childhood: the ontogeny of envy and schadenfreude predicts developmental changes in equity-related decisions. *Journal of experimental child psychology*, 115(1), 198–209. doi: 10.1016/j.jecp.2012.11.009

Van de Ven, N., Zeelenberg, M., & Pieters, R. (2011) Why envy outperforms admiration. *Personality and social psychology bulletin*, 37 (6), 784–795. doi: 10.1177/0146167211400421

Shamionov, R.M. (2008) Subjective well-being of the individual: the psychological picture and factors. Saratov, Izdatel'stvo Nauchnaya Kniga.

Alexandrova, T.I. (2006) Motivational and semantic attitudes of the teacher's personality and their influence on the emotional well-being of the student's personality: Ph.D. in Psychology, thesis [*Far Eastern State University*]. Khabarovsk.

Veiga, J.F., Baldrige, D.C., Markóczy, L. (2014) Toward greater understanding of the pernicious effects of workplace envy. *International journal of human resource management*, 25(17), 2364–2381. doi: 10.1080/09585192.2013.877057

Waterman A.S. (1993) Two conceptions of happiness: contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64, 678–691. doi: 10.1037/0022-3514.64.4.678

Waterman, A. S., Schwartz, S.J., Conti, R. (2008) The implications of two conceptions of happiness (hedonic enjoyment and eudaimonia) for the understanding of intrinsic motivation. *Journal of Happiness Studies*, 9, 41–79. doi: 10.1007/s10902-006-9020-7

Yuki, M., Sato, K., Takemura, K., & Oishi, Sh. (2013) Social ecology moderates the association between self-esteem and happiness. *Journal of experimental social psychology*, 49(4), 741–746. doi: 10.1016/j.jesp.2013.02.006

Кинотерапия: современный взгляд на возможности применения

Е.И. Захарова, О.А. Карбанова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 14 мая 2018/ Принята к публикации: 27 мая 2018

A modern view of how to apply film therapy

Elena I. Zakharova*, Olga A. Karabanova
Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia
* Corresponding author E-mail: e-i-z@yandex.ru

Received May 14, 2018 / Accepted for publication: May 27, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Развитие психологических практик привело к созданию кинотерапии, зарекомендовавшей себя перспективным методом оценки и трансформации ценностно-смысловой сферы личности. Однако широкому распространению метода кинотерапии препятствует недостаточная изученность механизмов его психологического воздействия. Актуальной задачей является создание проективного метода диагностики ценностно-смысловой сферы личности средствами художественной кинематографии, а также разработка технологий воздействия квази-формирующего и обучающего типа.

Целью статьи является анализ возможностей применения кинотерапии для решения психотерапевтических, диагностических, коррекционных, развивающих задач.

Описание хода исследования. Рассмотрены теоретические основания кинотерапии как вида арт-терапии, выделены сходство и различия с библиотерапией. Обсуждается развитие метода кинотерапии – от задач совладания с эмоциональными нарушениями и восстановлением баланса психодинамических сил до широкого спектра задач оптимизации личностного роста и образования. Проанализированы психологические механизмы воздействия в процессе кинотерапии: проекция, идентификация с героем, рефлексия, катарсис, социальное научение. Выделены базовые приемы личностной трансформации, применяемые в кинотерапии. Определены основные темы для группового и индивидуального обсуждения после просмотра художественного фильма. Приведены результаты пилотажного исследования, доказавшего высокую эффективность метода кинотерапии при подготовке к родительству женщин.

Результаты исследования. На основании анализа психологической практики использования средств художественной кинематографии как метода психологического воздействия можно сказать следующее. Хотя метод кинотерапии успешно зарекомендовал себя в решении психотерапевтических, развивающих, образовательных задач, однако психологические механизмы его воздействия исследованы недостаточно глубоко, а возможности кинотерапии в развитии личностного потенциала человека используются далеко не полно.

Выводы. Перспективы развития данного метода связаны с разработкой проективных методов исследования неосознаваемых имплицитных установок личности, что позволит повысить эффективность диагностической работы, а также с разработкой квази-формирующих техник психологического воздействия на ценностно-смысловую сферу человека на основе активизации его личностного потенциала и учета актуальных задач развития каждой возрастной группы.

Ключевые слова: арт-терапия, кинотерапия, метафора, идентификация, психологический механизм воздействия, ценностно-смысловая сфера, установка материнства.

Background. The development of psychological practices has emerged such promising method for evaluating and transforming the value semantic sphere of the individual as film therapy. However, the wide dissemination of the method is held up by insufficient knowledge of the mechanisms that make up its psychological impact. The urgent task is to elaborate on the projective method for diagnosing the value semantic sphere of the individual by means of artistic cinematography, and also to develop the technologies for quasi-forming and learning technique.

The Objective is to analyze the possibilities of using film therapy for solving psychotherapeutic, diagnostic, correctional, and developmental problems.

Design. The theoretical bases of film therapy as a kind of art therapy are considered, similarities and differences with bibliotherapy are emphasized. The paper discusses the development of film therapy as a method with a wide range of tasks from coping with emotional disturbances and restoring the balance of psychodynamic forces to a wide array of issues including optimizing personal development and education. Psychological impact mechanisms in the process of cinema therapy, i.e. projection, identification with the hero, reflection, catharsis, social learning are analyzed. Basic methods of personal transformation used in film therapy are singled out. Basic topics for group and individual discussion after watching a feature film are identified. The results of a pilot study that proved the high efficiency of the film therapy method in pregnant women are presented.

Research results. Based on the analysis of the psychological practice using artistic cinematography as a method of psychological influence the following tips should be laid emphasis on. Although the method of film therapy has successfully proved itself in solving psychotherapeutic, developmental, and educational problems, the psychological impact mechanisms have not received enough focus, and the possibilities of film therapy in the development of personal potential are far from being fully employed.

Conclusion. Prospects for the development of this method are associated with the development of projective methods for investigating the unconscious implicit attitudes of the individual, which will increase the effectiveness of diagnostic work, and also the development of quasi-forming techniques of psychological impact on the human value sphere enhancing their personal potential and taking into account the actual development challenges of each age group.

Keywords: art therapy, film therapy, metaphor, identification, psychological impact mechanism, value semantic sphere, motherhood suggestion

Арт-терапия как терапия искусством представляет одно из самых многообещающих, перспективных и мало изученных направлений психологической практики. Можно выделить три подхода к интеграции искусства и терапии, по-разному раскрывающие содержание и механизмы воздействия искусства на разрешение проблем, психологическое благополучие и развитие личности. В психоаналитическом подходе в работах пионера арт-терапии М. Наумбург акцент переносится на терапию,

пациента в процесс создания художественных образов, будь то рисунок, сочинение или восприятие произведения искусства любой формы (Kramer, 1958, 1990). По мнению Э. Крамер, необходимо учитывать два процесса, реализуемые в ходе художественной деятельности. Во-первых, сублимацию, позволяющую «переключить» энергию либидо на социально желаемые цели и тем самым восстановить баланс психодинамических сил. Во-вторых, коммуникацию, в которой рисунок, являясь посланием бессоз-

нательно-смысловой и мотивационной сфере. Не адаптация к социальной среде, не улучшение системы отношений с миром, а рождение новой потребности в творчестве и соответствующая трансформация всех жизненных отношений личности становится результатом арт-терапии (Бурно, 1989; Карабанова, 1977). Таким образом, в русле решения относительно узкой психотерапевтической задачи возникло и окрепло новое направление, позволяющее выйти за пределы клинической практики. Арт-терапия (А. Хилл), первоначально направленная на улучшение эмоционального состояния человека за счет снижения внутреннего напряжения, значительно расширяет радиус возможного воздействия. Объектом арт-терапевтического воздействия становится уже не больной человек (пациент), а личность, стремящаяся не только избавиться от негативных переживаний, но раскрыть и обогатить свой творческий потенциал, ориентированная на саморазвитие и самовыражение в произведениях искусства.

Объектом арт-терапевтического воздействия становится уже не больной человек (пациент), а личность, стремящаяся не только избавиться от негативных переживаний, но раскрыть и обогатить свой творческий потенциал, ориентированная на саморазвитие и самовыражение в произведениях искусства

а арт (искусство) выступает лишь как средство, позволяющее преодолеть сопротивление и придти к осознанию бессознательных процессов. Здесь именно терапия является и целью, и содержанием психопрактики, а искусство лишь дополняет арсенал методических инструментов аналитика (Naumburg, 1958, 1966). В концепции Э. Крамер, которая, как и М. Наумбург, является представительницей психодинамического подхода, напротив, само искусство выступает фокусом внимания, а терапевтический эффект является результатом включения

нательного, принимает на себя функцию коммуникации социальному окружению скрытых, подавленных влечений и конфликтов пациента, способствуя более глубокому пониманию партнерами друг друга и улучшению их межличностных отношений. Третий подход отводит решающую роль в арт-терапии процессам творчества и творческого воображения, полагая, что сам процесс арт-терапии порождает новые потребности человека – в творчестве, поиске форм самовыражения, и приобретает самостоятельное значение и особый приоритет в его

Арт-терапия, как способ психологического воздействия, имеет ряд преимуществ, по сравнению с другими психотерапевтическими методами. Приобщение к искусству вызывает положительные эмоции. Технические навыки (рисование, игра, сочинение и обсуждение сказок, восприятие музыкального произведения) складываются в детские годы, поэтому отличаются доступностью для широкого круга взрослых людей. Возможность обойтись без слов создает возможность самовыражения для людей, испытывающих трудности в вербальном описании своих переживаний. Все это позволяет обходить «цензуру сознания», способствуя выражению скрытых желаний, идей, состояний, поведения, которые в обычной жизни не проявляются.

В конце XX-го века психотерапевт Берни Вудер разрабатывает еще одно направление арт-терапии – кинотерапию, используя новый метод для лечения эмоциональных проблем своих пациентов (депрессивных состояний, фобий, зависимостей, суицидальных намерений). Использование метода кинотерапии было востребовано в первую очередь в русле психоаналитического подхода (Berg, URL: <http://www.uspress.edu/books/>)

Елена Игоревна Захарова –
доктор психологических наук,
доцент кафедры возрастной психологии Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: e-i-z@yandex.ru
<https://istina.msu.ru/profile/zakharova/>

Ольга Александровна Карабанова –
член-корреспондент РАО, доктор психологических
наук, профессор кафедры возрастной психологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: okarabanova@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/Okarabanova/>

pages/6945.html; Gabbard, 2001; Kluge, URL: <http://www.dspp.com/papers/kluge.htm>). Стремительное развитие кинематографа способствовало обогащению приемов психоанализа. Дана Намди обращает внимание на их взаимопроникновение, позволившее, с одной стороны, популяризировать идеи психоанализа, с другой, способствовало появлению новой тематики художественных произведений (Дмитриева, Одинцова, Намди, 2016). Стимульным материалом для работы становится заранее отобранный по определенной тематике фильм, просмотр которого сопровождается, как правило, групповым обсуждением под руководством психолога. Обсуждение поступков и переживаний персонажей фильма могут помочь клиентам получить более адекватное и полное представление о собственной жизни, соприкоснуться с чувствами и эмоциями, увидеть ситуацию с другой точки зрения. Это позволяет преодолеть страх и тревогу, создает ситуацию эмоциональной безопасности для обсуждения собственных проблем на основе идентификации с героями фильма, чье сходство судьбы с собственной историей осознается либо самими клиентами, либо с помощью терапевта. Герои фильма сталкиваются с теми же проблемами, что и зрители в своей реальной жизни: утратой, неудачей, несправедливостью, изменой, отвержением и изоляцией, низкой самооценкой и др. Использование метафоры как художественного средства позволяет значительно ускорить процессы инсайта – глубокого и целостного постижения сущности проблемной ситуации и возможностей ее разрешения (Sharp, Smith & Cole, URL: <https://doi.org/10.1080/09515070210140221>). Преимущества арт-терапии как дополнительного метода работы связаны с тем, что использование метафорического выражения проблемы позволяет перейти к ее анализу и обсуждению, в то время как прямой директивный подход провоцирует защитные реакции клиента, не позволяя выйти на ее осознание и проработку. Это положение получило убедительное подтверждение в сравнительном исследовании эффекта двух форм интервенции с целью оптимизации деструктивных детско-родительских отношений в групповой работе с пятнадцатилетними

девушками-подростками. Было показано, что просмотр художественных фильмов содействует открытому обсуждению проблем материнско-дочерних отношений и отношений с отсутствующим отцом, в то время как попытка прямого разговора об этих отношениях вызывает сопротивление, отказ и негативные аффективные реакции (Bierman, 2003).

Кинотерапия имеет явное сходство с библиотерапией, которая строится как обсуждение и совместный анализ специальным образом отобранных книг

Преимущества арт-терапии как дополнительного метода работы связаны с тем, что использование метафорического выражения проблемы позволяет перейти к ее анализу и обсуждению, в то время как прямой директивный подход провоцирует защитные реакции клиента, не позволяя выйти на ее осознание и проработку

и историй, что, однако, не исключает их различий. Существенным преимуществом фильмов перед книгами является использование совокупности различных модальностей: музыки, цвета, яркости изображений, динамики развертывания перед глазами зрителя историй, что позволяет говорить о глубинном эмоциональном уровне воздействия. Воссоздание истории на основе визуализации позволяет прочувствовать и осознать психологическую коллизию в определенном заданном создателем фильма ключе, сохраняя, тем не менее, широкие возможности личностного осмысления и интерпретации увиденного.

Воссоздание истории на основе визуализации позволяет прочувствовать и осознать психологическую коллизию в определенном заданном создателем фильма ключе, сохраняя, тем не менее, широкие возможности личностного осмысления и интерпретации увиденного

Анализируя психологические механизмы воздействия на зрителя, исследователи обращаются к процессу идентификации зрителя с героем художественного произведения. Зритель выбирает героя, который ему наиболее близок на данном этапе жизни по типу поведения, по способу решаемой задачи, по сходной жизненной ситуации или стоящей перед ним психологической проблеме. Это обеспечивает ему возможность эмоционального включения (Психологическое консультирование ..., 2017). Результатом такой идентификации становится «заражение»

эмоциональным состоянием героя с последующим глубоким катарсисом. Художественное произведение не только позволяет зрителю преодолеть защитные механизмы и испытать «страсти и желания», подавляемые в повседневной жизни, но в метафорической форме предлагает способ решения проблемной ситуации. Соответственно, существенным условием эффективности терапевтического воздействия является наличие сходства сюжета с актуальной жизненной ситуацией, в которой находится клиент (Прокофье-

ва, URL: <http://kinoterapia.info/theoretic-cinematotherapy/method-of-kinoterapia/>). Кроме того, возможность идентификации с героем достигается особыми приемами возбуждения симпатии, обеспечивая возможность возникновения сопереживания зрителя. Герой не только должен оказаться в опасной ситуации, вызывающей волнение и сопереживание у зрителя, но и быть наделен как особыми способностями, так и узнаваемыми недостатками и слабостями. Эффект узнавания усиливается, если герой фильма действует в знакомой зрителю ситуации (Червинский, URL: <https://kinodramaturg.ru/a-chervinskij-kak-xoroshoprodat-xoroshij-scenarij/>).

Таким образом, проблема воздействия искусства на развитие и психологическое состояние личности разрабатывалась функциональной теорией в рамках «онтологии самого искусства» (Крупник, 1999). Психологической модификацией функциональной теории искусства является направление, опирающееся на объективно-аналитический метод анализа, предложенный в свое время Л.С. Выготским для изучения психологии искусства. Представители этого направления рассматривали художественное произведение как систему художествен-

но-выразительных средств, «сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию» и тем самым воздей-

Данный подход к психотерапевтической работе посредством кинематографии был поддержан и существенно обогащен в онтопсихологии Антонио Ме-

Отношение к герою и его жизненной ситуации определяется, в первую очередь, проекцией собственных ценностных установок, личностных черт и актуальных переживаний. В связи с этим, анализ переживаний, возникших в ходе просмотра кинофильма, способствует осознанию зрителем собственной жизненной ситуации и личностной позиции, открывая это содержание для развития и коррекции

ствовать на реципиента (Выготский, 2010). Однако психология искусства не может рассматриваться в отрыве от личности, на которую оказывается воздействие. По мнению Е.В. Крупника, в процессе знакомства с художественным произведением у субъекта возникает «художественное сознание» как особого рода отношение к произведению искусства. Воздействие искусст-

негетти, который сосредотачивает внимание не только на просмотре фильма, но и на последующем его обсуждении в группе зрителей (Менегетти, 2014а, 2014б). Подчеркивая, что кино является «самым распространенным в современном мире и самым могущественным средством коммуникации», он вызывает зрителя на разговор, направленный на выявление проективного характера пе-

Фильм становится средством выражения бессознательного как отдельного индивида, так и группы участников. Организованное после просмотра фильма обсуждение позволяет каждому зрителю понять, насколько его личное восприятие расходилось с объективным содержанием образа. Следовательно, по мнению автора, с помощью данного метода можно диагностировать и с очевидностью представлять субъекту его бессознательное

ва на личность представляет собой, таким образом, целостный системный акт, в котором воздействие стимула (произведение искусства с его системой выразительных средств) преломляется через художественное сознание личности, что и определяет, в конечном счете, эффект «последствия» художественного произведения на личностную организацию человека (Крупник, 1999). Возникающие под влиянием художественного фильма переживания свидетельствуют о том, что происходящие события приобретают для каждого человека особый личностный смысл. Отношение к герою и его жизненной ситуации определяется, в первую очередь, проекцией собственных ценностных установок, личностных черт и актуальных переживаний. В связи с этим, анализ переживаний, возникших в ходе просмотра кинофильма, способствует осознанию зрителем собственной жизненной ситуации и личностной позиции, открывая это содержание для развития и коррекции.

реживаний, при этом, позволяя ему понять, насколько его личное восприятие расходилось с объективным содержанием образа. По мнению А. Менегетти, «правильно» созданный фильм раскрывает широкое пространство для переживаний, чувств и эмоций. В процессе группового обсуждения человек постигает специфику собственных переживаний, совершая акт самопознания (Менегетти, 2001). С помощью средств художественного произведения режиссер создает яркие, выразительные образы, но они являются лишь материалом для образов, создаваемых воображением самого зрителя. Они, по мнению Менегетти, позволяют проявиться внутреннему миру человека, поскольку «сквозь вереницу сменяющихся образов мы улавливаем проявление интенциональности бессознательного, но не режиссера, а зрителя» (Менегетти, 2014а). Фильм становится средством выражения бессознательного как отдельного индивида, так и группы участников. Организованное после просмотра фильма обсуждение

позволяет каждому зрителю понять, насколько его личное восприятие расходилось с объективным содержанием образа. Следовательно, по мнению автора, с помощью данного метода можно диагностировать и с очевидностью представлять субъекту его бессознательное. Участнику дискуссии открывается скрытое содержание его личности. Полученное знание можно использовать и для лечения человека, и для содействия его дальнейшему личностному росту. В рамках онтопсихологии появляется новое название метода – кинемалогия (от греческого «кинео» – двигаю, двигаюсь и латинского «логос» – наука, познание), в котором акцент смещается на возможности самопознания. Показаниями к использованию данного метода являются эмоциональные нарушения, скрытые неосознаваемые и открытые осознанные неурегулированные внутриличностные и межличностные конфликты, низкий уровень развития самосознания и самооценки, аддикции, в том числе эмоциональная зависимость и зависимость от психоактивных веществ, недостаточный уровень осознания и понимания собственного поведения, конфликтов в межличностных отношениях и их причин, утрата, посттравматическое стрессовое расстройство, депрессии, тревожные расстройства социального генеза, все виды расстройства пищевого поведения.

История использования метода кинотерапии в нашей стране непродолжительна. Несмотря на то, что в Большой медицинской энциклопедии еще в 1949 году впервые появилась статья о кинотерапии, как новом методе лечения с помощью просмотра специально отобранных фильмов, оказывающих психотерапевтический эффект, в России его использование не получило широкого распространения (Пензин, 2003). В настоящее время обращение к данному средству психологического воздействия происходит все чаще. Е.Н. Павлова, анализируя современную практику использования кино в терапевтических целях, описывает несколько вариаций этого метода. Наибольшей популярностью, по ее мнению, пользуется использование кинофильма (или его фрагмента) в качестве иллюстрации обсуждаемого способа поведения. Кинофрагменты используются на когнитивных тренингах для формирования образов

успешного и неуспешного поведения. Яркие художественные образы способствуют закреплению паттернов собственного поведения и помогают точнее распознавать значение поведения других людей (Павлова, <https://kinoterapiya.ru/method>). В качестве вспомогательного приема может быть рекомендован самостоятельный просмотр фильма. В ряде случаев для помощи клиенту может быть составлена программа индивидуального просмотра в течение месяца. Использование кинофильма в качестве отправной точки для последующей дискуссии требует особого мастерства терапевта. На сегодняшний день опыт такого индивидуального творчества недостаточно операционализирован, так как практикующие терапевты редко занимаются анализом и систематизацией своего опыта, как это делал А. Менегетти. Вместе с тем, можно выделить ряд приемов, которые составляют основу психотерапевтической работы. К ним относятся:

- прием децентрации, позволяющий увидеть проблемную ситуацию как открывающую новые возможности и перспективы, изучить различные варианты решения сложной проблемы и выбора поведения;
- прием реконструкции нарушенных межличностных отношений на основе принятия нормы диалога в общении, эмпатии, сострадания к другим и себе, терпимости и принятия других такими, какими они есть, преодоления старых обид и проявления открытости к любви;
- переосмысление жизненных целей и постановка новых целей на основе осознания ригидных, ограничивающих свободу выбора убеждений, определения того, что действительно является важным для клиента, и отказа от ложных установок, формирования умения рассматривать воспринимаемые препятствия как возможности для роста;
- фасилитация самопознания и повышение самооценки, благодаря обретению умения видеть себя в новом свете, принимать себя, открывать в себе новое;
- прием трансформации чувств клиента от тревоги, страхов и депрессии к надежде, радости и вдохновению;
- прием осознания неэффективного ролевого поведения, ориентация на кон-

структивные ролевые модели и обучающие соответствующему поведению;

- переживание утраты и неразрешенного горя на основе кристаллизации позитивного опыта и примирения со смертью и со своим прошлым.

Использование кинематографического воздействия является наиболее адекватной формой работы с молодежной возрастной группой, так как отвечает актуальной задаче развития молодежи – самопознанию и саморазвитию. Активизирующее воздействие кинематографа основано на возможности трансляции молодому человеку социо-культурного опыта и личностных смыслов, создания условий внутреннего диалога

Круг вопросов, которые становятся предметом обсуждения после просмотра фильма, включают следующие темы:

- чувства, эмоции переживания, испытываемые во время просмотра фильма, прежде всего, наиболее интенсивные, вызывающие беспокойство, дискомфорт, кажущиеся несовместимыми с событиями, происходящими в фильме (например, смех во время трагической сцены или злость и грусть в позитивной ситуации);
- наиболее значимые символы;
- идентификация с одним из героев фильма, выяснение, с кем именно и почему;
- черты персонажей фильма, вызвавшие восхищение или зависть;
- кто из героев фильма не понравился и почему;
- сцены, вызвавшие сильные эмоции – что происходило и что было сказано;
- какое воздействие оказал финал фильма;
- кто из героев фильма напомнил о ком-то из прошлого клиента или настоящего;
- что больше всего понравилось в фильме;
- что меньше всего понравилось в фильме;
- сцены, вызвавшие отторжение, нежелание смотреть фильм;
- сцены, наиболее запомнившиеся, которые произвели наиболее сильное впечатление;
- основная мысль фильма, его посыл, миссия;
- что именно в фильме хотелось бы применить в своей собственной жизни.

Особые возможности содержит в себе подход к кинотерапии, при котором используется не готовое художественное произведение, а организуется съемка короткого сюжета, главным героем которого становится сам клиент (В. Эдигер).

Для такой работы психотерапевт должен совмещать профессии психолога и кинематографиста. Воплощая фантазии клиента, психолог способствует «прорыву бессознательного», раскрывая его для последующего рационального анализа.

Мы видим, что, возникнув как психотерапевтический метод, кинотерапия в настоящее время широко используется как метод психологического воздействия в ходе развивающей работы и для решения образовательных задач. В решении задач оптимизации личностного развития используются такие возможности кинематографического воздействия, как активизация самопознания, способствующая формированию идентичности таких личностных качеств, как толерантность и эмпатия. В целом ряде исследований показано, что являясь «самым массовым из искусств», кино оказывает существенное влияние на развитие мировосприятия, формирование системы семейных ценностей, моральное и нравственно-этическое развитие, формирование социальной (социально-ролевой, гражданской, гендерной) и личностной идентичности, и эмоционально-личностное развитие молодого человека (Бочаров, 2008; Макеева С.А., Макеева А.А., 2017).

Использование кинематографического воздействия является наиболее адекватной формой работы с молодежной возрастной группой, так как отвечает актуальной задаче развития молодежи – самопознанию и саморазвитию. Активизирующее воздействие кинематографа основано на возможности трансляции молодому человеку социо-культурного опыта и личностных смыслов, создания условий внутреннего диалога. В исследовании Т.М. Батула показано влияние дискурса кинематографа на идентичность. По мнению автора, кино создает условия для усвоения представлений о культурных и идеологических конструктах, причем транслируемое содержание воспринимается зрителем как естественное и адекватное (Batool,

2010). В условиях специально организованной процедуры кинотренинга, которая предполагает использование киносредств, заранее подобранных с учетом наиболее значимых для участников тренинга личных жизненных проблем, и дальнейшего их обсуждения удастся существенно по-

ственной семьи, их осознанию и поиску путей решения (Ballard, 2012; Kluge, URL: <http://www.dspp.com/papers/kluge.htm>).

Специальной задачей является отбор фильмов, отвечающих содержанию проблем и индивидуально-психологическим, возрастным и личностным, в том числе

В отличие от пассивного восприятия содержания лекции, переживания, вызванные просмотром художественного произведения, и их последующее обсуждение обеспечивают личностную включенность зрителя, что находит отражение в успешном усвоении тех идей и положений, которые заданы контентом произведения

высить уровень эмпатии молодых людей (Ахмедзянова, 2011). В исследовании показано, что эмпатийному реагированию и повышению показателя эмпатии студентов-гуманитариев способствует актуализация основных механизмов когнитивной, эмоциональной и поведенческой эмпатии: интерпретации, децентрации, идентификации, эмоционального заражения. Успешной оказалась и работа, направленная на повышение степени толерантности по отношению к людям с ограниченными возможностями (Кожухарь, Арапов, URL : http://kinoterapia.info/arapov_koguhar/). Анализ результатов использования психологического воздействия с помощью средств художественной кинематографии показал достоверные различия у испытуемых в оценке образа человека с особенностями в развитии, изменения социальной дистанции с данной группой людей, рост толерантного отношения к ним, а также тенденции к динамике эмоционального интеллекта. Раскрыты преимущества кинотерапии как доступного широкому кругу лиц, относительно не затратного и достаточно успешного метода работы.

Убедительно доказана эффективность использования кинотерапии как метода интервенции в работе с проблемными семьями и супружескими парами. В исследовании М. Баллард было продемонстрировано, что семьи, испытывающие трудности в решении задач развития при переходе на новую стадию жизненного цикла семьи, в силу ригидности и ограниченности семейных установок оказываются не готовы к обсуждению этих проблем с психотерапевтом. Просмотр кинофильмов инициирует обсуждение семейных проблем и конфликтов и облегчает переход к анализу проблем соб-

етнокультурным особенностям участников психотерапевтического процесса. Так, например, в исследовании особенностей переживания развода родителей тремя детьми предпубертативного возраста были обнаружены нетипичные и неожиданные реакции в ответ на хорошо зарекомендовавшие себя в предшествующей практике кинотерапии фильмы. Таким образом, и отбор фильмов, и выстраивание сценария психотерапевтической работы требует «тонкой настройки» процедур и временного регламента с учетом адресности применения (Marsick, URL: <https://doi.org/10.1080/15401383.2010.527789>).

В исследовании, проведенном под руководством Н.Л. Карповой, была разработана подробная карта психотерапевтических паттернов, наличие которых в кинофильме делает эффективным воздействие на человека, с точки зрения желаемых для него изменений (Карпова и др., 2011). Используя специально подобранные средства, исследователи осуществляли комплексную коррекцию девиантного поведения подростков. Результаты работы позволяют сделать заключение о том, что использование фильмотерапии при работе с девиантными подростками позволяет достичь таких положительных результатов, как развитие их эмоциональной, когнитивной, мотивационно-потребностной, волевой, коммуникативной сфер, осознание ими внутренних конфликтов и возможных путей их решения.

Не менее широкие возможности предоставляет использование кинематографии в решении образовательных задач. Использование кинематографа в образовательных целях стало возможным

практически с момента его возникновения. Уже с начала прошлого века ставился вопрос об образовательном и воспитательном значении кино. Об этом писали В. Готвальд в работе «Кинематограф – его происхождение, устройство и будущее общественное и научное значение» (1909 г.), Е. Самуйленко в книге «Кинематограф и его просветительская роль» (1912 г.), Е. Майрин в работе «Кинематограф в практической жизни» (1916 г.). В первой половине 1930-х годов советскими психологами Б.М. Тепловым и О.И. Никифоровой очень широко исследовалась роль кинематографии в развитии детей и подростков (цит. по Карпова и др., 2011).

В русле исследований теории социального научения А. Бандуры было доказано, что сюжет кинофильма может выступать для участников группы моделью сложных жизненных ситуаций, а в ряде случаев даже алгоритмом их разрешения. Убедительно показано, что ребенок может копировать поведение понравившегося персонажа при совокупности определенных условий, а именно, когда поведение на экране демонстрируется как обоснованное или вознаграждаемое, когда персонаж харизматичен или привлекателен для ребенка, и если ситуация отражает реальную жизнь, близкую личному опыту ребенка (Bandura, 1977). Взрослый же человек, просматривая художественный фильм, узнает события, определенные жизненные ситуации, которые встречались в его собственной жизни, что открывает для него новые возможности разрешения сложных жизненных ситуаций.

С позиции культурно-исторического подхода становится возможным говорить о том, что не столько само художественное произведение, сколько его обсуждение стимулирует собственную активность участников работы. В отличие от пассивного восприятия содержания лекции, переживания, вызванные просмотром художественного произведения, и их последующее обсуждение обеспечивают личностную включенность зрителя, что находит отражение в успешном усвоении тех идей и положений, которые заданы контентом произведения. Так, использование кинематографического воздействия и его последующее обсуждение при подготовке к родительству

женщин, ожидающих рождения ребенка, показало его высокую эффективность в работе по формированию позиции матери, по сравнению с традиционной лекционной формой работы (Захарова, Долгих, 2018). Просмотр художественного фильма позволяет направить внимание аудитории на обсуждение актуальных проблем предстоящего материнства. Наибольший отклик аудитории встретили такие темы, как специфика материнской позиции, средства воспитания ребенка, изменения мотивационной направленности женщины, связанное с появлением ребенка, возможность возникновения ценностного конфликта. Это свидетельствует об актуальности данных тем для современной женщины. В ходе обсуждения специально подобранных кинофильмов были обнаружены установки женщин по отношению к материнству, не совпадающие с декларируемыми ими установками, выявленными в ходе предварительного опроса. Это свидетельствует о том, что задействованный в кинотерапии механизм психологической проекции позволяет получить более достоверную информацию, по сравнению с получаемой посредством опроса, где сказывается влияние социальной желательности. Важнейшим результатом работы

можно считать осознание участницами исследования (30%) противоречивости установок по отношению к материнству, выявленных и объективированных в ходе группового обсуждения и декларируемых ими в предварительном опросе. Таким образом, преимуществом обуче-

в развитии личностного потенциала человека используются далеко не полно.

Перспективы развития данного метода связаны с разработкой проективных методов исследования неосознаваемых имплицитных установок личности, что позволит повысить эффективность ди-

Хотя метод кинотерапии успешно зарекомендовал себя в решении психотерапевтических, развивающих, образовательных задач, однако психологические механизмы его воздействия исследованы недостаточно глубоко, а возможности кинотерапии в развитии личностного потенциала человека используются далеко не полно

ния с использованием метода кинотерапии является возможность актуализировать латентные установки личности, препятствующие присвоению содержания, заложив основу их последующей трансформации.

На основании анализа психологической практики использования средств художественной кинематографии как метода психологического воздействия можно сделать следующие выводы. Хотя метод кинотерапии успешно зарекомендовал себя в решении психотерапевтических, развивающих, образовательных задач, однако психологические механизмы его воздействия исследованы недостаточно глубоко, а возможности кинотерапии

агностической работы, а также с разработкой квази-формирующих техник психологического воздействия на ценностно-смысловую сферу человека на основе активизации его личностного потенциала и учета актуальных задач развития каждой возрастной группы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-01213 «Роль художественной кинематографии в формировании установки на реализацию родительской деятельности и образа эффективного родительства у современной молодежи»)

Литература:

- Ахмедзянова А.Э. Актуализация эмпатии личности средствами кинотренинга: на примере студентов гуманитарного профиля: диссертация ... кандидата психологических наук. – Казань, 2011. – 157 с.
- Березин С.В. Кинотерапия и кинотренинг: практическое пособие для психологов и социальных работников. – Самара, 2003. – 112 с.
- Бочаров А.К. Разработка кинотерапевтического тренинга, направленного на психологическую помощь подросткам в процессе самоопределения // Психологические исследования: сборник науч. трудов. Выпуск 6. – Самара: Универс групп, 2008. – С. 316–322.
- Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – Москва: Медицина, 1989.
- Выготский Л.С. Психология искусства. – Москва: Лабиринт, 2010. – 352с.
- Дмитриева В.А., Одинцова В.В., Намди Д.М. Психология кино: учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016.
- Захарова Е.И., Долгих А.Г. Использование средств художественной кинематографии в подготовке беременных женщин к материнству // XXIV Всероссийский конгресс с международным участием «Амбулаторно-поликлиническая помощь в эпицентре женского здоровья»: сборник тезисов / под ред. Г.Т. Сухих, В.Н. Прилепской. – Москва, 2018. – 124 с.
- Карабанова О.А. Игра в коррекции психического развития ребенка. – Москва: Роспедагентство, 1977.
- Карабанова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – №3. – С. 54–62.
- Карпова Н.Л., Данина Н.В., Кисельникова А.И., Шувиков А.И. Психологический, педагогический и психотерапевтический аспекты воздействия кино на зрителя // Вопросы психологии. – 2011. – № 4. – С. 87–97.
- Кожухарь Г.С., Арапов В.И. Влияние просмотра кинофильма на отношение старшеклассников к людям с особенностями физического развития [Электронный ресурс] // Кинотерапия и кинотренинг: [сайт]. URL: http://kinoterapia.info/arapov_koguhar/ – (дата обращения 06.05.2018).
- Корбут К.П. Психоанализ о кино и кино о психоанализе [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2005. – № 2. : [сайт]. URL: http://psychol.ras.ru/ippp_pfr – (дата обращения 06.05.2018).
- Крупник Е. П. Психологическое воздействие искусства. – Москва: Институт психологии РАН, 1999. – 240 с.
- Макеева С.А., Макеева А.А. Киноискусство как средство арт-терапии при работе с детьми // Молодой ученый. – 2017. – №1.1. – С. 76–78.
- Менегетти А. Онтопсихологическая синемалогия. – Санкт-Петербург: Онтопсихология, 2014. – 563 с.

- Менегетти А. Мир образов. – Санкт-Петербург : Онтопсихология, 2014. – 100 с.
- Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. Т. 1. – Москва : Онтопсихология, 2001. – 384 с.
- Пензин С.Н. Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы. – Воронеж, 2003. – 176 с.
- Плескачевская А.А. Кинотренинг и сфера его применения // Психологическая газета. – 1998. – № 8(35) – № 9(36).
- Павлова Е.Н. Описание метода кинотерапии, анализ использования в практике психологического консультирования и коучинга, особенности применения и эффекты [Электронный ресурс] // Кинотерапия и кинотренинг : [сайт]. URL: <https://kinoterapiya.ru/method>. – (дата обращения 06.05.2018).
- Психологическое консультирование: практическое пособие для вузов / Е.П. Кораблина, И.А. Акиндинова, А.А. Баканова, А.М. Родина; под ред. Е.П. Кораблиной. – Москва : Юрайт, 2017. – 323 с.
- Прокофьева Н. Кинотерапия как инструмент личностного развития [Электронный ресурс] // Кинотерапия и кинотренинг : [сайт]. URL: <http://kinoterapia.info/theoretics-cinematherapy/method-of-kinoterapia/> – (дата обращения 06.05.2018).
- Червинский А. Как хорошо продать хороший сценарий [Электронный ресурс] // Кинодраматург : [сайт]. URL: <https://kinodramaturg.ru/a-chervinskij-kak-xoroshoprodat-xoroshij-scenarij/> – (дата обращения 06.05.2018).
- Эльячцеф К., Эйниш Н. Дочки-матери: Третий лишний? – Москва : Ин-т общегум. исслед., 2011. – 448 с.
- Юнтунен О. Как выбрать фильм для проведения сеанса кинотерапии/кинотренинга. [Электронный ресурс] // Кинотерапия и кинотренинг : [сайт]. URL: <http://kinoterapia.info/psychoanalysis-of-film/kak-vybrat-film-dla-kinoterapii/> – (дата обращения 06.05.2018).
- Ballard, M.B. (2012) The Family Life Cycle and Critical Transitions: Utilizing Cinematherapy to Facilitate Understanding and Increase Communication. *Journal of Creativity in Mental Health*. 7(2), 212–219. doi: 10.1080/15401383.2012.685004
- Bandura, A. (1977) Social Learning Theory. Englewood Cliffs, N: Prentice Hall.
- Batool, T.M. (2010) Creation of ideology through the language of cinema: a feminist study of media education. *Procedia – Soc. and Behav. Scien*, 2(2), 4592–4596.
- Bayanova L.F., Chulyukin K.S. (2018). The impact of cultural congruence on the creative thinking of primary school children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (1), 61–70. doi: 10.11621/pir.2018.0105
- Berg, B. (1999) Film Theory, Psychoanalysis and Figuration: On Endless Night: Cinema and Psychoanalysis, Parallel Histories.. Retrieved from: <http://www.uspress.edu/books/pages/6945.html>. (accessed May 6, 2018).
- Bierman, J.S. (2003) Group Cinematherapy as a Treatment Modality for Adolescent Girls. *Residential Treatment For Children & Youth*. 21(1), 1–15. doi: 10.1300/J007v21n01_01
- Budyakova T. P. (2017). Psychological and legal aspects of the offensiveness of male and female cartoons and collages. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 149–164. doi: 10.11621/pir.2017.0210
- Dermer, S.B. et al. (2000) Utilizing Movies in Family Therapy: Applications for Individuals, Couples, and Families. *The American Journal of Family Therapy*, 28(2), 163–180. doi: 10.1080/019261800261734
- Deyneka O.S., Isaeva E.R. (2017). Adaptation resources in subjects with social and psychosomatic disadaptation: a comparative analysis. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(1), 130–144. doi: 10.11621/pir.2017.0110
- Gabbard, G.O. (2001) Psychoanalysis and Film, an Introduction. *International Journal of Psychoanalysis*. Key Papers Series, London and New York.
- Kluge, D. (1999) Psychoanalysis and Film. Retrieved from: <http://www.dspp.com/papers/kluge.htm>. (accessed May 6, 2018).
- Kramer, E. (1958) Art Therapy in a Childrens Community. Springfield. I11.Thomas.
- Kramer, E. (1990) Positive Endings in Psychotherapy. San-Fancisco, Jossey-Bass.
- Marsick, E. Film Selection in a Cinematherapy Intervention With Preadolescents Experiencing Parental Divorce. *Journal of Creativity in Mental Health*, 5(201), 374–388. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/15401383.2010.527789>. (accessed May 6, 2018). doi: 10.1080/15401383.2010.527789
- Naumburg, M. (1958) Art Therapy: Its Scope and Function. In E.F.Hammer (ed.) *Clinical Application of projective Drawings*. Springfield. I11: Thomas.
- Naumburg, M. (1966) Dinamically Oriented Art Therapy: Its Principles and Practicies. New York: Grune and Stratton.
- Puchkova E.B., Sukhovershina Yu.V., Temnova L.V. (2017). A study of Generation Z's involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143. doi: 10.11621/pir.2017.0412
- Sharp, C., Smith, J.V. & Cole, A. (2010) Cinematherapy: Metaphorically promoting therapeutic change, 269–276. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/09515070210140221>. (accessed May 6, 2018). doi: 10.1080/09515070210140221
- Velichkovsky B.M. (2017). Cognitive science: The art and its implications. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (3), 2–7. doi: 10.11621/pir.2017.0300

References:

- Akhmedzyanova, A.E. (2011) Actualization of personality empathy by means of film-training: based on the humanity students accounts: Ph.D. in Psychology, thesis. Kazan, 157.
- Ballard, M.B. (2012) The Family Life Cycle and Critical Transitions: Utilizing Cinematherapy to Facilitate Understanding and Increase Communication. *Journal of Creativity in Mental Health*. 7(2), 212–219. doi: 10.1080/15401383.2012.685004
- Bandura, A. (1977) Social Learning Theory. Englewood Cliffs, N: Prentice Hall.
- Batool, T.M. (2010) Creation of ideology through the language of cinema: a feminist study of media education. *Procedia – Soc. and Behav. Scien*, 2(2), 4592–4596.
- Bayanova L.F., Chulyukin K.S. (2018). The impact of cultural congruence on the creative thinking of primary school children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (1), 61–70. doi: 10.11621/pir.2018.0105
- Berezin, S.V. (2003) Film therapy and film-training: practical guide for psychologists and social workers. Samara, 112.

- Berg, B. (1999) Film Theory, Psychoanalysis and Figuration: On Endless Night: Cinema and Psychoanalysis, Parallel Histories.. Retrieved from: <http://www.uspress.edu/books/pages/6945.html>. (accessed May 6, 2018).
- (2003) Group Cinematherapy as a Treatment Modality for Adolescent Girls. *Residential Treatment For Children & Youth*. 21(1), 1–15. 10.1300/J007v21n01_01
- Bocharov, A.K. (2008) Development of film therapy training aimed at psychological aid to adolescents in self-determination. [*Psikhologicheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov*]. Issue 6. Samara, Univers grups, 316–322.
- Budyakova T. P. (2017). Psychological and legal aspects of the offensiveness of male and female cartoons and collages. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 149–164. doi: 10.11621/pir.2017.0210
- Burno, M.E. (1989) Therapy is creative self-expression. Moscow, Meditsina.
- Dermer, S.B. et al. (2000) Utilizing Movies in Family Therapy: Applications for Individuals, Couples, and Families. *The American Journal of Family Therapy*, 28(2), 163–180. doi: 10.1080/019261800261734
- Deyneka O.S., Isaeva E.R. (2017). Adaptation resources in subjects with social and psychosomatic disadaptation: a comparative analysis. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(1), 130–144. doi: 10.11621/pir.2017.0110
- Chervinsky, A. How to sell a good script. [*Kinodramaturg*]. Retrieved from: <https://kinodramaturg.ru/a-chervinskij-kak-xorsho-prodat-xorshij-scenarij/>. (accessed May 6, 2018).
- Dmitrieva, V.A., Odintsova, V.V., & Namdi, D.M. (2016) Psychology of cinema: manual. St. Petersburg, SPbGU.
- Eliacheff, K., & Einish, N. (2011) Mothers-daughters: The third extra? Moscow, Institut Obschegumanitarnykh Issledovaniy, 448.
- Gabbard, G.O. (2001) Psychoanalysis and Film, an Introduction. *International Journal of Psychoanalysis*. Key Papers Series, London and New York.
- Karabanova, O.A. (1977) Play in the correction of the child mental development. Moscow, Rospedagentstvo.
- Karabanova, O.A. (2016) Child-parent relations as a factor of professional self-determination of the person in adolescence and adolescence. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 3, 54–62.
- Karpova, N.L., Danina, N.V. Kiselnikova, A.I. & Shuvikov, A.I. (2011) Psychological, pedagogical and psychotherapeutic aspects of the impact of cinema on the viewer. [*Voprosy psikhologii*], 4, 87–97.
- Kluge, D. (1999) Psychoanalysis and Film. Retrieved from: <http://www.dspp.com/papers/kluge.htm>. (accessed May 6, 2018).
- Kozhukhar, G.S., & Arapov, V.I. The effect of watching a movie on the attitude of high school students to people with physical development. [*Kinoterapiya i kinotrening*]. Retrieved from: http://kinoterapia.info/arapov_koguhar/. (accessed May 6, 2018).
- Korbut, K.P. (2005) Psychoanalysis about cinema and cinema about psychoanalysis. [*Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psichoanaliza*]. Retrieved from: http://psychol.ras.ru/ipp_pfr. (accessed May 6, 2018).
- Kramer, E. (1958) Art Therapy in a Childrens Community. Springfield. I11.Thomas.
- Kramer, E. (1990) Positive Endings in Psychotherapy. San-Fancisco, Jossey-Bass.
- Krupnik, E.P. (1999) Psychological impact of art. Moscow, Institut psikhologii RAN, 240.
- Makeeva, S.A., & Makeeva, A.A. (2017) Cinema as a means of art therapy for working with children. [*Molodoy uchenyy*], 1(1), 76–78.
- Marsick, E. Film Selection in a Cinematherapy Intervention With Preadolescents Experiencing Parental Divorce. *Journal of Creativity in Mental Health*, 5(201), 374–388. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/15401383.2010.527789>. (accessed May 6, 2018). doi: 10.1080/15401383.2010.527789
- Meneghetti, A. (2014) Ontopsychological cinematology. St. Petersburg, Ontopsikhologiya, 563.
- Meneghetti, A. (2014) The world of images. St. Petersburg, Ontopsikhologiya, 100.
- Meneghetti, A. (2001) Cinema, theater, the unconscious. Vol. 1. Moscow, Ontopsikhologiya, 384.
- Naumburg, M. (1958) Art Therapy: Its Scope and Function. In E.F.Hammer (ed.) *Clinical Application of projective Drawings*. Springfield. I11: Thomas.
- Naumburg, M. (1966) Dinamically Oriented Art Therapy: Its Principles and Practicies. New York: Grune and Stratton.
- Penzin, S.N. (2003) Cinema and aesthetic education: methodological problems. Voronezh, 176.
- Pleskachevskaya, A.A. (1998) Cinema training and the sphere of its application. [*Psikhologicheskaya gazeta*], 8 (35), 9 (36).
- Pavlova, E.N. Description of the film therapy method, analysis of psychological counseling and coaching, features of application and effects. [*Kinoterapiya i kinotrening*]. Retrieved from: <https://kinoterapiya.ru/method>. (accessed May 6, 2018).
- Korablina, E.P., Akindinova, I.A., Bakanova, A.A. & Rodina, A.M. (2017) Psychological counseling: practical guide for universities. Moscow Yurayt, 323.
- Prokof'eva, N. Film therapy as a tool for personal development. [*Kinoterapiya i kinotrening*]. Retrieved from: <http://kinoterapia.info/theoretics-cinematherapy/method-of-kinoterapia/>. (accessed May 6, 2018).
- Puchkova E.B., Sukhovshina Yu.V., Temnova L.V. (2017). A study of Generation Z's involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143. doi: 10.11621/pir.2017.0412
- Sharp, C., J.V. & (2010) Cinematherapy: Metaphorically promoting therapeutic change, 269–276. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/09515070210140221>. (accessed May 6, 2018). doi: 10.1080/09515070210140221
- Velichkovsky B.M. (2017). Cognitive science: The art and its implications. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (3), 2–7. doi: 10.11621/pir.2017.0300
- Vygotsky, L.S. (2010) Psychology of art. Moscow, Labirint, 352.
- Yuntunen, O. How to choose a film for a cinema / cinema training session [*Kinoterapiya i kinotrening*]. Retrieved form: <http://kinoterapia.info/psychoanalysis-of-film/kak-vybrat-film-dla-kinoterapii/>.(accessed May 6, 2018).
- Zakharova, E.I., & Dolgikh, A.G. (2018) Using the means of artistic cinematography in the preparing pregnant women for motherhood. [*24 Vserossiyskiy kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Ambulatorno-poliklinicheskaya pomoshch' v epitsentre zhenskogo zdorov'ya»: sbornik tezisev*]. Moscow, 124.

Особенности личностного профиля ММИЛ у юношей с опытом первичных проб психоактивных веществ

А.К. Белоусова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

О.Е. Евсеева, А.Ю. Николаев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Поступила 25 октября 2017 / Принята к публикации: 10 декабря 2017

Features of personal profile in MMPI males with experience of primary samples of psychoactive substances

Alla K. Belousova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Oksana E. Evseeva*, Alexey Yu. Nikolaev Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author E-mail: ok.pe2014@yandex.ru

Received October 25, 2017 / Accepted for publication: December 10, 2017

Актуальность. Наркотизация населения России, в частности, представителей молодежной среды является актуальной проблемой, находящейся на контроле у государства. Стремительный рост наркотизации юношеского контингента требует системного анализа причин его раннего развития, изучения критериев и показателей оценки готовности личности к употреблению наркотиков, разработки программ по предупреждению наркозависимости в подростковом возрасте.

Цель. Определение особенностей психологической предрасположенности юношей к пробам психоактивных веществ на примере анализа личностного профиля теста методики многостороннего исследования личности (ММИЛ).

Ход исследования. Исследование проводилось в период с 2008 по 2010 гг. на базе средних общеобразовательных школ, кадетских корпусов, средних профессиональных учебных заведений и вузов г. Ростова-на-Дону и Ростовской области. Выборка составила 338 человек (юноши от 15–16 до 22–23 лет, средний возраст 17–18 лет). Оценка сообщаемой абитуриентами информации по факту наличия/отсутствия проб психоактивных веществ (ПАВ) проводилось с учетом результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Результаты. Результаты теста ММИЛ были подвергнуты статистическому анализу по непараметрическому критерию Манна-Уитни, а также однофакторному дисперсионному анализу. Согласно результатам исследования, показатели шкалы F в профиле ММИЛ у юношей с опытом пробы ПАВ имеют статистически значимое повышение ($p=0,008$), по сравнению с лицами, не пробовавшими ПАВ. Однофакторный дисперсионный анализ шкалы F-ММИЛ не показал статистически значимого результата различия ($p=0,128$).

Выводы. Авторы предлагают рассматривать повышение шкалы F в профиле ММИЛ как показатель индивидуальной предрасположенности к пробам ПАВ, однако не рассматривать повышение ее показателей в качестве причины, оказывающей влияние на первичные пробы ПАВ в юношеском возрасте. Полученные результаты могут быть использованы практическими и клиническими психологами при работе с подростково-юношеским контингентом.

Ключевые слова: ММИЛ, психоактивные вещества, психофизиологическое исследование с применением полиграфа, шкала достоверности (F), юношеский возраст, психологическая предрасположенность, наркомания, наркотизм.

Background. The increase in drug use in the population of Russia and representatives of the youth in particular is a vital issue that is controlled and monitored by the federal state. The rapid rise in drug use in young citizens requires a systematic analysis of the causes, study of criteria and assessment of predisposition for drug use, and also the development of programs to prevent drug addiction in adolescents.

Objective. Determination of the psychological predisposition of young men to psychoactive substances using the personality profile of the Multidisciplinary Method of Personality Inventory (MMPI).

Research Progress. The research was conducted between 2008 and 2010 on the basis of secondary comprehensive schools, cadet corps, secondary professional educational institutions and universities in Rostov-on-Don and the Rostov region, Russia. The sample included 338 males from 15–16 to 22–23 years old, whose average age is 17–18 years. The evaluation of information reported by applicants on the fact of presence / absence of psychoactive substance samples was made based on the results of the psychophysiological test using a polygraph. Research Results. The results of the MMPI test were statistically analyzed according to the nonparametric Mann-Whitney test, and to a single-factor analysis of variance. The research results show that the scores of the F-scale in the MMPI profile of young males who used psychoactive substances reveal a statistically significant increase ($p = 0.008$), compared to those who did not use psychoactive substances. The single-factor analysis of the F- MMPI scale did not show a statistically significant difference ($p = 0.128$).

Conclusion. The paper proposes to consider an increase in the F-scale in the MMPI profile as an indicator of individual predisposition to use psychoactive substances, but not to consider an increase in its indices as a cause that affects primary psychoactive substances in adolescence. The results obtained can be used by practical and clinical psychologists when working with adolescents and youths.

Keywords: psychoactive substances, psychophysiological test using a polygraph, reliability scale (F), adolescence, psychological predisposition, drug abuse, drug addiction.

Наркотизация населения России, в частности, представителей молодежной среды, является на сегодняшний день актуальной проблемой, находящейся на контроле у государства. Наркомания, по данным ФГУ «Центрального НИИ организации и информатизации здравоохранения Росздрав», занимает одну из ведущих позиций в группе социально значимых заболеваний (Социаль-

нение наркоситуации в последние годы в связи с ростом миграционных потоков. Согласно данным государственного бюджетного учреждения (ГБУ) Ростовской области «Наркологический диспансер», в течение 2016 года на учете стояло 15 730 потребителей наркотических средств и психотропных веществ, что на 38 человек (0,2%) больше показателей 2015 года (2015 год – 15 692 человека). Согласно

Определение предрасположенности личности к риску употребления наркотиков на ранней стадии позволит повысить степень эффективности профилактики употребления наркотиков и, тем самым, снизить общее количество наркопроб среди учащихся общеобразовательных школ и студентов среднеспециальных и высших учебных заведений России

но значимые заболевания ..., URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskaya-informatsiya-minzdrava-rossii>. В свою очередь, антинаркотическая комиссия Ростовской области отмечает значительное ослож-

данным Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России на 2016 г., количество лиц, регулярно и/или эпизодически потребляющих наркотики, составило около 1,6% населения страны.

Алла Константиновна Белоусова –

доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой «Психология образования и организационная психология» факультета «Психология, педагогика и дефектология» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: belousovaak@gmail.com
[http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/s1/D¶ms=\(p_per_id=%3E1377\)](http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/s1/D¶ms=(p_per_id=%3E1377))

Оксана Евгеньевна Евсева –

кандидат психологических наук, эксперт психофизиологической лаборатории в/ч 02035 (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: ok.pe2014@yandex.ru

Алексей Юрьевич Николаев –

Федеральная служба безопасности РФ
E-mail: alekseynickolaev@rambler.ru

Анализ наркоситуации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков показывает, что в 2017 г. внешняя наркоэкспансия и высокий уровень наркотизации российского общества в целом продолжают представлять прямую угрозу национальной безопасности страны.

Наиболее «уязвимой» частью общества в плане риска наркомании являются молодые люди. Стремительный рост наркотизации юношеского контингента требует системного анализа причин его раннего развития, изучения критериев и показателей оценки готовности личности к употреблению наркотиков, разработок программ по предупреждению наркозависимости в подростковом возрасте. Определение предрасположенности личности к риску употребления наркотиков на ранней стадии позволит повысить степень эффективности профилактики употребления наркотиков и, тем самым, снизить общее количество наркопроб среди учащихся общеобразовательных школ и студентов среднеспециальных и высших учебных заведений России.

Проблема изучения предрасположенности к пробам психоактивных веществ интенсивно разрабатывалась отечественными и зарубежными учеными. Большинство исследователей, занимавшихся данной проблемой, отмечают, что в основном внимание уделяется наркомании как уже развившемуся патологическому процессу (нозологической единице). В то время, как начальный этап наркотизации представлен крайне малым количеством работ (Белогуров, 2000; Березин, 1997; Ганнушкин, 2007; Змановская, 2008; Лисецкий, 2008; Лисецкий 2006; Batter, Nurco, 1994; Caputo, 1993; Cohen, 1995; Dougherty, Lesswing, 1993; Neiss, 1993; Jonson, 1993 и др.). Ряд ученых в разное время пытались выявить причины наркопроб (Рерке, 2008). Были разработаны модели наркопотребления (Гурвич, Цветкова, Шаболтас, 2006). Попытки изучить причины наркотизма можно найти в работах представителей различных психологических школ (психоанализ, бихевиоризм, психосоциальный подход, индивидуальная психология, клиентно-центрированная, экзистенциальная, гештальт-психология, транзактный анализ).

Для цитирования: Белоусова А.К., Евсева О.Е., Николаев А.Ю. Особенности личностного профиля ММИЛ у юношей с опытом первичных проб психоактивных веществ // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 66–74. doi: 10.11621/npj.2018.0208

For citation: Belousova A.K., Evseeva O.E., Nikolaev A.Ur. (2018). Features of personal profile in MMPI males with experience of primary samples of psychoactive substances. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 11(2), 66–74. doi: 10.11621/npj.2018.0208

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

Многие отечественные исследователи пытались найти причины наркотизации, факторы личностной предрасположенности к наркомании, а также изучить психологические последствия употребления ПАВ (Перке, 2008). В общепсихологических исследованиях было показано, что предрасположенность к наркомании – это сложное структурное образование, которое рассматривается в двух аспектах: как функциональное состояние и как стойкая характеристика личности (там же).

Однако малоизученной является проблема предрасположенности к употреблению ПАВ у юношей, имеющих опыт первичных проб ПАВ, а также детерминация ее компонентов в юношеском возрасте. Исследования, ведущиеся в этом направлении и основанные на результатах так называемой «доверительной беседы», чаще всего завершаются общей характеристикой личности, способной сделать первую пробу ПАВ. Некоторые ученые рассматривают предрасположенность к аддиктивному поведению как личностное образование, детерминирующее готовность к употреблению ПАВ (Перке, 2008). Другие авторы (Березин, Лисецкий, Назаров, 2001) говорят о том, что предрасположенность к пробам психоактивных веществ после первых наркопроб формируется постепенно, и наркотизация является логическим завершением всего предыдущего развития.

В ряде работ, посвященных проблемам приобщения к ПАВ в юношеском возрасте, подчеркивается важность и необходимость исследования содержания компонентов предрасположенности личности к пробам психоактивных веществ именно на этапе юности, т.к. в этом возрасте чаще всего имеют место первичные наркопробы (Перке, 2008; Koch, Grupp, 1971; Oaklander, 1989; Stevens, Kaplan, Bauer, 2001; Stevens, Kaplan, Hesselbrock, 2003).

Сказанное определяет проблему определения содержания психологических компонентов предрасположенности к пробам ПАВ у юношей с опытом первичных наркопроб.

Проведенный анализ проблемы позволяет говорить о том, что предрасположенность юношей к употреблению ПАВ выступает сложным психологическим фе-

номеном и носит системный характер. Мы исходим из представления о саморазвивающейся, гетеростаической природе человека как психологической системы (Белоусова, 2002; Ключко, 2000; Belousova, 2010), имеющей три уровня: социальный (личность), психологический (субъект деятельности), биологический (индивид). В соответствии с данными представлениями человек как психологическая система развивается и на индивидуальном уровне, и на уровне субъекта деятельности, и на личностном уровне. В таком случае предрасположенность юношей к употреблению ПАВ также может формироваться и проявляться на разных уровнях психологической системы.

С этой целью рассмотрим представления А.В. Петровского, В.А. Петровского (Петровский, 1998), которые выделяют три аспекта рассмотрения личности, три ее репрезентации: интраиндивидуальная – личность трактуется как свойство, погруженное в пространство индивидуальной жизни субъекта; интериндивидуальная – сферой определения и существования личности становится «пространство межличностных связей», т.е. процессы, в которые включены, по меньшей мере, два индивида, рассматриваются в качестве носителей личности каждого из них; метаиндивидуальная – в данном случае в центре внимания оказываются вклады в других людей, которые человек вольно или невольно осуществляет посредством деятельности.

Целью данного исследования явилось выявление особенностей в личностном профиле методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) у юношей с первичными пробами психоактивных веществ.

Методы и процедура исследования

Одной из задач, необходимых для выявления компонентов психологической предрасположенности к пробам ПАВ, является изучение интеллектуально-личностных особенностей юношей, имеющих в своем жизненном опыте хотя бы одну наркопробу. Особенности компонентов психологической предрасположенности юношей к употреблению ПАВ

исследовались нами с помощью методики формы А опросника Р. Кеттелла «16 личностных факторов» (Cattell, Eber, Tatsuoka, 1970), методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), методик диагностики интеллектуальных способностей – краткого ориентировочного теста, теста «Домино» и проективной методики «Дом. Дерево. Человек» (Белоусова, Евсеева, 2014; Белоусова, Евсеева, Николаев, 2013, 2014). Контроль за правдивостью сообщаемой абитуриентами информации по факту наличия/отсутствия наркопроб проводился с помощью психофизиологического исследования с применением полиграфа (ПФИ) – компьютерного полиграфа ПИК-01А.

ММИЛ представляет собой адаптированный русскоязычный вариант теста Minnesota Multiphasic Personal Inventory (MMPI), разработанного Дж. Маккинли и С. Хатауэем в 1941–1949 гг. в целях профессионального отбора летчиков во время Второй мировой войны (Koch, Grupp, 1971). Адаптация теста была осуществлена Ф.Б. Березиным, М.П. Мирошниковым, Р.В. Рожанцовым с 1965 по 1971 гг.

Данная методика позволяет получить достоверные данные, выраженные в стандартной форме, о типичных поведенческих тенденциях личности в реальных жизненных ситуациях, а также сделать обоснованные предположения о характере причин, определяющих поведение индивида. Результаты опроса фиксировались в бланковом (брошюрном) варианте и обрабатывались согласно предложенному алгоритму обсчета с помощью «ключей». При обсчете первичные оценки по шкалам (см. ниже) корректируются определенными коэффициентами и представляются в виде графика – личностного профиля, где значения каждой шкалы отмечается точкой, соединяющихся затем прямой линией. Взаимное положение и масштаб шкал на бланке профиля выбираются таким образом, чтобы первичные оценки могли быть соотнесены со стандартной Т-шкалой.

Шкалы ММИЛ делятся на 2 группы: дополнительные шкалы и основные диагностические шкалы. К первой группе относят три шкалы: 1. Шкала лжи (L), 2. Шкала достоверности (F), 3. Шкала коррекции (K). Ко второй группе – 10 шкал:

Шкала 1 (HS – соматизация тревоги или ипохондрия), Шкала 2 (D – тревога и депрессивные тенденции), Шкала 3 (Hu – вытеснение факторов, вызывающих тревогу или истерию), Шкала 4 (Pd – социальная психопатия или реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении), Шкала 5 (Mf – выраженность мужских и женских черт характера), Шкала 6 (Pa – паранойдность или ригидность аффекта), Шкала 7 (Pt – психастения или фиксация тревоги и ограничительное поведение), Шкала 8 (Sc – шизоидность, аутизация), Шкала 9 (Ma – отрицание тревоги, гипоманиакальные тенденции) и Шкала 10 (Si – социальная интроверсия или шкала социальных контактов).

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа (ПФИ) представляет собой диагностический процесс, в ходе которого осуществляется анализ (оценка) динамики психофизиологических реакций исследуемого лица в ответ на предъявляемые вопросы (стимулы) (Оглоблин, Молчанов, 2004).

В работах отечественных специалистов было показано, что с естественнонаучной точки зрения психофизиологическое исследование с применением полиграфа является комплексным методом целенаправленного тестирования памяти (ЦТП) (Николаев, 2011; Холодный, 2008). ЦТП заключается в том, что «в ходе тестирования на полиграфе образы событий (явлений), хранящиеся в памяти человека, могут быть намеренно актуализированы с помощью целевой установки и, далее, обнаружены по регистрируемым физиологическим реакциям, возникающим в ответ на предъявляемые ему (человеку) специальным

образом подобранные сгруппированные стимулы» (Холодный, 2008). В свою очередь, зарубежные специалисты, проводящие исследования с применением полиграфа, указывают на использование информации, хранящейся в памяти подозреваемых, в процессе ПФИ (Krapohl, 2016; Farwell, Smith, 2001), поскольку физиологические ответы могут выявить то, что хранится в памяти человека (Krapohl, 2015).

ПФИ проводилось в соответствии с требованиями Комплексной методики специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (Комплексная методика специально ..., 1995).

Исследование проводилось в период с 2008 по 2010 гг. на базе средних общеобразовательных школ, кадетских корпусов, средних профессиональных учебных заведений и ВУЗов г. Ростова-на-Дону и Ростовской области. Выборка составила 338 человек (юноши от 15–16 до 22–23 лет, средний возраст 17–18 лет). Эти юноши не состояли на учете у психиатра и нарколога (имеется подтверждение медицинской документации). ПФИ данной возрастной группы осуществлялся на основании добровольного согласия, как самих исследуемых лиц, так и их родителей либо ответственных за них лиц (Дееспособность малолетних ..., URL: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-2259.html>).

В контрольную группу были отобраны лица, отрицавшие факт проб ПАВ, по результатам ПФИ которых был сделан вывод об отсутствии в их памяти информации о скрываемых пробах (167 человек).

В экспериментальную группу (171 человек) вошли лица, имеющие опыт хотя бы однократного приема ПАВ. Данная

информация была получена от исследуемых лиц как до ПФИ (71 человек), так и по результатам ПФИ (100 человек). Во втором случае сокрытие информации по факту проб ПАВ впоследствии было подтверждено признанием данного факта самими исследуемыми.

Обсуждение результатов

Интерпретация полученных данных ПФИ производилась с помощью 3-х балльной количественной и метрической оценки, а также с использованием результатов анализа физиологических данных с применением программного обеспечения компьютерного полиграфа.

Результаты ММИЛ были подвергнуты статистическому анализу по непараметрическому критерию Манна-Уитни (Mann-Whitney U test) (Наследов, 2008; Mann, 1947), по однофакторному дисперсионному анализу (F) (Наследов, 2008). Сравнивались две независимые выборки: эмпирические данные контрольной и экспериментальной групп. Обработка производилась программами статистического анализа «BioStat»-2009 и «SPSS 21.0» (Analyst Soft ..., URL: www.analystsoft.com/ru/; SPSS Inc. ..., URL: <http://www-01.ibm.com/software/analytics/spss/>).

Эмпирическое значение критерия Манна-Уитни определяет насколько совпадают (пересекаются, перекрываются) два ряда значений измеренного признака. Чем меньше совпадение, тем больше различаются эти два ряда (Наследов, 2008). При уровне значимости $(p) < 0,05$ принимается конкурирующая гипотеза о различии выборок. Однофакторный дисперсионный анализ используется для проверки гипотезы о сходстве средних значений двух или более выборок, принадлежащих одной и той же генеральной совокупности (там же).

Результаты статистической обработки шкал теста ММИЛ контрольной и экспериментальной групп представлены в таблице 1 (где \bar{a}_3 – среднее значение шкалы в экспериментальной группе, \bar{a}_k – среднее значение шкалы в контрольной группе, Δ – модуль разницы средних значений шкал $|\bar{a}_3 - \bar{a}_k|$; p – уровень значимости) (Наследов, 2008; Analyst Soft ..., URL: www.

Табл. 1. Уровень значимости (p) критерия Манна Уитни по тесту ММИЛ

Шкалы ММИЛ	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
\bar{a}_3	59,9	52,6	56,8	48,3	48,3	52,1	51,7	46,9	43,3	50	49	62,9	41,5
\bar{a}_k	62,2	50,3	58,5	47,6	47,8	52	52,6	48,8	44,8	50,3	49,1	61,9	42
Δ	2,3	2,3	1,7	0,7	0,5	0,1	0,9	1,9	1,5	0,3	0,1	1,0	0,5
(p)	0,23	0,008	0,06	0,66	0,27	0,35	0,96	0,3	0,47	0,58	0,94	0,53	0,41

Table 1. (p) value in the Mann Whitney test for the MMPI test

MMPI Scale	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
\bar{a}_3	59.9	52.6	56.8	48.3	48.3	52.1	51.7	46.9	43.3	50	49	62.9	41.5
\bar{a}_k	62.2	50.3	58.5	47.6	47.8	52	52.6	48.8	44.8	50.3	49.1	61.9	42
Δ	2.3	2.3	1.7	0.7	0.5	0.1	0.9	1.9	1.5	0.3	0.1	1.0	0.5
(p)	0.23	0.008	0.06	0.66	0.27	0.35	0.96	0.3	0.47	0.58	0.94	0.53	0.41

analystsoft.com/ru/). Обработка проводилась по каждой шкале теста отдельно.

Статистический анализ показателей двенадцати из тринадцати шкал теста ММИЛ выявил отсутствие статистически значимого различия ($p > 0,05$) в результатах двух выборок (см. таблицу 1). Статистически значимое различие получено по показателям одной шкалы – шкалы достоверности F ($p = 0,008$). При этом значение суммы рангов (W1) шкалы F в экспериментальной группе (выборка 1) составило 31358,5 – что больше значения (W2) этой же шкалы в контрольной группе (выборка 2) – 25932,5 (см. таблицу № 2). Согласно полученным результатам, показатели шкалы F теста ММИЛ в экспериментальной группе достоверно выше показателей той же шкалы в контрольной группе ($p = 0,008 < 0,05$).

Далее приведем усредненные профили по тесту ММИЛ для экспериментальной и контрольной групп (см. графики 1 и 2 соответственно).

Кратко, в общем виде такой усредненный профиль юношей, имеющих в своем опыте хотя бы единичную наркопробу можно описать следующим образом. Указанные лица имеют достаточный уровень общей активности, стремятся показать себя в более выгодном свете, не склонны отрицать социальные нормы и устои, эмоционально незрелы, могут болезненно реагировать на отрицательные стимулы, умеренно демонстративны в поведении, склонны к импульсивности в принятии решения, стремятся к межличностным контактам.

Усредненный профиль юношей, не имеющих в личном опыте наркопроб, практически идентичен описанному выше профилю (см. график № 1). В приведенном профиле контрольной группы наблюдается некоторое снижение по шкале F (достоверность), что может говорить, помимо уже отмеченных личностных тенденций, о склонности больше следовать общепринятым нормам поведения, о меньшем уровне внутреннего напряжения и более узком круге интересов.

По полученным данным статистического анализа шкал L, K, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0 (ММИЛ) можно говорить о том, что данные шкалы не являются определяющими личностные тенденции юношей

Табл. 2. Результаты статистического анализа шкалы F («BioStat»-2009)

Размер выборки №1	171	Размер выборки №2	167
W1 Сумма рангов (ряд 1)	31358,5	W2 Сумма рангов (ряд 2)	25932,5
		Уровень значимости (p)	0,00821484

Table 2. F-scale statistical analysis ('BioStat' 2009)

Sample 1	171	Sample 2	167
W1 Ranks Total (line 1)	31358.5	W2 Ranks Total (line 2)	25932.5
		(p) value	0.00821484

как имеющих, так и не имеющих опыта наркопроб.

Анализ шкалы F ММИЛ (шкала достоверности) показал следующее. Эмпирически в экспериментальной группе зафиксированы значения по шкале F от 30 до 120 Т-баллов. При этом значения выше 80 Т-баллов (85-120), при которых результаты тестирования признаются недостоверными, зафиксированы в 6 случаях из 171, что составило 3,5% от общего числа экспериментальной группы.

Шкала состоит из утверждений, касающихся необычных мыслей, желаний и ощущений, явных психотических симптомов. Учитываемые ответы на включенные в эту шкалу утверждения при апробировании методики были крайне редкими, как среди здоровых лиц нормативной группы, так и среди больных

тех групп, по которым валидизировались клинические шкалы. Поэтому увеличение частоты засчитываемых утверждений не могло зависеть от принадлежности испытуемого к той или иной группе, по которой валидизировались шкалы теста, а указывало скорее на то, что полученный результат обусловлен какими-то иными причинами.

Относительно высокий уровень профиля на шкале F может отмечаться у различных типов неконформных личностей, у очень молодых людей в период формирования личности, когда потребность в самовыражении реализуется через неконформность в поведении и взглядах. Выраженная тревожность и потребность в помощи обычно проявляются в относительно высоком уровне результата по описываемой шкале (Березин, Мирош-

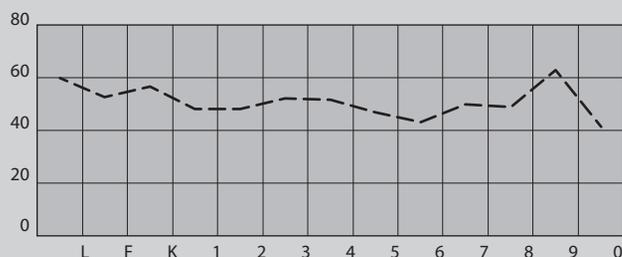

График 1. Усредненный профиль ММИЛ в экспериментальной группе

Fig 1. The MMPI average profile of the experimental group Experimental group

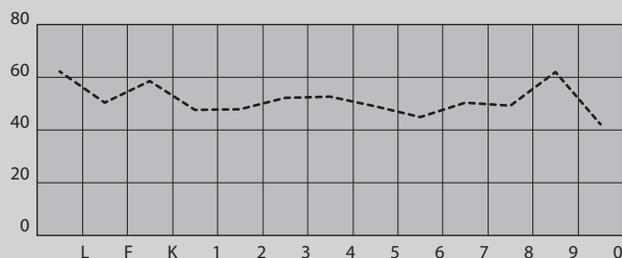

График 2. Усредненный профиль ММИЛ в контрольной группе

Fig 2. The MMPI average profile of the control group Control group

Табл. 3. Результаты однофакторного дисперсионного анализа значимых показателей ММИЛ (F)

	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	F	Знач.
Между группами	8,225	25	0,329	1,346	0,128
Внутри групп	76,263	312	0,244		
Итого	84,488	337			

Table 3. Single-factor variance analysis of MMPI (F) value

	SS	Degrees of freedom	MS	F	Value
Between groups	8.225	25	0.329	1.346	0.128
Within a group	76.263	312	0.244		
Итого	84.488	337			

ников, Соколова, 2011). Умеренное повышение по шкале F при отсутствии психопатологической симптоматики обычно отражает внутреннюю напряженность, недовольство ситуацией, плохо организованную активность, чрезмерную взволнованность в момент выполнения теста, стремление наговорить на себя, подчеркнуть дефекты своего характера, попытку изобразить другое (выдуманное) лицо, а также болезненное состояние и/или переутомление, эмоциональную неустойчивость (Собчик, 2007). Повышение показателей выше 70 стэнов, как правило, отражает высокий уровень эмоциональной напряженности и/или является признаком личностной дезинтеграции, тревожности и личностной потребности в помощи (там же). Нарушение конформности может быть связано со своеобразием восприятия и логики (шизоидный, аутичный типы личности, лица, склонные к «богемному» поведению) (Березин, Мирошников, Соколова, 2011).

На данном этапе исследования можно сделать вывод о том, что значимых различий в поведенческих тенденциях личности юношей, имеющих опыт хотя бы единичной пробы ПАВ и не имеющих таковой, тест ММИЛ по основным диагностическим шкалам и по двум дополнительным (L и K) не выявляет. При этом определяется статистически значимое повышение показателей по дополнительной шкале F (шкала достоверности) в экспериментальной группе. Оно характеризуется наличием у них повышенного внутреннего напряжения, а также проявлениями неконформности в поведении и взглядах, выраженной тревожностью и потребностью в помощи извне, недовольством ситуацией, плохо организованной активностью по сравнению с теми же показателями в контрольной группе. Повышение шкалы F в профиле ММИЛ нами предлагается рассматривать как показатель индивидуальной готовности личности в юношеском возрасте

к пробам психоактивных веществ и может выступать в качестве параметра, включенного в поведенческий компонент психологической предрасположенности юношей к пробам ПАВ.

Полученные статистически значимые различия в показателях экспериментальной и контрольной групп по критерию U-Манна Уитни (повышение шкал F-ММИЛ) были подвергнуты нами однофакторному дисперсионному анализу с целью определения значимых параметров компонентов психологической предрасположенности к употреблению психоактивных веществ (см. табл. 3).

Однофакторный дисперсионный анализ показателей шкалы F-ММИЛ не показал статистически значимого результата ($p=0,128>0,05$).

Таким образом, можно предположить, что повышение значений по шкале F-ММИЛ не может выступать основанием для формирования психологической предрасположенности к пробам психоактивных веществ в юношеском возрасте. Однако повышение уровня внутреннего напряжения, проявления неконформности в поведении и взглядах, выраженная тревожность и потребность в помощи извне, недовольство ситуацией, плохо организованная активность могут выступать в качестве предиспозиций развития предрасположенности к пробам ПАВ среди старших школьников и первокурсников средне-специальных и высших учебных заведений России.

Литература:

- Белогуров, С.Б. Популярно о наркотиках и наркоманиях. – Санкт-Петербург : Невский диалект, 2000. – 240 с. : ил.
- Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2002. – 360 с.
- Белоусова А.К., Евсеева О.Е. Выявление у абитуриентов ВУЗов правоохранительных органов России опыта первых наркопроб // Научный портал МВД России. – Москва : ФКУ «ЭПК МВД России», 2014. – С. 113–119.
- Белоусова А.К., Евсеева О.Е., Николаев А.Ю. Интеллектуальные особенности юношей, имеющих опыт употребления психоактивных веществ // Юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 25–28.
- Белоусова А.К., Евсеева О.Е., Николаев А.Ю. Когнитивная сфера наркотизированной личности в юношеском возрасте // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 2. – С. 37–46.
- Березин С.В., Лисецкий К.С., Мотынга И.А. Психология ранней наркомании. – Самара, 1997.
- Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография. – Москва : МПА, 2001.
- Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. – Москва, 2011. – 320 с.
- Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. – Москва : Медицинская книга, 2007. – 322 с.
- Дееспособность малолетних и несовершеннолетних. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-2259.html> – (дата обращения: 10.10.2017)
- Ежегодные доклады о наркоситуации в Ростовской области и о работе антинаркотической комиссии Ростовской области в 2016 году. –

- Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=129434#p1> – (дата обращения: 10.10.2017)
- Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – Москва : Академия, 2008. – 288 с.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. – Томск : Изд-во «ТГУ», 2000. – 154 с.
- Комплексная методика специального психофизиологического исследования с применением полиграфа России. – Москва : НИИ-2 УНТО ФСБ, 1995. – 66 с.
- Лисецкий К.С. Первичная профилактика наркомании. – Самара : Универс-груп, 2006.
- Лисецкий К.С. Психологические основы профилактики наркотической зависимости личности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.07. – Москва, 2008. – 467 с.
- Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Речь, 2008. – 392 с.
- Николаев А. Ю. Психофизиологическое исследование памяти как метод криминалистической диагностики // Юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 14–18.
- Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи» : академический курс. – Ярославль : Ньюанс, 2004. – 464 с. : ил.
- Петровский А.В. Категория личности // Основы теоретической психологии. – Москва : ИНФРА-М, 1998. – С. 223–270.
- Перке В. И. Психолого-педагогические условия предупреждения подростковой наркомании: теория и практика. – Иркутск : Изд-во ГОУ ВПО «ИГПУ», 2008. – 318 с.
- Собчик Л.Н. СММИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. – Санкт-Петербург : Речь, 2007. – 224 с.
- Социально значимые заболевания населения России в 2016 г. (статистические материалы). ФГУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Росздрава». – Москва, 2017. – Электронный ресурс – Режим доступа : <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskaya-informatsiya-minzdrava-rossii> – (дата обращения: 10.10.2017)
- Теоретические модели формирования, контроля и коррекции наркопотребления / Цветкова Л.А., Гурвич И.Н., Шаболтас А.В. и др. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 248, с.
- Холодный Ю.И. Опрос с использование полиграфа и его естественнонаучные основы // Полиграф в России 1993–2008. – Москва : МГТУ им. Баумана, 2008. – С. 60–86.
- Ability of minors and underage. – Retrieved from: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-2259.html> (accessed: 10.10.2017)
- Analyst Soft Inc., BioStat. 2009 version. Retrieved from: www.analystsoft.com/ru/ (accessed: 10.10.2017).
- Bayanova L.F., Chulyukin K.S. (2018). The impact of cultural congruence on the creative thinking of primary school children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (1), 61–70. doi: 10.11621/pir.2018.0105
- Belousova, A. (2010) Initiation of Collaborative Thinking Activity Self-Organization / A. Belousova / Saarbrücken, Germany, LAMBERT Academic Publishing, 182.
- Caputo, R. (1993) Volatile substance misuse in children and youth: A consideration of theories. *Int. J. Addict*, 23(10), 1015–1032. doi:10.3109/10826089309062180
- Cattell, R.B., Eber, H.W., & Tatsuoka, M.M. (1970) Handbook of the sixteen personality factor questionnaire (16 PF) / R.B. Cattell, H.W. Eber, M.M. Tatsuoka. Compaign Illinois, 388.
- Cohen, S. (1995) Overdiagnosis of schizophrenia: Role of alcohol and drug misuse. *Lanchet*, 8989, 1541–1542. doi:10.1016/S0140-6736(95)92058-7
- Dahlstrom, W. G., & Welsh, G. S. (1960) An MMPI handbook. Minneapolis.
- Donald, J. Krapohl, & Pamela, Shaw (2015) Fundamentals of Polygraph Practice 1st Edition. Academic Press, 364
- Donald, J. Krapohl. (2016) Paradigm Shift: Searching for Trace Evidence in Human Memory. *Journal of The Police Chief*, 52–55
- Drogen: Soziale und gesundheitliche Folgen Retrieved from: http://jugendinfo.be/leben/drogen_folgen.php (accessed: 25.10.2017)
- Farwell, L. A. & Smith, S. S. (2001) Using Brain MERMER Testing to Detect Concealed Knowledge Despite Efforts to Conceal. *Journal of Forensic Sciences*, 46(1), 1–9. doi:10.1520/JFS14925J
- Hathaway, S., & Mckinley, J. (1956) Basic readings on MMPI in psychology and medicine. Minneapolis.
- Jonson, B. (1993) A developmental model of addictions and it's relationships to the twelve step program of alcoholics anonymous. *J. Subst*, 10(1), 23–24.
- Koch, J.V., & Grupp, S.E. (1971) The economics of drug control policies. *International Journal of the Addictions*, 6(4), 571–584. doi:10.3109/10826087109058954
- Lesswing, N., & Dougherty, R. (1993) Psychopathology in alcohol and cocaine – dependent patients: a comparison of findings from psychological testing. *J. Subst. Abuse Treat*, 10(1), 53–57. doi:10.1016/0740-5472(93)90098-M
- Mann, H.B., & Whitney, D.R. (1947) On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other. *Annals of Mathematical Statistics*, 18, 50–60. doi:10.1214/aoms/1177730491
- Neiss, R. (1993) The role of psychobiological states in chemical dependency: Who becomes addicted. *Addiction*, 88(6), 745–756. doi:10.1111/j.1360-0443.1993.tb02089.x
- Nurco, D., & Batter, M. (1994) Vulnerability to narcotic addiction: findings. *J. Drug*, 24(1–2), 293–314. doi:10.1177/002204269402400206
- Oaklander, Violet (1989) Windows to Our Children. *Gestalt Journal Press*, 335.
- Puchkova E.B., Sukhovshina Yu.V., Temnova L.V. (2017). A study of Generation Z's involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143. doi: 10.11621/pir.2017.0412
- SPSS Inc. SPSS 2101. 2012 version. Retrieved from: <http://www-01.ibm.com/software/analytics/spss/> (accessed: 10.10.2017)
- Stevens, M.C., Kaplan, R.F., & Bauer, L.O. (2001) Relationship of cognitive ability to the developmental course of antisocial behavior in substance

dependent patients. *Prog. Neuro-Psychopharmacol. Biol. Psychiatry*, 25, 1523–1536. doi:10.1016/S0278-5846(01)00210-X

Stevens, M.C., Kaplan, R.F., & Hesselbrock, V.M. (2003) Executive-cognitive functioning in the development of antisocial personality disorder. *Addict. Behav.*, 28(2), 285–300. doi:10.1016/S0306-4603(01)00232-5

Velichkovsky B.M. (2017). Cognitive science: The art and its implications. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (3), 2–7. doi: 10.11621/pir.2017.0300

References:

Ability of minors and underage. – Retrieved form: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-2259.html> (accessed: 10.10.2017)

Analyst Soft Inc., BioStat. 2009 version. Retrieved from: www.analystsoft.com/ru/ (accessed: 10.10.2017).

Annual reports on the drug situation in the Rostov region and on the work of the antinarcotics commission of the Rostov region in 2016. Retrieved form: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=129434#p1> (accessed: 10.10.2017)

Bayanova L.F., Chulyukin K.S. (2018). The impact of cultural congruence on the creative thinking of primary school children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11 (1), 61–70. doi: 10.11621/pir.2018.0105

Budyakova T. P. (2017). Psychological and legal aspects of the offensiveness of male and female cartoons and collages. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 149–164. doi: 10.11621/pir.2017.0210

Belousova, A. (2010) Initiation of Collaborative Thinking Activity Self-Organization / A. Belousova / Saarbrücken, Germany, LAMBERT Academic Publishing, 182.

Belousova, A.K. (2002) Self-organization of joint intellectual activity. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo RGPU, 360.

Belogurov, S.B. (2000) In layman's terms about drugs and drug addiction. St. Petersburg, Nevskiy dialekt, 240.

Belousova, A.K., & Evseeva, O.E. (2014) Identification of the experience of the first drug test in university applicants of law enforcement agencies of Russia. [*Nauchnyy portal MVD Rossii*]. Moscow, FKGU «EPC MVD Possii», 113–119.

Belousova, A.K., Evseeva, O.E., & Nikolaev, A.Yu. (2013) Intellectual features of young men with experience of using psychoactive substances. [*Zhurnal Yuridicheskoy Psikhologii*], 4, 25–28.

Belousova, A.K., Evseyeva, O.E., & Nikolaev, A.Yu. (2014) Cognitive sphere of the adolescent drug addict. [*Zhurnal Prikladnaya Yuridicheskaya Psikhologiya*], 2, 37–46.

Berezin, S.V., Lisetskiy, K.S., & Motynga, I.A. (1997) Psychology of early addiction. Samara.

Berezin, S.V., Lisetskiy, K.S., & Nazarov, E.A. (2001) Psychology of drug addiction and codependence: monograph. Moscow, MPA.

Berezin, F.B., Miroshnikov, M.P., & Sokolova, E.D. (2011) Method of multilateral personality inventory. Structure, interpretation criteria, areas of application. Moscow, 320.

Caputo, R. (1993) Volatile substance misuse in children and youth: A consideration of theories. *Int. J. Addict.*, 23(1)0,1015–1032. doi:10.3109/10826089309062180

Cattell, R.B., Eber, H.W., & Tatsuoka, M.M. (1970) Handbook of the sixteen personality factor questionnaire (16 PF) / R.B. Cattell, H.W. Eber, M.M. Tatsuoka. Campaign Illinois, 388.

Cohen, S. (1995) Overdiagnosis of schizophrenia: Role of alcohol and drug misuse. *Lanchet*, 8989, 1541–1542. doi:10.1016/S0140-6736(95)92058-7 (1995) Complex methodology of special psychophysiological test using polygraph / NII-2 of the FSUE of the FSB of Russia. Moscow, 66.

Dahlstrom, W. G., & Welsh, G. S. (1960) An MMPI handbook. Minneapolis.

Donald, J. Krapohl, & Pamela, Shaw (2015) Fundamentals of Polygraph Practice 1st Edition. Academic Press, 364

Donald, J. Krapohl. (2016) Paradigm Shift: Searching for Trace Evidence in Human Memory. *Journal of The Police Chief*, 52–55

Drogen: Soziale und gesundheitliche Folgen Retrieved form: http://jugendinfo.be/leben/drogen_folgen.php (accessed: 25.10.2017)

Farwell, L. A. & Smith, S. S. (2001) Using Brain MERMER Testing to Detect Concealed Knowledge Despite Efforts to Conceal. *Journal of Forensic Sciences*, 46(1), 1–9. doi:10.1520/JFS14925J

Gannushkin, P.B. (2007) Clinic of psychopathies: their statics, dynamics, systematics. Moscow, Medicinskaya kniga, 322.

Hathaway, S., & Mckinley, J. (1956) Basic readings on MMPI in psychology and medicine. Minneapolis.

Jonson, B. (1993) A developmental model of addictions and its relationships to the twelve step program of alcoholics anonymous. *J. Subst.*, 10(1), 23–24.

Kholodnyy, Yu.I. (2008) Polygraph examination and its natural science basis. [Poligraf v Rossii 1993-2008]. Moscow: MGTU im. Baumana, Moscow, 60–86.

Klochko, V.E., & Galazhinsky, E.V. (2000) Personality self-actualization: a systemic view. Tomsk, Izdatel'stvo «TGU», 154.

Koch, J.V., & Grupp, S.E. (1971) The economics of drug control policies. *International Journal of the Addictions*, 6(4), 571–584. doi:10.3109/10826087109058954

Lesswing, N., & Dougherty, R. (1993) Psychopathology in alcohol and cocaine – dependent patients: a comparison of findings from psychological testing. *J. Subst. Abuse Treat.*, 10(1), 53–57. doi:10.1016/0740-5472(93)90098-M

Lisetskiy, K.S. (2006) Primary prevention of drug addiction. Samara, Univers-grupp.

Lisetskiy K.S. (2008) Psychological bases of drug addiction prevention: Ph.D. in Psychology, Thesis. Moscow, 467.

Mann, H.B., & Whitney, D.R. (1947) On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other. *Annals of Mathematical Statistics*, 18, 50–60. doi:10.1214/aoms/1177730491

Nasledov, A.D. (2008) Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data: tutorial. St. Petersburg, Rech'. 392.

Neiss, R. (1993) The role of psychobiological states in chemical dependency: Who becomes addicted. *Addiction*, 88(6), 745–756.

doi:10.1111/j.1360-0443.1993.tb02089.x

Nikolaev, A. Yu. (2011) Psychophysiological study of memory as a method of forensic diagnostics. [*Yuridicheskaya Psikhologiya*], 4, 14–18.

Nurco, D., & Batter, M. (1994) Vulnerability to narcotic addiction: findings. *J. Drug*, 24(1–2), 293–314. doi:10.1177/002204269402400206

Oaklander, Violet (1989) Windows to Our Children. *Gestalt Journal Press*, 335.

Ogloblin, S.I., & Molchanov, A.Yu. (2004) Tooling of «lie detection»: academic course. Yaroslavl, Nyuans, 464.

Petrovsky, A.V. (1998) Category of personality/ Fundamentals of theoretical psychology. Moscow, INFRA-M, 223–270.

Puchkova E.B., Sukhovershina Yu.V., Temnova L.V. (2017). A study of Generation Z's involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143. doi: 10.11621/pir.2017.0412

Rerke, V. I. (2008) Psychological and pedagogical conditions for the prevention of adolescent drug addiction: theory and practice. Irkutsk, Izdatel'stvo GOU VPO «IGPU», 318.

Sobchik, L.N. (2007) MMPI. Standardized multifactor method of personality inventory. St. Petersburg, Rech, 224.

(2017) Socially significant diseases of the Russia's population in 2016. (statistical materials). Federal State Institution «Central Research Institute of Healthcare Organization and Informatization». Moscow. Retrieved from: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskaya-informatsiya-minzdrava-rossii> - (accessed: 10.10.2017)

SPSS Inc. SPSS 2101. 2012 version. Retrieved from: <http://www-01.ibm.com/software/analytics/spss/> (accessed: 10.10.2017)

Stevens, M.C., Kaplan, R.F., & Bauer, L.O. (2001) Relationship of cognitive ability to the developmental course of antisocial behavior in substance dependent patients. *Prog. Neuro-Psychopharmacol. Biol. Psychiatry*, 25, 1523–1536. doi:10.1016/S0278-5846(01)00210-X

Stevens, M.C., Kaplan, R.F., & Hesselbrock, V.M. (2003) Executive-cognitive functioning in the development of antisocial personality disorder. *Addict. Behav.*, 28(2), 285–300. doi:10.1016/S0306-4603(01)00232-5

Tsvetkova, L.A., Gurvich, I.N., Shaboltas, A.V. et al. (2006) Theoretical models of development, control and correction of drug use. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2458, [1].

Velichkovsky B.M. (2017). Cognitive science: The art and its implications. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10 (3), 2–7. doi: 10.11621/pir.2017.0300

Zmanovskaya, E.V. (2008) Psychology of deviant behaviour. Moscow, Akademiya, 288,

Психологическая помощь пациентам, пережившим околосмертный опыт (по материалам зарубежных исследований)

О.В. Гордеева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 4 мая 2018/ Принята к публикации: 17 мая 2018

Psychological assistance to patients with near-death experience (based on foreign research)

Olga V. Gordeeva

Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia

Received May 4, 2018 / Accepted for publication: May 17, 2018

Актуальность статьи. Околосмертный опыт – измененное состояние сознания, переживаемое в момент близости к смерти. Оно имеет специфическую структуру, которая включает такие элементы, как внетелесный опыт, ощущение движения в темном туннеле, видения яркого света, встречи с умершими, иных реальностей, обзор жизни и многое другое. Это состояние стало встречаться достаточно часто, в частности, из-за успехов реаниматологии и высокого уровня организации неотложной помощи. Само переживание данного опыта и обусловленные им личностные изменения порождают у людей целый ряд психологических проблем, о которых они бояться рассказывать не только медикам, но и близким из-за опасности интерпретации его околосмертных переживаний как признака душевной болезни.

Целью проведенного аналитико-теоретического исследования стало изучение накопленного в западной медицине, психологии и психотерапии опыта работы с такими пациентами, а также знакомство с организацией процесса подготовки специалистов в этой области и особенностями психотерапевтической помощи людям, пережившим околосмертный опыт, и членам их семей.

Описание хода исследования. В статье проведен анализ зарубежных работ, посвященных проблеме обращения с пережившими околосмертный опыт и психологической помощи им. Содержащийся в работах материал структурирован и обобщен по основным проблемам в этой области.

Результаты исследования. Рассмотрена модель стадий адаптации человека после переживания околосмертного опыта, предложенная Ф. Этуотер. Выделены и интегрированы правила взаимодействия медицинского персонала и родственников с пациентами разных групп (как на этапе возможного появления околосмертного опыта, так и в период после получения данного опыта). Намечены правила обращения с пережившими этот опыт детьми, приведен опыт организации психотерапевтической помощи пережившему и его близким.

Выводы. Соблюдение описанных в данной работе правил медиками, психотерапевтами и родными человека, пережившего околосмертный опыт, способствует ослаблению уже существующих у пациента эмоциональных и социальных проблем, а в ряде случаев – предупреждает их возникновение.

Ключевые слова: околосмертный опыт, измененные состояния сознания, психотерапия, психологическая поддержка пациента, личностная трансформация, психологическая адаптация, межличностные отношения.

Background. Near-death experience is an altered state of consciousness at the time when the person is on the threshold of death. Near-death experience has a specific structure which includes such elements as extra corporal experience, moving in a dark tunnel, seeing bright light, meetings with the deceased persons, panoramic life review and many others. The condition is quite common nowadays particularly due to the success of resuscitation and a high level of emergency care organization). Experience in itself and its some consequences derivate a lot of psychological problems at the person, which he is afraid to tell not only medical staff, but also relatives because of danger of interpretation his (her) near-death experiences as marks of psychic illness.

The Objective of the analytical theoretical research was to study the experience of working with such patients, accumulated in Western medicine, psychology and psychotherapy, the organization of the training process and also the organization of psychotherapeutic support for survivors and members of their families.

Design. This article analyzes the foreign (most publications on this subject is carried out in the United States) works on the problem of treatment with near-death experienter and psychological support for them, the material contained in these works is structured and summarized on the main problems in this area.

Research results. Based on the review and analysis of the reference literature a preliminary Atwater's adaptation model of the near-death experience is proposed, the integration of this experience is viewed as the main goal to be implemented by the experienter independently or in collaboration with a psychotherapist, the universal rules of treating near-death experienters are elaborated. There are rules of treating different groups of experienters and different categories of people interacting with them are identified and integrated: the rules of treating children with near-death, the experience of organizing psychotherapeutic assistance to their relatives. Conclusion. The compliance with the rules by physicians, psychotherapists and relatives of near-death patients contributes to the decreased emotional and social problems in the patient, and sometimes even prevents their occurrence.

Keywords: near-death experience, altered states of consciousness, psychotherapy, psychological consultation, psychological supporting of patient, personal transformation, psychological problems, motives, values, emotions, psychological crisis, psychological adaptation, interpersonal relations

Околосмертный опыт (ОСО) – специфическое измененное состояние сознания, которое люди испытывают в момент близости к смерти. Он может быть пережит при различных обстоятельствах, таких как остановка сердца, кровопотеря, операционные осложнения, септический или анафилактический шок, травмы, суицидальные попытки, несчастные случаи (падение с высоты, автомобильные аварии, удар электрического тока, утопление, удушье), терминальная стадия болезни. Часто этот опыт связывают с периодом клинической смерти, но он возможен и при отсутствии органических повреждений. Определяющим для его появления является не наличие действительной угрозы для жизни, а убежденность человека в своей скорой смерти (Noyes, Kletti, 1976).

Основные элементы западного ОСО

В научной литературе ОСО впервые был описан А. Хеймом в конце XIX в., однако Реймонд Моуди одним из первых (в 60-х годах XX века) систематизировал специфические характеристики (элементы) данного опыта (Моуди, 1990). За последние 40 лет созданная Моуди модель возможных переживаний умирающего была значительно пересмотрена и расширена (Noyes, Kletti, 1976; Greyson, Stevenson, 1980; Noyes, 1980; Greyson, 1983a, 1983b, 1997, 2003; Osis, Haraldsson, 1986; Greyson, Bush, 1992; Atwater 1992, 2013; Ринг 1996, 1998; Van Lommel et al., 2001, 2010; Parnia, Fenwick, 2002; Schwaning et al., 2002; Поолингз, 2003; Sartori, 2006; Zingrone, Alvarado, 2009; Van Lommel, 2011; Tassel-Matamua, 2013–2014; Klemenc-Ketis, 2013). На основании этих и других исследований мы

составили следующий перечень элементов ОСО (порядок их перечисления отчасти отражает динамику развития данного состояния):

1. Невыразимость опыта (трудность его описания);
2. Ощущение мира и покоя в момент умирания;
3. Необычные слуховые ощущения в начале умирания (часто имеют неприятный характер, описываясь как шум, жужжание, рев, стук, свист, но возможны и приятные звуки: колокольчики, музыка и др.);
4. Внетелесный опыт (ВТО). Этот элемент включает в себя три компонента: выход души из тела, быстрое движение вверх и видение души своего физического тела из положения сверху. Человек утверждает, что его душа, взлетев вверх, покинула тело и свободно перемещалась в пространстве. Нередко при этом сообщается о появлении другого «тела» и/или об улучшении психического функционирования (интенсификация мышления, появление паранормальных способностей и др.);
5. Способность к восприятию окружающей действительности во время ВТО (оно действительно возможно, но иногда респонденты неадекватно воспринимают происходившее во время их умирания);
6. Понимание (осознание и принятие) человеком того, что он умер;
7. Изменение переживания времени (может проявляться в ощущениях исчезновения времени или искажения его течения. Внешние события воспринимаются как происходящие в замедленном темпе, а мысли – как в ускоренном);
8. Темный туннель – движение после «выхода» из тела сквозь темное замкнутое пространство (туннель, пустоту, трубу, долину и др.) навстречу яркому свету;

9. Встреча с этим ярким светом;
10. Встреча с другими (среди которых выделяются как проводники и помощники, так и умершие ранее родные и друзья человека);
11. Видения иной реальности, иных миров;
12. Светящееся существо – многими этот свет воспринимается как некое существо, любящее и принимающее человека, которому оно мысленно задает вопрос: «Готов ли ты к смерти? Что сделал в своей жизни, что можешь показать мне?»;
13. Обзор жизни (панорамная память) возникает в ответ на этот вопрос – перед мысленным взором человека, подобно быстро прокручиваемому фильму, проходят картины его жизни;
14. Трансцендентальный характер переживаний. Такой «заключительный» обзор помогает человеку включить свою жизнь во всеобщий мировой порядок и обрести смысл существования;
15. Ощущение единства с миром, Богом, Вселенной;
16. Граница или предел (может описываться как некое водное пространство, серый туман, дверь, ограда, просто линия и т.д.);
17. Решение о возвращении (нередко человек решает вернуться, несмотря на желание остаться там, ради каких-то незавершенных дел, в других случаях это решение принимает за него кто-то другой);
18. Возвращение;
19. Трансформирующее воздействие ОСО. После переживания ОСО у человека значимо перестраивается система мотивов и ценностей: усиливаются духовные потребности и интересы, повышается познавательная и альтруистическая мотивация. Пережившие утверждают, что у них возрастает терпимость и позитивное восприятие других людей. Неверующий обращается к идее бога, а верующий, чувствуя себя ближе к богу, перестает придавать значение обрядовой стороне религии. Часто наблюдается появление новых интересов, увлечений, занятий, смена деятельности, изменение взглядов и отношения к разным аспектам действительности (к богу и религии, к смыслу жизни, здоровью, семье и друзьям, при-

Ольга Владимировна Гордеева – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: olagordeeva@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/Olga/>

роде, материальным ценностям, браку и сексу, власти, личной известности, войне и убийству, образованию и науке, обществу, бизнесу и пр.) (Greyson, Stevenson, 1980; Van Lommel et al., 2001). Пережившие ОСО начинают гораздо больше интересоваться предельными философскими вопросами, духовными и интеллектуальными интересами доминируют у них над материальными и телесными потребностями. У многих наблюдается повышение интереса к обучению, самопознанию и саморазвитию, желание постоянно приобретать знания (Моуди, 1990; Ринг 1996, 1998). Также возможно изменение «Я»-концепции (рост самопринятия) и появление ощущения наличия паранормальных способностей. В результате смены приоритетов у переживших ОСО могут начаться трудности в отношениях с близкими людьми (об этом сообщают около половины респондентов). Кроме того, у них может усилиться стремление к одиночеству.

20. Новое отношение к жизни и смерти (возрастает понимание ценности физической жизни и здоровья, при этом исчезает страх смерти).
21. Реалистичность переживаемого (пережившие убеждены, что действительно побывали в ином мире);
22. Нежелание рассказывать о пережитом другим (из-за опасения, что окружающие воспримут этот рассказ как признак душевного расстройства);
23. Запоминаемость ОСО (этот опыт помнится впоследствии всю жизнь);
24. Знак опыта – в психологии ОСО была показана достаточная распространенность негативного («беспокоящего») ОСО (Atwater, 1992; Greyson, Bush, 1992; Рооллингз, 2003), который, совпадая с «классическим» (описанным Р. Моуди) позитивным ОСО по основным элементам, отличается от него либо содержанием видений (пугающие образы), либо выраженными негативными эмоциями, либо осмыслением увиденного. Нейтральный ОСО может быть проинтерпретирован пережившим как негативный (например, темная пустота как пребывание в аду) (Atwater, 1992; Morse, 1994a).

Проблемы, порождаемые ОСО

Хотя и в литературе (Моуди 1990; Ринг 1996, 1998) и в средствах массовой информации отмечаются преимущественно лишь благотворные личностные и духовные последствия ОСО, некоторые особенности данного опыта, прежде всего, его знак и его трансформирующее воздействие на личность могут порождать у человека целый ряд значительных психологических проблем (Morse, 1994a; Greyson, 1997; Griffith, 2009; Грейсон, Харрис 2013).

Пережившие ОСО начинают гораздо больше интересоваться предельными философскими вопросами, духовные и интеллектуальные интересы доминируют у них над материальными и телесными потребностями. У многих наблюдается повышение интереса к обучению, самопознанию и саморазвитию, желание постоянно приобретать знания

Появление психологических проблем неудивительно, поскольку даже такие позитивные события, как возрастание эмпатии и повышение осмысленности существования требуют адаптации к ним. Кроме того, изменившиеся взгляды, ценности и убеждения вступают в противоречие с прежними ценностями и образом жизни, также может возникнуть необходимость согласования их с традиционными религиозными верованиями (Грейсон, Харрис, 2013). Смена мировоззрения, религиозных представлений, духовных ценностей и т.п. могут привести к серьезному психологическому и/или духовному кризису (Morse, 1994a). Возможно, такой кризис станет началом

Как показывает практика психотерапевтической работы, пережившие по-прежнему склонны расценивать наличие ОСО как показатель душевного нездоровья, поэтому нередко щадят чувства близких людей, не желая их травмировать, и поэтому молчат о своем опыте.

психологического и/или духовного роста и вызовет значительные преобразования личности. Но этот процесс (и само переживание кризиса) оказывается сложным, особенно для тех, кто не стремился к духовному росту или не был готов к нему (Грейсон, Харрис, 2013).

Многие пережившие ОСО с большой неохотой рассказывают об этом опыте (Ring, 1985; Моуди, 1990, 2015; Hoffman, 1995; Manley, 1996; Ринг 1998; Sabom, Kreutziger, 1977). Это настолько распро-

странено, что ряд авторов (Моуди, 1990, 2015; Greyson, Bush, 1992; Ринг, 1998; Этуотер, 2009) выделяют нежелание рассказывать о пережитом другим как самостоятельную черту ОСО. Сама по себе необычность опыта пугает пережившего, который задается вопросом, не сходит ли он с ума (Experiencer's Guide ..., 2013). Кроме того, люди боятся за свою репутацию, опасаются отвержения, непонимания, насмешки, пренебрежения. Негативная реакция со стороны медиков, членов семьи, друзей и духовенства (Griffith, 2009) зачастую подтверждает худшие

опасения переживших ОСО, препятствуя или замедляя принятие и интеграцию данного опыта (Van Lommel et al., 2001).

Существовавший до недавнего времени взгляд на ОСО как на симптом душевного расстройства (спровоцированного соматической болезнью) приводил к негативным последствиям не только психологическим (травматизация из-за невозможности интегрировать и принять этот осуждаемый обществом опыт, нарушение социальных связей из-за мнимого психического заболевания), но и социальным – человек попадал под наблюдение врача-психиатра или даже госпитализировался в больницу соответствующего профиля (Этуотер, 2009, С. 294). Конечно, в по-

следние тридцать лет ситуация в американской и европейской медицине резко изменилась, но нежелание рассказывать сохраняется. Как показывает практика психотерапевтической работы, пережившие по-прежнему склонны расценивать наличие ОСО как показатель душевного нездоровья, поэтому нередко щадят чувства близких людей, не желая их травмировать, и поэтому молчат о своем опыте.

Другими причинами, усиливающими нежелание рассказывать об ОСО, являются

ся трудности вербализации и возможный конфликт в сложившейся картине мира, вызванный данным опытом. Еще одна причина, по которой люди с ОСО избегают рассказывать о нем, появляется в случае негативного ОСО – это нежелание вновь переживать случившееся с ними и стремление забыть этот опыт (Atwater, 1992; Greyson, Bush, 1992; Рооллингз, 2003). То, что человек боится рассказывать о своем опыте не только медикам, но и родным создает дополнительные трудности работы с такими пациентами.

ОСО часто воспринимается пережившим как преобразовавший его глубинную сущность и поставивший его в особое положение по отношению к окружающим. Поэтому человек может слишком явно отождествлять себя с данным опытом и думать о себе, в основном, как о пережившем его, т.е. происходит обеднение содержания «Я».

Обычно в литературе по ОСО описываются его позитивные долговременные последствия. Но некоторые исследования обнаруживают у переживших ОСО существование и негативных послеэффектов: возрастание страха смерти, чувства уязвимости, беспомощности или потери контроля, появление чрезвычайной тревоги, тоски, эмоциональной боли или депрессии (Noyes, 1980; Orne, 1995; Этютотер, 2009, С. 291; Experiencer's Guide ..., 2013). Могут появиться чувство поглощенности этим опытом, навязчивые мысли и воспоминания, яркие сны (возможно, кошмары), трудности концентрации внимания (Experiencer's Guide ..., 2013), развиваться страхи по поводу возможных нежелательных последствий ОСО. У выживших после несчастного случая могут остаться фобии, связанные с этим событием. Возможно снижение самооценки (Noyes, 1980). Кроме того, укрепившееся осознание кратковременности жизни и неизбежности смерти может приводить не к свободному и принимающему (как у большинства) подходу к жизни, а к более осторожному. Нойес объяснял данные феномены как продолженную или отсроченную эмоциональную реакцию на угрозу смерти, возникшую во время опасности (Noyes, 1980). Появление психологических проблем после переживания ОСО неоднократно описывалось в литературе. Например, вот рассказ девушки, «умершей» в возрасте семи с половиной лет во время операции по удале-

нию миндалин: «Моя мама говорила, что до операции я была счастливым и веселым ребенком. После операции я впала в депрессию и практически все время думала о холокосте, войнах и страданиях. Я отделилась от мира. Я помню, что мне хотелось стать монахиней и жить в тишине. Я почти ни с кем не разговаривала» (Этютотер, 2009, С. 291).

Но и позитивные эффекты ОСО могут приводить к негативным последствиям. ОСО часто воспринимается пережившим как преобразовавший его глубинную

сущность и поставивший его в особое положение по отношению к окружающим. Поэтому человек может слишком явно отождествлять себя с данным опытом и думать о себе, в основном, как о пережившем его (Грейсон, Харрис, 2013), т.е. происходит обеднение содержания «Я». При этом итогом роста самооценки может стать ее неадекватное завышение (раздутое самомнение) при снижении уважения, сострадания и сочувствия к другим (Этютотер, 2009, С. 334). Ощущения наличия особой задачи или «миссии», своей избранности «высшей силой», появляющиеся после ОСО, также могут стать источником постоянных эмоциональных проблем пережившего (Грейсон, Харрис, 2013).

Дополнительные эмоциональные проблемы могут возникать у человека и в случаях негативного ОСО. Отрицательные эмоции, пережитые во время этого опыта, могут сохраняться и после него в течение достаточно долгого времени. Кроме того, человек часто озабочен причинами, по которым пережил именно такой опыт. Например, воспринимает его как наказание – заслуженное или незаслуженное, соответственно, чувствует при этом вину или обиду, беспокоится, не возникнет ли данный опыт повторно (Грейсон, Харрис, 2013). Переживший может также считать появление ОСО признаком своей неполноценности и утверждать, например: «Я просто уверен, что это должно означать, что я плохой человек» (Griffith, 2009).

Негативный опыт может быть неправильно истолкован человеком как признак психической патологии. Эту тенденцию усиливают часто встречающиеся описания именно положительного ОСО в средствах массовой информации.

Нэнси Буш выделила три типа реакций на негативный ОСО:

1. человек воспринимает этот опыт как предупреждение и пытается изменить свою жизнь;
2. человек дает рациональное объяснение данному опыту (например, объясняет его гипоксией);
3. переживший в течение многих лет после ОСО пытается ответить на экзистенциальные вопросы, именно такие люди, скорее всего, будут нуждаться в терапии (Greyson, Bush, 1992).

У людей, которые сами решили вернуться в эту жизнь, возможно появление непрекращающегося сожаления или смешанных чувств по поводу этого решения. Те, которые, наоборот, решили не возвращаться в эту жизнь, могут постоянно переживать вину или гнев из-за того, что их «отослали назад», из-за чего может развиваться обида, озлобленность и депрессия (Грейсон, Харрис, 2013). У пережившего ОСО может появиться ощущение своей отдаленности, отчуждения от тех, у кого не было аналогичного опыта. Эта проблема обостряется, если окружающие демонстрируют свое неприятие данного опыта и/или непонимание чувств пережившего. Кроме того, чувство отчуждения усиливается известной невыразимостью ОСО.

Ван Ломмель отмечает, что интеграция и принятие ОСО – это «процесс, который может занять многие годы, сопровождаясь чувствами депрессии, тоски и одиночества вследствие его далеко идущих воздействий на раннее, до ОСО, существовавшее понимание жизни и систему ценностей. Весьма примечательно, что остановка сердца, которая длится всего несколько минут, рождает такой процесс трансформации, продолжающийся всю жизнь» (Van Lommel, 2011, Р. 22).

Социальные проблемы возникают, когда социальное окружение (прежде всего, семья, друзья) не принимает изменения, появившиеся у человека после ОСО. Впервые, появление у такого человека новых взглядов и поведения может воспри-

ниматься его близкими как «ухудшение» прежнего человека под воздействием перенесенной болезни или травмы. Близкие внезапно обнаруживают, что рядом с ними находится совершенно иной человек, нежели тот, кого они знали – у него другие взгляды, ценности, желания, жизненные цели и ориентиры. Это становится для них источником сильнейшего стресса (Manley, 1996; Грейсон, Харрис, 2013). Во-вторых, поднимаемая в прессе шумиха о положительных эффектах ОСО может формировать у окружающих нереалистические ожидания в отношении пережившего ОСО. От него подчас ожидают сверхчеловеческого терпения и всепрощения или чудесных целительских и пророческих способностей. Поэтому такого человека могут отвергать как не соответствующего ожидаемой от него роли живого святого (Грейсон, Харрис, 2013).

В-третьих, переживание отдаленности, дистанцированности от близких, своей непонятности и одиночества может порождать у человека проблемы в общении и поддержании отношений в целом. **В-четвертых**, человек, переживший определенные личностные трансформации (например, утрату интереса к материальным ценностям или актуализацию альтруистической мотивации), не может больше придерживаться своей старой роли и вести прежний образ жизни и, тем самым, перестает соответствовать ожиданиям близких (Грейсон, Харрис, 2013). Поэтому разводы оказываются нередки среди пар, в которых один человек пережил ОСО (Morse, 1994a).

В-пятых, человеку, пережившему в ОСО состояние всеобщей и безграничной любви, становится сложно принимать условности и ограничения обычных человеческих отношений, поэтому нарушается их общение с другими людьми, в частности, затрудняются формальные контакты и поддержание рабочих отношений (Грейсон, Харрис, 2013). **В-шестых**, некоторым из переживших ОСО приходится заново учиться справляться с повседневными заботами, которые более не кажутся им существенными, но по-прежнему остаются необходимыми (Грейсон, Харрис, 2013).

Эти психологические и социальные проблемы вызывают у пережившего ОСО немалые трудности при адаптации

к обычной жизни (Greyson, Bush, 1992). Такая адаптация занимает у взрослого около 7 лет, но особенно сложны ее первые три года (Этуотер, 2009, С. 285; Atwater, 2013). Вследствие происходящих глубоких трансформаций личности пережившего ОСО его родные и близкие также сталкиваются с целым рядом психологических проблем, поэтому тоже могут нуждаться в психологической помощи.

Стадии адаптации после переживания ОСО

Эта проблема исследована мало и фрагментарно. Филлис Этуотер (Atwater, Williams, 2014) изучала ее на материале ОСО у детей. Однако следует отметить, что обычно ее исследования не носят строго научный характер, а их результаты представляют собой обобщения субъективных впечатлений и несистематизированных наблюдений автора. Тем не менее, мы приведем здесь выделенные Ф. Этуотер стадии адаптации человека (как взрослого, так и ребенка) после пережитого ОСО с соответствующими каждой стадии психологическими проблемами. Подчеркиваем, что эти сведения носят лишь предварительный и неподтвержденный характер.

Первая стадия – стадия «внутренне-го приспособления». На этой стадии у человека появляются, как последствия ОСО, изменения мотивов и их иерархии (и, соответственно, поведения), ценностей, взглядов, «Я»-концепции, а также новое отношение к жизни и смерти. Из-за необычности и новизны данной ситуации человек может переживать замешательство и растерянность. Все вновь появившиеся или значительно усилившиеся мотивы, черты характера, способности, ценности еще не интегрированы с «Я» (Этуотер, 2009, С. 152). Поэтому человек на этой стадии еще только приспосабливается к последствиям ОСО, а также поправляется после физической болезни или травмы, которые привели к данному опыту (Atwater, Williams, 2014). По мнению Этуотер, эта стадия (без специального психотерапевтического вмешательства) в среднем длится первые три года после ОСО (Этуотер, 2009, С. 152).

Вторая стадия, по мнению Этуотер, занимает следующие четыре года. На этой

стадии происходит перестройка отношений с друзьями, семьей, обществом. Здесь человек (и взрослый, и ребенок) ищет свой способ стать полезным миру, как-то послужить ему (при этом «отношения» с другими становятся более важными, чем обучение или работа). Взрослые становятся ориентированными на служение обществу и исцеление людей (Этуотер, 2009, С. 152–154). Однако, как предупреждает Этуотер, именно на этой стадии возникает риск появления зависимостей (алкогольной, наркотической) из-за несоответствия между ОСО и окружающей человека реальностью (такое происходит у 30% детей) (Этуотер, 2009, С. 154). У ребенка успешное разрешение данного кризиса Этуотер называет его «первым рождением», когда у него реализуется возможность «принести в мир дары небесные» (Этуотер 2009, С. 154).

Третья стадия начинается, в среднем, спустя семь лет после эпизода ОСО. На этой стадии устанавливается равновесие между мирами внешним и внутренним, человек обретает большую уверенность в себе (усиливается его самоуважение, самопринятие, растет тенденция к принятию ответственности за себя и свои поступки). Он окончательно утверждается в своих духовных и моральных ценностях и начинает карьеру служения людям (взрослые часто возвращаются к работе, но уже более уверенными в своих силах) (Этуотер, 2009, С. 153; Atwater, Williams, 2014).

Для четвертой стадии (спустя 12–15 лет после ОСО), названной Этуотер «временем уныния» (а также «вторым падением», «второй смертью»), характерен кризис, связанный с появлением первых трудностей на пути служения – человек ощущает расхождение его собственных ценностей и ценностей, преобладающих в культуре, поэтому он может пасть духом, впасть в депрессию. На этой стадии у человека возможны значительные изменения гормонального уровня, большие проблемы, связанные с деньгами и долгами, личностные кризисы, проблемы в отношениях (Этуотер, 2009, С. 153). У детей, переживших ОСО, эта стадия опасна тем, что именно на ней ребенок может совершить попытку самоубийства (Этуотер, 2009, С. 153–154; Atwater, Williams, 2014). Такое происходило у 21%

выборки переживших ОСО в детстве (Этуотер, 2009, С. 153).

На этой же стадии человек пытается ответить себе на ряд сложных вопросов: «Я многим пожертвовал после своего околосмертного опыта, но имело ли это смысл? Можно ли жить духовной жизнью на Земле? Был ли я до конца честен сам с собой?» (Этуотер, 2009, С. 154). Сравнивая первый кризис (на второй стадии), второй кризис (на четвертой) и происходящие в связи с ними личностные изменения, Этуотер отмечает, что первые изменения «имеют непосредственную связь с околосмертным состоянием, ... вторые – больше зависят от выбора человека», от принятия им жизненно важных решений (Этуотер, 2009, С. 155). Если человек справляется с кризисом четвертой стадии, у него может начаться следующая, пятая стадия (Этуотер, 2009, С. 154).

Пятая стадия – стадия глубокой интеграции ОСО. Здесь человек обнаруживает доверие к миру, совпадение ценностей этого мира с ценностями, открывшимися в ОСО (Этуотер, 2009; Atwater, Williams, 2014).

Таким образом, на первых четырех стадиях адаптации к ОСО человек, переживший данный опыт, нуждается в психотерапевтической помощи.

Универсальные правила обращения с пережившим ОСО

Главная цель, которую должен осуществить переживший ОСО – самостоятельно или при помощи специалиста – это интеграция данного опыта (Griffith, 2009). Окружающие человека люди: родные и близкие, медицинские работники, специалисты по работе с психологическими проблемами могут помочь ему в этом, реализуя определенные универсальные правила (Griffith, 2009). Их универсальность заключается в том, что их соблюдение необходимо любому, вступающему в общение (вне зависимости от того, имеет ли он медицинское образование, оказывает ли он психологическую/психиатрическую помощь или нет) с любым пережившим ОСО. Эти правила предполагают следующее:

1. внимательное и безоценочное слушание рассказа о пережитом ОСО;

2. обеспечение пережившему поддержки;
3. предоставление пережившему знаний об ОСО или возможности приобрести больше знаний об этом опыте;
4. то, что в западных работах называют «нормализацией» (Griffith, 2009, P. 35) – крайне необходимое для пережившего подтверждение «нормальности» его опыта, естественности, распространенности в обществе данного феномена.

Рассмотрим способы реализации этих правил для разных групп переживших и разных категорий взаимодействующих с ними людей.

Правила обращения с пережившими ОСО для медицинского персонала и родственников пережившего

Многие специалисты считают, что перед тем, как вообще начинать взаимодействие с пациентом, пережившим ОСО, медицинский работник должен осуществить рефлекссию, самоанализ, определив свой взгляд на ОСО, свое отношение к нему, свои представления о природе, значении данного опыта и его причинах (Simpson, 2001; Грейсон, Харрис, 2013). Осознание этого позволит не навязывать пациенту свои представления, отношения, интерпретации (Грейсон, Харрис, 2013).

Если это отношение скептическое – медик не верит в существование ОСО (считает соответствующие рассказы пациента симуляцией или признаком психического расстройства) (Dougherty, 1990), не может или не хочет менять такое отношение, некомфортно себя чувствует во время обсуждения ОСО или просто мало знает об ОСО, то такому медицинскому работнику советуют минимизировать общение на эту тему с пациентом, пригласив в качестве замены себе другого сотрудника, лучше осведомленного и/или относящегося с уважением к такому опыту (Simpson, 2001; Duffy, Olson, 2007). Сюзанна Симпсон подчеркивает, что каждый человек, взаимодействующий с пережившим ОСО, обязан отбросить этот скептицизм и обеспечить поддержку и принятие пережившего и безоценочное отношение к этому опыту (Simpson, 2001). Также заранее необходимо приобрести соответствующие знания об ОСО – его признаках, последстви-

ях, правилах обращения с пережившими (Manley, 1996). В обращенных к медицинским работникам статьях им советуют поощрять коллег (врачей, медсестер, врачей догоспитального этапа, социальных работников) так же расширять свои знания и содействовать обучению в рамках всей больницы (Cocroan, 1994-1995; Manley, 1996).

В западной медицине были сформулированы определенные правила поведения для специалистов, которые по роду своей деятельности сталкиваются с людьми, пережившими ОСО: для лечащих врачей, консультантов, хирургов, психиатров, среднего и младшего медицинского персонала (Dougherty, 1990; Schoenbeck, 1993; Morse, 1994b; Sommers, 1994, Orne, 1995; Manley, 1996; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001; Wimbush, Hardie, 2001; Duffy, Olson, 2007; Griffith, 2009, P. 35; Этуотер, 2009; Грейсон, Харрис, 2013). Конечно, их в обязательном порядке придерживается и психотерапевт, работая с такими клиентами. Эти правила не только облегчают уже существующие у пациента эмоциональные и социальные проблемы (а в ряде случаев и предупреждают их возникновение), но и помогают ему интегрировать данный опыт, чтобы тот стал стимулом для дальнейшего роста.

Бучер и коллеги (Bucher et al., 1997) выделили два направления работы в области психотерапии переживших ОСО и их близких: поддержка человека во время самого ОСО и поддержка после переживания данного опыта (цит. по Simpson, 2001). Поэтому разделим данные правила на две группы: правила обращения с пациентом в период возможного появления ОСО и правила обращения с пациентом, уже пережившим данный опыт.

Правила первой группы, в американской медицине особая роль в их реализации отводится именно медсестрам, а не врачам, видимо, вследствие особой нагрузки во время реанимации у них, следующие:

Во время реанимации, когда пациент находится без сознания, медицинский персонал должен избегать бесчувственных замечаний типа: «Зачем мы делаем это? Он был выключен слишком долго». Это позволит предотвратить негативный ОСО (Schoenbeck, 1993; Wimbush, Hardie, 2001; Simpson, 2001; Duffy, Olson, 2007;

Грейсон, Харрис 2013). Так, еще в работе Левинсона 1960-х гг. было убедительно продемонстрировано, что человек воспринимает и прекрасно понимает такую информацию, эмоционально реагирует на нее, и сформировавшиеся из-за негативной информации аффективные следы становятся источником последующих эмоциональных проблем (Левинсон, 2012).

Если во время лечебных мероприятий (реанимации, операции и т.д.) врач делает или говорит что-то, что может быть неверно понято пациентом, медсестра должна объяснять пациенту (даже если тот и выглядит находящимся без сознания) процедуры. Иначе это может стать источником травмирующего опыта (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994a; Manley, 1996; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001; Грейсон, Харрис, 2013). Говорить при этом надо спокойным и поддерживающим голосом (Simpson, 2001). Считается, что медсестра должна стоять у изголовья кровати, чтобы видеть вещи с той же самой позиции, что и пациент, потому что, когда тот начнет вспоминать о периоде реанимации, медсестра сможет подтвердить его воспоминания, сверив свои сведения со сказанным пациентом (Simpson, 2001).

Во время и непосредственно после бессознательного состояния надо разговаривать с пациентом и прикасаться к нему, держать его за руку или ногу (чтобы он чувствовал себя «заземленным») (Simpson, 2001), похлопывать по плечу, обводить контуры тела руками. Все это помогает пациенту сориентироваться, сосредоточив внимание на теле и его границах, и установить связь с внешним миром (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994b; Sommers, 1994; Manley, 1996; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001; Duffy, Olson, 2007; Грейсон, Харрис, 2013). Подобное очерчивание контура тела полезно и после того, как пациент пришел в сознание (Schoenbeck, 1993), его следует сочетать с рассказом о том, что происходило, это необходимо для восстановления ориентации пациента (Schoenbeck, 1993).

Чтобы обеспечить пациенту во время лечебных мероприятий (прежде всего, реанимации) психологический комфорт, что поможет избежать негативного ОСО, следует его ободрять и успокаивать (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994b; Manley,

1996; Duffy, Olson, 2007), даже если он, по мнению медиков, находится без сознания (Manley, 1996).

Следует разрешать и поощрять присутствие близких пациенту людей (в том числе и во время реанимации) (Manley, 1996), чтобы помочь тому почувствовать связь с происходящим «здесь и теперь», стимулировать его желание все вытерпеть, обеспечить утешение и комфорт, если он умирает (Morse 1994b; Manley, 1996; Duffy, Olson, 2007).

В США в 1994 году Ассоциация медсестер скорой помощи (Emergency Nurses Association – ENA) приняла «резолюцию о присутствии семьи», официально защищающую членов семьи у постели больного (Emergency Nurses Association, 1994). Это демонстрирует чуткость и понимание системой здравоохранения потребностей, как пациента, так и семьи. В результате многие пациенты с ОСО сообщают, что именно близкие люди, державшие их за руку («заземляя» их), поощряли их вернуться (Manley, 1996).

Главное, что должны понять и принять близкие человека с ОСО и работающие ним медики – это тот факт, что психологические изменения человека, пережившего ОСО, нормальны и закономерны, от них нельзя «вылечиться», но можно посредством интеграции данного опыта направить эти трансформации в продуктивное русло

Медсестра должна оставаться с пациентом в течении, по крайней мере, 4-х часов после того, как он пришел в сознание, наблюдать за его жизненными показателями и когнитивными функциями и часто ориентировать его (в пространстве, личности, времени) (Schoenbeck, 1993; Manley, 1996; Simpson, 2001). Пациенты могут упомянуть, что у них был очень «странный опыт» или «дикий сон». Если установлена эндотрахеальная или назогастральная трубка, пациент может захотеть записать сообщение или записку (а ребенок – нарисовать картинку), и им надо предоставить эту возможность (Manley, 1996).

Правила обращения с пациентом, уже пережившим ОСО, следующие:

Ни в коем случае нельзя расценивать признаки ОСО как проявление расстройства психики, например, как спутанность сознания или утрату ориентации во времени и пространстве (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994b; Manley, 1996; Simpson, 2001;

Griffith, 2009; Грейсон, Харрис, 2013). Пациенту следует транслировать отношение к ОСО как к «нормальному», естественному феномену, встречающемуся и у других людей, переживших столкновение со смертью, то есть, осуществлять т.н. «нормализацию» ОСО (Morse, 1994b; Sommers, 1994; Manley, 1996; Simpson, 2001; Griffith, 2009). Обычно пациент с ОСО чувствует облегчение, узнав, что он не одинок, и у других был подобный опыт. Полезным для пациента может стать и верификация воспринятого им во время ОСО, если медик может предоставить подтверждение правильности слов пациента, опираясь на записи о ходе операции/реанимации в медицинской карте и свидетельства медицинских работников, присутствовавших во время этого (Simpson, 2001).

Следует «нормализовать» последствия ОСО. Действительно, очень часто родные и близкие человека, претерпевшего личностные изменения в результате ОСО, воспринимают их как следствие

«болезни» и ожидают, что они пройдут со временем или в результате психотерапевтической работы. Отсюда, весьма распространенный запрос к медикам, психиатрам или психотерапевтам от близких пережившего ОСО – «вернуть» прежнего человека (Этуотер, 2009, С. 287–288).

Поэтому главное, что должны понять и принять близкие человека с ОСО и работающие ним медики – это тот факт, что психологические изменения человека, пережившего ОСО, нормальны и закономерны, от них нельзя «вылечиться», но можно посредством интеграции данного опыта направить эти трансформации в продуктивное русло. Этуотер пишет, обращаясь к родителям ребенка с ОСО: «Того ребенка, которого вы «потеряли» из-за «смерти», вы назад уже не получите. ... У детей, переживших околосмертный опыт, точно так же, как и у взрослых, проявляются определенные последствия. И от этих последствий нельзя «излечить»

ся», к ним можно только приспособиться» (Этуотер, 2009, С. 287–288).

Разумеется, этот пункт обращен, скорее, к родственникам пережившего ОСО, поскольку медики не имеют столь выраженных и глубоких ожиданий в отношении пациента, а также знаний о том, каким он был ранее.

При взаимодействии с людьми, только что побывавшими на пороге смерти, следует обращать внимание на признаки возможного наличия ОСО: пациент может выглядеть замкнутым и испуганным, желает держать свет включенным, заговаривает о том, что у него был странный сон и др. (Manley, 1996; Simpson, 2001). Если есть вероятность того, что ОСО имел место, следует дать понять пациенту, что его готовы выслушать (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994b; Manley, 1996; Simpson, 2001; Duffy, Olson, 2007; Griffith, 2009; Грейсон, Харрис, 2013; Atwater, Williams, 2014). Многие пациенты, которые хотят поделиться пережитым, но опасаются рассказывать о нем, прибегают к тонким намекам, чтобы проверить готовность слушателя (Грейсон, Харрис, 2013). В американской медицинской литературе роль слушателя чаще отводится медсестре, ухаживающей за таким пациентом (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994b; Manley, 1996; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001).

Как продемонстрировать эту готовность, как помочь пациенту начать рассказ? Одни авторы советуют ждать, пока пациент сам не начнет рассказ (Manley, 1996; Грейсон, Харрис, 2013). Другие считают, что медик может сам инициировать этот рассказ (Bucher et al., 1997; Simpson, 2001), побудить к нему пациента, «открыв дверь к диалогу» с помощью проективных вопросов, например: «Что Вы помните о том, когда были без сознания?», «У некоторых людей бывают необычные переживания в то время, пока они находятся без сознания. А у Вас?», «Было ли у Вас ощущение отделения от тела в то время, когда происходила реанимация?», «Были ли у Вас необычные сновидения?», «Люди, у которых был кризис, подобный Вашему, иногда имеют необычные переживания. Есть ли что-то, о чем Вы хотели бы поговорить?», «Вы выглядите очень умиротворенным. Для этого есть причина?» (Corcoran, 1994-1995; Duffy, Olson, 2007).

Если пациент не хочет говорить о своем опыте, необходимо уважать его личное право и продолжать оказывать ему поддержку. Он может решить поговорить об этом позже (Duffy, Olson, 2007).

Разговор об ОСО возможен лишь при полном доверии пациента к медику. Медик должен создать безопасную обстановку, стимулирующую обсуждение данного опыта и вызванных им чувств (Simpson, 2001; Griffith, 2009). Решающее значение для завоевания доверия имеют искренность и честность – специалист может поделиться с пациентом своими положительными чувствами относительно ОСО, демонстрировать же скепсис или негативное отношение к опыту пациента нельзя. В таком случае лучше вообще отказаться от общения на эту тему. Пациента надо убедить в сугубой конфиденциальности беседы, продемонстрировать уважение к нему и его опыту (Грейсон, Харрис, 2013). Доверие может возникнуть не сразу, поэтому надо позволить пациенту описывать свой опыт постепенно, как ему удобно, в своем собственном темпе, не торопя и не прерывая (Schoenbeck, 1993; Hoffman, 1995; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001). Симпсон говорит о том, как трудно медику-слушателю удержаться на «тонкой грани» – с одной стороны, он не должен «перегружать» пациента своей поддержкой, с другой, не должен быть слишком холодным и незаинтересованным. Иначе в обоих случаях пациент откажется раскрывать свой опыт (Simpson, 2001).

При наличии у пациента желания поговорить об ОСО медик должен быть слушателем активным, эмпатичным, не оценивающим, уважающим его личность (Schoenbeck, 1993; Morse, 1994; Manley, 1996; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001; Griffith, 2009; Грейсон, Харрис, 2013). Нельзя высказывать сомнения в достоверности опыта пациента, нельзя его упрощать (Morse, 1994b; Duffy, Olson, 2007). Нередко советуют просто повторять за пациентом его собственные слова (Schoenbeck, 1993). Грейсон и Харрис приходят к общему выводу, что самое полезное из того, что можно сделать для пережившего ОСО, – это внимательно выслушать все, что он захочет рассказать. Обычно переживший ОСО испытывает настоятельную потребность понять этот опыт, поэтому очень расстраивает-

ся, если окружающие предлагают не говорить о пережитом или уговаривают его успокоиться. Наоборот, тот, кто поделился пережитым ОСО, тем самым избавляется от пугающих ощущений (в отличие от галлюцинирующих пациентов, которые эмоционально еще больше возбуждаются, рассказывая о своих страхах и смятении) и, как правило, чувствует облегчение (Грейсон, Харрис, 2013).

Нельзя навязывать пациенту собственную интерпретацию этого опыта (например, говорить пациенту, что он имел «религиозное переживание») и свою систему ценностей в целом (Griffith, 2009). Вместо этого лучше спросить, как он сам определяет и объясняет пережитое (Грейсон, Харрис, 2013). Обычно ОСО стимулирует пережившего к самостоятельному осмыслению этого опыта, поэтому для медика действует правило: «Чем меньше сказал, тем лучше» (Morse, 1994a). Направление беседы также должно определяться самим пациентом (Duffy, Olson, 2007; Грейсон, Харрис, 2013). Задача собеседника в данной ситуации: понять, как человек сам осмысливает свой опыт, и помочь ему прояснить эту интерпретацию (Грейсон, Харрис, 2013). Обратная связь должна быть такой, при которой собеседник лишь отражает сказанное ему пережившим ОСО, но не анализирует, помогает пережившему разобраться в своих чувствах и осмыслить пережитое. Преждевременный анализ и интерпретация лишь усилят боязнь пережившего быть неправильно понятым (Грейсон, Харрис, 2013).

Не следует рассматривать ОСО как признак патологии, следует помнить, что ОСО могут пережить и люди с психическими заболеваниями (Griffith, 2009). При наличии у пациента с ОСО умственного или эмоционального расстройства и врач, и пациент должны ясно понимать, что это заболевание никак не связано с самим ОСО.

Помимо эмпатического слушания, другая важнейшая задача собеседника – это предоставление пережившему ОСО точной информации об этом опыте и его последствиях (Schoenbeck, 1993; Manley, 1996; Griffith, 2009; Грейсон, Харрис, 2013). Обычно люди испытывают облегчение, узнав, что есть научное (медицинское) название этого явления или,

что оно весьма распространено (Manley, 1996). При этом следует остерегаться того, чтобы информация об универсальности этого опыта не была воспринята пережившим как обесценивание его уникальных переживаний (Грейсон, Харрис, 2013). Обеспечение пациентов знаний об ОСО обладает большим терапевтическим потенциалом. Медик может сам рассказать ему об этом либо предоставить ему соответствующую литературу или информацию о том, где об этом можно прочесть. Отдельным направлением работы является предоставление этих знаний (информации, литературы) родственникам пережившего ОСО. Линда Мэнли в качестве одного из вариантов «самопомощи» (или «самотерапии»), которую переживший может оказать сам себе, указывает «библиотерапию» – чтение литературы об ОСО, поэтому она считает необходимым наличие такой литературы в больничной библиотеке (Manley, 1996). Также медику необходимо сориентировать пережившего и его близких относительно психологической/психотерапевтической помощи, предоставив информацию о местных группах поддержки (см. далее), о специалистах, способных оказать такую помощь, или о сайте IANDS (Manley, 1996), где подробно представлена такая информация и советы по выбору специалиста (Experienter's Guide to Psychotherapy, 2013).

Некоторые специалисты в области работы с ОСО считают, что медик обязательно должен документировать описание ОСО пациента в его медицинской карте, чтобы персонал знал об этом (Manley, 1996; Duffy, Olson, 2007). С одной стороны, конечно, это требование нарушает право пациента на конфиденциальность, но, с другой, позволяет медицинскому персоналу грамотно и тактично выстраивать общение с ним.

Мы перечислили основные правила работы с пережившими ОСО, предназначенные для медиков. Они предполагают, что медицинский персонал не только будет обучаться самим правилам, но и узнавать об ОСО как о таковом. Как правило, бывает достаточно одной обучающей сессии, на которой рассказывается об ОСО и обсуждается вопрос о том, как персонал воспринимает этот феномен. Для ее проведения приглаша-

ют либо инструктора (речь идет о США), либо больничного священника, либо человека, пережившего ОСО (Duffy, Olson, 2007). Другой вариант обучения – попросить команду медсестер сделать постер по проблеме взаимодействия с пациентом, пережившим ОСО. Это задание может стать частью программы по повышению квалификации.

Еще сравнительно недавно, в 1980-е гг. в американской медицине (а в нашей стране до сих пор) медицинские работники очень мало знали об ОСО (или знания были неверными) и правилах обращения с пережившими его (Ring, 1985; Sutherland, 1992; Corcoran, 1994–1995; Orne, 1995; Simpson, 2001). Хейс и Уотерс провели исследование персонала больницы (он включал 17% врачей, 35% священнослужителей и 68% медсестер), которое показало, что наиболее осведомленными об ОСО были священнослужители, затем следовали медсестры, затем – врачи. При этом 40% респондентов не смогли предложить каких-либо практических мер, чтобы помочь пациентам, пережившим ОСО (Simpson, 2001).

За последние тридцать лет положение дел в американской медицине (в отличие от отечественной) сильно изменилось. Много говорится о необходимости соответствующего обучения сотрудников системы здравоохранения (Schoenbeck, 1993; Sommers, 1994; Corcoran, 1994–1995; Simpson, 2001), а также пациентов и членов семьи (Simpson, 2001). Подчеркивается, что данное обучение помогает медику не только приобрести конкретные знания об ОСО и способах взаимодействия с пережившими этот опыт (обеспечив им лучший уход и лечение), но и позволяет разобраться в личных чувствах по отношению к ОСО, прежде чем иметь дело с пациентом, его пережившим (осуществить необходимую рефлексивность) (Sommers, 1994). Статьи об исследованиях ОСО стали очень часто публиковаться в журналах для врачей («Lancet», «Resuscitation», «Psychiatry», «Journal of Nervous and Mental Disease», «Current Problems in Pediatrics», «The New England Journal of Medicine», «International Journal of Behavioral Medicine», «American Journal of Psychiatry» и др.). Информированию медсестер об ОСО и обучению их навыкам обращения с такими больными в европейской и американской медици-

не также уделяется очень большое внимание. Это проявляется, например, в многочисленных публикациях в периодической литературе для среднего медицинского персонала («American Journal of Nursing», «Nursing», «Dimensions Of Critical Care Nursing», «Journal of Emergency Nursing», «Journal Of Advanced Nursing», «Holistic Nursing Practice», «Journal of Pediatric Oncology Nursing», «Research in Nursing and Health», «Critical Care Nurse» и др.).

Психология ОСО, в свою очередь, обогащается материалом из рассказываемых медсестрами историй об этом опыте у их пациентов. Так, Сьюзен Шенбек записала некоторые истории, которые получила из бесед с сотнями медсестер, работающих в больницах, домах престарелых и хосписах (Schoenbeck, 1993). Однако следует отметить, что в таких историях из журналов для среднего медицинского персонала содержатся не только описания действительных элементов ОСО, но и бытующие у медсестер поверья. Например, что некоторые из этих элементов, якобы, являются предикторами последующей смерти пациента, как в ряде рассказов медсестер, записанных Шенбек (Schoenbeck, 1993). Разумеется, такие поверья не приводятся в журналах для врачей, где описываются исключительно объективные научные факты. На наш взгляд, подобная трансляция мифов, безусловно, вредна, поскольку создает у медсестер особые установки, способные нанести психологический вред пациенту.

Перечисленные выше правила для медиков несложны, и многие из них могут использоваться неспециалистами, а именно, родными и близкими человека, пережившего ОСО. Обычно предоставленные первоначальные рекомендации членам семьи пережившего ОСО пациента и основной информации об этом опыте (как и первоначальная психотерапевтическая работа с таким пациентом) считается задачей лечащего врача данного пациента или медсестры, ухаживающей за ним (мы рассматриваем, в основном, американскую литературу и, соответственно, положение дел в американской медицине). Задачей медиков считается и первоначальная подготовка семьи и самого пациента к появлению последствий ОСО и возможному появлению признаков посттравматического стрессового расстрой-

ства (Simpson, 2001). Также медик советует пациенту и членам его семьи обращаться в случае необходимости к священникам, семейным консультантам или психологам (Simpson, 2001) и в местные группы поддержки IANDS (International Association for Near-Death Studies) – Международной ассоциации околосмертных исследований (Sommers, 1994; Bucher et al., 1997; Simpson, 2001; Griffith, 2009). Если в конкретном районе нет доступных групп поддержки, медик может посоветовать пациенту и его семье статьи и книги по данной теме, чтобы помочь им в процессе исцеления (Simpson, 2001).

IANDS – некоммерческая организация (создана в 1981 г.), которая организует научные исследования ОСО и интегрирует их результаты, удовлетворяет потребность переживших этот опыт и всех, кто им интересуется, в достоверной информации об ОСО, выступает спонсором ежегодной научной конференции по ОСО, издает (вместе с другими информационными материалами: брошюрами, сайтом) научный журнал «Journal of Near-Death Studies» и информационный бюллетень «Vital Signs», организует и финансирует работу групп психологической поддержки переживших (International Association ..., 2009). На ее сайте www.iands.org размещаются и координаты местных групп поддержки, в которых люди встречаются, чтобы поделиться пережитым, оказать и получить поддержку, задать вопросы о смерти и умирании, узнать больше об ОСО. Такие группы уже созданы в Америке (45 групп), Канаде (3), Австралии (3), Германии (3) и по одной группе в Венгрии, Словении, Франции, Нидерландах, Швейцарии и Южной Африке. В России, насколько нам известно, такие группы отсутствуют. Также на сайте предлагается (если человек не нашел соответствующей группы поблизости) создать собственную группу. При этом сайт предлагает полную информационную поддержку, на нем вывешена научно-популярная литература по данной теме, популярно изложенные рекомендации по основным проблемам, научные статьи и т.д. В психотерапевтических и просветительских целях журнал «Journal of Near-Death Studies» в течение нескольких десятков лет периодически публиковал в разделе писем редактору

журнала сообщения читателей о пережитом опыте, об эмоциональных реакциях во время него и после, о возникающих впоследствии психологических проблемах и способах их решения. Например, в одном из писем переживший рассказывает, как ему сначала очень помог разговор с монахиней, которая познакомилась с ним с книгой Моуди, затем – вступление в местную группу поддержки («группа друзей IANDS») в Сиэтле. Участие в ней он признает обладающим огромным терапевтическим потенциалом и считает, что с него начался его «процесс становления цельной личностью» (Johnson, 1988).

Организация психотерапевтической помощи и психологической поддержки пережившим ОСО и их близким

На сайте IANDS есть раздел «Руководство по психотерапии для переживших» (Experiencer's Guide ..., 2013), в котором очень популярно объясняется, что ОСО вследствие своей необычной природы весьма труден для объяснения и интеграции пережившим. Поэтому он может стать причиной появления у человека ряда психологических проблем и вызвать ряд неприятных и беспокоящих симптомов. В связи с этим пережившим советуют обращаться за психологической помощью и поддержкой и дают рекомендации, которые могут помочь в процессе поиска психотерапевта и работы с ним (материал был разработан для США, многое, но не все, применимо за их пределами). По мнению IANDS, психотерапевтическую помощь могут оказывать представители целого ряда профессий, занимающихся психическим здоровьем с широким спектром знаний, подготовки и опыта. Это – психиатры, практикующие медсестры, психологи, консультанты (специалисты, обычно не обучающиеся работать с серьезными психическими расстройствами, но умеющие проводить психологическое консультирование), семейные психотерапевты, социальные работники, парапрофессионалы, гипнотерапевты, а также т.н. альтернативные целители (акупунктуристы, массажисты, люди, работающие с дыханием, энергетические целители и другие представители

нетрадиционной медицины или психотерапии). Пережившему ОСО рассказывают, чем занимается вышеуказанные специалисты, какое образование они получают и могут получить, что такое лицензирование и сертификация специалистов, какие существуют основные подходы к терапевтической работе в этой области. Ему также объясняют, как проводить первую беседу по телефону со специалистом, и о чем во время нее следует поинтересоваться, на что обращать внимание при выборе психотерапевта, в частности, при оценке его квалификации, какие существуют варианты оплаты психотерапевтических услуг, где и как искать «правильного» терапевта, какими должны быть «правильные» терапевтические отношения, что может сделать для обратившегося психотерапевт, а чего не следует ждать от работы с терапевтом и многое другое (Experiencer's Guide ..., 2013).

В психотерапевтической помощи могут нуждаться не только пережившие ОСО, но и их близкие. Так, в своей статье о психотерапии, связанной с ОСО, Гриффит рассматривает случай, когда муж обращается к специалисту по поводу жены, переставшей после ОСО, как ему кажется, заботиться о нем и ставшей «другим человеком», и желает, чтобы она «изменилась в обратную сторону» (Griffith 2009).

Правила для родителей детей, переживших ОСО,

Не только взрослые, но и дети испытывают большие трудности с адаптацией после переживания ОСО, причем, для детей этот процесс адаптации оказывается более сложным и поэтому более длительным. По мнению Этуотер, он протекает до 20–30 лет вместо 7 лет у взрослых (Этуотер, 2009, С. 156). Этуотер объясняет это, во-первых, тем, что у взрослых уже есть некая основа (жизненный опыт, представления о мире, сформированное «Я»), с позиций которой они могут воспринять и интегрировать пережитое, а у детей ее еще нет, поэтому «взрослые интегрируют, дети компенсируют» (Этуотер, 2009, С. 156). Во-вторых, дети больше зависят от семьи, которая обычно негативно относится к ОСО, не желая принимать факт его наличия и побуждая ребенка «от-

рицать, игнорировать и блокировать реальность всего того, что с ними произошло» (Этуотер, 2009, С. 151).

В свою очередь, у родителей такого ребенка тоже возникают психологические проблемы – они не знают, как себя вести со своими необычными, «странными» детьми после их «смерти». Этуотер пишет: «Со мной связывались многие родители. Большинство из них находилось в состоянии паники. Они хотели знать, что они могут сделать, чтобы их ребенок, который так внезапно стал отчужденным и равнодушным, вновь стал «нормальным» (Этуотер, 2009, С. 287–288).

М. Морс считает, что при обращении с детьми в моменты возможного переживания ОСО вполне применимы те же принципы, что и для взрослых (Morse, 1994b), т.е. к ребенку, который кажется находящимся без сознания, следует относиться так, как будто он все видит и слышит, с ним следует говорить так, как будто он находится в сознании, объяснять ему все процедуры, разговаривать с ним, находиться у кровати, прикасаться к нему. Благодаря работам Ф. Этуотер и М. Морса, адаптировавших существующие принципы обращения с пережившими ОСО применительно к детям, сформулированы правила для людей, ухаживающих за ребенком с ОСО (прежде всего, для его родителей) (Morse, 1994b; Этуотер, 2009, С. 288–289, 299; Atwater, Williams, 2014). Перечислим эти правила:

Следует быть особо внимательным в случаях, где мог иметь место ОСО, (например, если ребенок пережил остановку сердца). Самому взрослому надо подготовиться к беседе, заранее узнав как можно больше об ОСО, его основных элементах и последствиях из литературы, сайта IANDS, бесед с пережившими ОСО и т.д.

Слушать, слушать, слушать (Morse, 1994b) – всегда быть готовым услышать и показать готовность слушать, если/когда ребенок начинает описывать этот опыт. Если взрослый не обнаруживает заинтересованности при рассказе ребенка, это может привести к крайне негативным последствиям. Так, один из респондентов Моуди рассказывал: «Единственным человеком, кому я пытался все рассказать, была моя мать. ... Но тогда я был ребенком. И она, выслушав меня внимательно, не придала значения моим расска-

зам. После этого я больше никому ничего не рассказывал» (Моуди, 2015).

Создавать в семье обстановку поддержки, открытости и доверия. Показать ребенку, что семья открыта новому опыту и понимает такие трудные для обсуждения темы, как амбивалентное отношение ребенка к возвращению в тело, его общение с духами и др. Предоставить ребенку возможность открыто выражать свои эмоции, говорить о собственных страхах и тревогах, задавать любые вопросы (Morse, 1994b). Отвечая на вопросы, взрослый должен избегать давать оценки околосмертными видениям или человеку, у которого они есть, нельзя навязывать свое понимание, следует немного подождать, и ребенок сам осмыслит увиденное и пережитое. Здесь также действует правило: «чем меньше сказано, тем лучше» (Morse, 1994b). Атмосфера открытости создает идеальные условия и для спонтанных психотерапевтических действий самого ребенка. Например, ребенок может захотеть обыграть то, что с ним произошло, в домашнем кукольном театре или нарисовать об этом картину и т.п. (Этуотер, 2009, С. 288).

Открытую дружественную атмосферу в семье Ф. Этуотер называет «свободой, огражденной забором», где «дети могут экспериментировать, не боясь при этом критики и неодобрения, но где также существуют определенные правила («забор»), которые будут прививать детям чувство дисциплины и уважения к самому себе и к окружающим» (Этуотер, 2009, С. 289).

Вопросы следует задавать осторожно, при этом они должны носить открытый (проективный) характер. Надо доверять ребенку (не подвергать сомнению адекватность его восприятия) и уважать его право на секреты. Также необходимо, чтобы ребенок понял, что пережитый им опыт и вызванные этим личностные изменения не являются признаком психического расстройства (Этуотер, 2009, С. 301).

Ребенку надо помочь научиться различать, с кем и когда можно говорить об ОСО.

Поддерживать тактильный контакт с ребенком. Очень маленькому ребенку надо движениями рук или пальцев как бы очерчивать контуры тела, делать ему мас-

саж. В отношении детей более старшего возраста Этуотер рекомендует чаще «хлопать ребенка по плечу, когда проходишь мимо, дотрагиваться до его руки, когда разговариваете, поглаживать ребенка по спине, улыбаться ему» (Этуотер, 2009, С. 161–162). Также Этуотер советует, привлекать детей к занятиям «тактильными» видами хобби, когда они что-то делают руками: лепят из глины, делают фигуры из ткани и бумаги, лепят печенье, работают в саду, гладят домашних животных и т.п. (Этуотер, 2009, С. 162).

Надо быть готовым к тому, что ребенок изменится, при этом родитель должен быть рядом, сопровождать ребенка в его прохождении через все изменения и стадии адаптации. Следует ожидать, что ребенок будет заводить глубокие беседы о смысле жизни и ее целях, разумеется, надо стать внимательным, вдумчивым и поддерживающим собеседником.

После переживания ОСО может возрасти интерес ребенка к религиозной стороне жизни (например, он может выразить желание чаще ходить в церковь, молиться, устроить алтарь в своей комнате и т.п.). Организация IANDS, усматривающая в религии один из источников духовного и личностного роста, советует родителям поддерживать этот интерес у ребенка (отметим, что данная организация возникла в США, где общественное сознание является достаточно прорелигиозным).

Следует поддерживать желание ребенка писать или делать рисунки о пережитом ОСО и процессе адаптации к нему. Этуотер также советует родителям создать альбом об околосмертном эпизоде, куда войдут рассказы или рисунки ребенка о том, что он пережил и увидел, о связанных с этим снах, мыслях, идеях, о тех изменениях в его жизни, которые произошли после ОСО (рисунки и рассказы выполняются в поддерживающем общении со взрослым). Туда же можно поместить стихи, комментарии, вопросы ребенка, газетные вырезки или любые документы (даже если это всего лишь записка от врача или медсестры), которые могут дать ребенку представление о том, что случилось на самом деле. Все это поможет ему ощутить реальность происшедшего и, как следствие, реальность и истинность собственных чувств (Этуотер, 2009, С. 299–300). Интересно, что Этуотер сове-

тует создавать такой альбом и взрослым, пережившим ОСО в детстве.

Надо быть внимательным к появлению признаков, свидетельствующих о наличии существенных трудностей адаптации после ОСО таких, как уход в себя, депрессия, злоупотребление алкоголем/наркотиками и/или суицидальные тенденции. В этих случаях необходима помощь психотерапевта. Особенно рекомендуется для детей арт-терапия и музыкальная терапия, а для детей от 2 до 10 лет – игротерапия, эти методики очень хорошо позволяют ребенку выразить свои эмоции. Большое значение Этуотер придает терапии, основанной на осязании, такой, как создание картин из песка, глиняной посуды или рисование пальцами (Этуотер, 2009, С. 309–311).

Если ребенок хочет участвовать в волонтерской деятельности, родителю также советуют принимать в ней участие.

Необходимо принимать происходящие изменения в сфере познавательных интересов ребенка (например, может пробудиться интерес к истории) и обеспечивать ему возможность реализовать их, что повлечет изменения в образовательном процессе (Этуотер, 2009, С. 307).

Этуотер считает, что повторное возвращение ребенка в свой ОСО обладает огромным терапевтическим потенциалом. Он описывает многочисленные техники, с помощью которых ребенок самостоятельно может вернуться в свой ОСО (Этуотер, 2009, С. 314–320). Мы, не оспаривая в принципе терапевтический потенциал повторного переживания ОСО, считаем, что в отношении самотерапии следует быть осторожными, поэтому не надо учить ребенка самостоятельно актуализировать свой ОСО, особенно негативный, без обеспечения достаточной психологической безопасности и поддержки со стороны другого человека.

Для реализации вышеизложенных правил родителям необходимо провести, прежде всего, большую внутреннюю работу. Им нужно не только приобрести знания о данном опыте, но эмоционально принять сам факт существования данного явления как возможного, естественного и непатологического, а также тот факт, что это случилось именно с их ребенком, и то, что возвращение к прежнему ребенку (и их прежней жизни с ним) невозможно.

В противном случае может возникнуть не только отчуждение ребенка, но и ухудшение его состояния и нарушения поведения. Этуотер обращается к родителям детей с ОСО: «Вместо того, чтобы отрицать их околосмертный опыт, научитесь видеть правду» (Этуотер, 2009, С.313).

Таким образом, родители и близкие могут поддержать и помочь детям с ОСО признать существование данного опыта, мысленно возвратиться в этот опыт, осмыслить его и приспособиться к его последствиям, что является важными этапами на пути его интеграции (Этуотер, 2009, С. 289).

Этуотер дает родителям ряд практических советов не только психологического, но и медицинского характера по уходу за ребенком, пережившим ОСО. Эти советы построены на ее убежденности в том, что после переживания ОСО в организме ребенка происходит ряд изменений (предположительно, необратимых). Это – устойчивое понижение давления, снижение продолжительности сна, повышение чувствительности к свету (яркий солнечный свет может вызвать аллергическую реакцию или стать причиной необычной усталости, приводящей иногда к ослаблению иммунной системы ребенка), к звуку (любая громкая музыка или громкий звук могут причинять боль, а иногда даже наносить вред здоровью), к искусственным тканям (поэтому рекомендуется одежда и постельное белье из хлопка), к фармацевтическим препаратам (вплоть до развития аллергии на них), к сахару (поэтому надо ограничить его потребление), а также появление электрочувствительности (поэтому следует ограничить контакт ребенка с электроприборами, компьютером и телевизором, использовать лампы полного спектра, а не флуоресцентные и т.п.) (Этуотер, 2009, С. 149–162). Среди психологических последствий ОСО Этуотер выделяет у детей с таким опытом более быстрое развитие реакции сепарации от родителей и ускорение процесса взросления (Этуотер, 2009, С. 160), снижение способности к вербализации (им становится труднее выражать свои мысли и общаться), поэтому родителям советуют развивать и стимулировать речь ребенка (Этуотер, 2009, С. 160–161). Однако напомним читателю, что данные

выводы Этуотер лишены научной доказательной базы, т.е. специальные научные исследования этого вопроса пока не проводились. Выводы сделаны на основе ее наблюдений и впечатлений от многолетней работы с детьми, пережившими ОСО.

Правила психотерапевтической работы с пережившими ОСО

Специалисты, изучающие ОСО, неоднократно отмечали важность грамотной психотерапевтической работы с пережившими ОСО и при этом подчеркивали, что отсутствие у специалистов необходимых знаний о данном опыте и навыков работы именно с этой категорией пациентов могут иметь крайне пагубные последствия (Этуотер, 2009, С. 290–294).

Цели психотерапевта (любой теоретической ориентации), работающего с пережившим ОСО, как уже говорилось выше, – это оказание ему помощи в следующем:

1. принять и интегрировать пережитый опыт;
2. научиться общаться с людьми, не имевшими околосмертного опыта, и принимать их;
3. приспособить возникшие вследствие ОСО изменения представлений, убеждений, ценностей и мотивов к ожиданиям близких, уменьшить несоответствие между новыми и прежними убеждениями и взглядами, использовать полученный в результате ОСО опыт для помощи другим, а в итоге, создать полноценную жизнь, в которой будет гармония между последствиями околосмертного опыта и требованиями современной жизни.

Если человек считает невозможным совмещение серьезных отношений или карьеры с изменениями, которым он подвергся, то ему необходимо осмыслить возможность разрыва отношений или завершения данной карьеры, а психотерапевту надо помочь ему в этом, прояснив альтернативы, между которыми осуществляется выбор.

К настоящему времени на основе этих конечных целей сформулированы правила психотерапевтической работы с пережившими ОСО (Griffith, 2009; Грей-

сон, Харрис, 2013). Эти правила адресованы психотерапевтам, работающим с такими клиентами на постоянной основе и имеющим дело, по большей части, с отдаленными последствиями данного опыта. Интересно, что Гриффит считает, что психотерапевтическую работу должен проводить психиатр, он приводит техники правильной работы с конкретными психологическими проблемами, возникающими у переживших ОСО и членов его семьи, иллюстрируя это фрагментами психотерапевтической беседы (Griffith, 2009). Разумеется, психотерапевт соблюдает те универсальные правила, которые были изложены выше (поддержка, внимательное выслушивание, уважение к личности пациента и к пережитому им опыту, безоценочность, «нормализация» ОСО, информирование, избегание навязывания пациенту своих объяснений, интерпретаций и осмысления ОСО), но для него обязательна и реализация специфических правил:

ОСО может обуславливать духовный и психологический рост не только клиента, но и психотерапевта, поэтому терапевт должен быть готов к появлению у него самого мировоззренческих, экзистенциальных и духовных проблем. Психотерапевту следует осознать ожидания относительно будущей терапевтической работы и свои собственные, и клиента, и помочь ему осознать их. Если терапевт уже работал с человеком до того, как тот пережил ОСО, то он должен понимать и принимать тот факт, что, возможно, направления и принципы этой работы будут меняться (в связи с личностными изменениями клиента и характера его проблем) (Грейсон, Харрис, 2013).

Следует дифференцировать психологические проблемы, связанные с переживанием ОСО, от остальных проблем. Может потребоваться ограничить будущую работу только областью проблем, связанных с ОСО, поскольку принципы, методы и цели работы с ними могут противоречить принципам, методам и целям других видов психотерапевтической работы. Поэтому, если терапевт выберет работу над проблемами, связанными с ОСО, возможно, придется привлечь другого специалиста для работы с проблемами, не имеющими отношения к ОСО (Грейсон, Харрис, 2013).

Не нужно рассматривать ОСО как признак патологии, следует помнить, что ОСО могут пережить и люди с психическими заболеваниями (интересно, что их ОСО имеет более простую структуру) (Griffith, 2009). При наличии у пациента, пережившего ОСО, умственно-го или эмоционального расстройства и врач, и пациент должны ясно понимать, что это заболевание никак не связано с самим ОСО. Так, Гриффит рассматривает проблему сочетания психического расстройства и пережитого ОСО, описывая случай клиента, страдающего от отношения к себе как к больному в маниакальном состоянии (симптом биполярного расстройства) со стороны своих домашних из-за, как ему кажется, его изменившихся после переживания ОСО убеждений. В этом случае психиатр помогает пациенту понять, что домашние озабочены не содержанием его убеждений, а маниакальным состоянием (и соответствующим поведением), которое пациент соглашается взять под медикаментозный контроль (Griffith, 2009).

Психотерапевту, действительно, может быть трудно отделить появившиеся вследствие ОСО новые (в частности, религиозные) убеждения от гиперрелигиозности (как симптома развивающегося маниакального состояния). Однако по ряду признаков и специалист, и сам пациент могут понять, является ли его религиозный пыл или приподнятое настроение подлинным трансцендентальным опытом или он проявляет признаки патологии, означающие, что основное психическое заболевание вышло из-под контроля. Так, в случае послеэффектов ОСО, в отличие от мании, нет очевидной дезадаптивности поведения, ускорения речи и мышления, а при рассмотрении их в динамике очевиден личностный рост, повышение ответственности и зрелости личности, ее толерантности и принятия других, а также рост психологического благополучия (Griffith, 2009).

Работа с ОСО требует гораздо большего доверия клиента к терапевту, чем обычная психотерапевтическая работа, поэтому и терапевт, и клиент должны работать в этом направлении. Именно доверительная, безоценочная и безопасная обстановка позволит пациенту обсуждать свои переживания и открыто выражать свои

эмоции (Griffith, 2009). В работе с пациентами, пережившими ОСО, возможен отход от традиционных клинических ролей «врач-пациент» (жесткая приверженность к форме может разрушить взаимоотношения с клиентом). Грейсон и Харрис призывают терапевта здесь больше полагаться на свои непосредственные ощущения, нежели на формальные правила и знания клинических методов. Частота и продолжительность встреч с клиентом может значительно превышать общепринятые нормы (Грейсон, Харрис, 2013).

У пациентов, считающих, что они были «отосланы обратно» в эту жизнь против собственной воли, могут появляться специфические психологические проблемы (см. выше). Чувствуя себя отвергнутыми, они будут интерпретировать недостаточное терпение или упорство терапевта как проявление аналогичного отвержения с его стороны. Поэтому терапевт должен быть очень терпелив.

Не следует считать пережившего ОСО пассивной жертвой этого опыта. Необходимо помочь таким людям увидеть их собственную активную роль в формировании ОСО, что облегчит им понимание этого опыта и разрешение проблем, возникающих из-за этого опыта. Те части этого пациента, которые «умерли» во время ОСО, нуждаются в «оплакивании». Даже если пережившие ОСО бывают счастливы избавиться от этих частей, в терапевтической работе необходимо уделить время тому, чтобы человек принял эту утрату и примирился с ней.

Грейсон и Харрис предлагают использовать элементы конкретного ОСО клиента как средство диагностики существующих на данный момент у него проблем. «В особенности нужно изучать те подробности ОСО, которые кажутся странными или необъяснимыми, равно как и имеющиеся у пережившего его человека мысленные или эмоциональные ассоциации с этими частями опыта. Вы можете интерпретировать образы ОСО на многих уровнях, так же как вы поступаете при интерпретации сновидений» (Грейсон, Харрис, 2013). Например, следует выяснить, сам ли человек принял решение о возвращении или был отправлен обратно против его воли, было ли возвращение связано с незавершенностью какого-то дела жизни или особой миссии и т.п.

Для воспоминания новых подробностей ОСО, раскрытия и выражения трудно вербализуемых чувств, пережитых во время ОСО, терапевту советуют использовать образы, проективные методики и невербальные способы выражения такие, как живопись, музыка и танец. При работе со страхами человека по поводу нежелательных последствий ОСО следует помочь ему отделить сам опыт от его последствий. Люди, пережившие ОСО, должны чувствовать, что имеют право отвергнуть его нежелательные последствия, не обесценивая при этом сам опыт. Клиент должен понимать, что ОСО навсегда стал неотъемле-

вает, что с ним «не так», почему он пережил это – он воспринимает появление такого опыта как признак своей неполноценности («я просто уверен, что это должно означать, что я плохой человек»). Психотерапевт сообщает ему, что негативный ОСО также достаточно распространен, и нет никаких доказательств того, что несчастные опыты случаются с плохими людьми или приходят в качестве наказания (Griffith 2009).

Терапевтическая работа должна быть направлена на то, чтобы человек, переживший ОСО, не сосредоточивался исключительно на этом опыте в ущерб дру-

помощи другим. Например, новые взгляды, убеждения и цели человека, приводящие к проблемам в его окружении, могут побудить человека изменить это окружение в лучшую сторону.

Как пишут Грейсон и Харрис, обращаясь к терапевтам: «Ваша работа заканчивается, когда ваш клиент находит способ привести в повседневную жизнь ту любовь, которую получил в ОСО» (Грейсон, Харрис, 2013).

Все сказанное выше не означает, что терапия необходима и обязательна для всех, переживших ОСО. Возможна и «спонтанная» психотерапия: человек, актуализируя собственные психологические ресурсы (совладания, осмысления, интеграции, роста), сам решает все обусловленные окосмертным опытом психологические проблемы (Этуотер, 2009, С. 290–292). Соблюдение окружающими пережившего ОСО указанных выше правил создает необходимые условия для «спонтанной» терапии и повышает вероятность ее успешного осуществления. Поэтому психотерапевт нужен, только когда сам человек ощущает эту необходимость и/или не может адаптироваться.

Мы перечислили основные принципы обращения с пережившими ОСО. К сожалению, в России еще нет психотерапевтов, работающих именно с данной категорией клиентов, нет специальных групп поддержки, в которых люди с ОСО и их близкие регулярно обсуждали бы проблемы, связанные с таким опытом. В этом мы пока, к сожалению, отличаемся от США, где адрес ближайшей группы поддержки всегда можно узнать на сайте организации IANDS, а медики, работающие с такими пациентами, помогают в поиске специализирующихся на этой проблематике психотерапевтов.

Поэтому необходимо соблюдение описанных в данной работе правил медиками, психотерапевтами и родными человека, пережившего ОСО, поскольку оно способствует ослаблению уже существующих у пациента эмоциональных и социальных проблем, а в ряде случаев и предупреждает их возникновение, что облегчает работу механизмов совладания. Это помогает человеку интегрировать данный опыт для того, чтобы тот стал стимулом для дальнейшего психологического и/или духовного роста и развития.

Главное, что должны понять и принять близкие человека с ОСО и работающие с ним медики – это тот факт, что психологические изменения человека, пережившего ОСО, нормальны и закономерны, от них нельзя «вылечиться», но можно посредством интеграции данного опыта направить эти трансформации в продуктивное русло

мой частью жизни, а его разнообразные последствия или побочные эффекты могут приходиться и уходить естественным образом, развиваться или устраняться в ходе консультирования. Если изменения во взглядах и системе ценностей человека, произошедшие после ОСО, стали причиной проблем в семейных отношениях, то необходима диагностика изменений семейной ситуации и, возможно, семейная терапия.

Терапевту (как и клиенту) следует избегать прославления, идеализации, переоценки ОСО и его последствий (физических, эмоциональных и интеллектуальных). Тенденция к подобной переоценке вызвана тем, что человек, переживший ОСО, может значительно отличаться (физически, эмоционально и умственно) в лучшую сторону от себя прежнего. Подобное различие – по контрасту – воспринимается большим, чем оно есть на самом деле. Особенно могут захватывать терапевта и клиента паранормальные эффекты ОСО из-за своей новизны и необычности, мешая увидеть другие последствия, более значимые для духовного и психологического роста.

При работе с негативным ОСО возникают специфические проблемы. Клиент, ранее знавший о существовании позитивного ОСО, столкнувшись с негативным, страдает вдвойне. Во-первых, очень испуган увиденным, во-вторых, спраши-

гим сторонам своей жизни. Клиент не должен чрезмерно отождествляться со своим ОСО. Иначе он не сможет решать проблемы, прямо не связанные с этим опытом, у него может развиваться чувство отчуждения от людей без данного опыта, ощущение незначимости физического мира или пренебрежение основными проблемами жизни в этом мире. Иногда приходится помогать тем, кто выработал «зависимость» от ОСО или от его последствий, постепенно выходить из нее.

Вневременной характер ОСО для некоторых испытавших его мешает им функционировать в настоящем времени, жить «здесь-и-теперь». Такие люди могут быть чрезмерно сосредоточенными на прошлом (после глубокого обзора жизни) или на будущем (после впечатляющих пророческих видений). Если новые взгляды, убеждения и ценности человека, пережившего ОСО, не согласуются со старыми ролями и образом жизни, терапевт помогает человеку найти новые роли и жизненный стиль, которые будут соответствовать новым целям и приоритетам, пройти через значительные изменения в его карьере и взаимоотношениях с другими людьми.

Главное, к чему должен стремиться терапевт, работающий с пережившим ОСО, – это помочь направить результаты («уроки») данного опыта в практическое русло, прежде всего, использовать его для

Литература:

- Грейсон Б., Харрис Б. Консультирование людей, переживших околосмертный опыт. – Электронный документ. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/grofs02/txt12.htm> – (дата обращения 16.06.2018)
- Левинсон Б.У. Состояния осознания во время общей анестезии // Измененные состояния сознания: природа, механизмы, функции, характеристики : хрестоматия / под ред. О.В. Гордеевой. – Москва : Когито-Центр, 2012. – С. 220–223.
- Моуди Р. Жизнь после жизни. – Москва : Физкультура и спорт, 1990.
- Моуди Р. Размышления о жизни после жизни. – Электронный документ. – Режим доступа: http://modernlib.net/books/moudi_raymond/zhizn_posle_zhizni/read – (дата обращения 16.06.2018)
- Ринг К. Проект «Омега». Предсмертные переживания, контакты с НЛО и Мировой Разум. – Москва : Изд-во ТПИ, 1998.
- Ринг К. Околосмертный опыт // Пути за пределы «эго». – Москва : Изд-во ТПИ, 1996. – С. 222–230.
- Роолингз М. За порогом смерти. – Санкт-Петербург : Кормчий, 2003. – Электронный документ. – Режим доступа: <http://ligis.ru/librari/2938.htm> – (дата обращения 16.06.18)
- Этуотер Ф.М.Х. Дети и околосмертный опыт. – Москва : Стигмарион, 2009.
- Atwater, P.M.H. (2009) Children and near-death experience. Moscow, Stigmarion.
- Atwater, P.M.H. (1992) Is there a hell? *Journal of Near-Death Studies*, 10(3). Retrieved from: <http://www.pmhatwater.com/resources/PDFs/Articles/hell.pdf> (Accessed 16.06.2018).
- Atwater, P.M.H. (2013) Aftereffects of Near-death States. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* Retrieved from: <http://www.iands.org> (accessed 20.06.2018)
- Atwater, P.M.H., & Williams, K. (2014) Children's near-death experiences. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* Retrieved from: <http://www.iands.org> (accessed 16.06.2018)
- Bucher, L., Wimbush, F.B., Hardie, T., & Hayes, E.R. (1997) Near death experiences: critical care nurses' attitudes and interventions. *Dimensions Of Critical Care Nursing*, 16(4), 194–201. doi: 10.1097/00003465-199707000-00003
- Corcoran, D. An open letter to health professionals. *Vital Signs*. 1994–1995, 14(5), 3–4.
- Corcoran, D. (1988) Helping patients who've had near-death experiences. *Nursing*. November, 18 (11), 34–39.
- Dougherty, C.M. (1990) The near-death experience as a major life transition. *Holistic Nursing Practice*, 4, 84–90. doi: 10.1097/00004650-199005000-00012
- Duffy, N., & Olson, M. (2007) Supporting a patient after near-death experience: Recovering from cardiac arrest, your patient reports an out-of-body experience. Do you know how to respond? *Nursing*, 47–48. doi: 10.1097/01.NURSE.0000266041.11793.9d
- (1994) Emergency Nurses Association. Family presence at the bedside during invasive procedures and/or resuscitation (position statement). Park Ridge (IL): Emergency Nurses Association.
- (2013) Experienter's Guide to Psychotherapy. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* Retrieved from: https://iands.org/images/stories/pdf_downloads/therapist.pdf (accessed 17.06.2018)
- Greyson, B. (1983) The Near-Death Experience Scale Construction, Reliability, and Validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171(6), 369–375. doi: 10.1097/00005053-198306000-00007
- Greyson, B. (1997) The near-death experience as a focus of clinical attention. *The Journal of Nervous And Mental Disease*, 185(5), 327–334. doi: 10.1097/00005053-199705000-00007
- Greyson, B. (1983) The psychodynamics of Near-Death Experiences. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171(6), 376–381. doi: 10.1097/00005053-198306000-00008
- Greyson, B. (2003) The Near-Death Experience Scale Construction, Reliability, and Validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171(6), 369–375. doi: 10.1097/00005053-198306000-00007
- Greyson, B., & Bush, N.E. (1992) Distressing Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 55, 95–110. doi: 10.1080/00332747.1992.11024583
- Greyson, B., & Stevenson, I. (1980) The phenomenology of near-death experiences. *American Journal of Psychiatry*, 137(10), 1193–1196.
- Griffith, L.J. (2009) Near-death experiences and psychotherapy. *Psychiatry* (Edgmont), 6(10), 35–42. Retrieved from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed 05.06.2018)
- Hoffman, R.M. (1995) Disclosure habits after near-death experiences: influences, obstacles and listener selection. *Journal of Near-Death Studies*, 14, 29–48.
- International Association for Near-Death Studies (IANDS) Retrieved from: <http://www.iands.org/> (accessed 05.06.2018).
- Johnson, D.M. (1988) Counseling After an NDE. Letters to the editor. *Journal of Near-Death Studies*, 6(4), 264–265. doi: 10.1007/BF01079927
- Klemenc-Ketis, Z. (2013) Life Changes in Patients After Out-of-Hospital Cardiac Arrest: The Effect of Near-Death Experiences. *The International Journal of Behavioral Medicine*, 20, 7–12. doi: 10.1007/s12529-011-9209-y
- Manley, L.K. (1996) Enchanted journeys: Near-death experiences and the emergency nurse. *Journal of Emergency Nursing*, 22(4), 311–316. doi: 10.1016/S0099-1767(96)80028-6
- Morse, M.L. (1994a) Near Death Experiences and Death-Related Visions in Children: Implications for the Clinician. *Current Problems in Pediatrics*, 24, 55–83.
- Morse, M.L. (1994b) Near-death experiences of children. *Journal of Pediatric Oncology Nursing*, 11(4), 139–144. doi: 10.1177/104345429401100403
- Noyes, R. (1980) Attitude Change Following Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 43(3), 234–242. doi: 10.1080/00332747.1980.11024070
- Noyes, R., & Kletti, R. (1976) Depersonalization in the face of life-threatening danger. *Psychiatr*, 39(1), 19–27. doi: 10.1080/00332747.1976.11023873

- Orne, R.M. (1995) The meaning of survival: the early aftermath of a near-death experience. *Research in Nursing and Health*, 18, 239–247. doi: 10.1002/nur.4770180307
- Osis, K., & Haraldsson, E. (1986) *At the hour of death*. N.Y.: Hastings House.
- Parnia, S., & Fenwick, E. (2002) Near death experiences in cardiac arrest: Visions of a dying brain or visions of a new science of consciousness. *Resuscitation*, 52(1), 5–11. doi: 10.1016/S0300-9572(01)00469-5
- Ring K. (1985) *Heading toward omega*. New York: William Morrow.
- Sabom, M.B., & Kreutziger, S. (1977) Near-death experience. *The New England Journal of Medicine*, 297(19), 1071. doi: 10.1080/07481187708252891
- Sartori, P. (2006) A long-term prospective study to investigate the incidence and phenomenology of near-death experiences in a Welsh Intensive Therapy Unit. *Network Review*. 90, 23–25.
- Schoenbeck, S.B. (1993) Exploring the Mystery of Near-Death Experiences. *The American Journal of Nursing*, 93(5), 42–46. doi: 10.2307/3464363
- Schwaninger, J., Eisenberg, P.R., Schechtman, K.B., & Weiss, A.N. (2002) A prospective analysis of near death experiences in cardiac arrest patients. *Journal of Near-Death Studies*, 20(4), 215–232. doi: 10.1023/A:1015258818660
- Simpson, S.M. (2001) Near death experience: a concept analysis as applied to nursing. *Journal of Advanced Nursing*, 36(4), 520–526. doi: 10.1046/j.1365-2648.2001.02004.x
- Sommers, M.S. (1994) The near-death experience following multiple trauma. *Critical Care Nurse*, 14, 62–66.
- Sutherland, C. (1992) *Reborn in the light: life after near-death experiences (foreword)*. N.Y.: Bantam Books.
- Tassel-Matamua, N.A. Near-death experiences and the psychology of death. *Omega*. 2013–2014, 68(3), 259–277. doi: 10.2190/OM.68.3.e
- Van Lommel, P., van Wees R., Meyers, V., & Elfferich, I. (2001) Near-death experience in survivors of cardiac arrest: a prospective study in the Netherlands. *The Lancet*, 358(9298), 2039–2045. doi: 10.1016/S0140-6736(01)07100-8
- Van Lommel, P. (2011) Near-death experiences: the experience of the self as real and not as an illusion. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1234, 19–28. doi: 10.1111/j.1749-6632.2011.06080.x
- Van Lommel, P. (2010) *Consciousness Beyond Life. The Science of the Near-Death Experience*. N.Y.: Harper Collins.
- Wimbush, F.B., & Hardie, T. (2001) Supporting your patient after a near-death experience. *Nursing*, 31(10), 48–50. doi: 10.1097/00152193-200131100-00017
- Zingrone, N.L., & Alvarado, C.S. (2009) Pleasurable Western adult near-death experiences: features, circumstances, and incidence. *The Handbook of Near-Death Experiences*. Santa Barbara, CA: Praeger Publishers.

References:

- Atwater, P.M.H. (2009) Children and near-death experience. Moscow, Stigmarion.
- Atwater, P.M.H. (1992) Is there a hell? *Journal of Near-Death Studies*, 10(3). Retrieved from: <http://www.pmhatwater.com/resources/PDFs/Articles/hell.pdf> (Accessed 16.06.2018).
- Atwater, P.M.H. (2013) Aftereffects of Near-death States. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* Retrieved from: <http://www.iands.org> (accessed 20.06.2018)
- Atwater, P.M.H., & Williams, K. (2014) Children's near-death experiences. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* Retrieved from: <http://www.iands.org> (accessed 16.06.2018)
- Bucher, L., Wimbush, F.B., Hardie, T., & Hayes, E.R. (1997) Near death experiences: critical care nurses' attitudes and interventions. *Dimensions Of Critical Care Nursing*, 16(4), 194–201. doi: 10.1097/00003465-199707000-00003
- Corcoran, D. An open letter to health professionals. *Vital Signs*. 1994–1995, 14(5), 3–4.
- Corcoran, D. (1988) Helping patients who've had near-death experiences. *Nursing*. November, 18 (11), 34–39.
- Dougherty, C.M. (1990) The near-death experience as a major life transition. *Holistic Nursing Practice*, 4, 84–90. doi: 10.1097/00004650-199005000-00012
- Duffy, N., & Olson, M. (2007) Supporting a patient after near-death experience: Recovering from cardiac arrest, your patient reports an out-of-body experience. Do you know how to respond? *Nursing*, 47–48. doi: 10.1097/01.NURSE.0000266041.11793.9d
- (1994) Emergency Nurses Association. Family presence at the bedside during invasive procedures and/or resuscitation (position statement). Park Ridge (IL): Emergency Nurses Association.
- (2013) Experienter's Guide to Psychotherapy. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* Retrieved from: https://iands.org/images/stories/pdf_downloads/therapist.pdf (accessed 17.06.2018)
- Greyson, B., & Harris, B. Counseling people with near-death experience. Retrieved from: <http://psylib.org.ua/books/grofs02/txt12.htm> (accessed: June 16, 2013)
- Greyson, B. (1983) The Near-Death Experience Scale Construction, Reliability, and Validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171(6), 369–375. doi: 10.1097/00005053-198306000-00007
- Greyson, B. (1997) The near-death experience as a focus of clinical attention. *The Journal of Nervous And Mental Disease*, 185(5), 327–334. doi: 10.1097/00005053-199705000-00007
- Greyson, B. (1983) The psychodynamics of Near-Death Experiences. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171(6), 376–381. doi: 10.1097/00005053-198306000-00008
- Greyson, B. (2003) The Near-Death Experience Scale Construction, Reliability, and Validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171(6), 369–375. doi: 10.1097/00005053-198306000-00007
- Greyson, B., & Bush, N.E. (1992) Distressing Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 55, 95–110. doi: 10.1080/00332747.1992.11024583

- Greyson, B., & Stevenson, I. (1980) The phenomenology of near-death experiences. *American Journal of Psychiatry*, 137(1)0, 1193–1196.
- Griffith, L.J. (2009) Near-death experiences and psychotherapy. *Psychiatry* (Edgmont), 6(10), 35–42. Retrieved from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed 05.06.2018)
- Hoffman, R.M. (1995) Disclosure habits after near-death experiences: influences, obstacles and listener selection. *Journal of Near-Death Studies*, 14, 29–48.
- International Association for Near-Death Studies (IANDS) Retrieved from: <http://www.iands.org/> (accessed 05.06.2018).
- Johnson, D.M. (1988) Counseling After an NDE. Letters to the editor. *Journal of Near-Death Studies*, 6(4), 264–265. doi: 10.1007/BF01079927
- Klemenc-Ketis, Z. (2013) Life Changes in Patients After Out-of-Hospital Cardiac Arrest: The Effect of Near-Death Experiences. *The International Journal of Behavioral Medicine*, 20, 7–12. doi: 10.1007/s12529-011-9209-y
- Levinson, B.U. (2012) States of awareness during general anesthesia. [*Izmenennye sostoyaniya soznaniya: priroda, mekhanizmy, funkcii, harakteristiki: khrestomatiya*]. Moscow: Kogito-Tsenter, 220–223.
- Manley, L.K. (1996) Enchanted journeys: Near-death experiences and the emergency nurse. *Journal of Emergency Nursing*, 22(4), 311–316. doi: 10.1016/S0099-1767(96)80028-6
- Morse, M.L. (1994a) Near Death Experiences and Death-Related Visions in Children: Implications for the Clinician. *Current Problems in Pediatrics*, 24, 55–83.
- Morse, M.L. (1994b) Near-death experiences of children. *Journal of Pediatric Oncology Nursing*, 11(4), 139–144. doi: 10.1177/104345429401100403
- Moudi, R. (1990) Life after life. Moscow, Fizkul'tura i sport.
- Moudi, R. Reflections on life after life. Retrieved from: http://modernlib.net/books/moudi_raymond/zhizn_posle_zhizni/read (accessed June 16, 2018)
- Noyes, R. (1980) Attitude Change Following Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 43(3), 234–242. doi: 10.1080/00332747.1980.11024070
- Noyes, R., & Kletti, R. (1976) Depersonalization in the face of life-threatening danger. *Psychiatr*, 39(1), 19–27. doi: 10.1080/00332747.1976.11023873
- Orne, R.M. (1995) The meaning of survival: the early aftermath of a near-death experience. *Research in Nursing and Health*, 18, 239–247. doi: 10.1002/nur.4770180307
- Osis, K., & Haraldsson, E. (1986) At the hour of death. N.Y.: Hastings House.
- Parnia, S., & Fenwick, E. (2002) Near death experiences in cardiac arrest: Visions of a dying brain or visions of a new science of consciousness. *Resuscitation*, 52(1), 5–11. doi: 10.1016/S0300-9572(01)00469-5
- Ring K. (1985) Heading toward omega. New York: William Morrow.
- Ring, K. (1998) The project «Omega». Death experience, contacts with UFOs and World Mind. Moscow, Izdatel'stvo TPI.
- Ring, K. (1996) Near-Death Experiences. [*Puti za predely «ego»*]. Moscow, Izdatel'stvo TPI, 222--230.
- Roolings, M. (2003) Behind the threshold of death. SPb., Kormchiy. Retrieved from: <http://ligis.ru/librari/2938.htm> (accessed 16.06.18)
- Sabom, M.B., & Kreutziger, S. (1977) Near-death experience. *The New England Journal of Medicine*, 297(19), 1071. doi: 10.1080/07481187708252891
- Sartori, P. (2006) A long-term prospective study to investigate the incidence and phenomenology of near-death experiences in a Welsh Intensive Therapy Unit. *Network Review*. 90, 23–25.
- Schoenbeck, S.B. (1993) Exploring the Mystery of Near-Death Experiences. *The American Journal of Nursing*, 93(5), 42–46. doi: 10.2307/3464363
- Schwaninger, J., Eisenberg, P.R., Schechtman, K.B., & Weiss, A.N. (2002) A prospective analysis of near death experiences in cardiac arrest patients. *Journal of Near-Death Studies*, 20(4), 215–232. doi: 10.1023/A:1015258818660
- Simpson, S.M. (2001) Near death experience: a concept analysis as applied to nursing. *Journal of Advanced Nursing*, 36(4), 520–526. doi: 10.1046/j.1365-2648.2001.02004.x
- Sommers, M.S. (1994) The near-death experience following multiple trauma. *Critical Care Nurse*, 14, 62–66.
- Sutherland, C. (1992) Reborn in the light: life after near-death experiences (foreword). N.Y.: Bantam Books.
- Tassel-Matamua, N.A. Near-death experiences and the psychology of death. *Omega*. 2013–2014, 68(3), 259–277. doi: 10.2190/OM.68.3.e
- Van Lommel, P., van Wees R., Meyers, V., & Elfferich, I. (2001) Near-death experience in survivors of cardiac arrest: a prospective study in the Netherlands. *The Lancet*, 358(9298), 2039–2045. doi: 10.1016/S0140-6736(01)07100-8
- Van Lommel, P. (2011) Near-death experiences: the experience of the self as real and not as an illusion. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1234, 19–28. doi: 10.1111/j.1749-6632.2011.06080.x
- Van Lommel, P. (2010) Consciousness Beyond Life. The Science of the Near-Death Experience. N.Y.: Harper Collins.
- Wimbush, F.B., & Hardie, T. (2001) Supporting your patient after a near-death experience. *Nursing*, 31(10), 48–50. doi: 10.1097/00152193-200131100-00017
- Zingrone, N.L., & Alvarado, C.S. (2009) Pleasurable Western adult near-death experiences: features, circumstances, and incidence. *The Handbook of Near-Death Experiences*. Santa Barbara, CA: Praeger Publishers.

Психолого-педагогические аспекты реабилитации детей с расстройством аутистического спектра в условиях дошкольного образования

Н.Н. Васягина, Е.Н. Григорян, Е.А. Казаева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Поступила 14 апреля 2018/ Принята к публикации: 27 апреля 2018

Psychological and educational aspects of rehabilitation of children with autism spectrum disorder in preschool education

Nataliya N. Vasyagina*, Elena N. Grigoryan, Evgenia A. Kazayeva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

* Corresponding author: E-mail: vasyagina_n@mail.ru

Received April 14, 2018 / Accepted for publication: April 27, 2018

Актуальность. Во всем мире наблюдается рост числа детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Неоднозначность причин, вызывающих данное нарушение развития, отсутствие возможности оказания эффективной медицинской помощи (по данным медицинских исследований полное излечение от аутизма не представляется возможным) актуализирует необходимость поиска немедикаментозных способов компенсации проявлений болезни. Решение данной задачи возможно при определении эффективных механизмов обучения ребенка жизни в социуме.

Цель исследования – разработка комплексной модели реабилитации детей, имеющих РАС в условиях дошкольной образовательной организации на основе анализа различных методов коррекции РАС, получившие распространение в США, Европе и России. Рассматриваются возможности и ограничения их применения в условиях дошкольной образовательной организации.

Описание хода исследования. Авторы рассматривают собственную модель реабилитации ребенка с РАС, созданную на основе использования непосредственного практического опыта работы с конкретным ребенком, страдающим аутистическим расстройством. Описываются условия реализации этой модели в условиях дошкольного образования: создание специально организованной среды, позволяющей компенсировать отсутствующие навыки и облегчить адаптацию ребенка, психолого-педагогическое сопровождение всех субъектов инклюзивного образования и командная работа с ребенком с РАС специалистов разного профиля (педагога-психолога, логопеда, дефектолога).

Результаты. На основе анализа зарубежного и отечественного опыта реабилитации разработана комплексная модель реабилитации ребенка с РАС в условиях образовательной организации. В построении индивидуального реабилитационного маршрута ребенка с РАС учтена специфика имеющегося нарушения (мутизм), особенности его адаптации и поведения, сопутствующие нарушения, осложняющие ход развития, возможности и потребности семьи, а также ресурсы образовательной организации. Основные акценты в реабилитационной работе сделаны на развитии эмоциональной сферы и коммуникативных навыков.

Выводы. Реабилитационная работа с ребенком с РАС в условиях образовательной организации будет эффективной, если ее проводить комплексно группой специалистов по четырем основным направлениям: коррекционная работа с ребенком, развивающая работа со сверстниками, просветительская работа с педагогами и поддержка родителей такого ребенка.

Ключевые слова: аутизм, ранний детский аутизм, расстройство аутистического спектра, реабилитация, адаптация, коррекция.

Background. The increased number of children with autism spectrum disorder (ASD) is observed worldwide today. Ambiguity of the reasons that cause the disorder, lack of the possibility to render effective medical care make actual the need of non-HCP (according to medical research full treatment cannot be found). The solution of this problem is possible by using effective mechanisms of child training in the society.

The Objective is to develop the complex model for ASD children rehabilitation in preschool education based on the analysis of various correction methods that are widely used in the USA Europe and Russia. There considered are possibilities and limitations, and their application in preschool education.

Design. The authors consider their own model for ASD children rehabilitation based on the direct practical experience with a specific ASD child suffering. The conditions for adopting this model in preschool education are described: creating a special environment that allows to compensate for missing skills and facilitate the child adaptation, psychological and educational support of all subjects of inclusive education, and teamwork of experts of different profiles (teacher, psychologist, speech therapist, and speech pathologist).

Results. Based on the analysis of foreign and domestic experience of rehabilitation, a comprehensive model for the rehabilitation of the ASD child in the conditions of an educational organization has been developed. The construction of the individual rehabilitation route of the ASD child considers specific features of mutism, child's adaptation and behaviour, the accompanying disturbances complicating the development process, background and needs of the family, and also resources of the educational organization. The rehabilitation work emphasizes the development of the emotional sphere and communication skills.

Conclusion. Rehabilitation work with the ASD child in the conditions of the educational organization will be effective if to carry out it by the group of experts in the following ways: correctional work with the ASD child, work with peers, work with teachers and parental support.

Keywords: autism, early childhood autism, autism spectrum disorder, rehabilitation, adaptation, correction.

Проблема реабилитации детей с расстройством аутистического спектра не только в России, но и во всем мире становится все более актуальной. Это связано с увеличением количества таких детей в общеобразовательных и специальных учреждениях образования, накоплением опыта диффе-

американским психиатром Лео Каннером (Kanner, 1942). Через год в 1944 г. Ганс Аспергер (Asperger, 1944) опубликовал первое описание синдрома «аутистическая психопатия», позже названного в его честь. Первый, наиболее полный подход к определению детского аутизма в советской науке был предложен Самуилом Мнухиным, ко-

дый год (в 1990 году был диагностирован 1 из 1600 детей, а в 2008 году уже на 150 детей приходится один случай аутизма). По данным New report from the Center for Disease Control and Prevention из 68 детей один имеет расстройство аутистического спектра. 78% случаев аутизма зарегистрировано за последние пять лет. По данным международных организаций ситуацию осложняет неясность причин, вызывающих данное нарушение развития, отсутствие возможности оказания эффективной медицинской помощи.

РАС является сложным неврологическим расстройством, которое характеризуется заметной гетерогенностью (Brian et al., 2016). Расстройства аутистического спектра являются первазивным нарушением – аутизм захватывает все стороны жизни ребенка. Это, в первую очередь, трудности социального взаимодействия, которые проявляются в трудностях восприятия и обработки сенсорной информации, в нарушениях речи и коммуникации, в наличии ограниченной собственной активности (в том числе в стереотипных формах поведения), в узости круга интересов и т.д. (Лебединская, Никольская, 1991). Таким образом, РАС включает достаточно широкий спектр нарушений в развитии, приводящих к осложнению нормального взаимодействия ребенка с окружающим миром. При этом общим для детей с РАС является тот факт, что все они испытывают трудности в трех областях (так называемая «триада нарушений при аутизме»): нарушения социальной коммуникации, ограниченность социального взаимодействия и сложности с социальным воображением.

Разделяя обозначенный выше тезис, отечественные дефектологи и психологи ведущую роль в патологии отводят нарушениям эмоциональной сферы (Лебединский, и др., 2003), в то время как авторитетные зарубежные исследователи отмечают, что в центре самой сути аутизма находятся коммуникация и ее нарушения. Абсолютно у всех людей с РАС имеют место нарушения коммуникации, но степень и характер этих нарушений могут существенно различаться. Так, например, родители детей с аутизмом зачастую начинают подозревать, что с ребенком что-то не так, когда видят регресс речи или задержку ее развития (Short & Schopler,

Проблема реабилитации детей с расстройством аутистического спектра не только в России, но и во всем мире становится все более актуальной. Это связано с увеличением количества таких детей в общеобразовательных и специальных учреждениях образования, накоплением опыта дифференциальной диагностики и коррекционной работы

рнциальной диагностики и коррекционной работы. Возникает необходимость создания условий для адекватного физического, умственного, духовного и социального развития таких детей, их реабилитации и интеграции в общество.

Впервые аутизм как самостоятельное расстройство был описан в середине XX в.

который выдвинул концепцию органического генеза аутизма (Мнухин, 1967).

Еще 20 лет назад считалось, что на 10 тысяч детского населения приходится от 5 до 26 случаев аутизма. Сегодня по всему миру наблюдается стремительный рост числа детей с РАС – увеличение происходит на от 10% до 17% каж-

Наталья Николаевна Васягина –

доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии образования Уральского государственного педагогического университета
E-mail: vasyagina_n@mail.ru
<https://uspu.ru/university/instituty/institutes/ips/kafedra-psikhologii-obrazovaniya/66/>

Елена Николаевна Григорян –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования Уральского государственного педагогического университета
E-mail: elena_n_r@mail.ru
<https://uspu.ru/university/instituty/institutes/ips/kafedra-psikhologii-obrazovaniya/679/>

Евгения Анатольевна Казаева –

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования Уральского государственного педагогического университета
E-mail: kazaevaevg@mail.ru
<https://uspu.ru/university/instituty/institutes/ips/kafedra-psikhologii-obrazovaniya/369/>

Для цитирования: Васягина Н.Н., Григорян Е.Н., Казаева Е.А. Психолого-педагогические аспекты реабилитации детей с расстройством аутистического спектра в условиях дошкольного образования // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 92–101. doi: 10.11621/npj.2018.0210

For citation: Vasyagina N.N., Grigoryan E.N., Kazayeva E.A. (2018) Psychological and educational aspects of rehabilitation of children with autism spectrum disorder in preschool education. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 11(2), 92–101. doi: 10.11621/npj.2018.0210

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

1988). Именно проблемы с коммуникацией, т.е. с пониманием и развитием речи, часто становятся одной из главных причин тяжелых нарушений поведения у детей с РАС (Carr et al., 1997). Как показывает ряд исследований, отсутствие понятной, спонтанной речи в возрасте пяти лет считается поводом для неблагоприятного прогноза на будущее (Billstedt, 2007; Billstedt, Gillberg & Gillberg, 2005; Howlin, Goode, Hutton & Rutter, 2004; Shea & Mesibov, 2005).

За последние два десятилетия наука и практика изрядно продвинулись в области осознания нарушений социального взаимодействия и коммуникации у детей с РАС (Wetherby, 2006). Фиксация параметров социального взаимодействия (куда относятся, в том числе и невербальная коммуникация) и нарушений коммуникации как ключевых маркеров РАС в основных диагностических справочниках (DSM-IV и МКБ – 10) существенно облегчает диагностирование названного расстройства уже на ранних стадиях развития ребенка, что, в свою очередь, имеет существенное значение для последующей реабилитационной работы.

Так, опыт реабилитации детей с РАС в развитых странах показывает, что ее эффективность напрямую зависит от начала периода оказания помощи – чем раньше оказана помощь, тем меньше времени занимает период реабилитации, и тем выше ее эффективность. Согласно результатам исследования, проведенного Rogers, Vismara, Wagner и McCormick, раннее вмешательство дает возможность нормализации до 70 % детей группы риска (Rogers et al., 2014). Семь 10–12-месячных младенцев с риском развития РАС, получили кратковременное вмешательство, а затем наблюдались на протяжении двух лет. Диагностические тесты, проведенные по достижению детьми четырехлетнего возраста, показали, что у шести из семи детей не обнаружены индикаторы РАС, в отличие от выборки детей группы высокого риска, не участвовавших в программе. Большинство из них получили диагноз РАС. В связи с этим, Christensen, Baio, Naarden, Bilder van и Charles рекомендуют понизить возраст первой диагностики РАС (Christensen et al., 2012). С 2020 года дети группы риска должны диагностироваться не позд-

нее трех лет, а реабилитация начинаться не позднее четырехлетнего возраста.

Именно проблемы с коммуникацией, т.е. с пониманием и развитием речи, часто становятся одной из главных причин тяжелых нарушений поведения у детей с РАС. Как показывает ряд исследований, отсутствие понятной, спонтанной речи в возрасте пяти лет считается поводом для неблагоприятного прогноза на будущее

нее трех лет, а реабилитация начинаться не позднее четырехлетнего возраста. На сегодняшний день в мировой практике разработано множество эффективных методов реабилитации детей с РАС. Среди них методы поведенческой модификации АВА, Floortime, методики TEACCH, PECS, методики развития речи, двигательной коррекции, сенсорной интеграции и многие другие (Lovaas, 1987; Schopler & Reichler, 1971; Mesibov, Shea, Schopler, 2004; Greenspan & Wieder, 1997; Howlin, 1989; Howlin et al., 2004; Howlin, 2006; Howlin et al., 2007). Широкое признание в странах Европы и США получили комплексные программы ранней реабилита-

разной направленности (психологом, дефектологом, логопедом и т.д.), контроль за работой, который осуществляет супервизор. Специалисты поочередно проводят занятия с ребенком на протяжении двух-трех часов, реализуя пять-шесть программ. В среднем нагрузка составляет 20–40 часов в неделю. А в программе The P.L.A.Y. Project интенсивное вмешательство должно осуществляться по 25 часов в неделю. Ребенок вовлекается в игровое взаимодействие с родителем или специалистом, в котором они исполняют роль учителя или партнера по игре.

Заметим, что во всех упомянутых выше программах подчеркивается важность

Широкое признание в странах Европы и США получили комплексные программы ранней реабилитации детей с РАС. Все они ориентированы на достижение схожих целей – обучение детей навыкам взаимодействия с окружающим миром

ции детей с РАС. Все они ориентированы на достижение схожих целей – обучение детей навыкам взаимодействия с окружающим миром (Solomon et al., 2007), хотя акценты в разных программах могут отличаться. Так, в отечественных программах реабилитации основным направлением работы является коррекция аффективной сферы, эмоциональное тонизирование ребенка. Содержание аналогичных программ, разработанных зарубежными авторами, направлено преимущественно на социальное и когнитивное развитие, формирование навыков вербального и невербального общения, адаптацию к социуму и повышение компетентности в двигательной активности, а также минимизацию трудностей поведения. Структурирование среды, деятельности, создание ситуации успеха также являются неотъемлемой частью этих программ.

Существенным условием формирования у ребенка с РАС необходимых навыков поведения и преодоления отставания в развитии является интенсивное раннее вмешательство. Так, обучение по системе АВА предполагает ежедневные занятия ребенка с группой специалистов

именно раннего начала коррекционной работы с детьми с РАС. Так, программа The P.L.A.Y. Project считается наиболее эффективной для детей в возрасте от 1,5 до 5 лет. Исследование, проведенное Ловаасом в 1987 году, показало, что методы поведенческой модификации (АВА), применяемые к детям в дошкольном возрасте от 2 до 6 лет, приводят к уникальным результатам. Около половины детей с аутизмом достигали уровня нормального интеллектуального развития и получили возможность учиться в обычной образовательной школе без помощи тьюторов. У остальных детей, за редким исключением, наблюдалось значительное развитие интеллектуальных способностей, улучшение речевых и коммуникативных навыков. Дети, у которых расстройство аутистического спектра диагностировалось в раннем возрасте, успешно проходят подготовительную программу и идут в первый класс общеобразовательной школы (Lovaas, 1987).

Помимо использования традиционных подходов к коррекционной работе с детьми с РАС, в последнее время во многих странах мира с большим успехом проводится социализация и социальная

Залогом успеха терапии является просвещение родителей, разъяснение особенностей аутизма, в том числе и невозможности полностью его вылечить. Работа с родителями направлена на формирование у них такого менталитета, который позволяет принимать аутистические расстройства не как патологию, а как особый, но равноценный и равнозначный норме вариант развития ребенка

реабилитация таких детей с использованием технологий виртуальной реальности (Serious, 2013; Cheng, Ye, 2010; Fabri et al., 2007). Разработанные американскими исследователями виртуальные среды для детей четырех-пяти лет с высокофункциональным аутизмом, позволяют тренировать навыки коммуникации в различных социальных ситуациях. В процессе работы с симулятором детям необходимо распознавать язык тела и мимику аватаров, общаться с ними в группе детского сада и взаимодействовать на дне рождения. Результаты обучения с использованием различных виртуальных сред показали, что коммуникативная компетентность детей последовательно повышалась с переходом от одной задачи к другой.

Неотъемлемой частью реабилитационного процесса детей с РАС является привлечение родителей, которые рассматриваются как важнейшие партнеры в коррекционной работе. Важно, чтобы родители ребенка были неотъемлемой частью команды, работающей с ребенком, взаимодействовали с ним на основе выработанных принципов обучения и помогали ему обобщить все навыки, которые он получает в процессе работы со специалистами. Удачный пример обучения родителей осуществлению интенсивного развивающего воздействия на маленьких детей представлен в программе The P.L.A.Y. Project. Согласно программе TEACCH, идеальной ситуацией для ребенка с РАС является развитие и жизнь в семье. Семья является «естественной средой существования» для аутичного ребенка. Залогом успеха терапии при этом является просвещение родителей, разъяснение особенностей аутизма, в том числе и невозможности полностью его вылечить. Работа с родителями направлена на формирование у них такого менталитета, который позволяет принимать аутистические расстройства не как патологию, а как особый, но равноценный и равнозначный норме вариант развития ребенка (Schopler & Reichler, 1971; Mesibov, Shea, Schopler, 2004).

Таким образом, в мировой науке и практике накоплен опыт успешной реабилитации детей с РАС посредством организации ранней диагностики, ранней коррекционной помощи, ранней социализации и системы поддержки семей. Однако, диапазон выраженности нарушений в развитии у детей с РАС невероятно широк, что значительно осложняет создание единых стандартов помощи для всех детей данной целевой группы. Поэтому, всякий раз при работе с ребенком с РАС возникает необходимость построения индивидуального реабилитационного маршрута. При этом необходимо учитывать множество факторов: вариант и выраженность имеющегося нарушения, особенности адаптации и поведения, наличие или отсутствие сопутствующих нарушений, осложняющих ход развития, возможности и потребности его семьи, ресурсы образовательной организации и т.д.

Именно поэтому обобщение практического опыта, анализ эффективных стратегий реабилитации детей с РАС, используемых специалистами, и построение собственных моделей становятся ключевыми проблемами психологов, работающих в образовательных организациях.

Мы столкнулись с данными проблемами, когда в одно из дошкольных образовательных учреждений, являющееся стажировочной площадкой Уральского государственного педагогического университета, поступил четырехлетний Максим Х. (имя и фамилия ребенка изменены). Адаптация его к ДОО была сложной и длительной – ребенок в течение месяца пребывания в группе отказывался есть, ходить в туалет, ложиться спать. Не участвовал в играх с другими детьми, не реагировал на речь окружающих, при попытке поговорить замирал и отворачивался. Не смотрел в глаза, не проявлял эмоциональные реакции. Ребенок отказывался вступать в контакт с логопедом и воспитателем. В контакт с психологом вступил не сразу, причем зачастую этот контакт носил нестабильный, поверхностный характер.

Интерес к контакту со взрослым у ребенка отсутствовал. Фиксировалось эпизодическое общение со сверстниками, при этом инициатива исходила от других детей. В процессе общения он не смотрел в глаза, отворачивался. Отмечалась бедность мимики и жестов. Навыки социализации не соответствовали возрастной норме.

Эмоциональная реакция у ребенка на ситуацию общения проявлялась в виде настороженности, безразличия. При поощрении и одобрении он демонстрировал равнодушие. После сделанного замечания отказывался от дальнейших действий, замыкался. В случае неудач наблюдался пассивный уход от выполнения задания.

Отмечалась слабая выраженность и отсутствие понимания основных эмоций (радости, грусти, злости и т.д.). В процессе совместной деятельности с детьми он обращал внимание на демонстрируемые ими эмоции и копировал их.

В ходе беседы с мамой было выяснено, что Максим Х. – второй ребенок в семье. Старший сын без особенностей развития. Отец ребенка погиб, когда мать была беременна вторым ребенком (1-й триместр). Ребенок воспитывается мамой. Наблюдается сильная эмоциональная привязанность к матери. Ребенок без мамы отказывался посещать любые общественные места (поликлинику, торговый центр, ходить в гости), с трудом оставался с бабушкой. Мама объясняла особенности ребенка излишней застенчивостью и капризами.

По решению консилиума дошкольной образовательной организации Максиму было дано направление на психолого-медико-педагогическую комиссию, по результатам прохождения которой ребенку был поставлен диагноз РАС (мутизм). В связи с этим, встала задача поиска эффективных форм реабилитации ребенка в условиях дошкольной образовательной организации.

Разработка модели реабилитации детей с расстройством аутистического спектра

На основе анализа зарубежного и отечественного опыта реабилитации детей с РАС, нами была разработана комплекс-

ная модель реабилитации, в которой учитывалась специфика аутистического спектра в целом и мутизма, как одного из его проявлений. Основные акценты в реабилитационной работе были сделаны на развитии эмоциональной сферы и коммуникативных навыков.

Обязательными условиями реализации модели психолого-педагогической реабилитации являются: во-первых, создание в образовательной организации специально организованной среды, позволяющей компенсировать отсутствующие навыки и облегчить адаптацию ребенка (структурированное и стабильное пространство, визуальное расписание в группе и в кабинете специалиста). Во-вторых, психолого-педагогическое сопровождение всех субъектов инклюзивного образования (ребенок, педагоги, родители, сверстники). В третьих, командная работа с ребенком с РАС специалистов разного профиля (педагога-психолога, логопеда, дефектолога).

Методологической основой модели послужили следующие принципы:

- принципы LEAP-терапии, предполагающей пребывание аутичного ребенка в среде типично развивающихся сверстников;
- принципы TEACCH подхода, предполагающие не только адаптацию ребенка с РАС к миру, но и создание соответствующих его особенностям условий пребывания в ДОУ (четкое структурирование пространства и времени через различные формы расписаний), опора на визуализацию;
- принципы метода АВА, согласно которому все сложные навыки, включая речь, творческую игру, умение смотреть в глаза и другие, необходимо разбивать на мелкие блоки-действия;
- принцип комплексности В.В. Лебединского, К.С. Лебединской, О.С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинга;
- принцип привлечения родителей ребенка с РАС к коррекционной работе в качестве равноправных партнеров (согласно программам The P.L.A.Y. Project, TEACCH, LEAP, АВА).

Модель психолого-педагогической реабилитации включает четыре блока: работа с ребенком с РАС, работа с семьей, работа с педагогами образовательной организации, работа с детьми инклюзивной

группы. Рассмотрим специфику каждого из блоков подробнее.

1. Основной целью первого блока программы, направленной на реабилитацию ребенка с РАС, является содействие его адаптации к социуму и минимизации поведенческих трудностей при взаимодействии со взрослыми и сверстниками. Достижение указанной цели осуществлялось в процессе последовательного решения ряда задач, начиная со взаимной адаптации сотрудников ДОУ и психолога, установления эмоционального контакта и до развития коммуникативных навыков и познавательной деятельности, расширения практического опыта ребенка, увеличения объема знаний

На основе анализа зарубежного и отечественного опыта реабилитации детей с РАС, нами была разработана комплексная модель реабилитации, в которой учитывалась специфика аутистического спектра в целом и мутизма, как одного из его проявлений

и представлений об окружающем мире, формирования целенаправленных предметных действий и построение пространственно-временной структуры занятий.

Стратегия реабилитационной работы включала четыре этапа.

На первом этапе (предварительном) осуществлялся первичный прием и сбор психологического анамнеза. В начале работы с ребенком для первичного скрининга симптомов аутизма, нами была использована шкала C.A.R.S. Данная шкала является рейтинговой и базируется на клинических наблюдениях за поведением ребенка. При обследовании были зафиксированы как текущие наблюдения за ребенком психолога и воспитателя, так и уже накопленная информация о поведении, социальных навыках и коммуникациях ребенка, собранная в ходе анамнестической беседы с мамой. В результате была предположена легкая или средняя степень РАС. Предварительно, согласно классификации, предложенной О.С. Никольской, Максим Х. был отнесен к четвертой группе РАС.

Второй (адаптационный) этап включал в себя реализацию углубленной ди-

агностики. Для диагностики развития высших психических функций (ВПФ) и уровня развития интеллекта в целом нами были использованы: тест «Цветные прогрессивные матрицы Равена» и комплект материалов «Экспресс-диагностика в детском саду: комплект материалов для педагогов-психологов детских дошкольных образовательных учреждений» Н.Н. Павлова, Л.Г. Руденко.

Углубленная диагностика позволила зафиксировать следующие особенности психического развития ребенка. Общая осведомленность в пределах возрастной нормы. Восприятие: «Разрезные картинки» собирает – узнает по частям изображенный предмет и собирает самостоятельно путем зрительного соотнесения.

Различает геометрические фигуры, основные цвета. Зрительное восприятие формы соответствует возрастной норме. Уровень непосредственной образной памяти средний. Испытывает трудности при составлении рассказов и выкладывании последовательных картинок. Не понимает сюжет в целом, не устанавливает причинно-следственные связи, лежащие в основе изображенной ситуации. Знает основные категории предметов (посуда, одежда, фрукты, овощи, транспорт, мебель), группирует предметы по их функциональному назначению, обобщает. Наглядно-образное мышление развито в пределах возрастной нормы. Уровень развития как вербального, так и невербального воображения низкий. Внимание устойчивое. Уровень сформированности пространственных и образных представлений средний.

В целом, по комплекту «Экспресс-диагностика в детском саду: комплект материалов для педагогов-психологов детских дошкольных образовательных учреждений» Н.Н. Павлова, Л.Г. Руденко ребенок набрал 12 баллов, что соответствует среднему уровню. По тесту «Цветные прогрессивные матрицы Равена» он набрал 13 баллов (48% для данной возрастной группы), что соответствует уровню «III» – 3 – «средний интеллект» (для воз-

растной группы 6–6,5 лет средний балл – 18, разброс нормы 13–27 баллов).

Следует отметить, что на данном этапе работа с Максимом осуществлялась преимущественно в индивидуальном режиме. Основным достижением данного этапа явилось установление контакта между педагогом-психологом и ребенком, что позволило провести углубленное психологическое обследование и уточнить стратегию дальнейшей реабилитационной работы.

В рамках реализации третьего этапа (частичная инклюзия), Максим Х. посещал коррекционные занятия в мини-группе (2–3 человека). В ходе психолого-педагогической коррекции основной акцент был сделан на стабильности среды и ритуальности построения занятий. В занятиях использовались принципы LEAP-терапии, элементы АВА-терапии, визуальное расписание, песочная терапия. Работа была направлена на адаптацию к социуму и развитие высших психических функций, минимизацию трудностей поведения. основополагающим в нашей работе стал принцип комплексности, предложенный в работах В.В. Лебединского, К.С. Лебединской, О.С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинга.

Основная реабилитационная задача данного этапа заключалась в формировании адекватного уровня эмоционального взаимодействия специалистов с Максимом. При этом стратегия работы предполагала постепенное усиление эмоциональной связи. Вначале специалисты избегали прямого обращения к ребенку и давления на него. Далее первичная коммуникация была организована на адекватном для ребенка уровне в рамках его активности (например, работа в интерактивной песочнице проводилась при отсутствии зрительного контакта специалиста и ребенка). Затем, по мере установления контакта, внимание ребенка постепенно направлялось на процесс, тем самым появлялась возможность совместного контакта (ребенок, увлекшись работой в песочнице, продолжал взаимодействие со специалистом, находясь в ситуации зрительного контакта со взрослым). После закрепления у ребенка потребности в контакте, когда взрослый становится положительным аффективным центром ситуации, мы начали под-

ключать к работе с ребенком других специалистов (логопеда и дефектолога), что позволило автоматизировать полученные навыки.

Основными достижениями данного этапа стали, во-первых, включение ребенка в коррекционные занятия в группе сверстников, и во-вторых, автоматизация навыков общения со взрослыми.

Четвертый этап (полная инклюзия), позволил полностью включить ребенка в инклюзивную группу.

Практически два года комплексной и целенаправленной коррекционной работы дали свой положительный результат. Благодаря совместным усилиям семьи, педагогов и специалистов ДОУ, отмечается стойкая положительная динамика развития ребенка. В настоящее время Максим Х. идет в детский сад спокойно, легко расстается с мамой, проводит целый день в группе, посещает все занятия, включается в режимные моменты и фронтальную непосредственную образовательную деятельность (НОД). Вне детского сада он посещает школу будущего первоклассника, где на занятиях остается один, выполняя все требования педагога. Согласно итоговой диагностике, развитие его высших психических функций соответствует возрастной норме развития.

2. Основная идея второго блока программы основана на постулате о том, что важнейшим элементом успешной реабилитации является привлечение к работе родителей ребенка с РАС как активных участников образовательного процесса. Способами включения родителей могут быть индивидуальные и групповые консультации, мастер-классы или семинары. Родители должны иметь возможность посещать вместе с детьми коррекционные занятия, что будет, с одной стороны, способствовать расширению запаса их педагогических компетенций, с другой – позволит им проследить динамику развития своего ребенка.

Психолого-педагогическая поддержка семьи Максима, в первую очередь, была направлена на принятие мамой того факта, что Максим особенный, и расстройство невозможно полностью вылечить, но, что это в целом равноценный и равнозначный с нормой вариант развития ребенка. Мама, стараясь, как ей казалось,

облегчить ребенку адаптацию и вхождение в детский коллектив, уменьшить на него нагрузку при первой же возможности оставляла Максима дома. Гиперопека ребенка со стороны мамы и частые длительные (3–6 недель) перерывы в посещениях детского сада приводили к ухудшению состояния Максима и потере им ряда навыков. Ребенок замыкался, отказывался от общения, наблюдались сложности в выполнении режимных моментов. Поэтому было решено усилить просветительское направление работы, чтобы ознакомить маму с особенностями развития детей с РАС, добиться осознания ею необходимости автоматизации в обычной жизни навыков, сформированных на занятиях со специалистами и оптимизировать стиль воспитания в семье. Дальнейшая работа с мамой велась по нескольким направлениям: снижение переживаний, связанных с психологической травмой от рождения «особого» ребенка, нормализация семейных отношений, расширение микросоциальных связей.

3. Третий блок программы направлен на работу с педагогическим коллективом. Необходимость включения данного блока была вызвана тем, что основной трудностью в организации обучения и воспитания Максима Х. в детском саду стала неготовность педагогов дошкольной образовательной организации к работе с детьми с РАС. Опрос, проведенный нами, показал, что большинство педагогов (89%) считают, что дети, имеющие особые возможности здоровья, должны находиться в специальных (коррекционных) дошкольных образовательных учреждениях. 100% педагогов отмечали, что нуждаются в информационной, методической и психологической помощи при реализации обучения ребенка с РАС. Педагоги недостаточно информированы об особенностях детей с РАС, о специфике индивидуального подхода к организации среды для такого ребенка, воспитательного и образовательного процесса. Это привело к ряду ошибок, затруднивших коррекционную работу. Так, Даниил А., друг Максима, передал воспитателю просьбу Максима о том, что он хочет спать на соседней с Даниилом кровати. Во время тихого часа

Максим стал постоянно будить Даниила и просить отвести его в туалетную комнату. У Максима была сформирована схема прохода от старой кровати, а с нового места он самостоятельно пойти не мог. Таким образом, успешная интеграция в детский коллектив и эффективная реабилитация ребенка с РАС невозможна без создания специальных условий в дошкольной образовательной организации, к которым в первую очередь относится компетентность персонала образовательной организации.

Работа с педагогами была направлена на повышение их информированности по вопросам инклюзивного образования, на формирование у них специальных компетенций, позволяющих не только понимать и учитывать особенности развития детей с РАС, но и владеть методами, позволяющими развивать навыки социального взаимодействия, устранять нежелательные формы поведения. Основными формами повышения компетентности сотрудников явились курсы повышения квалификации, семинары, а также индивидуальные консультации.

4. В четвертом блоке программы основное внимание уделялось работе, направленной на развитие толерантности и эмпатии в группе детей, которую посещал Максим. Потребность во включении данного блока в реабилитационную модель была обусловлена еще одной сложностью, с которой мы столкнулись в процессе работы – интолерантность к нему со стороны сверстников. Многие, не понимая особенностей Максима, видя, что он не отвечает на агрессивное поведение, толкали его, кричали, забирали у него игрушки.

Важным методом диагностической и коррекционно-развивающей работы в данном направлении стало наблюдение, которое позволило зафиксировать особенности взаимодействия детей в группе, их коммуникативные и моторные особенности, игровые возможности, а также динамику изменений. Наблю-

дение за свободной игрой детей в группе позволило нам выделить двух сверстников, от контактов с которыми Максим не отказывался. В свою очередь, ребята старались привлекать Максима к своим играм. Эти дети были включены в мини-группу для коррекционных занятий на этапе частичной инклюзии, что позволило преодолеть трудности общения (тревожность, заторможенность в контактах и проблемы организации диалога), а также повысить интерес к контакту со сверстниками у Максима.

Дошкольное образовательное учреждение как социальный институт имеет, на наш взгляд, большой воспитательный потенциал для формирования у детей толерантного отношения к сверстникам, имеющим особые возможности здоровья. Этот потенциал может быть реализован в процессе всех видов деятельности, и, в первую очередь, игровой, которая является ведущей в данном возрасте.

Совместная работа педагога-психолога и воспитателя по развитию толерантности была реализована по трем направлениям: специально организованная деятельность воспитателя с деть-

Дошкольное образовательное учреждение как социальный институт имеет, на наш взгляд, большой воспитательный потенциал для формирования у детей толерантного отношения к сверстникам, имеющим особые возможности здоровья. Этот потенциал может быть реализован в процессе всех видов деятельности, и, в первую очередь, игровой, которая является ведущей в данном возрасте

ми, самостоятельная деятельность детей (свободная игра), режимные моменты. Наиболее эффективными для решения поставленных задач оказались сюжетно-ролевые игры, основной целью которых было освоение и практическое применение детьми способов толерантного взаимодействия. Это игры-занятия, созданные на материалах различных сказок и терапевтических метафор, с целью решения проблем межличностного взаимодействия в сказочных ситуациях, а также сочинение сказок и историй самими детьми, инсценировки сказок.

Важнейшим достижением данного блока работы стало принятие Максима сверстниками. Дети стали поддерживать его, зачастую выступая посредниками между ним и незнакомыми взрослыми.

Выводы

Обобщение зарубежного и отечественного опыта успешной психолого-педагогической реабилитации детей с РАС в условиях дошкольной образовательной организации позволило нам создать психолого-педагогическую модель реабилитации ребенка с РАС, которая показала свою эффективность.

Данная модель включила в себя несколько основных элементов: раннюю диагностику, коррекционно-развивающую работу с ребенком и его сверстниками, просветительскую работу с педагогами и поддержку семьи. Раннее выявление ребенка группы риска по РАС позволило в кратчайшие сроки организовать комплексную коррекционную работу группы специалистов (педагога-психолога, логопеда, дефектолога).

Повышение уровня родительской компетентности и создание условий для максимальной поддержки семьи, воспитывающей ребенка с РАС, сделало родителей активными участниками реабилитационного процесса. Формируемые специалистами навыки ребенка закреплялись в повседневной систематической работе родителей с ребенком в домашних условиях. А просвещение педагогов и детей способствовало формированию толерантного отношения к ребенку с РАС и обучению их методам оказания помощи такому ребенку в решении бытовых проблем.

Литература:

Гайдукевич С.Е. Средовой подход в инклюзивном образовании // Инклюзивное образование: состояние, проблемы, перспективы. – Минск : Четыре четверти, 2007.

- Дмитриева Т.П. Организация деятельности координатора по инклюзии в образовательном учреждении // Инклюзивное образование. Вып. 3. – Москва : Школьная книга, 2010.
- Капустин С.А. Использование результатов исследования семей с детско-родительскими проблемами в практике психологического консультирования взрослых людей // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – №1. – С. 79–95.
- Лебединская К.С. Ранний детский аутизм // Нарушение эмоционального развития как клиничко-дефектологическая проблема. – Москва : НИИ дефектологии РАО, 1992. – 125 с.
- Лебединская К.С., Никольская О.С. Вопросы диагностики раннего детского аутизма // Диагностика и коррекция. – Москва, 1988, – 236 с.
- Лебединская К.С., Никольская О.С. Диагностика раннего детского аутизма: начальные проявления. – Москва : Просвещение, 1991. – 96 с.
- Начальный этап коррекционной работы с аутичным ребенком: знакомство, установление контакта // Аутизм и нарушения развития. – 2004. – № 3. – С. 26
- Никольская О.С. Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма. – Москва : Центр лечебной педагогики, 2000. – 112 с.
- Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: пути помощи. – Москва : Теревинф, 2007. – 288 с.
- Никольская О.С., Лебединский В.В., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. – Москва : Медицина, 2003. – с. 127.
- Морозов С.А. Детский аутизм и основы его коррекции (материалы к спецкурсу). – Москва : СигналЪ, 2002. – 108 с.
- Мнухин С.С., Зеленская А.Е., Исаев Д.Н. О синдроме раннего детского аутизма, или о синдроме Каннера у детей // Журнал психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1967. – № 10. – С. 56–78.
- Ранний детский аутизм. / под ред. Т.А. Власовой, В.В. Лебединского, К.С. Лебединской. – Москва, 1981. – 321 с.
- Ребенок в инклюзивном дошкольном образовательном учреждении : методическое пособие / под ред. Т.В. Волосовец, Е.Н. Кутеповой. – Москва : РУДН, 2010. – 148 с.
- Семаго Н.Я., Семаго М.М. Создание специальных условий для детей с расстройствами аутистического спектра в общеобразовательных учреждениях : методический сборник / отв. ред. С.В. Алехина ; ред. Е.В. Самсоновой. – Москва : МГППУ, 2012. – 56 с.
- Семаго Н.Я. Технология определения образовательного маршрута для ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Инклюзивное образование. Выпуск 2. – Москва : Школьная книга, 2010.
- Материалы Международной научно-практической конференции «Аутизм. Выбор маршрута» : тезисы и аннотации докладов. Москва 2–4 июня 2014 г. – Москва, 2014.
- Asperger, H. (1944) «Die „Autistischen Psychopathen“ im Kindesalter». Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, 76–136. doi: 10.1007/BF01837709
- Alves, S., Marques, A., Queirós, C., & Orvalho, V. (2013) LIFEisGAME Prototype: a serious game about emotions for children with autism spectrum disorders. *PsychNology Journal*, 11(3), 191–211.
- Maurice, C., Green, C. & Luce, S. C. (1996) Behavioral Intervention for Young Children With Autism: A Manual for Parents and Professionals. School Greek Boulevard, Auslin, Texas,
- Billstedt, E. (2007). Children with autism grow up: Use of the DISCO (Diagnostic Interview for Social and Communication disorders) in population cohorts. Göteborg: Göteborg University.
- Billstedt, E., Gillberg, I. C., & Gillberg, C. (2005) Autism after adolescence: Population-based 13-22-year follow-up study of 120 individuals with autism diagnosed in childhood. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 35, 351–360. doi: 10.1007/s10803-005-3302-5
- Brian, J., Doyle-Thomas, K.A.R., Baribeau, D., & Anagnostou, E. (2016) Novel mechanisms and treatment approaches in autism spectrum disorder. *Discovery medicine*, 22(119), 47–54.
- Carr, E. G., Levin, L., McConnachie, G., Carlson, J. I., Kemp, D. C., & Smith, C. E. (1997) Communication-based intervention for problem behavior. Baltimore, MD: Paul H. Brookes Publishing.
- Cheng, Y., & Ye, J. (2010) Exploring the social competence of students with autism spectrum conditions in a collaborative virtual learning environment – the pilot study. *Journal Computers & Education*, 54(4), 1068–1077. doi: 10.1016/j.compedu.2009.10.011
- Christensen, D.L., Baio, J., Naarden, Braun K, Van Bilder, D., & Charles, J., et al. (2016) Prevalence and characteristics of autism spectrum disorder among children aged 8 years – Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 sites, United States, 2012' Surveillance Summaries, April 1, 2016, 65(3), 1–23. Centers for Disease Control and Prevention.
- Fabri, M., Awad Elzouki, S.Y., & Moore, D. (2007) Emotionally expressive avatars for chatting, learning and therapeutic intervention. *Human-Computer Interaction*. Part III, Vol. 4552, 275–285. doi: 10.1007/978-3-540-73110-8_29
- Greenspan, S.I. & Wieder, S. (1997) 'Developmental Patterns and Outcomes on Infants and Children with Disorders of Relating and Communicating: A Chart Review of 200 Cases of Children with Autistic Spectrum Diagnoses'. *Journal of Developmental and Learning Disorders*, 1, 87–141.
- Howlin, P. (1989) Changing approaches to communication training with autistic children. *British Journal of Disorders of Communication*, 24, 151–168. doi: 10.3109/13682828909011953
- Howlin P., Goode S., Hutton J., & Rutter M. (2004) Adult outcomes for children with autism. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 45, 212–229. doi: 10.1111/j.1469-7610.2004.00215.x
- Howlin, P. (2006) Augmentative and alternative communication systems for children with autism. In T. Charman & W. Stone (Eds.) *Social and communication development in autism spectrum disorders* (236–266). New York, The Guildford Press.
- Howlin, P., Gordon, K., Pasco, G., Wade, A., & Charman, T. (2007) The effectiveness of Picture Exchange Communication System (PECS) training for teachers of children with autism: a pragmatic, group randomised controlled trial.
- Kanner, L. (1943) «Autistic disturbances of affective contact». *The Nervous Child*, 2, 217–250.
- Ke, F., & Im, T. (2013) Virtual-reality-based social interaction training for children with high-functioning autism. *Journal of Educational Research*,

106(6), 441–461. doi: 10.1080/00220671.2013.832999

(2004) The initial stage of corrective work with an autistic child: acquaintance, establishing contact. [*Autism i narusheniya razvitiya*], 3, 336.

Lovaas, O.I. (1987) «Behavioral treatment and normal educational and intellectual functioning in young autistic children». *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 55(1), 3–9. doi: 10.1037/0022-006X.55.1.3

Mesibov, G.B., Shea, V., & Schopler, E. (2004) *The TEACCH Approach to Autism Spectrum Disorders*. Springer.

Nisskaya, A.K. (2018) School readiness outcomes of different preschool educational approaches. *Psychology in Russia: State of the Art*. 11(1), 43–60. doi: 10.11621/pir.2018.0104

Rogers, S.J., Vismara, L., Wagner, A.L., & McCormick, C., et al. (2014) Autism treatment in the first year of life: a pilot study of infant start, a parent-implemented intervention for symptomatic infants. *J Autism Dev. Disorder*, 44, 2981–2995. doi: 10.1007/s10803-014-2202-y

Schopler E. & Reichler R. (1971) «Parents as Co-therapists in the Treatment of Psychotic Children». *Journal of Autism and Childhood Schizophrenia*, 1(1), 87–102. doi: 10.1007/BF01537746

Serious, A. (2013) Game about Emotions for Children with Autism Spectrum Disorders. *Psychology Journal*, 11(3), 191–211. Retrieved from: [http://www.psychology.org/File/PNJ11\(3\)/PSYCHOLOGY_JOURNAL_11_3_QUEIROS.pdf](http://www.psychology.org/File/PNJ11(3)/PSYCHOLOGY_JOURNAL_11_3_QUEIROS.pdf) (accessed 22.03.2018).

Shea, V., & Mesibov, G. (2005) Adolescents and adults with autism. In F. Volkmar, R. Paul, A. Klin & D. Cohen (Eds.) *Handbook of autism and pervasive developmental disorders* (288–311), Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Shor, C., & Schopler, E. (1988) Factors relating to age of onset in autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 18, 207–216. doi: 10.1007/BF02211947

Wetherby, A.M. (2006) Understanding and measuring social communication in children with autism spectrum disorders. In T. Charman & W. Stone (Eds.) *Social and communication development in autism spectrum disorders* (3–34), New York, The Guildford Press.

References:

Asperger, H. (1944) «Die „Autistischen Psychopathen“ im Kindesalter». *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten*, 76–136. doi: 10.1007/BF01837709

Alves, S., Marques, A., Queirós, C., & Orvalho, V. (2013) LIFEisGAME Prototype: a serious game about emotions for children with autism spectrum disorders. *PsychNology Journal*, 11(3), 191–211.

Maurice, C., Green, C. & Luce, S. C. (1996) *Behavioral Intervention for Young Children With Autism: A Manual for Parents and Professionals*. School Greek Boulevard, Auslin, Texas,

Billstedt, E. (2007). Children with autism grow up: Use of the DISCO (Diagnostic Interview for Social and Communication disorders) in population cohorts. Göteborg: Göteborg University.

Billstedt, E., Gillberg, I. C., & Gillberg, C. (2005) Autism after adolescence: Population-based 13-22-year follow-up study of 120 individuals with autism diagnosed in childhood. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 35, 351–360. doi: 10.1007/s10803-005-3302-5

Brian, J., Doyle-Thomas, K.A.R., Baribeau, D., & Anagnostou, E. (2016) Novel mechanisms and treatment approaches in autism spectrum disorder. *Discovery medicine*, 22(119), 47–54.

Carr, E. G., Levin, L., McConnachie, G., Carlson, J. I., Kemp, D. C., & Smith, C. E. (1997) *Communication-based intervention for problem behavior*. Baltimore, MD: Paul H. Brookes Publishing.

Cheng, Y., & Ye, J. (2010) Exploring the social competence of students with autism spectrum conditions in a collaborative virtual learning environment – the pilot study. *Journal Computers & Education*, 54(4), 1068–1077. doi: 10.1016/j.compedu.2009.10.011

Christensen, D.L., Baio, J., Naarden, Braun K, Van Bilder, D., & Charles, J., et al. (2016) Prevalence and characteristics of autism spectrum disorder among children aged 8 years – Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 sites, United States, 2012' Surveillance Summaries, April 1, 2016, 65(3), 1–23. Centers for Disease Control and Prevention.

Dmitrieva, T.P. (2010) Organization of the activity of the coordinator for inclusion in the educational institution [*Inclusivnoe obrazovanie*], Issue 3. Moscow, Shkol'naya kniga.

Fabri, M., Awad Elzouki, S.Y., & Moore, D. (2007) Emotionally expressive avatars for chatting, learning and therapeutic intervention. *Human-Computer Interaction*. Part III, Vol. 4552, 275–285. doi: 10.1007/978-3-540-73110-8_29

Gaidukevich, S.E. (2007) The environment approach in inclusive education. [*Inclusivnoe obrazovanie: sostoyanie, problemy, perspektivy*]. Minsk, Chetyre chetverti.

Greenspan, S.I. & Wieder, S. (1997) 'Developmental Patterns and Outcomes on Infants and Children with Disorders of Relating and Communicating: A Chart Review of 200 Cases of Children with Autistic Spectrum Diagnoses'. *Journal of Developmental and Learning Disorders*, 1, 87–141.

Howlin, P. (1989) Changing approaches to communication training with autistic children. *British Journal of Disorders of Communication*, 24, 151–168. doi: 10.3109/13682828909011953

Howlin P., Goode S., Hutton J., & Rutter M. (2004) Adult outcomes for children with autism. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 45, 212–229. doi: 10.1111/j.1469-7610.2004.00215.x

Howlin, P. (2006) Augmentative and alternative communication systems for children with autism. In T. Charman & W. Stone (Eds.) *Social and communication development in autism spectrum disorders* (236–266). New York, The Guildford Press.

Howlin, P., Gordon, K., Pasco, G., Wade, A., & Charman, T. (2007) The effectiveness of Picture Exchange Communication System (PECS) training for teachers of children with autism: a pragmatic, group randomised controlled trial.

Kanner, L. (1943) «Autistic disturbances of affective contact». *The Nervous Child*. 2, 217–250.

Kapustin, S.A. (2016) Use of the results of the study of families with child-parental issues in the practice of psychological counseling for adults. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 1, 79–95.

- Ke, F., & Im, T. (2013) Virtual-reality-based social interaction training for children with high-functioning autism. *Journal of Educational Research*, 106(6), 441–461. doi: 10.1080/00220671.2013.832999
- Lebedinskaya, K.S. (1992) Early Childhood Autism. [*Narushenie ehmocional'nogo razvitiya kak kliniko-defektologicheskaya problema*]. Moscow, NII defektologii RAO, 125.
- Lebedinskaya, K.S., & Nikolskaya, O.S. (1988) Issues of diagnosing early childhood autism. [*Diagnostika i korrektsiya*]. Moscow, 236.
- Lebedinskaya, K.S., & Nikolskaya, O.S. (1991) Diagnosis of early childhood autism: initial manifestations. Moscow, Prosveshchenie, 96.
- (2004) The initial stage of corrective work with an autistic child: acquaintance, establishing contact. [*Autizm i narusheniya razvitiya*], 3, 336.
- Lovaas, O.I. (1987) «Behavioral treatment and normal educational and intellectual functioning in young autistic children». *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 55(1), 3–9. doi: 10.1037/0022-006X.55.1.3
- Mesibov, G.B., Shea, V., & Schopler, E. (2004) The TEACCH Approach to Autism Spectrum Disorders. Springer.
- Mnukhin, S.S., Zelenskaya, A.E., & Isaev, D.N. (1967) On the syndrome of early childhood autism, or on Kanner's syndrome in children. [*Zhurnal psikiatrii im. S.S. Korsakova*], 10, 56–78.
- Morozov, S.A. (2002) Child autism and correction. Moscow, Signal, 108.
- Nikolskaya, O.S. (2000) The affective sphere of man. A look through the prism of child autism. Moscow, Tsentr lechebnoy pedagogiki, 112.
- Nikolskaya, O.S., Baenskaya, E.R., & Libling, M.M. (2007) Autistic child: how to help. Moscow, Terevinf, 288.
- Nikolskaya, O.S., Lebedinsky, V.V., Baenskaya, E.R., & Libling, M.M. (2003) Emotional disorders in childhood and their correction. Moscow, Meditsina, 127.
- Nisskaya, A.K. (2018) School readiness outcomes of different preschool educational approaches. *Psychology in Russia: State of the Art*. 11(1), 43–60. doi: 10.11621/pir.2018.0104
- (2014) Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Autism. Route selection»: abstracts. Moscow June 2–4, 2014. Moscow.
- Rogers, S.J., Vismara, L., Wagner, A.L., & McCormick, C., et al. (2014) Autism treatment in the first year of life: a pilot study of infant start, a parent-implemented intervention for symptomatic infants. *J Autism Dev. Disorder*, 44, 2981–2995. doi: 10.1007/s10803-014-2202-y
- Schopler E. & Reichler R. (1971) «Parents as Co-therapists in the Treatment of Psychotic Children». *Journal of Autism and Childhood Schizophrenia*, 1(1), 87–102. doi: 10.1007/BF01537746
- Semago, N.Ya., & Semago, M.M. (2012) Creating special conditions for ASD children in general educational institutions: Methodological collection. Eds. S.V. Alekhin; Ed. E.V. Samsonova. Moscow, MGPPU, 56.
- Semago, N.Ya. (2010) Technology of determining the educational route for a child with disabilities. [*Inklusivnoe obrazovanie*], Issue 2. Moscow: Shkol'naya kniga.
- Serious, A. (2013) Game about Emotions for Children with Autism Spectrum Disorders. *Psychology Journal*, 11(3), 191–211. Retrieved from: [http://www.psychology.org/File/PNJ11\(3\)/PSYCHOLOGY_JOURNAL_11_3_QUEIROS.pdf](http://www.psychology.org/File/PNJ11(3)/PSYCHOLOGY_JOURNAL_11_3_QUEIROS.pdf) (accessed 22.03.2018).
- Shea, V., & Mesibov, G. (2005) Adolescents and adults with autism. In F. Volkmar, R. Paul, A. Klin & D. Cohen (Eds.) *Handbook of autism and pervasive developmental disorders* (288–311), Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Shor, C., & Schopler, E. (1988) Factors relating to age of onset in autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 18, 207–216. doi: 10.1007/BF02211947
- Solomon, R., Necheles, J., Ferch, C., & Bruckman, D. (2007) Pilot study of a parent training program for young children with autism. *Autism*. vol. 11, 3, 205–224. doi: 10.1177/1362361307076842
- Vlasova, T.A., Lebedinsky, V.V., & K.S. Lebedinskaya (Eds.) (1981) Early childhood autism. Moscow, 321.
- Volosovets, T.V., & Kutepova, E.N. (Eds.) (2010) A child in an inclusive preschool educational institution: a methodical manual. Moscow, PFUR, 148.
- Wetherby, A.M. (2006) Understanding and measuring social communication in children with autism spectrum disorders. In T. Charman & W. Stone (Eds.) *Social and communication development in autism spectrum disorders* (3–34), New York, The Guildford Press.

Риски девиантной адаптации у подростков, связанные с потреблением наркотиков, и возможности их профилактики

А.Д. Вислова

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия

Поступила 12 апреля 2018/ Принята к публикации: 27 апреля 2018

Risks of drug-based deviant adaptation and prevention in adolescents

Aminat D. Vyslova

Institute for Humanitarian Studies, Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Received April 12, 2018 / Accepted for publication: April 27, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Актуальность данного исследования обусловлена появлением новых видов наркотических средств и психотропных веществ, «омоложением» возраста приобщения детей и подростков к наркотикам. В литературе отмечается, что информация о наркотических веществах является иницирующей социальную дезадаптацию подростков и формирование их девиантного поведения.

Цель исследования: изучение факторов риска социальной девиантной адаптации, связанных с потреблением наркотиков, роли информации о наркотиках и наркоманах в выборе решения «за» или «против» наркотических веществ. Важным фактором приобщения к наркотикам, на наш взгляд, является влияние наркотической информации, циркулирующей в подростковой среде.

Описание хода исследования. Разработана специальная анкета из 27 вопросов, направленных на выяснение уровня знаний о наркотиках, наркомании и наркоманах до совершения первой пробы. Мы выясняли также частоту потребления наркотиков, способных вызвать зависимость, возможности отказа от наркотиков после начала их потребления, наличие наркоманов в социальном окружении и отношения к ним на временном отрезке между первым предложением попробовать и началом потребления наркотика. В выборку вошли 34 активных наркомана в возрасте 20–29 лет, состоящие на наркологическом учете в г. Нальчик.

Результаты исследования. Анализ данных позволил зафиксировать особенности представлений о наркомании у лиц, имеющих опыт потребления наркотиков. Результаты сравнения ответов на вопросы анкеты активных наркоманов и обычных подростков выявили их неоднородность. Полученные данные свидетельствуют о том, что основными факторами, влияющими на формирование данных представлений, являются возрастной фактор и фактор неосведомленности.

Выводы. В результате исследования обнаружена доступность и значимость сведений о наркотиках, получаемых из информационных источников, от сверстников и взрослых, ориентирующих потенциальных потребителей на безопасность малых доз и «легких» наркотиков. Выявлены поверхностные представления наркоманов о наркотиках и об их опасности до начала потребления. Это позволяет сделать вывод об отсутствии системной профилактики наркозависимости в подростковой среде.

Ключевые слова: девиантная социальная адаптация, девиантное поведение, наркоман, наркотики, подростки, наркотическая информация, профилактика.

Background. The relevance of the study is fueled by the emergence of new types of narcotic drugs and psychotropic substances, “rejuvenation” of children and adolescents who use drugs. The reference literature does not provide the information about those facts that narcotic substances contribute to maladjustment and trigger deviant behavior.

The Objective is to study the risk factors for deviant adaptation associated with drug abuse, the role of information on drugs and drug addicts in choosing a solution “for” or “against” using narcotic substances.

Design. A special questionnaire of 27 questions was developed. The questionnaire was aimed at finding out the level of knowledge about drugs, drug addiction and drug addicts before the first test. The frequency of drug use that could cause addiction was identified. The possibility of quitting using drugs, the presence of addicts in the social environment and their attitude to them on a temporary interval between the first use and the beginning of drug use were analysed. The sample included 34 active drug addicts at the age of 20–29 years, who are registered as drug addicts in Nalchik, Kabardino-Balkaria.

Research Results. The data analysis makes it possible to document the characteristics of drug addiction in those who have experience in drug use. The answers of active drug addicts and ordinary adolescents revealed their heterogeneity. The data obtained show the main factors that influence the heterogeneity are the age factor and the factor of ignorance.

Conclusion. The research results show the availability and relevance of information on drugs obtained from information sources, peers and adults, advertising the safety of small doses and “light” drugs. There are only superficial representations of drug addicts about drugs and their dangers prior to their consumption in adolescents. This allows to make a conclusion about the lack of systemic prevention of drug addiction in adolescents.

Keywords: deviant adaptation, deviant behaviour, addict, drugs, adolescents, drug information, prevention.

Нарушение процесса социальной адаптации молодежи является одной из актуальных проблем современности. Успешность адаптации подрастающего поколения к условиям социальной среды определяется принятием социальных норм и реализацией форм поведения, соответствующих социально одобряемым моделям. Девиантное поведение является проявлением нарушений процесса адаптации и социализации (Карабанова, 2014).

В настоящее время остро стоит проблема девиантной адаптации в молодежной среде, связанной с формированием «наркоманического» сознания. Исследователи широко обсуждают вопросы о том, какие факторы обуславливают эту форму адаптации, причины ее формирования и ранние проявления. Девиантная адаптация связана с самореализацией посредством выхода за пределы существующих социальных требований.

Использование с прошлого века понятия эпидемии для характеристики масштабов распространенности наркомании, не только не теряет своей актуальности, но и становится все более значимым (Westman, 1970). Число людей, употребляющих наркотики, превышает 3% населения мира. Свыше 200 млн. человек хотя бы раз пробовали наркотики, из них 100 млн. являются регулярными потребителями, 50 млн. – хронические больные. Быстрыми темпами растет число несовершеннолетних наркоманов и наркозависимых женщин. Средний возраст юных наркоманов – 13–14 лет. Наблюдается тенденция «омоложения» возраста совершения первой пробы наркотика.

Согласно экспертным данным, в мире доходы от незаконного оборота наркотиков составляют от 500 млрд. до 1,5 трлн. долларов в год. Только в Западной

Европе ежегодные доходы наркобизнеса достигают 200 млрд. долларов. Основное наполнение оборота денег, передвигающихся незаконно, по отношению к легальным деньгам в банковских системах, составляют наркотики, и оно достигает 78%. Об увеличении вложений наркоденег в мировую экономику свидетельствует и то, что только за один 2009 год в банковские системы части ведущих стран мира в качестве ликвидного капитала для компенсации финансовых потерь в условиях финансового кризиса было направлено около 352 миллиардов наркодолларов. Значительная часть наркоденог используется на развитие наркоторговли и финансирование террористических организаций по всему миру (Незаконный оборот наркотиков ..., URL: <http://centerpolit.ru/content.php?id=62>).

Распространенность наркотизма в среде подростков и молодежи достигли уровня, угрожающего национальной безопасности России. Согласно данным Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций, процент российского населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, в 5–8 раз превышает аналогичные показатели в странах Европы, а в отдельных странах – в 20 раз. И пока не наблюдается тенденции к снижению этих показателей (Коновалов, 2011).

По приблизительным оценкам, в России около 3 млн. человек регулярно употребляют наркосодержащие средства, до 6,5 млн. человек употребляют их эпизодически, и порядка 18 млн. человек – хотя бы раз пробовали наркотики. Большая часть – две трети потребителей – это подростки и юноши в возрасте 14–30 лет. Подавляющее большинство наркоманов живет не более 3–5 лет после первого приема наркотика. Только 10% наркоманов доживают до 30-летнего возраста. Причи-

ной смерти становятся передозировка наркотика и болезни (например, сепсис – заражение крови), развившиеся на фоне сниженного иммунитета (Подросток-наркоман ..., URL: <http://vitaportal.ru/zavisimosti/3-5-let-srok-zhizni-podrostka-narkomana.html>). Наркологическую диспансеризацию проходят только до 10% наркоманов, и лишь 1% из них удается реабилитировать, у остальных происходит рецидив, которому они не могут противостоять. По официальным данным ФСКН РФ 80% уличных преступлений совершается с целью добыть средства на очередную дозу наркотика.

Наркопотребление влияет на экономическое благополучие страны. Так, ежедневно 8 млн. российских наркопотребителей тратят на наркотики 4,5 миллиарда рублей и тем самым выводят из ВВП страны до полутора триллионов рублей ежегодно, что в полтора раза выше бюджета министерства обороны и в 3,5 раза – бюджета министерства здравоохранения. Реальный ежегодный ущерб экономике страны составляет, как минимум, 4 триллиона рублей (ФСКН: РФ тратит на борьбу с наркопреступностью ..., URL: <https://ria.ru/economy/20141201/1035995999.html>).

Современные масштабы наркотизации свидетельствуют о развитии наркоиндустрии, которая в структуре теневого сектора экономики страны занимает самостоятельную сферу. Здесь важно учитывать, что масштабность проблемы теневой экономики с достаточной степенью точности охарактеризовать сложно, но по разным оценкам ее удельный вес в структуре реальной экономики достигает 50% и больше. В условиях экономического кризиса весьма ощутимы цифры, отражающие суммарные бюджетные затраты на привлечение к уголовной ответственности наркопотребителей и содержание их в местах лишения свободы, – на 100 тысяч наркоманов тратится 96 миллиардов рублей ежегодно. В сравнении: стоимость контракта на поставку в Россию двух известных французских вертолетоносцев «Мистраль» составила 1,2 миллиарда евро (76,8 миллиарда рублей).

Наркоситуация в регионах тоже неутешительна. Так, в Кабардино-Балкарской республике (КБР) число лиц, эпизодически употребляющих наркотики, из

Аминат Данияловна Вислова –

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
E-mail: avislova@mail.ru
http://www.kbigi.ru/?page_id=2811

года в год растет – за последние три года на 46% (Профилактика наркомании ..., URL: <http://www.kspkbr.ru/index.php/vse-novosti-kbr/854-profilaktika-narkomani-dolzha-byt-skoordinirovannoj-i-sistemnoj-segodnya-yurij-kokov-provel-zasedanie-antinarkoticheskoy-komissii-kbr>). На профилактическом учете в МВД республики состоит 1244 человека с наркотической зависимостью (В КБР формируется база ..., URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kbr-formiruetsya-baza-narkologicheskikh-bolnyh-6983>). Более 80% наркоманов употребляют опийный мак, который завозится из-за границы сотнями тысяч тонн – судами через Новороссийск. Основные поставщики «грязного» мака: Турция и Голландия (Кабардино-Балкария: планы создать ..., URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/news/218260>).

Эксперты выражают уверенность в том, что уровень потребления наркотиков угрожает генофонду нации, если 5% населения страны употребляют наркотики. А как узнать, в какой степени мы близки к этой границе, и что готовит нам день грядущий? Ведь серьезный мониторинг наркоситуации практически отсутствует, это дорогое занятие. Однако это выбор между «за» и «против» жизни.

Возникновение новых вызовов и угроз, связанных с активизацией деятельности преступности, усиление терроризма, экстремизма, появление новых видов наркотических средств и психотропных веществ, устойчивое сокращение численности населения России вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотиков обусловили необходимость принятия «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года». В ней констатируется, что современная наркоситуация в России представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения (Стратегия государственной антинаркотической ..., URL: http://antinark.omskportal.ru/ru/public/sitelist/antinark/stratgap/PageContent/0/body_files/file/2010_06_09_Ukaz_Strategiya_GAP.pdf). На государственную программу реабилитации наркозависимых до 2020 года планируется потратить 175 млрд. рублей (Шокирующая статистика ..., URL: <http://www.romashkovo.org/lechenie-narkomanii/shokiruyushaya-statistika-rossiyskoynarkomanii/>).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что нарушение процесса адаптации, связанное с употреблением наркотиков, является одной из наиболее глобальных проблем, стоящих перед российским обществом.

Девиантное поведение является предметом исследований не только психологии, но и других областей знания, в том числе социологии, педагогики, антропологии, философии, медицины, криминологии и др. Это значит, что понятие «девиантное поведение» носит междисциплинарный характер. Изучению различных аспектов проблемы посвящены труды Я.И. Гилинского (Гилинский, 2004); А.А. Реана (Реан, 2001, 2008, 2015), В.С. Собкина (Собкин, 2005, 2015), С.Н. Ениколопова (Ениколопов, 1999), Е.В. Змановской (Змановская, 2008), Д.И. Фельдштейна (Фельдштейн, 2012), Л.Б. Шнейдера (Шнейдер, 2005), А.Д. Вислового (Вислово, 2009) и др. В них отмечается многогранность данной проблемы и распространенность различных форм девиаций в подростковой среде.

И.С. Кон определяет девиантное поведение как систему поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали (Кон, 1989). Е.В. Змановская рассматривает девиантность как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией (Змановская, 2008).

Для более глубокого понимания сущности девиантного поведения необходимо обратиться к категории «норма», понимаемой Я.И. Гилинским как совокупность требований и ожиданий, предъявляемых обществом к своим членам с целью регуляции их деятельности и отношений. Социальная норма закрепляет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций (Гилинский, 2004). Если кратко,

то под нормой принято понимать нечто среднее и устойчивее (Братусь, 1988).

Девиантное поведение, особенно связанное с наркоманическим «дебютом», приходится на подростковый возраст. Закономерности развития личности, разработанные ведущими учеными отечественной психологической науки (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин) представляют особую значимость при изучении проблем, обуславливающих девиантную адаптацию и нарушение поведения в подростковом возрасте.

Известно, что подростковый этап развития характеризуется неустойчивостью и изменчивостью, поэтому может выступать тем фактором, который способствует формированию девиантных моделей поведения. К началу подросткового возраста складывается специфическая для данного периода система отношений между подростком и окружающей его средой (Эльконин, 2007; Обухова, 2006). Так, несмотря на то, что подросток стремится быть взрослым, большую часть времени он проводит в детском обществе, т.е. обществе своих сверстников (Выготский, 1984).

Основные причины, провоцирующие девиантное поведение подростков, связываются не только с трудностями переходного возраста (Фельдштейн, 2012; Вислово, 2001, 2009), но и с дисгармоничностью личности, нарушением процесса ее развития, акцентуацией характера (Братусь, 1988; Личко, 1991; Реан, 2001). Исследования А.А. Реана показывают, что для девиантной личности характерна неадекватная самооценка. Кроме того, в профиле ее характера присутствуют несколько пиков дисгармоничности и ее социальные отношения отличаются высокой степенью конфликтности (Реан, 2001).

Отмечается также противоречивость функционирования механизмов социального контроля в подростковом возрасте. С одной стороны, у подростков уже не наблюдаются прежнее послушание и демонстрация внешне одобряемых стратегий поведения, а с другой стороны, новые стратегии, основанные на самоконтроле и самодисциплине, еще недостаточно сформировались (Личко, 1991; Шнейдер, 2005).

В.С. Собкин подчеркивает важную особенность подросткового возраста. На-

ряду с нигилизмом и максимализмом, подростку присуще стремление к независимости. Он воспринимает протестные формы поведения как способы проявления взрослости. Существует риск, что «желание выразить протест способно оказать влияние на принятие девиантных форм поведения, трансформируя само отношение подростка к насилию» (Собкин, 2004; 2013).

Факторами, существенно влияющими на становление девиантной личности, являются учебные трудности, травмогенный опыт, включенность в группу с девиантными установками. Л.Б. Шнейдер указывает на то, что девиантная группа не только облегчает совершение девиантных действий, но и обеспечивает психологическую подготовку, поддержку и поощрение таких действий (Шнейдер, 2005).

В ряду факторов, поддерживающих дезадаптивное и девиантное поведение подростка, особое место занимает психологическая атмосфера в семье. В качестве характерных особенностей семейного воспитания, оказывающих

психологический статус человека и его социальное положение (Harre, 1977).

Девиантное поведение не всегда бывает негативно отклоняющимся от нормы. В зарубежной литературе встречается термин «позитивные девианты» (Sternin, Choo, 2000). К данной категории относят людей, которые воспитывались в неблагополучных семьях, и которым удалось стать успешными, вопреки сложившимся стереотипам. Многочисленные наблюдения показали, что молодые люди из проблемных семей способны находить выход из сложных жизненных ситуаций, благодаря неординарным действиям, и стать успешными, даже если они не смогли в своей семье приобрести навыки позитивного поведения (Positive Deviance Initiative).

Первые упоминания о позитивной девиации были сделаны в выводах участников проекта по спасению вьетнамских детей в конце прошлого столетия. Было обнаружено, как нетипичное отношение родителей к питанию детей в условиях массового голода способствовало

магии, циркулирующей в подростковой среде, на приобщение к наркотикам, мало изучены факторы, обуславливающие принятие решения «за» или «против» употребления наркотиков в подростковом возрасте.

Исследование

Не претендуя на полноту рассмотрения проблем девиантной адаптации, мы предприняли попытку изучения некоторых факторов, обуславливающих прием наркотических веществ.

Анализ девиантной адаптации осуществляется нами с опорой на более распространенное понятие «девиантное поведение». Девиантное поведение рассматривается как модель нарушения процесса адаптации, поступки (или готовность к их совершению), противоречащие общепринятым культурно-нравственным ценностям, социально-психологическим и правовым нормам, в том числе злоупотребление алкоголем, наркотиками и другими психоактивными веществами (Вислова, 2001). Во времена нестабильной обстановки в обществе повышается риск девиантной социальной адаптации молодежи с использованием наркотически действующих веществ. Повышенному риску наркотизации подвергаются подростки старшего возраста (14–18 лет).

Исследования, проводившиеся в данном направлении, дают основания полагать, что информация о наркотических веществах является иницирующей дезадаптацию и формирование девиантного поведения. Наркогенная информация – это сообщение о наркотических и других психоактивных веществах, об их свойствах вызывать необычно приятные психические ощущения, о технологии изготовления и использования таких веществ, а также уверения в безопасности малых доз и возможности в любой момент прекратить их прием («соскочить») (Вислова, 2009).

Цель исследования: изучение факторов риска девиантной адаптации, связанной с потреблением наркотиков, роли информации о наркотиках и наркоманах в выборе решения «за» или «против» наркогенных веществ в ситуации риска.

Существующие научно-теоретические подходы расширяют представления о феномене, однако не позволяют выработать единый взгляд на проблему. В большинстве работ представлены отдельные вопросы девиантной адаптации и наркомании, однако в целом степень научной разработанности проблемы не может быть охарактеризована как достаточная

негативное влияние на процесс социально-психологической адаптации и обуславливающих девиантное поведение подростков, выделяются отсутствие эмоциональной близости, нарушения в области детско-родительских отношений, а также неэффективные стили родительства – гипо-, гиперпротекция (Карабанова, 2014 и др.)

Проблема девиантного поведения широко освещена в зарубежной литературе. Интерес представляют работы современных зарубежных исследователей различных аспектов подростковой наркомании (Westman, 1970; Scarpitti, Datesman, 1980; Baldeh, Binka, 1988; Johnson et al., 1989; Blume, 1989; Brook et al., 1989; Bauman, Ennet, 1996; Feigelman et al., 1990; Fetro et al., 2001; Boys et al., 2001). Обобщая результаты проведенного исследования, Р. Харре делает вывод о том, что для понимания механизмов девиантного поведения необходимо учитывать социально-

поддержанию здоровья на оптимальном уровне (Sternin & Sternin, Pascale, 2010). Позитивная девиация является скорее исключением, чем правилом. В реальной жизни значительные проблемы связаны с распространенностью негативных девиаций.

Анализ литературы показал, что научные представления о моделях нормативного и девиантного (отклоняющегося) поведения отражены во множестве работ как зарубежных, так и отечественных ученых. Существующие научно-теоретические подходы расширяют представления о феномене, однако не позволяют выработать единый взгляд на проблему. В большинстве работ представлены отдельные вопросы девиантной адаптации и наркомании, однако в целом степень научной разработанности проблемы не может быть охарактеризована как достаточная. Недостаточно освещены особенности влияния наркогенной инфор-

Исследование направлено на проверку гипотезы о том, что наркогенная информация может выступать фактором риска приобщения к наркотическим веществам и формирования девиантной адаптации.

Выборка. В исследовании участвовали 34 активных наркомана в возрасте 20–29 лет, состоящие на наркологическом учете в г. Нальчик.

Методы исследования. Для целей данного исследования была разработана анкета. Вопросы анкеты направлены на установление уровня знаний испытуемых о наркотиках, наркомании и наркоманах до совершения первой пробы, выяснение их представлений о частоте потребления наркотиков, вызывающей зависимость, а также о возможности отказа от наркотиков после начала их потребления. Интерес представляли вопросы, касающиеся наличия наркоманов в социальном окружении и отношения к ним на временном отрезке между первым предложением попробовать наркотик и наркоманическим дебютом.

Результаты и обсуждение. Мы получили данные о том, что к моменту первого приема 46% респондентов предполагали, что наркотик – это опасное средство, к которому человек быстро привыкает и не может впоследствии отказаться от него, 33% находили его вредным веществом.

Остальные респонденты полагали, что это просто лекарство (3%), или же ничего не знали о наркотиках (8%). Результаты опроса свидетельствуют о том, что до того, как сделать первую пробу наркотиков, 79% опрошенных были осведомлены о том, что наркотики опасны для всех. Придерживались мнения о том, что они опасны только для людей со слабой волей, 8%, и столько же опрошенных не находили их опасными. Вредными только для детей их посчитали 4% (рисунок 1). Вероятность заболеть наркоманией с первой пробы допускали только 25% респондентов. Опрошенные наркоманы начинали принимать наркотики в подростковом возрасте, когда притягательным является поиск стимулов, создающих гедонистический риск.

Очевидно, этим можно объяснить низкий показатель предполагаемой опасности одной пробы среди наркоманов.

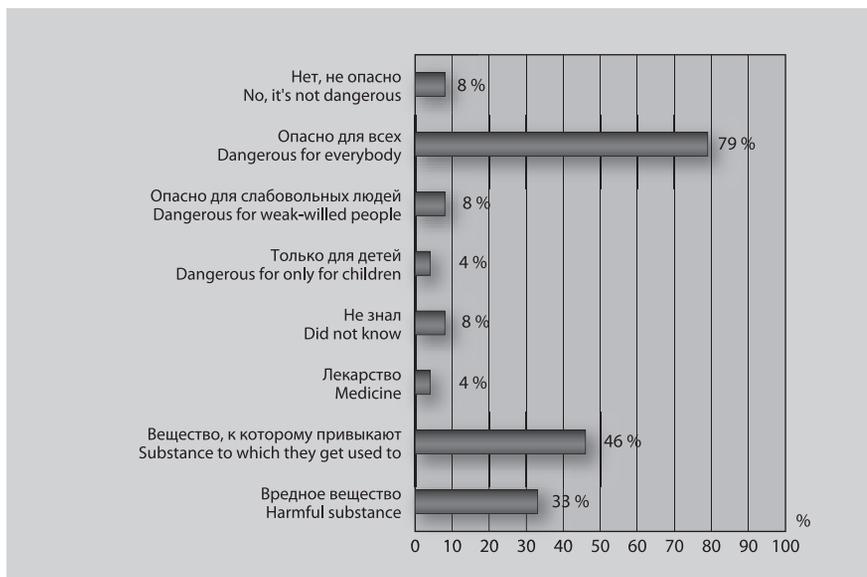

Рис. 1. Осведомленность об опасности наркотиков к моменту приобщения к ним подростков
Fig. 1. Awareness of the drug dangers in adolescents involved in drug taking

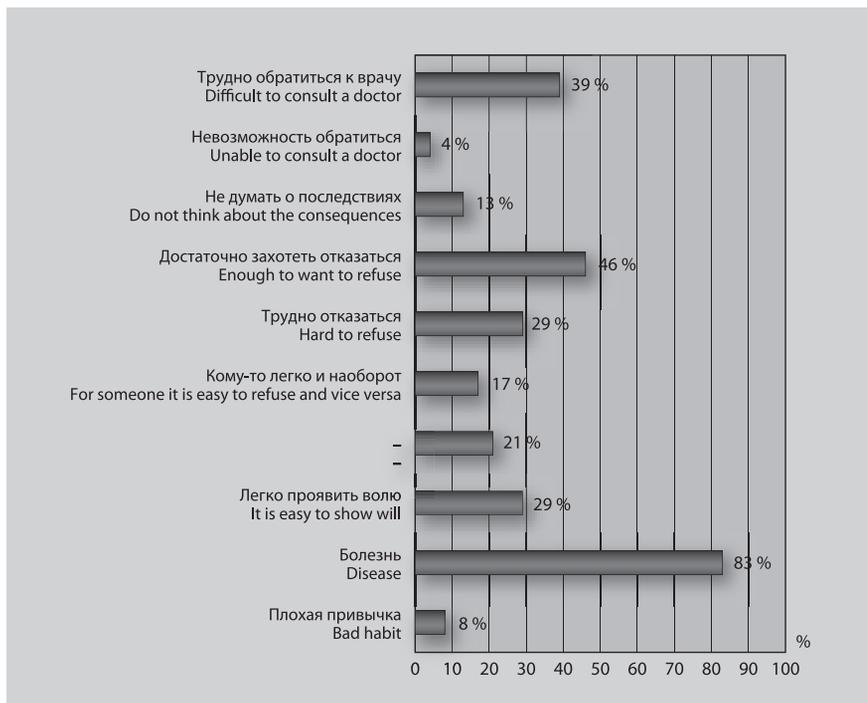

Рис. 2. Информированность о наркомании и оценка вероятности ее решения
Fig. 2. Awareness of drug addiction and assessment of possible solution

Подавляющее большинство (83%) опрошенных были осведомлены о том, что наркомания – это болезнь, вызванная употреблением наркотиков. Другие расценивали наркоманию как плохую привычку.

Угрозу возникновения наркомании с 2–5 проб отмечали 33%, в то время как остальные были убеждены, что для этого необходимо принимать наркотики про-

должительное время. На вопрос о том, легко ли отказаться от наркотиков, полученные ответы распределились следующим образом: «трудно» – 29%; «легко людям с сильной волей» – 29%; «если человек начал употреблять недавно, то легко» – 21%; «кому-то легко, а кому-то сложно» – 17%.

Почти половина опрошенных (46%) предполагали, что можно перестать упо-

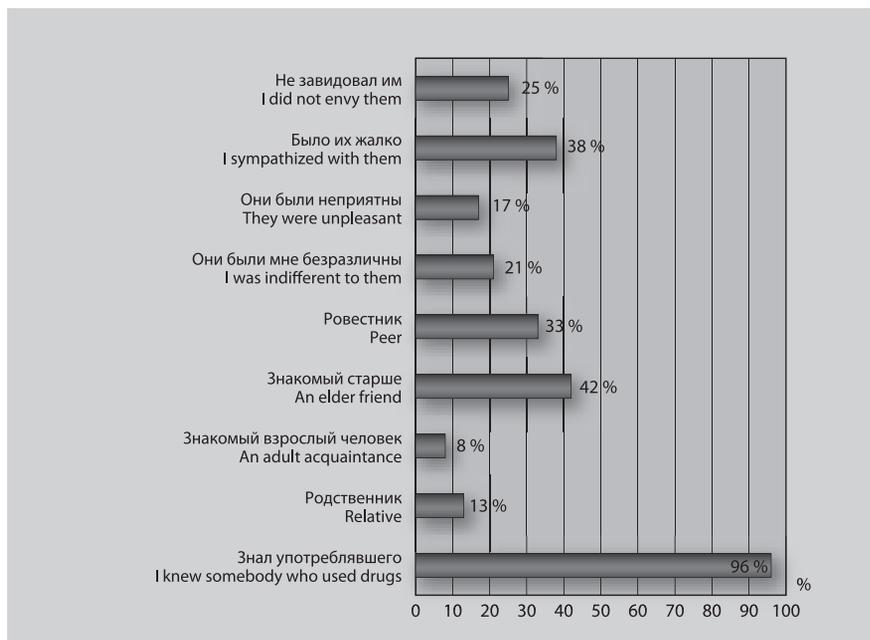

Рис. 3. Наличие наркоманов в ближайшем окружении и отношение к ним

Fig. 3. Drug addicts in the immediate environment and attitude to them

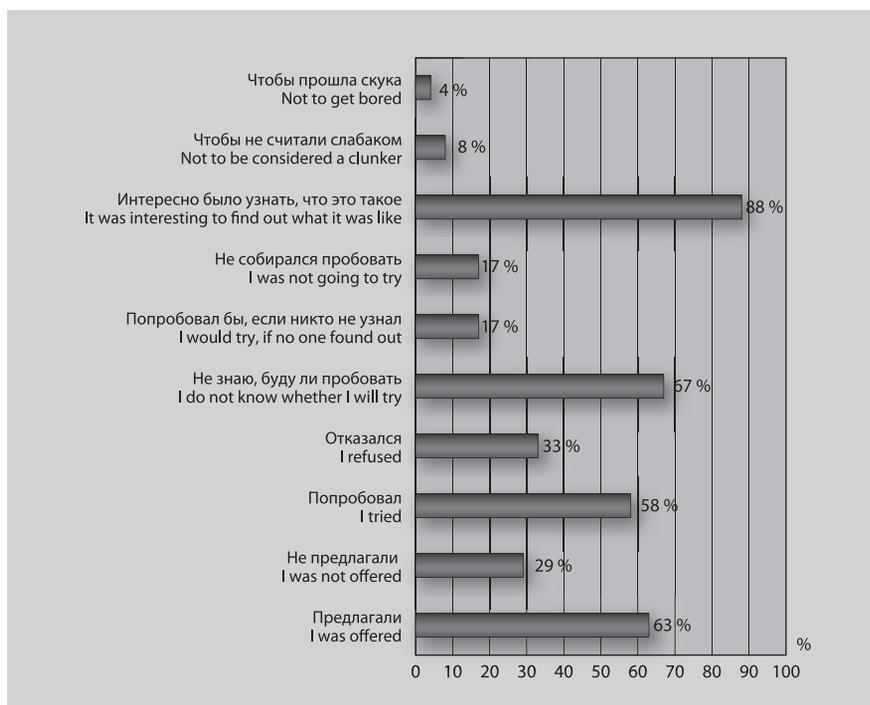

Рис. 4. Риски приобщения к наркотикам

Fig. 4. Risks of drug addiction

треблять наркотики, если только захотеть. 13% респондентов были убеждены в том, что нужно о них не думать и не видеть, а 38% видели решение проблемы в обращении к врачу (см. рис. 2). Здесь уместно подчеркнуть, что опрос проводился в наркологическом кабинете, и данное обстоятельство могло

отразиться на ответах относительно роли врача.

До начала употребления наркотиков 96% респондентов лично знали наркоманов. Как следует из опроса, наркоманы являлись частью ближайшего окружения потенциальных потребителей наркотиков, а не героями кино- или видеофильмов, хотя

роль последних довольно значительна. 75% опрошенных отмечают, что к началу потребления наркотиков они имели наркоманов среди старших знакомых и ровесников, 13% – среди родственников, 8% – среди знакомых взрослых.

До начала приема наркотиков активные наркоманы испытывали к наркозависимым разные чувства: жалость (38%), не завидовали им (25%), проявляли безразличное отношение (21%), находили их неприятными (17%) (см. рис. 3). Привлекает внимание то обстоятельство, что абсолютное большинство респондентов (75%) оценивали наркоманов как больных и неухоженных людей с бледными лицами. Только 21% опрошенных считали их обычными людьми, не находя в них ничего примечательного.

33% респондентов полагали, что наркотики они употребляли потому, что раз начав, не могли бросить. Основной причиной наркомании считали отсутствие значимого занятия и интереса к жизни 29% и 21% опрошенных соответственно. Ничего не знали о причинах 8%. От первого предложения попробовать наркотики не отказались 58% опрошенных, воздержались от приема 3%. Можно предположить, что информация о наркотиках и наркоманах, которой владели испытуемые, была односторонней, поэтому не предотвратила соблазн попробовать наркотик.

Примечательным, на наш взгляд, является то, что 67% данной группы наркоманов не собирались когда-либо попробовать наркотики, 17% были в этом уверены и столько же (17%) хотели попробовать при условии, что об этом никто не узнает. Ведущим мотивом первой пробы наркотика подавляющее большинство (88%) назвало желание удовлетворить любопытство относительно действия наркотического вещества, немногие (8%) – желание почувствовать себя взрослым, крайне мало (4%) – избавление от скуки (см. рис. 4).

Информация о наркотиках, наркомании и наркоманах идет из многих источников: это и учителя, и родители, и друзья, просто знакомые, видеофильмы, телепередачи.

Основная часть опрошенных (83%) обсуждала вопросы о наркотиках и наркоманах с друзьями. Впервые треть опро-

шенных (30%) получили информацию о наркотиках из телепередач, кино- и видеофильмов и четверть (25%) – от друзей. Первую информацию от родителей не получал никто, хотя некоторые (8%) подтверждают, что изредка говорили с родителями о данных проблемах. Разговоры о наркотиках и наркоманах не вызывали ни у кого чувства страха. Одним они были неприятны (38%), другим – интересны (33%), остальным – безразличны (25%) (см. рис. 5).

На весьма значимый вопрос о том, нужно ли знать детям о наркотиках и наркоманах, получены следующие результаты: 92% считают это необходимым, 8% полагают, что делать этого не нужно. При этом 38% отмечают необходимость ведения антинаркотической работы с детьми с 14 лет, 29% – с 7 лет, 25% – с 10 лет.

Таким образом, результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что наркотическая информация может выступать фактором риска приобщения к наркотическим веществам и формирования девиантной адаптации. Из этого следует, что в ситуации наркотического давления среды при отсутствии у молодых людей знаний о последствиях употребления наркотиков и сформированной устойчивости перед соблазном создается высокий риск наркоманического дебюта, обуславливающего девиантную модель адаптации.

Профилактическая антинаркотическая работа

Рассмотренные причины приобщения подростков к наркотическим веществам показывают актуальность организации эффективной антинаркотической профилактики и коррекции девиантного поведения психолого-педагогическими методами. Деятельность, направленная на формирование установки на непотребление наркотически действующих веществ, предполагает учет возрастнo-психологических и гендерных особенностей, ресурсов социальной адаптации подростков. Прежде всего, профилактическая и коррекционная работа должна быть направлена на активизацию самосознания подростков и мотивацию их на здоровый образ жизни.

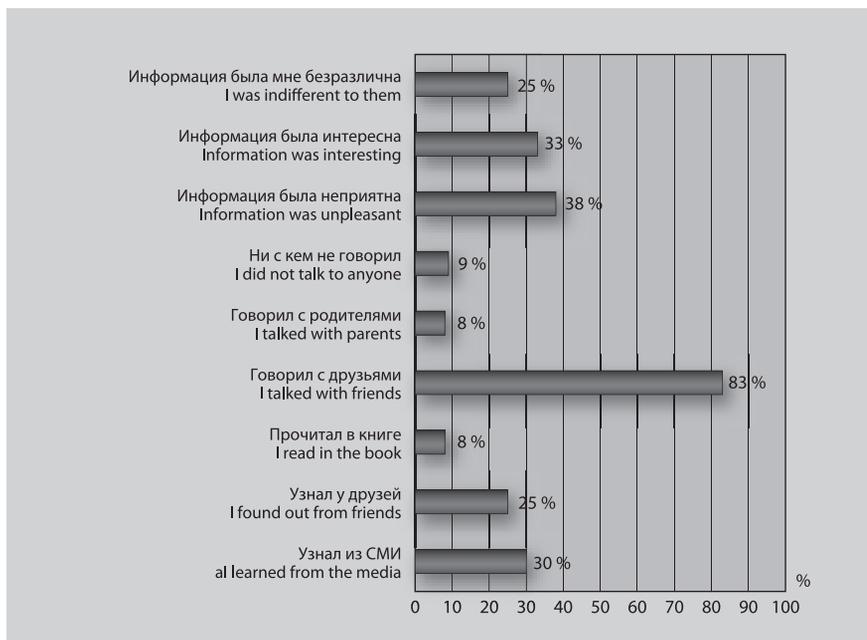

Рис. 5. Источники приобщения к наркотикам и реакция на них

Fig. 5 Sources of drugs and reaction to them

Результаты исследования девиантности подростков служат веским аргументом для организации интенсивной профилактической работы. В ряде зарубежных и отечественных исследований раскрываются вопросы профилактики различных форм девиантного поведения, анализируются оптимальные стратегии и практики его преодоления (Wenter et al., 2002; Wragg, 1984; Nurco, Balter, 1990; Jyson, 1999; Perry, 1987; Lee, 1996; Gerardo, 1995; Кон, 1989; Личко, 1991).

Психолого-педагогические аспекты профилактики и коррекции девиантного поведения с учетом возрастных особенностей развития тщательно разработаны Г.В. Бурменской, О.А. Карабановой, Е.И. Захаровой и А.Г. Лидерсом. Они характеризуют коррекционную деятельность как «особым образом организованное психологическое воздействие, осуществляемое по отношению к группам повышенного риска и направленное на перестройку, реконструкцию тех неблагоприятных психологических новообразований, которые определяются как психологические факторы риска, на воссоздание гармоничных отношений ребенка со средой» (Возрастно-психологический подход ..., 2002, С. 68).

С точки зрения Л.Б. Шнейдер, профилактика любых форм девиантности предполагает вмешательство, как институтов

социального контроля, так и отдельных граждан в решение вопросов, обуславливающих развитие отклоняющегося поведения. Выделяют три уровня профилактики: «общесоциальная профилактика» – улучшение социальных, экономических и экологических условий жизни; «специальная профилактика» – обеспечение мер безопасности, работа с подростками «группы риска», устранение причин, способствующих формированию девиантной адаптации; «индивидуальная профилактика», направленная на работу с отдельными категориями людей с учетом особенностей их развития (Шнейдер, 2005).

Одним из психолого-педагогических методов повышения устойчивости к наркотикам является здоровьесберегающая система, разработанная Г.А. Шичко. Его курс базируется на учениях И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина и других ученых в области психофизиологии. Он исключает какое-либо давление, запугивание, применение медицинских средств и препаратов, более того, заучивания, зачетов или экзаменов. В соответствии с основными положениями метода Г.А. Шичко, курс строится на основе СЛОВА: услышанного, увиденного, произнесенного и написанного. Суть метода заключается в систематической работе человека

над собой. Он должен самостоятельно устранить сформированную под воздействием внешней среды «запрограммированность» на нездоровый образ жизни. Человек четко выполняет все пункты программы, благодаря чему постепенно шаг за шагом, движется к укреплению здоровья и самосовершенствованию.

В основе метода лежит принцип доброжелательного целенаправленного воздействия на сознание человека исключительно доверительной информацией. Более глубокому восприятию информации способствуют ситуационные игры и аутотренинг (релаксация). Начинаются и заканчиваются занятия аутотренингом. Занятия по курсу строятся по принципу учебного процесса и проводятся ежедневно в течение 10 дней (не считая выходные дни), исключая вводное и выпускное занятие. Длительность занятий при этом не превышает двух часов, с обязательным перерывом для отдыха (Метод Шичко, URL: http://naltrim.ucoz.ru/index/metod_shichko/0-17).

Метод ориентирован на выработку навыков самоанализа и критического отношения к наркотически действующим веществам. Использование данного метода открывает новые возможности сниже-

ния риска развития зависимости от различных видов наркотиков. По мере расширения представлений об истинных свойствах наркотиков и осознания их негативного влияния на перспективы самосовершенствования вырабатывается убежденность в необходимости придерживаться принципов здоровой жизни.

Достижению целевых показателей способствует последовательное выполнение требований. Обязательным компонентом программы является ведение специальных дневников, куда подробно записываются собственные мысли, планы и происходящее с человеком. Периодически дневник следует перечитывать и делать выводы (Что из себя представляет метод Шичко, URL: <http://evolkov.net/addiction/articles/Psych.phys.basics.of.Shichko.method.html>). Дневник выполняет и функцию самонаблюдения, предоставляет возможность ретроспективного анализа собственного состояния и внесения некоторых изменений в работу над собой. Для этого предлагаются методические рекомендации: описание собственной позиции по отношению к проблеме, освоение алгоритмов выполнения индивидуального плана работы над собой, анализ осуществления наме-

ченных планов и самоотчет по мотивированным целевым установкам, оценка событий дня и формулирование замысла (решения) на завтра, а также составление и коррекция планов на перспективу (6 месяцев). Самоорганизации в данном случае помогают вопросы, как «В каких случаях и как поступают, что делают другие люди?»; «Зачем они это делают?»; «Что в этом плохого (хорошего)?»; «Как в этом случае поступил бы я?» и др. Освоение программы предполагает формирование устойчивых установок на здоровый образ жизни и отказ от употребления интоксикантов, овладение навыками аутогенной тренировки.

Активное социальное обучение подростков социально-важным навыкам является особо значимым моментом в профилактике девиантного поведения (Карабанова, 2014). В связи с этим, нам представляется актуальным включение метода Г.А. Шичко в базовые учебные планы образовательных учреждений. Это позволит повысить антинаркотическую устойчивость детей, подростков и молодежи, оптимизировать процесс их социальной адаптации в современных условиях кардинальных изменений во всех сферах жизни.

Литература:

- Братусь Б.С. Аномалии личности. – Москва : Мысль, 1988. – 301 с.
- В КБР формируется база наркологических больных [Электронный ресурс] // Республиканское информационное агентство «Кабардино-Балкария» : сайт. URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kbr-formiruetsya-bazanarkologicheskikh-bolnyh-6983>. – (дата доступа 12.05.2017).
- В УФСКН России по Кабардино-Балкарской Республике подведены итоги работы за 1 квартал 2015 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://07.fskn.gov.ru/index.php?limitstart=22> – (дата обращения 16.07.2015).
- Вислова А.Д. Модели формирования и профилактики наркозависимого поведения. – Нальчик : ГП КБР РПК, 2009. – 208 с.
- Вислова А.Д. Психолого-педагогические и социальные аспекты формирования и профилактики наркотической зависимости у детей и подростков : дис. ... канд. психол. наук; [МГУ им. Ломоносова]. – Москва, 2001. – 168 с.
- Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, О.А. Карабанова, А.Г. Лидерс. – Москва : Академия, 2002. – 416 с.
- Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. – Москва, 1984. – 87 с.
- Выступление В.П. Иванова на заседании Министерской конференции «Группы Помпиду», 3 ноября 2010 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://narkotiki.ru/5_6852.htm – (дата обращения 20.09.2015).
- Пилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – Санкт-Петербург, 2004. – 520 с.
- Ениколопов С.Н. Психология девиантного поведения : учеб. пособие. – Москва : Академия, 1999. – 219 с.
- Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2008. – 288 с.
- Кабардино-Балкария: планы создать реабилитационный центр для наркоманов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kapitalrus.ru/index.php/news/218260/> – (дата обращения 21.07.2015).
- Карабанова О.А. Дисгармоничность детско-родительских отношений как фактор риска девиантного поведения личности // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 295–300.
- Кон И.С. Психология ранней юности. – Москва : Просвещение, 1989. – 255 с.

- Коновалов И.Н. Стратегия государственной антинаркотической политики: пути реализации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 2. – С. 137–139.
- Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология : руководство. – Ленинград : Медицина, 1991. – 304 с.
- Метод Шичко. [Электронный ресурс] // Лечение алкоголизма, наркомании ... : сайт. URL: http://naltrim.ucoz.ru/index/metod_shichko/0-17. – (дата доступа 13.04.2018).
- Наркоконтроль. РИА Новости 11. 04. 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urist-edu.ru/akts/41112/index.html> – (дата обращения 23.09.2015).
- Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centerpolit.ru/content.php?id=62> – (дата обращения 17.09.2015).
- Обухова Л.Ф. Возрастная психология : учебник для вузов. – Москва : Высшее образование; МГППУ, 2006. – 460 с.
- Подросток: нормы, риски, девиации / В.С. Собкин, З.Б. Абросимова, Д.В. Адамчук, Е.В. Баранова; под. ред. В.С. Собкина. – Москва : Центр социологии образования РАО, 2005. – 359 с. – (Труды по социологии образования. Т. 10. Выпуск 17).
- Подросток-наркоман. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vitaportal.ru/zavisimosti/3-5-let-srok-zhizni-podrostka-narkomana.html> – (дата обращения 20.09.2015).
- Профилактика наркомании должна быть скоординированной. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kspkbr.ru/index.php/vse-novosti-kbr/854-profilaktika-narkomanii-dolzha-byt-skoordinirovannoj-i-sistemnoj-segodnya-yurij-kokov-provel-zasedanie-antinarkoticheskoy-komissii-kbr> – (дата обращения 16.07.2015).
- Проявления девиации в подростковой субкультуре / В.С.Собкин, З.Б. Абросимова, Д.В. Адамчук, Е.В. Баранова // Вопросы психологии. – 2004. – № 3. – С. 3–19.
- Реан А.А. Практическая психодиагностика личности : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – С. 219–220.
- Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 105–110. doi: 10.11621/npj.2015.0410
- Реан А.А. Психология подростка. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2008.
- Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://antinark.omskportal.ru/ru/public/sitelist/antinark/stratgap/PageContent/0/body_files/file/2010_06_09_Ukaz_Strategiya_GAP.pdf – (дата обращения 30.08.2015).
- Собкин В.С., Мкртычян А.А. Роль социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 2(10). – С. 32–40. doi: 10.11621/npj.2015.0206
- Тхостов А.Ш. Возможности и перспективы социальной патопсихологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 1 – С. 36–50.
- Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогическая наука как ресурс развития современного социума // Мир образования – образование в мире. – 2012. – № 1. – С. 3–19.
- ФСКН: РФ тратит на борьбу с наркопреступностью 96 млрд. руб в год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20141201/1035995999.html> – (дата обращения 23.04.2018).
- Что из себя представляет метод Шичко. [Электронный ресурс] // Корни : сайт. URL: <http://evolkov.net/addiction/articles/Psych.phys.basics.of.Shichko.method.html> – (дата доступа 12 апр 2018).
- Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – Москва : Академический проект, 2005. – 366 с.
- Шокирующая статистика российской наркомании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.romashkovo.org/lechenie-narkomanii/shokiruyushaya-statistika-rossiyskoj-narkomanii/> – (дата обращения:02.08.2015).
- Эльконин Д. Б. Детская психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2007. – 384 с.
- Baldehy, F.S., & Binka J. (1988) Drug misuse and abuse trends in the Gambia. Alcohol, Drugs and Tobacco: Prev.and Contr. / Real. ADN Aspirat.: Proc. 35th Int. Congr. Ale. and Drug Depend. Oslo, 31 July 6 Aug., 34.
- Blume, Sh.B. (1989) Dual diagnosis: Psychoactive substance dependence and the personality disorders. *J. Psychoact. Drugs*, 21(2), 139–144. doi: 10.1080/02791072.1989.10472153
- Boys, A., Marsden J., & Strang J. (2001) Understanding reasons for drug use amongst young people: a functional perspective. *Health. Educ. Res.*, 16 (4), 457–469. doi: 10.1093/her/16.4.457
- Brook, J.S., Nomura, C., & Cohen, P. (1989) A network of influences on adolescent drug involvement: Neighborhood, school, peer, and family. *Genet. Soc. and Gen. Psychol. Monogr*, 115(1), 123–145.
- Feigelman, W., Hyman, M.M., Amann, K., & Feigelman, B. (1990) Correlates of persisting drug use among former youth multiple drug abuse patients. *J. Psychoact. Drugs*, 22(1), 63–75. doi: 10.1080/02791072.1990.10472198
- Fetro, J.V., Coyle, K.K., & Pham, P. (2001) Health risk behaviors among middle school students in a large majority-minority school district. *J. Sch. Health. Jan.*, 71(1), 30–37. doi: 10.1111/j.1746-1561.2001.tb06486.x
- Gerardo, M. Gonzalez. Drug Education in Bolivian Schools: a Feasibility Study for Cross-Cultural Application of a Preventive Curricular Unit (1995) *International review of education*, 41(6), 439–459. doi: 10.1007/BF01263140
- Harre, R. (1997) The orthogenetic approach: Theory and practice. *Experimental social psychology*. NY; L., 10, 283–314.
- Johnson, S., Leonard, K.E., & Jakob, T. (1989) Drinking styles and drug use in children of alcoholics, depressives and controls. *J. Stud. Alcohol*, 50(5), 427–431. doi: 10.15288/jsa.1989.50.427
- Jyson, Harriet (1999) A Load off the Teachers' Backs. Coordinated School Health Programs. *Phi Delta Kappan*, 80(5), 1–8.

- Lee, J. (1996) TACADE: educating for health. Manchester, 21.
- Life skills training (1989) *Promoting health and personal development. Teachers manual.*
- Nurco, D.N., & Balter, M.B. (1990) A plan aimed at the prevention and treatment of drug dependence. *Drug and Alc. Depend*, 50, 193–197. doi: 10.1016/0376-8716(90)90063-K
- Bauman, K.E., & Ennet, S.T. (1966) On the importance for the adolescent drug use: commonly neglected considerations. *Addictions*.
- Pascale, Sternin & Sternin (2010) *The Power of Positive Deviance: How Unlikely Innovators Solve the World's Toughest Problems*, Harvard Business Press. Print, 231.
- Perry, C.L. (1987) Results of prevention programs with adolescents. *Drug and Alc. Depend*, 20(1), 13–19. doi: 10.1016/0376-8716(87)90071-8
- Scarpitti, F., & Datesman, S. (1980) *Drugs and the Youth Culture*. London.
- Sternin, J., & Choo, R. (2000) The power of positive deviancy. *Harvard Business Review*, January-February, 14–15.
- Wenter, D.L., Ennett, S.T., Ribisl, K.M., Vincus, A.A., Rohrbach, L., Ringwalt, C.L., & Jones, S.M. (2002) Comprehensiveness of substance use prevention programs in U.S. middle schools. *J. Adolesc. Health*. Jun, 30(6), 455–462. doi: 10.1016/S1054-139X(02)00346-4
- Westman, W. (1970) The drug epidemic: what it mean and how to combat it. *Dial Press*, 239.
- Wragg, J. (1984) Ideas for drug and alcohol education for students in years 5–8. N.S.W.

References:

- Adolescent addict. Retrieved from: <http://vitaportal.ru/zavisimosti/3-5-let-srok-zhizni-podrostka-narkomana.html> (accessed: 20.03.2018).
- Burmenskaya, G.V., Zakharova, E.I., Karabanova, O.A., & Lidars A.G. (Eds.) (2002) *Age-psychological approach in counseling children and adolescents: manual for higher school*. Moscow, Izdatel'skiy Tsenter «Akademiya», 416.
- Baldehy, F.S., & Binka J. (1988) Drug misuse and abuse trends in the Gambia. *Alcohol, Drugs and Tobacco: Prev.and Contr. / Real. ADN Aspirat.: Proc. 35th Int. Congr. Ale. and Drug Depend*. Oslo, 31 July 6 Aug., 34.
- Blume, Sh.B. (1989) Dual diagnosis: Psychoactive substance dependence and the personality disorders. *J. Psychoact. Drugs*, 21(2), 139–144. doi: 10.1080/02791072.1989.10472153
- Boys, A., Marsden J., & Strang J. (2001) Understanding reasons for drug use amongst young people: a functional perspective. *Health. Educ. Res.*, 16 (4), 457–469. doi: 10.1093/her/16.4.457
- Bratus, B.S. (1988) *The Anomalies of the individual*. Moscow, Mysl', 301.
- Brook, J.S., Nomura, C., & Cohen, P. (1989) A network of influences on adolescent drug involvement: Neighborhood, school, peer, and family. *Genet. Soc. and Gen. Psychol. Monogr*, 115(1), 123–145.
- Drug control. RIA Novosti 11. 04. 2013. Retrieved from: <http://urist-edu.ru/akts/41112/index.html> (accessed: 20.03.2018).
- Drug prevention must be coordinated. Retrieved from: <http://www.kspkbr.ru/index.php/vse-novosti-kbr/854-profilaktika-narkomanii-dolzha-byt-skoordinirovannoj-i-sistemnoj-segodnya-yurij-kokov-provel-zasedanie-antinarkoticheskoy-komissii-kbr> (accessed: 20.03.2018).
- Drug trafficking is a threat to Russia's national security. Retrieved from: <http://centerpolit.ru/content.php?id=62> (accessed: 20.03.2018).
- Elkonin, D.B. (2007) *Child psychology: manual for higher school*. Moscow, Akademiya, 384.
- Enikolopov, S.N. (1999) *Psychology of deviant behavior: manual*. Moscow, Akademiya, 219.
- FDCS: Russia spends 96 billion a year on struggling drug trafficking. Retrieved from: <https://ria.ru/economy/20141201/1035995999.html> (accessed: 23.04.2018).
- Feigelman, W., Hyman, M.M., Amann, K., & Feigelman, B. (1990) Correlates of persisting drug use among former youth multiple drug abuse patients. *J. Psychoact. Drugs*, 22(1), 63–75. doi: 10.1080/02791072.1990.10472198
- Feldstein, D.I. (2012) Psychological and pedagogical science as a resource for the development of modern society. *[Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire]*, 1, 3–19.
- Fetro, J.V., Coyle, K.K., & Pham, P. (2001) Health risk behaviors among middle school students in a large majority-minority school district. *J. Sch. Health*. Jan., 71(1), 30–37. doi: 10.1111/j.1746-1561.2001.tb06486.x
- Gerardo, M. Gonzalez. Drug Education in Bolivian Schools: a Feasibility Study for Cross-Cultural Application of a Preventive Curricular Unit (1995) *International review of education*, 41(6), 439–459. doi: 10.1007/BF01263140
- Gilinsky, Ya. (2004) *Deviantology: Sociology of crime, drugs, prostitution, suicide and other «deviations»*. SPb., 520.
- Harre, R. (1997) The orthogenetic approach: Theory and practice. *Experimental social psychology*. NY.; L., 10, 283–314.
- In the UFSKN of Russia in Kabardino-Balkar Republic summed up the work for the 1st quarter of 2015. Retrieved from: <http://07.fskn.gov.ru/index.php?limitstart=22> (accessed: 20.03.2018).
- Johnson, S., Leonard, K.E., & Jakob, T. (1989) Drinking styles and drug use in children of alcoholics, depressives and controls. *J. Stud. Alcohol*, 50(5), 427–431. doi: 10.15288/jsa.1989.50.427
- Jyson, Harriet (1999) A Load off the Teachers' Backs. Coordinated School Health Programs. *Phi Delta Kappan*, 80(5), 1–8.
- Kabardino-Balkaria: plans to create a rehabilitation center for drug addicts. Retrieved from: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/news/218260/> (accessed: 20.03.2018).
- Karabanova, O.A. (2014) Disharmonically parent-child relationship as a risk factor for deviant behavior of the personality. *[Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii]*, 12, 295–300.
- Kon, I.S. (1989) *Psychology of early adolescence*. Moscow, Prosveshchenie, 255.

- Konovalov, I. N. (2011) Strategy of the state anti-drug policy: ways of implementation. [*Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*], 2, 138. Retrieved from: <http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/documents/pppg/files/pppg-02-2011.pdf> (accessed: 20.03.2018).
- Lee, J. (1996) TACADE: educating for health. Manchester, 21.
- Lichko, A.E., & Bitensky, V.S. (1991) Teenage narcology: teacher's book. L., Medicine, 304.
- Life skills training (1989) *Promoting health and personal development. Teachers manual.*
- Shichko Method. Retrieved from: http://naltrim.ucoz.ru/index/metod_shichko/0-17 (accessed: 13.04.2018).
- Nurco, D.N., & Balter, M.B. (1990) A plan aimed at the prevention and treatment of drug dependence. *Drug and Alc. Depend*, 50, 193–197. doi: 10.1016/0376-8716(90)90063-K
- Obukhova, L.F. (2006) Age psychology: textbook for universities. Moscow, Vysshee obrazovanie; MGPPU, 460.
- Bauman, K.E., & Ennet, S.T. (1966) On the importance for the adolescent drug use: commonly neglected considerations. *Addictions*.
- Pascale, Sternin & Sternin (2010) The Power of Positive Deviance: How Unlikely Innovators Solve the World's Toughest Problems, Harvard Business Press. Print, 231.
- Perry, C.L. (1987) Results of prevention programs with adolescents. *Drug and Alc. Depend*, 20(1), 13–19. doi: 10.1016/0376-8716(87)90071-8
- Positive Deviance Initiative. Retrieved from <http://www.positivedeviance.org>. Date of use: 20.04.2018.
- Rean, A.A. (2001) Practical psychodiagnostics personality. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Petersburgskogo universiteta, 219–220.
- Rean, A.A. (2015) Risk Factors of deviant behavior: family context. *National Psychological Journal*, 4, 105–110. doi: 10.11621/npj.2015.0410
- Rean, A.A. (2008) Psychology of a teenager. SPb: Izdatel'stvo «Prime -Eurosign».
- Scarpitti, F., & Datesman, S. (1980) Drugs and the Youth Culture. London.
- Shichko Method. Retrieved from: http://naltrim.ucoz.ru/index/metod_shichko/0-17 (accessed: 13.04.2018).
- Schneider, L.B. (2005) Deviant behavior of children and adolescents. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 366.
- Shocking statistics of Russian drug addiction. Retrieved from: <http://www.romashkovo.org/lechenie-narkomanii/shokiruyushaya-statistika-rossiyskoy-narkomanii/> (accessed: 20.03.2018).
- Sobkin, V.S., & Mkrtchyan, A.A. (2015) the Role of social cultural factors in shaping attitudes to extremism in students of Moscow and Riga. *National Psychological Journal*, 2, 32–40. doi: 10.11621/npj.2015.0206
- Sobkin, V.S., Abrosimova, Z.B., Adamchuk, D.V., & Baranova, E.V. (2004) Manifestations of deviation in the adolescent subculture [*Voprosy psikhologii*], 3, 3–19.
- Sobkin, V.S., Abrosimova, Z.B., Adamchuk, D.V., & Baranova, E.V. (2005) Adolescent: norms, risks, deviations. Moscow, Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO, 359 (proceedings of the sociology of education; 10(17). Retrieved from: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=22374> (accessed: 20.04.2018).
- Speech by V.P. Ivanov at the session of the «Pompidou Group» Ministerial conference, November 3, 2010. Retrieved from: http://narkotiki.ru/5_6852.htm (accessed: 20.03.2018).
- Sternin, J., & Choo, R. (2000) The power of positive deviancy. Harvard Business Review, January-February, 14–15.
- Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020. Retrieved from: http://antinark.omskportal.ru/ru/public/sitelist/antinark/stratgap/PageContent/0/body_files/file/2010_06_09_Ukaz_Strategiya_GAP.pdf (accessed: 20.03.2018).
- The CBI is making the base of drug treatment patients. Retrieved from: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kbr-formiruetsya-baza-narkologicheskikh-bolnyh-6983> (accessed: 20.03.2018).
- Tkhostov, A.Sh. (2017) Possibilities and prospects of social psychopathology. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 1, 36–50.
- Vislova, A. D. (2009) Models of developing and preventing drug-dependent behaviour. Nalchik, GP CBD PKK, 208.
- Vislova, A. D. (2001) Psychological, pedagogical and social aspects of development and prevention of drug addiction in children and adolescents: Ph.D. in Psychology, Thesis. [*MGU im. Lomonosova*], Moscow, 168.
- Vygotsky, L.S. (1984) The problem of age. Moscow, Vol. 4, 87.
- Wenter, D.L., Ennett, S.T., Ribisl, K.M., Vincus, A.A., Rohrbach, L., Ringwalt, C.L., & Jones, S.M. (2002) Comprehensiveness of substance use prevention programs in U.S. middle schools. *J. Adolesc. Health*. Jun, 30(6), 455–462. doi: 10.1016/S1054-139X(02)00346-4
- Westman, W. (1970) The drug epidemic: what it mean and how to combat it. *Dial Press*, 239.
- What is the method of Shichko. Retrieved from: <http://evolkov.net/addiction/articles/Psych.phys.basics.of.Shichko.method.html> (accessed: 12.04.2018).
- Wragg, J. (1984) Ideas for drug and alcohol education for students in years 5–8. N.S.W.
- Zmanovskaya, E.V. (2008) Deviantology: (Psychology of deviant behavior): manul for higher school. Moscow, Akademiya, 288. Retrieved from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/218508.%20 (accessed: 20.03.2018).

Оценка успешности воспроизведения эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций при использовании систем виртуальной реальности

Г.Я. Меньшикова, О.А. Савельева, М.С. Ковязина
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 26 октября 2017/ Принята к публикации: 19 ноября 2017

Assessing successful reproduction of egocentric and allocentric spatial representations using virtual reality

Galina Ya. Menshikova*, Olga A. Savelyeva, Maria S. Kovyazina
Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia
*Corresponding author E-mail: gmenshikova@gmail.com

Received October 26, 2017 / Accepted for publication: November 19, 2017

Актуальность. В настоящее время в сфере психологической реабилитации возросла необходимость разработки инновационных методов тестирования когнитивных нарушений с помощью современных технологий. Одной из актуальных задач является разработка методов диагностики и коррекции нарушений пространственных представлений, которые, в частности, проявляются в снижении успешности запоминания пространственных свойств среды.

Цель. Для изучения этого вопроса мы разработали метод оценки точности кодирования пространственной информации, используя который исследовалась успешность воспроизведения трехмерных сложных сцен. Предполагалось, что точность их воспроизведения будет значимо различаться в зависимости от системы координат (эгоцентрической или аллоцентрической) мысленной реконструкции сцены.

Описание хода исследования. Были созданы библиотека виртуальных объектов и шесть уникальных виртуальных сцен. Каждая сцена включала семь объектов и предъявлялась на 25 секунд. Тридцать шесть человек в возрасте от 18 до 26 лет приняли участие в эксперименте. Их задачей было запомнить объекты и их местоположение, а затем воспроизвести сцену по памяти, используя заданный ракурс наблюдения. Предлагались три ракурса: «спереди» (из эгоцентрической позиции), «слева» и «сверху» (из воображаемых аллоцентрических позиций «слева» и «сверху»). Для выполнения задачи участники выбирали объекты из библиотеки виртуальных объектов и расставляли их в виртуальном пространстве в соответствии с запомненной сценой. Регистрировались их координаты в виртуальном пространстве. Затем рассчитывались точность воспроизведения сцены в блоках эгоцентрических репрезентаций (ЭР) и аллоцентрических репрезентаций (АР) кодирования пространственной информации по параметрам метрики, топологии и глубины.

Результаты. Показано, что эгоцентрические репрезентации (ракурс «спереди») по всем указанным параметрам формируются значимо точнее, по сравнению с аллоцентрическими репрезентациями (ракурсы «слева» и «сверху»). Независимо от ракурса, топологические параметры пространства сохраняются в кратковременной памяти значимо точнее, чем параметры глубины, которые, в свою очередь, кодируются более точно, чем параметры метрики. Также показано, что точность кодирования пространственных представлений различается для двух типов аллоцентрических ракурсов – ракурс «сверху» воспроизводится значимо точнее, чем ракурс «слева».

Выводы. Разработанный нами метод позволил выявить особенности кодирования пространственной информации в ЭР и АР блоках по параметрам метрики, топологии и глубины. Он может использоваться в клинической реабилитации для тестирования нарушений восприятия пространства и нарушений кратковременной памяти. Полученные нами результаты позволяют уточнить современные модели кодирования пространственной информации.

Ключевые слова: кратковременная память, кодирование пространственных репрезентаций, эгоцентрическая и аллоцентрическая системы, технология виртуальной реальности, CAVE системы.

Background. Currently in psychological rehabilitation the necessity of developing innovative methods for testing cognitive dysfunctions with via the modern sophisticated technology is becoming increasingly important. One of the urgent requests is associated with developing the methods of diagnostics and correction of spatial representations disorders, which are manifested by decreasing accuracy of spatial representations of the environment in particular.

Objective. To study this issue the method for evaluating the accuracy of spatial information using which the ability to memorize the three-dimensional complex scenes was developed. It was assumed that the accuracy of reproduction would differ significantly depending on the coordinate (egocentric or allocentric) system of mental reconstruction processing.

Design. The library of virtual objects and six unique virtual scenes were created. Each scene of seven objects was shown to the participants within the interval for 25 seconds. Thirty six subjects (aged from 18 to 26) participated in the experiment. They were told to memorize the objects and their locations, and then to reproduce the memorized scene using the given viewpoint of the scene. Three viewpoints were chosen: the «front» (to reproduce the scene from the egocentric position); the «left» and the «above» (to reproduce the memorized scene from on the left and above imaginary allocentric positions, respectively). To perform the task the participants chose objects from the library of virtual objects using the flystick 2 and placed them in virtual space in accordance with the memorized scene. The object locations in virtual space were recorded. Moreover, the accuracy of egocentric and allocentric representations in terms of measurements, topology and depth parameters were calculated.

Conclusion. The results show that the egocentric representations (the «front» viewpoint) were more accurate for all parameters in comparison with the allocentric representations (the «left» and the «above» viewpoints), and the «above» representations were more accurate compared with the «left» ones. The topological accuracy was much better than the measurements and depth accuracy. Regardless of the viewpoints, the topological space parameters are stored in memory much more accurately than the depth parameters, which, in turn, are reproduced more accurately than metric parameters. It was also shown that the accuracy of spatial representations differs for different allocentric viewpoints: the «above» view is reproduced much more accurately than the «left» view.

The method developed made it possible to reveal the features of encoding spatial information in ER and AP blocks in terms of measurements, topology and depth parameters. It can be used in clinical rehabilitation to test impairments in the perception of space, and also violations of short-term memory. The results obtained allow refining the existing models of encoding spatial information.

Keywords: short-term memory, accuracy of spatial representation coding, egocentric and allocentric systems, virtual reality, VR, CAVE.

Способность адекватно оценивать пространственные свойства окружающей среды играет важную роль в повседневной жизни, поскольку позволяет человеку без затруднений перемещаться в знакомой и незнакомой местности, оценивать взаимное расположение объектов и запоминать их локализацию. Формирование простран-

ских закономерностей, обеспечивающих успешное кодирование пространственной информации, является одной из важных задач многих отраслей психологической науки: психологии обучения, когнитивной и социальной психологии, психологии спорта. В частности, в последнее время резко возросла необходимость разработки методов диагностики

Изучение психологических закономерностей, обеспечивающих успешное кодирование пространственной информации, является одной из важных задач многих отраслей психологической науки: психологии обучения, когнитивной и социальной психологии, психологии спорта

венных представлений является базовой когнитивной функцией, лежащей в основе не только восприятия, но и других когнитивных процессов: пространственной памяти (spatial memory), пространственного интеллекта (spatial intelligence), пространственного внимания (spatial attention) и др. Изучение психологиче-

и коррекции нарушений пространственных представлений в области психологической реабилитации (Dobrushina, Varako, Kovyazina, 2016; Ковязина, Варако, Рассказова, 2017).

Впервые предположение об особом типе интеллекта, ответственном за восприятие пространства, было высказано

Э. Терстоуном (Thurstone, 1924). Этот тип был назван пространственным фактором интеллекта и определен как способность оперировать мысленными пространственными образами, схемами и моделями реальности. Функционально выделенный фактор отвечал за успешность и скорость восприятия пространственных отношений, а также за способность мысленно манипулировать зрительными образами. Позднее понятие пространственного интеллекта было развито в работах Х. Гарднера (Gardner, 1996), в которых он понимался как способность воспринимать и модифицировать пространственную информацию, а также воссоздавать зрительные образы без обращения к реальным стимулам. Отмечалось, что характерными свойствами мысленных образов является их трехмерность и способность подвергаться мысленному перемещению и вращению. Для изучения пространственных свойств мысленных образов была сформулирована проблема перцептивной конгруэнтности, суть которой состояла в выявлении закономерностей метрической соотнесенности реальных пространственных сцен и их ментальных образов. Ее изучением занимались многие западные (Март, 1986; Ричардсон, 2006; Kosslyn et al., 2006) и отечественные исследователи (Веккер, 1998; Величковский, 2006). Они экспериментально показали, что мысленные репрезентации не являются точным слепком реальных сцен, и их пространственные свойства зависят от многих психологических факторов. Например, было показано, что метрика пространственных репрезентаций искажается в зависимости от того, насколько знаком путь прохождения, а также под действием фактора конфигурации окружающих ориентиров (Величковский и др., 1986). Другим примером является исследование формирования когнитивных карт пространства в виртуальных средах, где был выявлен феномен «сжатия» пространства под воздействием негативных эмоциональных состояний субъекта (Меньшикова и др., 2014).

В научной литературе выделяют два типа пространственных репрезентаций, кодирующих информацию о расположении объектов: эгоцентрические репрезентации (ЭР) и аллоцентрические репрезентации (АР) (Klatzky, 1998). В первом типе положение объектов ко-

Галина Яковлевна Меньшикова –
доктор психологических наук, зав. лабораторией
«Восприятие» факультета психологии МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: gmenshikova@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/Menshikova_Galina/

Ольга Александровна Савельева –
аспирант кафедры общей психологии факультета
психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: savelevapsy@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/Saveleva_Olga/

Мария Станиславовна Ковязина –
доктор психологических наук, член-корреспондент
РАО, профессор кафедры нейро- и патопсихологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр
неврологии»
E-mail: kms130766@mail.ru
<https://istina.msu.ru/profile/KovyazinaMariaStanislavovna/>

дируется относительно наблюдателя, при этом точка начала координат располагается на теле наблюдателя. Во втором типе местоположение объектов кодируется друг относительно друга, а локализация объектов осуществляется безотносительно позиции наблюдателя. Основные принципы кодирования пространственной информации в ЭР и АР блоках пространственной памяти представлены на рис. 1.

Актуализация информации посредством данных каждого из блоков тесно связана с выполняемыми субъектом задачами. Так, данные блока ЭР, как правило, более важны в таких задачах, как «достать рукой» или «присесть на стул». Однако в задачах «дойти из пункта А в пункт Б» или «переставить вазу в другое место» более важную роль должны играть данные аллоцентрической системы кодирования.

Разработка моделей кодирования пространственной информации проводилась при изучении процессов долговременной памяти. В одних моделях пространственной памяти предполагалось, что локализация и взаимная ориентация объектов кодируется сначала в блоке ЭР, а затем пересчитывается в блок АР с учетом изменения положения наблюдателя при навигации в среде (Wang, Spelke, 2000). Позднее была предложена модель параллельной обработки пространственной информации в ЭР и АР блоках, причем, предполагалось, что соотношение их вкладов динамически меняется в зависимости от решаемой субъектом задачи (Burgess, 2006). Позднее были высказаны предположения о приоритете блока АР, которые основывались на современных поведенческих, нейропсихологических и нейрофизиологических данных о кодировании пространственной информации (Filimon, 2015). В настоящее время большинство исследователей согласны с тем, что в процессе обработки актуальной пространственной информации одновременно участвуют оба типа кодирования. Однако мнения исследователей расходятся относительно роли тех факторов, которые определяют вклад каждого из блоков в процесс кодирования пространственной информации в долговременной памяти. Проведенный нами анализ научной литературы показал, что вопрос о роли ЭР и АР блоков в процессе формирования

образов в кратковременной памяти не исследовался.

При изучении особенностей функционирования пространственной памяти активно дискутировался вопрос о точности кодирования пространственной информации. Основные результаты в этом направлении были получены при изучении особенностей формирования когнитивных карт пространства в долговременной памяти (Tolman, 1948; Найссер, 1981; Wang, Spelke, 2002; Rinck, Denis, 2004). При использовании методов прямой и косвенной реконструкции воспринимаемого пространства было выявлено, что ментальные карты пространства (особенно знакомого пространства) достаточно точно отображают свойства окружающего пространства. Эти данные позволили высказать предположение о том, что между окружающей средой и ее ментальным отображением существует структурное подобие, обозначенное как изоморфизм второго порядка (Shepard, Chipman, 1970). Наличие механизма изоморфного отображения показывает значимую роль кодирования не только топографических, но и метрических свойств среды. Были получены и многочисленные данные о систематических искажениях при запоминании пространственных отношений между объектами. Так, было показано, что когнитивные карты пространства носят скорее обобщенный и схематичный характер. Это проявляется, в частности, в том, что в ментальных образах более адекватно представлена топологическая и менее

точно метрическая информация (Величковский, 2006). Были высказаны предположения о том, что несоответствия в оценке расстояний и направлений могут быть связаны с когнитивными принципами организации информации (Tversky, 1992). Одним из источников ошибок может являться иерархическая структура когнитивных карт, согласно которой более точно отображаются пространственные факторы, занимающие в иерархии более высокое положение (ориентиры, пересечения, направления), тогда как факторы, относящиеся к низкой иерархии, могут отображаться менее точно. Также причиной искажений пространственных репрезентаций может являться неадекватная интерпретация признаков глубины и удаленности. Следует отметить, что указанные ошибки принципиально не могут быть нивелированы, из чего следует, что любая мысленная репрезентация обладает неточностями.

В ряде работ изучались характеристики кодирования пространственной информации в кратковременной памяти при использовании специальной методики мысленного вращения (Shepard, 1971). Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что зрительные образы хранятся, скорее всего, в виде зрительных кодов, сохраняющих метрические свойства реального пространства, их можно мысленно сканировать, причем, время сканирования зависит от воспринимаемых размеров образа и сложности его пространственной структуры.

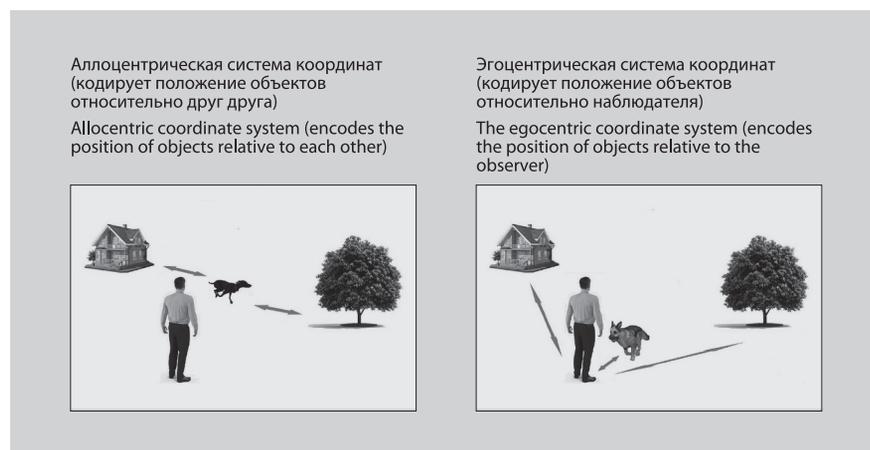

Рис. 1. Кодирование пространственной информации в аллоцентрическом (слева) и эгоцентрическом (справа) блоках пространственной памяти.

Fig. 1. Encoding spatial information in the allocentric (left) and egocentric (right) blocks of spatial memory.

Зрительные образы хранятся, скорее всего, в виде зрительных кодов, сохраняющих метрические свойства реального пространства, их можно мысленно сканировать, причем, время сканирования зависит от воспринимаемых размеров образа и сложности его пространственной структуры.

Процессы кодирования пространственной информации в кратковременной памяти рассматривались в работах Познера и его коллег (Posner, Boies, 1971). Результаты проведенных им исследований позволили выделить самостоятельный блок визуально-пространственной матрицы, имеющей две составляющие: визуальную (яркость, форма, цвет, размер) и пространственную (местоположение, взаимное расположение). Согласно предложенной модели, осуществляется кодирование пространственной информации о взаимном расположении объектов сцены. Возникает вопрос о том, какие механизмы используются в кратковременной памяти для кодирования пространственной информации? Существуют ли в кратковременной памяти рассмотренные выше ЭР и АР типы пространственных репрезентаций? Ответ на этот вопрос может быть утвердительным, если обратиться к теории уровней переработки информации, предложенной Ф. Крэйком и Р. Локхардом (Craik, Lockhart, 1972). Авторы высказали гипотезу о том, что не существует кратковременной и долговременной памяти в виде отдельных структур со своими специфическими закономерностями обработки информации, напротив, структура памяти едина и имеет общие механизмы функционирования. Используя эту гипотезу, можно предположить, что в кратковременной памяти (так же, как и в долговременной) формируются эгоцентрические и аллоцентрические репрезентации, которые

работы эгоцентрического и аллоцентрического блоков кодирования. Например, в модели долговременной пространственной памяти Р. Ванга и Е. Спелке (Wang, Spelke, 2000), точность формирования аллоцентрической репрезентации зависит не только от эффективности кодирования эгоцентрической информации, но и от эффективности работы промежуточного модуля, в котором обрабатывается информация об особенностях изменения эгоцентрических репрезентаций в процессе навигации. В модели подчеркивалась важность этого модуля, поскольку предполагалось, что именно он отвечает за точность перекодирования эгоцентрических репрезентаций, сформированных на более раннем сенсорном уровне, в более поздние абстрактные аллоцентрические репрезентации.

Для изучения процессов кодирования пространственной информации в ЭР и АР блоках необходимо найти методы оценки точности кодирования и дальнейшего воспроизведения информации, сохраненной в ЭР и АР блоках кратковременной памяти. Для этого на этапе планирования эксперимента были разработаны: во-первых, метод предъявления объектов в задаче запоминания и последующего воспроизведения сложных трехмерных сцен, во-вторых, метод оценки успешности воспроизведения пространственных репрезентаций и, в-третьих, метод анализа успешности воспроизведения пространственных репрезентаций.

Мы предположили, что наиболее адекватным для предъявления объектов в задачах запоминания и последующего воспроизведения трехмерной сцены является использование технологии виртуальной реальности, поскольку она обладает рядом неоспоримых преимуществ при решении наших задач

могут отличаться по точности кодирования пространственной информации. Это предположение основано на гипотезах о временных ограничениях обработки информации в кратковременной памяти, а также о функциональных особенностях

В последнее время для изучения когнитивных процессов (восприятия, внимания, памяти) все чаще стали использоваться современные цифровые технологии, среди которых одной из наиболее эффективных считается техноло-

гия виртуальной реальности (Zinchenko et al., 2015; Smith, 2015; Menshikova et al., 2017). Ее применение позволило найти новые способы решения научных и прикладных задач, которые было невозможно или затруднительно решать при помощи классических методов психологического исследования. Мы предположили, что наиболее адекватным для предъявления объектов в задачах запоминания и последующего воспроизведения трехмерной сцены является использование технологии виртуальной реальности, поскольку она обладает рядом неоспоримых преимуществ при решении наших задач. К ним следует отнести высокую экологическую валидность, возможность предъявления трехмерных сцен, возможность манипуляции виртуальными объектами, широкий обзор зрения и др. (Зинченко и др., 2010).

Описание исследования

В качестве метода оценки успешности воспроизведения пространственных репрезентаций нами был выбран метод реконструкции, модифицированный в соответствии с нашими целями и задачами. Классический метод реконструкции состоит в оценке правильности воспроизведения зрительно предъявленного ряда стимулов при использовании различных приемов экстерниоризации расположения объектов среды. Мы модифицировали этот метод для оценки ошибок воспроизведения ЭР и АР при использовании CAVE технологии виртуальной реальности. Суть нашего метода состояла в том, что наблюдателю сначала предъявлялась трехмерная виртуальная сцена, состоящая из 7 объектов, потом обозначался ракурс мысленного наблюдения этой сцены, а затем при помощи библиотеки виртуальных объектов ему предлагалось воспроизвести мысленный образ в соответствии с заданным ракурсом наблюдения. Успешность воспроизведения предполагалось тестировать в зависимости от ракурса мысленного наблюдения сцены. Были выбраны три ракурса «спереди», «слева» и «сверху». В задаче «воспроизвести сцену спереди» участник должен был реконструировать сцену из оригинального ракурса, т.е. так, как он

видел ее при предъявлении. Предполагалось, что в этой задаче будет актуализирована эгоцентрическая система кодирования пространственной информации. Задача «воспроизвести сцену слева или сверху» требовала воссоздать трехмерный образ сцены в аллоцентрической системе кодирования, а затем мысленно перенести ракурс наблюдения так, чтобы мысленный образ воспринимался из позиции «слева» или «сверху». Оценку ошибок при воспроизведении мысленных репрезентаций сцены в зависимости от заданного ракурса (эгоцентрического «спереди» или аллоцентрических «слева» или «сверху») предполагалось проводить комплексным методом. Мы выделили три параметра для оценки точности воспроизведения локализации объектов сцены:

- Топологический, отражающий точность воспроизведения взаимного расположения всех объектов сцены;
- Метрический, отражающий метрические характеристики воспринимаемых расстояний между объектами;
- Параметр глубины, отражающий точность воспроизведения расположения объектов по глубине.

Целью нашего исследования являлось изучение успешности воспроизведения пространственных эгоцентрической и аллоцентрической репрезентаций в кратковременной памяти.

Гипотеза исследования заключалась в том, что успешность воспроизведения трехмерной сцены зависит от того, какая из систем кодирования пространства – аллоцентрическая или эгоцентрическая – используется для воспроизведения. Поскольку эгоцентрическая репрезентация (ракурс воспроизведения «спереди») первична и формируется на более ранних этапах обработки пространственной информации, ее формирование и воспроизведение будет подвержено меньшим искажениям. Напротив, искажения в воспроизведении более абстрактных аллоцентрических репрезентаций (ракурсы воспроизведения «сверху» и «слева») будут более выраженными в силу того, что они формируются на более поздних стадиях в условиях ограниченного временного диапазона переработки информации в кратковременной памяти. В частности, мы предположили, что ракурс «сверху» будет воспроизводиться

более точно относительно ракурса «сбоку» в силу более развитых способностей человека к двумерному картированию трехмерного пространства из ракурса «сверху». Оценку искажений воспроизведения мысленных репрезентаций сцены предполагалось проводить комплексным методом, основанным на оценке точности воспроизведения объектов сцены, а также точности воспроизведения их локализации по параметрам топологии, метрики и глубины.

Участники. В эксперименте принимали участие 36 добровольцев (18 женщин и 18 мужчин, средний возраст 23 ± 2 года). Все испытуемые обладали нормальным или скорректированным до нормального зрением, все они не имели нарушений вестибулярного аппарата и травм головного мозга.

Аппаратура. Исследование проводилось на базе научного центра «Виртуальная реальность» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Для изучения особенностей кодирования пространственной информации в кратковременной памяти использовалась CAVE технология виртуальной реальности Varco Ispace 4, позволяющая создавать виртуальные трехмерные среды с контролируемыми параметрами. Система CAVE представляет собой четыре больших плоских квадратных экрана (каждый $2,5 \times 2,5$ м), соединенных в куб (рис. 2). Для формирования стерео-эффектов в виртуальной среде использовались активные затворные очки CrystalEyes 3 Stereographics. Для управления положением виртуальных объектов, а также для перемещения наблюдателя в виртуальном пространстве использовался флайстик Flaystick 2. Положение наблюдателя и флайстика в виртуальной среде отслеживалось системой трекинга A.R.T. GmbH, состоящей из 8 инфракрасных камер ART track 2\CIR. Виртуальные сцены разрабатывались при помощи программного приложения VirTools 4.0.

Стимулы. Было разработано 6 виртуальных сцен, в каждой из них размещались 7 различных объектов в виртуальном объеме ($1,5 \times 1,5 \times 0,5$ м), зрительный угол которого составлял $20^\circ \times 20^\circ$. Угловой размер каждого объекта составлял $2^\circ \times 2^\circ$. Средняя яркость объектов незначительно варьировала в пределах 15–20

кд/м². Для обеспечения относительного постоянства угловых размеров запоминаемых виртуальных объектов участника просили находиться в неизменной позиции (2,3 м) относительно фронтального экрана. Объекты располагались на фоне, который представлял собой темное трехмерное пространство, в котором равномерно были размещены маленькие шарики белого цвета с угловыми размерами $0,5^\circ \times 0,5^\circ$. Их плотность размещения по пространству составляла 6 ед./угл. град.

Процедура. Участнику последовательно предъявлялись 6 оригинальных сцен, каждая по 3 раза. Последовательность предъявления имела квазислучайный характер. Время предъявления каждой сцене

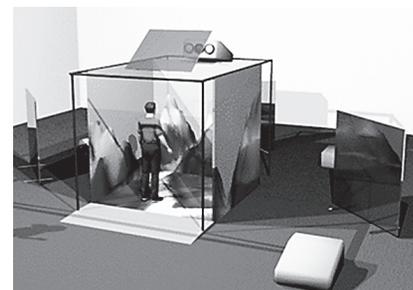

Рис. 2. Общий вид CAVE системы виртуальной реальности.

Fig. 2. General VR CAVE view.

ны – 25 сек. Задачей участника было запомнить объекты и их локализацию, а затем воспроизвести запомненную сцену в виртуальной среде сразу после предъявления. Воспроизведение проводилось по следующему алгоритму. После окончания предъявления сцены перед участником на 3 сек. появлялась стрелка. Ее ориентация в пространстве показывала, из какого ракурса наблюдения участник должен был мысленно представить себе, а затем воспроизвести 3D сцену, которую он только что видел. Стрелка предъявлялась в трех ориентациях: «спереди», «слева» и «сверху». Ориентация «спереди» означала, что участник должен был воспроизвести сцену из оригинального ракурса наблюдения. Ориентации «слева» и «сверху» означали воспроизведение сцены, используя мысленные ракурсы в аллоцентрической системе кодирования, т.е. так, как увидел бы ее участник, если бы он находился слева или сверху от предъявленной сцены. Затем участнику предъявлялся интерфейс, представля-

ющий собой библиотеку из 21-го объекта, в которой были представлены неизвестные объекты, а также объекты, только что предъявленные ему в виртуальной сцене. На этом этапе задачей наблюдателя было при помощи джойстика «взять» из библиотеки запомненные объекты сцены и расположить их в виртуальном пространстве в соответствии с указанным ракурсом. Для этого участник должен был, нажав кнопку на флайстике, «захватить» виртуальный объект, «перетащить» его, а затем, отпустив кнопку, оставить на нужном месте. Регистрировались точность идентификации и локализации объектов в воспроизведенной сцене. После воспроизведения первой сцены участнику предъявлялась вторая сцена и процедура повторялась. Перед проведением эксперимента проводилась серия тренировочных заданий, в которых участник знакомился с виртуальной средой и учился управлять виртуальными объектами при помощи флайстика. Средняя длительность воспроизведения сцены составляла 20–30 с. Время проведения тренировочных заданий и основного эксперимента для одного участника занимало в среднем 16–20 мин.

Обработка результатов. Оценка успешности воспроизведения объектов (объем пространственной кратковременной памяти) проводилась в соответствии с модифицированным методом Джекобсона и рассчитывалась как среднее по выборке число правильно воспроизведенных объектов сцены отдельно для каждого ракурса воспроизведения. Оценка успешности локализации объектов рассчитывалась раздельно по трем параметрам: топологии, метрике и глубине.

Результаты

В качестве независимой переменной выступил мысленный ракурс воспроизведения сцены: «спереди» – мысленный ракурс воспроизведения сцены из оригинального ракурса (эгоцентрическая система кодирования), «слева» и «сверху» – мысленные ракурсы воспроизведения сцены (аллоцентрическая система кодирования).

Анализировались четыре зависимые переменные:

- успешность идентификации объектов;
- успешность локализации объектов (топология);
- успешность локализации объектов (метрика);
- успешность локализации объектов (глубина).

Успешность идентификации объектов. Для каждого участника рассчитывалось число правильно воспроизведенных объектов по всем сценам отдельно для каждого ракурса. Затем оценивались усредненные по выборке значения вероятности P правильно воспроизведенных объектов отдельно для каждого ракурса воспроизведения. Усредненные значения вероятности воспроизведения и стандартные отклонения для ракурсов «спереди», «слева» и «сверху» представлены в таблице 1.

Представленные в таблице 1 данные успешности идентификации объектов отдельно по ракурсам «спереди», «слева» и «сверху», усредненные по всей выборке участников, отражены на диаграмме (рис. 3). По оси абсцисс представлена успешность идентификации

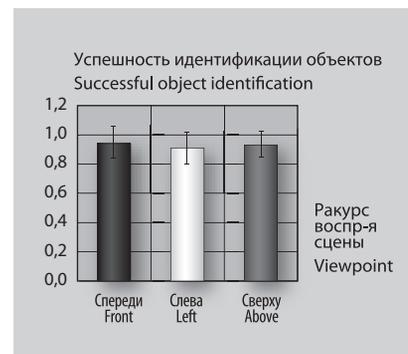

Рисунок 3. Успешность идентификации объектов в зависимости от ракурса воспроизведения сцены.

Fig. 3. Successful object identification using the given viewpoint.

в процессе воспроизведения, по оси ординат – ракурсы воспроизведения сцены.

Использование процедуры сравнения средних по Т-критерию Стьюдента для независимых выборок показало, что не обнаружено статистически значимой разницы между средними значениями успешности идентификации для ракурсов «спереди»–«слева» ($t = 0,89$; $df = 35$; $p = 0,38$), «слева»–«сверху» ($t = -0,95$; $df = 35$; $p = 0,35$) и «сверху»–«спереди» ($t = -0,01$; $df = 35$; $p = 0,99$). Мы также проанализировали данные успешности идентификации отдельно по мужской и женской выборкам. Для мужской выборки значение успешности идентификации составило $P(\text{муж}) = 0,93 \pm 0,05$, для женской – $P(\text{жен}) = 0,92 \pm 0,07$. Статистически значимой разницы между значениями $P(\text{муж})$ и $P(\text{жен})$ не обнаружено ($t = -0,27$; $df = 31$; $p = 0,79$). Полученные нами результаты успешности идентификации объектов при воспроизведении выявили, что участники успешно воспроизводили 6–7 объектов вне зависимости от того, из какого мысленного ракурса – эгоцентрического или аллоцентрического сцена воспроизводилась, а также независимо от гендерной принадлежности участников. В процессе воспроизведения все участники делали мало ошибок – в среднем по одной в каждой сцене. Полученные данные согласуются и с их самооценками – большинство участников на вопрос о том, сколько предметов удавалось уверенно запомнить, ответили: «шесть» или «семь». Учитывая, что созданные виртуальные сцены содержали семь

Табл. 1. Средние значения вероятности P и стандартные отклонения SD переменной «успешность идентификации объектов».

Успешность идентификации Тип ракурса	P	SD
Спереди	0,94	0,11
Слева	0,91	0,11
Сверху	0,93	0,09

Table 1. Mean values of P -probability and SD -standard deviations of the "successful object identification" variable.

Successful Object Identification Viewpoint	P	SD
Front	0.94	0.11
Left	0.91	0.11
Above	0.93	0.09

объектов, полученные нами результаты хорошо согласуются с классическими данными по оценке объема кратковременной памяти. Неоднократно было показано, что при одновременном показе отдельных объектов участники способны запомнить «магическое число» 7 ± 2 , демонстрирующее ограниченность объема кратковременной памяти (Miller, 1956).

Успешность локализации объектов (топология). Под топологическими ошибками мы понимали ситуации, в которых наблюдатель изменял взаимное расположение любой пары из всех семи объектов при воспроизведении запомненной сцены. Для расчета этого типа ошибок для каждого участника и для каждого ракурса подсчитывалось число правильно воспроизведенных взаимных расположений объектов для любой пары из всего набора объектов по всем сценам раздельно. Затем были рассчитаны значения успешности локализации объектов по топологическому параметру и их среднеквадратичные отклонения, усредненные по всей выборке участников. Эти значения составили для ракурса «спереди» $P = 0,90 \pm 0,16$, ракурса «слева» $P = 0,79 \pm 0,19$, а для ракурса «сверху» $P = 0,68 \pm 0,21$. Полученные данные показывают, что участники достаточно адекватно запоминали и воспроизводили взаимное расположение объектов сцены в задаче воспроизведения «спереди» (эгоцентрическая система координат). Число топологических ошибок возрастало при воспроизведении сцены из ракурсов «слева» и «сверху» (аллоцентрическая система координат), причем, их число было значимо выше в задаче воспроизведения из ракурса «спереди», по сравнению с ракурсом «слева». Были выявлены статистически значимые различия между средними значениями успешности локализации по параметру топологии между ракурсами «спереди»–«слева» ($t = 3,01$; $df = 34$; $p = 0,005$), «слева»–«сверху» ($t = 3,57$; $df = 27$; $p = 0,001$) и «спереди»–«сверху» ($t = -4,80$; $df = 27$; $p = 0,001$). Проведенный анализ показал, что успешность локализации объектов по топологическому параметру высока, однако при воспроизведении взаимного расположения объектов в сцене большие трудности у участников вызывает задача воспроизведения из ракурса «сверху».

Успешность локализации объектов (метрика). Под метрическими ошибками мы понимали отклонение координат объектов X_0, Y_0, Z_0 в задаче воспроизведения сцены более, чем на 20% относительно координат объектов X_1, Y_1, Z_1 в задаче запоминания. Для оценки успешности воспроизведения локализации объектов по метрическому параметру для каждого участника рассчитывалось число отклонений координат при воспроизведении каждого объекта во всех сценах, не превышающих 20% отклонение координат при запоминании объектов. Значения усредненной по всей выборке успешности воспроизведения локализации объектов по метрическому параметру были равны: для ракурса «спереди» $P = 0,48 \pm 0,25$, для ракурса «слева» $P = 0,44 \pm 0,23$ и для ракурса «сверху» $P = 0,40 \pm 0,21$. По Т-критерию Стьюдента для парных выборок не обнаружено статистически значимых различий в метрической точности для ракурсов «спереди»–«слева» ($t = 0,89$; $df = 35$; $p = 0,38$), «слева»–«сверху» ($t = 0,82$; $df = 35$; $p = 0,42$) и «сверху»–«спереди» ($t = -1,46$; $df = 35$; $p = 0,15$). Полученные данные, с нашей точки зрения, свидетельствуют об относительно низком уровне кодирования метрической информации в кратковременной памяти, что проявляется в высокой вариативности данных по выборке при воспроизведении метрических параметров сцены.

Успешность локализации объектов (глубина). Под ошибками по глубине мы понимали ошибки порядка расположения объектов по оси Z в задаче воспроизведения из ракурса «спереди», по оси X – из

ракурса «слева», и по оси Y – из ракурса «сверху». К ним относились ситуации воспроизведения, в которых более далекий предмет воспроизводился как более близкий, изменив свой ранговый порядок по глубине. Была рассчитана успешность локализации объектов по параметру глубины для каждого участника, а затем средние значения по всей выборке участников. Они составили: $P = 0,52 \pm 0,21$ для ракурса «спереди», $P = 0,42 \pm 0,17$ для ракурса «слева» и $P = 0,30 \pm 0,12$ для ракурса «сверху». Статистически значимые различия получены для ракурсов «спереди»–«слева» ($t = 2,05$; $df = 35$; $p = 0,05$), «слева»–«сверху» ($t = 3,43$; $df = 35$; $p = 0,01$) и «сверху»–«спереди» ($t = -5,30$; $df = 35$; $p = 0,01$). Полученные данные показывают, что точность воспроизведения локализации объектов по глубине достаточно низкая. При этом лучше всего воспроизводятся параметры глубины из эгоцентрического ракурса «спереди», хуже – из аллоцентрического ракурса «слева» и еще хуже – из аллоцентрического ракурса «сверху».

Значения успешности воспроизведения локализации объектов по параметрам топологии, метрики и глубины P и стандартные отклонения SD для эгоцентрического ракурса «спереди», и аллоцентрических ракурсов «слева» и «сверху» сведены в таблицу 2.

Данные таблицы 2 представлены графически на рис. 4. По оси абсцисс отложены значения успешности воспроизведения локализации объектов по параметрам топологии, метрики и глубины, по оси ординат – ракурсы воспроизведения сцены. Столбики серого цвета отражают топо-

Табл. 2. Усредненные по выборке значения успешности локализации P и стандартные отклонения SD переменных «успешность локализации объектов по параметрам топологии, метрики и глубины».

Успешность локализации Тип ракурса	Топология		Метрика		Глубина	
	P	D	P	D	P	SD
Спереди	0,90	0,16	0,48	0,25	0,52	0,21
Слева	0,79	0,19	0,44	0,23	0,42	0,17
Сверху	0,68	0,21	0,40	0,21	0,30	0,12

Table 2. Mean value of successful P-pinpointing and SD-standard deviations of «successful pinpointing of object location by topology, measurements and depth» variables.

Successful pinpointing of object location Viewpoint	Topology		Measurements		Depth	
	P	D	P	D	P	SD
Front	0,90	0,16	0,48	0,25	0,52	0,21
Left	0,79	0,19	0,44	0,23	0,42	0,17
Right	0,68	0,21	0,40	0,21	0,30	0,12

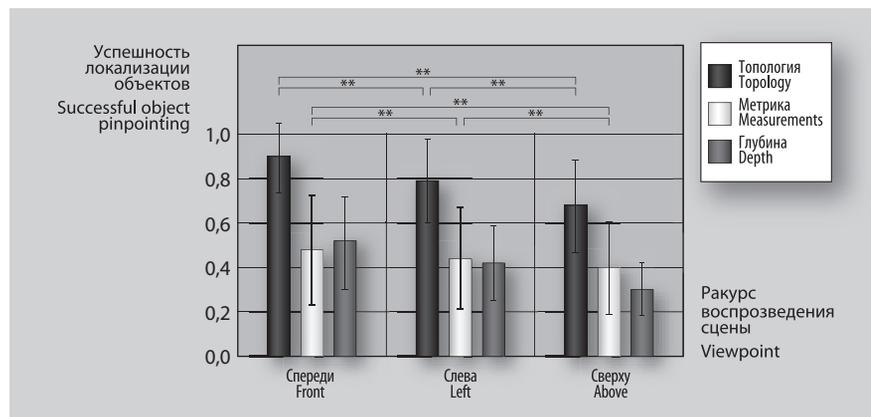

Рис. 4. Успешность воспроизведения локализации объектов по параметрам топологии (столбики серого цвета), метрики (столбики светло-серого цвета) и глубины (столбики темно-серого цвета) в зависимости от ракурса воспроизведения сцены.

Fig. 4. Successful pinpointing of object location by topology parameters (mid grey), measurements (light grey) and depth (dark grey) depending on the angle type.

гическую точность воспроизведения, столбики светло-серого цвета – метрическую точность и столбики темно-серого цвета – точность воспроизведения по глубине.

В нашем исследовании мы проверяли гипотезу о том, что успешность воспроизведения трехмерной сцены зависит от типа систем кодирования пространственной информации (аллоцентрической и эгоцентрической систем). Мы предположили, что эгоцентрические репрезентации в задаче кодирования пространственной информации из ракурса «спереди» формируются и воспроизводятся значительно точнее относительно аллоцентрических репрезентаций, реконструированных из ракурсов «слева» и «сверху». Также мы ожидали, что репрезентации из ракурса «сверху» будут воспроизводиться точнее по сравнению с репрезентациями из ракурса «сбоку». Полученные нами результаты подтвердили высказанную гипотезу: пространственная информация из ракурса «спереди» воспроизводится значительно точнее относительно аллоцентрических репрезентаций по параметрам топологии, метрики и глубины. Эти данные хорошо согласуются с многочисленными исследованиями, в которых было выявлено более точное воспроизведение эгоцентрических репрезентаций, по сравнению с аллоцентрическими репрезентациями (Shepard, Metzler, 1971; Diwadkar, McNamara, 1997; Coluccia et al., 2007). Аналогично нашим данным, в указанных работах было показано, что воспроизведение сцены ухуд-

шается при увеличении угла, под которым мысленно видится сцена – чем больше мысленный ракурс отличается от того, под которым сцена запоминалась, тем хуже точность воспроизведения. Таким образом, в нашей работе была подтверждена идея о том, что точность воспроизведения зависит от сложности пространственных преобразований, которые необходимо мысленно произвести со сценой.

Выводы

Проведенное нами исследование процессов воспроизведения мысленных трехмерных сцен при использовании технологии виртуальной реальности позволяет сделать следующие выводы.

- Разработан метод оценки характеристик пространственной памяти с помощью системы виртуальной реальности CAVE, включающий разработку виртуальной среды, представляющей из себя библиотеку трехмерных предметов, разработку возможности манипулировать с объектами с помощью флайстика, а также первичный анализ пространственного положения воспроизведенных объектов.
- Разработан оригинальный дизайн эксперимента для изучения особенностей формирования эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций, включающий предъявление и воспроизведение виртуальных

трехмерных объектов из разных пространственных ракурсов.

- Разработан метод анализа координат виртуальной сцены, реконструированной из различных мысленных ракурсов, позволивший оценить точность воспроизведения пространственных репрезентаций по параметрам топологии, метрики и глубины.
- Оценка успешности идентификации объектов при воспроизведении показала, что участники, независимо от гендерной принадлежности, с высокой вероятностью воспроизводили 6–7 объектов сцены, вне зависимости от того, из какого мысленного ракурса осуществлялось ее воспроизведение.
- Выявлены особенности кодирования пространственной информации в эгоцентрическом и аллоцентрическом блоках кодирования пространственной информации по параметрам метрики, топологии и глубины. Эгоцентрические репрезентации (ракурс «спереди») по всем параметрам (метрика, топология, глубина) формируются значительно точнее, чем аллоцентрические репрезентации (ракурсы «слева» и «сверху»), независимо от ракурса.
- Топологические параметры пространства сохраняются в кратковременной памяти значительно точнее, чем параметры глубины, которые, в свою очередь, кодируются более точно, чем параметры метрики, независимо от ракурса.
- Точность кодирования пространственных представлений различается для двух типов аллоцентрических ракурсов: ракурс «сверху» воспроизводится значительно точнее, чем ракурс «слева».

Полученные результаты позволяют уточнить современные модели кодирования пространственной информации в кратковременной памяти человека. Разработанный нами метод может использоваться в клинической реабилитации для тестирования нарушений восприятия пространства, а также нарушений кратковременной памяти.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (Грант № 17-29-02169). Работа выполнена с использованием оборудования, приобретенного за счет средств Программы развития Московского университета.

Литература:

- Беккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – Москва : Смысл, 1998. – 685 с.
- Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 103–113.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания. В 2 тт. Т. 2. – Москва : Академия, 2006. – 432 с.
- Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1(3). – С. 54–62.
- Ковязина М.С., Варако Н.А., Расказова Е.И. Психологические аспекты проблемы реабилитации // Вопросы психологии. – 2017. – № 3. – С. 40–50.
- Март Д. Зрение. Информационный подход к изучению представления и обработки зрительных образов. – Москва : Радио и связь, 1987. – 400 с.
- Меньшикова Г.Я., Тетерева А.О., Пестун М.В. Влияние аффективных факторов на формирование когнитивных карт пространства // Естественно-научный подход в современной психологии / отв. ред. В.А. Барабанщиков. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – С. 542–548.
- Найссер У. Познание и реальность. – Москва : Прогресс, 1981. – 230 с.
- Ричардсон Дж.Т.Э. Мысленные образы: когнитивный подход. – Москва : Когито-Центр, 2006. – 175 с.
- Burgess, N. (2006) Spatial memory: How egocentric and allocentric combine. *Trends Cogn. Sci.*, 10(12), 551–557. doi: 10.1016/j.tics.2006.10.005
- Coluccia, E., Iouse, G., & Brandimonte, M. (2007) The relationship between map drawing and spatial orientation abilities: A study of gender differences. *Journal of Environmental Psychology*, 27, 135–144. doi: 10.1016/j.jenvp.2006.12.005
- Craik, F.I.M., & Lockhart, R.S. (1972) Levels of processing: A frame work for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 14-18.
- Diwadkar, V.A., & McNamara, T.P. (1997) Viewpoint dependence in scene recognition. *Psychological Science*. 8, 302–307. doi: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00442.x
- Dobrushina, O.R., Varako, N.A., & Kovyazina, M.S. (2016) Integration of neurofeedback into holistic model of neurorehabilitation, 22(S2). doi: 10.1017/S1355617717000030
- Filimon, F. (2015) Are all spatial reference frames egocentric? Reinterpreting evidence for allocentric, object-centered, or world-centered reference frames. *Frontiers in Human Neuroscience*, 9 (648), 1–21. doi: 10.3389/fnhum.2015.00648
- Gardner, H., Kornhaber, M.L., & Wake, W.K. (1996) *Intelligence: Multiple Perspectives*. Harcourt Brace College Publishers, 351.
- Klatzky, R.L. (1998) Allocentric and egocentric spatial representations: definitions, distinctions and interconnections. *Spat.Cogn.*, 1404, 1–17. doi: 10.1007/3-540-69342-4_1
- Kosslyn, S.M., Thompson, W.L., & Ganis, G. (2006) *The case for mental imagery*. New York: Oxford University Press. Chicago. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195179088.001.0001
- Menshikova, G.Ya., Kovalev, A.I., Klimova, O.A., & Barabanshikova, V.V. (2017) The application of virtual reality technology to test the motion sickness resistance. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(3), 151–164. doi: 10.11621/pir.2017.0310
- Miller, G. (1956) The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*, 63, 81–97. doi: 10.1037/h0043158
- Posner, M.I., & Boies, S.J. (1971) Components of attention. *Psychological Review*, 78(5), 391–408. doi: 10.1037/h0031333
- Rinck, M., & Denis, M. (2004) The metrics of spatial distance traversed during mental imagery. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*, 30, 1211–1218. doi: 10.1037/0278-7393.30.6.1211
- Shepard, R.N., & Chipman, S. (1970) Second-order isomorphism of internal representation: shapes of states. *Cogn. Psychol.*, 1, 1–17. doi: 10.1016/0010-0285(70)90002-2
- Shepard, R.N., & Metzler, J. (1971) Mental rotation of three-dimensional objects. *Science*, 171, 701–703. doi: 10.1126/science.171.3972.701
- Smith, J.W. (2015) Immersive Virtual Environment Technology to Supplement Environmental Perception, Preference and Behavior Research: A Review with Applications. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 12, 11486–11505. doi: 10.3390/ijerph120911486
- Tolman, E.C. (1948) Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review*, 55, 189–208. doi: 10.1037/h0061626
- Thurstone, L.L. (1924) The Stimulus-Response Fallacy in psychology. In *The Nature of Intelligence*. London: Kegan paul, Trench Trubner&Co., 1–23. doi: 10.1037/11388-001
- Tversky, B. (1992) Distortions in cognitive maps. *Geoforum*, 23(2), 131–138. doi: 10.1016/0016-7185(92)90011-R
- Wang, R.F., & Spelke, E.S. (2000) Updating egocentric representations in human navigation. *Cognition*, 77, 215–250. doi: 10.1016/S0010-0277(00)00105-0
- Wang, R.F., & Spelke, E.S. (2002) Human spatial representation: insights from animals. *Trends in cognitive sciences*, 6(9), 376–382. doi: 10.1016/S1364-6613(02)01961-7
- Zinchenko, Yu.P., Kovalev, A.I., Menshikova, G.Ya., & Shaigerova, L.A. (2015) Postnonclassical methodology and application of virtual reality technologies in social research. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(4), 60–71. doi: 10.11621/pir.2015.0405

References

- Burgess, N. (2006) Spatial memory: How egocentric and allocentric combine. *Trends Cogn. Sci.*, 10(12), 551–557. doi: 10.1016/j.tics.2006.10.005
- Coluccia, E., Iouse, G., & Brandimonte, M. (2007) The relationship between map drawing and spatial orientation abilities: A study of gender differences. *Journal of Environmental Psychology*, 27, 135–144. doi: 10.1016/j.jenvp.2006.12.005
- Craik, F.I.M., & Lockhart, R.S. (1972) Levels of processing: A frame work for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 14-18.

Для цитирования: Меньшикова Г.Я., Савельева О.А., Ковязина М.С. Оценка успешности воспроизведения эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций при использовании систем виртуальной реальности // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 113–122. doi: 10.11621/pj.2018.0212

For citation: Menshikova G.Ya., Savelyeva O.A., Kovyazina M.S. (2018) Assessing successful reproduction of egocentric and allocentric spatial representations using virtual reality National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 11(2), 113–122. doi: 10.11621/npy.2018.0212

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

- Diwadkar, V.A., & McNamara, T.P. (1997) Viewpoint dependence in scene recognition. *Psychological Science*, 8, 302–307. doi: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00442.x
- Dobrushina, O.R., Varako, N.A., & Kovyazina, M.S. (2016) Integration of neurofeedback into holistic model of neurorehabilitation. , 22(S2). doi: 10.1017/S1355617717000030
- Filimon, F. (2015) Are all spatial reference frames egocentric? Reinterpreting evidence for allocentric, object-centered, or world-centered reference frames. *Frontiers in Human Neuroscience*, 9 (648), 1–21. doi: 10.3389/fnhum.2015.00648
- Gardner, H., Kornhaber, M.L., & Wake, W.K. (1996) *Intelligence: Multiple Perspectives*. Harcourt Brace College Publishers, 351.
- Klatzky, R.L. (1998) Allocentric and egocentric spatial representations: definitions, distinctions and interconnections. *Spat.Cogn*, 1404, 1–17. doi: 10.1007/3-540-69342-4_1
- Kosslyn, S.M., Thompson, W.L., & Ganis, G. (2006) *The case for mental imagery*. New York: Oxford University Press. Chicago. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195179088.001.0001
- Kovyazina, M.S., Varako, N.A., & Rasskazova, E.I. (2017) Psychological aspects of the problem of rehabilitation [*Voprosy psikhologii*], 3, 40–50.
- Marr, D. Sight (1987) Information approach to the study of representation and processing of visual images. Moscow, Radio and Communication, 400.
- Menshikova, G.Ya., Tetereva, A.O., & Pestun, M.V. (2014) Influence of affective factors on the formation of cognitive maps of space. [*Estestvenno-nauchnyy podkhod v sovremennoy psikhologii*]. Moscow, Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 542–548.
- Menshikova, G.Ya., Kovalev, A.I., Klimova, O.A., & Barabanshchikova, V.V. (2017) The application of virtual reality technology to test the motion sickness resistance. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(3), 151–164. doi: 10.11621/pir.2017.0310
- Miller, G. (1956) The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*, 63, 81–97. doi: 10.1037/h0043158
- Naiasser, U. (1981) *Cognition and Reality*. Moscow, Progress, 230.
- Posner, M.I., & Boies, S.J. (1971) Components of attention. *Psychological Review*, 78(5), 391–408. doi: 10.1037/h0031333
- Richardson, J.T.E. (2006) *Mental images: a cognitive approach*. Moscow, Kogito-Tsenter, 175.
- Rinck, M., & Denis, M. (2004) The metrics of spatial distance traversed during mental imagery. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*, 30, 1211–1218. doi: 10.1037/0278-7393.30.6.1211
- Shepard, R.N., & Chipman, S. (1970) Second-order isomorphism of internal representation: shapes of states. *Cogn. Psychol*, 1, 1–17. doi: 10.1016/0010-0285(70)90002-2
- Shepard, R.N., & Metzler, J. (1971) Mental rotation of three-dimensional objects. *Science*, 171, 701–703. doi: 10.1126/science.171.3972.701
- Smith, J.W. (2015) Immersive Virtual Environment Technology to Supplement Environmental Perception, Preference and Behavior Research: A Review with Applications. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 12, 11486–11505. doi: 10.3390/ijerph120911486
- Tolman, E.C. (1948) Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review*, 55, 189–208. doi: 10.1037/h0061626
- Thurstone, L.L. (1924) The Stimulus-Response Fallacy in psychology. In *The Nature of Intelligence*. London: Kegan paul, Trench Trubner&Co., 1–23. doi: 10.1037/11388-001
- Tversky, B. (1992) Distortions in cognitive maps. *Geoforum*, 23(2), 131–138. doi: 10.1016/0016-7185(92)90011-R
- Vekker, L.M. (1998) *Psychic and reality: a unified theory of mental processes*. Moscow, Smysl, 685.
- Velichkovsky, B.M., Blinnikova, I.V., & Lapin, E.A. Representation of real and imaginary space. [*Voprosy psikhologii*], 3, 103–113.
- Velichkovsky, B.M. (2006) Cognitive science: the basis of the psychology of cognition. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Akademiya, 432.
- Wang, R.F., & Spelke, E.S. (2000) Updating egocentric representations in human navigation. *Cognition*, 77, 215–250. doi: 10.1016/S0010-0277(00)00105-0
- Wang, R.F., & Spelke, E.S. (2002) Human spatial representation: insights from animals. *Trends in cognitive sciences*, 6(9), 376–382. doi: 10.1016/S1364-6613(02)01961-7
- Zinchenko, Yu.P., Menshikova, G.Ya., Bayakovskiy, Yu.M., Chernorizov, A.M., & Voiskunsky, A.E. (2010) Virtual reality technologies: methodological aspects, achievements and prospects. *National Psychological Journal*, 1 (3), 54–62.
- Zinchenko, Yu.P., Kovalev, A.I., Menshikova, G.Ya., & Shaigerova, L.A. (2015) Postnonclassical methodology and application of virtual reality technologies in social research. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(4), 60–71. doi: 10.11621/pir.2015.0405

Фрактально-голографический конструкт и теория поля К. Левина

Б.А. Богатых

Институт атомной энергетики Национального исследовательского ядерного университета МИФИ (ИАТЭ НИЯУ МИФИ), г. Обнинск, Калужская область

Поступила 14 ноября 2017 / Принята к публикации: 7 декабря 2017

Fractal holographic construct and the field theory of K. Lewin

Boris A. Bogatykh

Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering, National Research Nuclear University MEPhI, Obninsk, Russia

Received November 14, 2017 / Accepted for publication: December 7, 2017

Актуальность. Рассматриваются ключевые вопросы поиска подходов к развитию представлений теории поля К. Левина в рамках природы (концепции) фрактально-голографического конструкта. В начале XX века зародившееся философское течение — неопозитивизм провозгласил язык физики единственно научным, на который должны быть переведены, в том числе в целом, все суждения о психологических фактах. Однако К. Левин смотрел на физику несколько иначе. Его интересовали не операциональные процедуры, которые могут осуществить сведение психологических понятий к физической терминологии, а интеллектуальные приемы. Именно данные приемы могут, по его мнению, обеспечить обновление новой психологии. На этой основе К. Левин ввел понятие «психологическое поле», надеясь описать не физическую, а психологическую реальность, в которой живет человек. Чтобы избежать интерпретации психологических феноменов, используя понятие динамического поля, К. Левин пытался перейти от физики к геометрии. В частности, к топологии — науке, изучающей те или иные преобразования пространства. Однако при жизни К. Левина не было создано ни принципа голографии, ни фрактальной геометрии.

Цель исследования. Обращение к фрактально-голографическому конструкту позволит в определенной мере представить психологические феномены в более обобщенных формах. С этой целью рассматривается наиболее адекватная его топологическая (фрактальная геометрия) и физическая (голография) природа данного конструкта.

Наряду с этим, привлекается математический инструментарий, как фрактальных структур, так и голографии. Математическому инструментарию фрактальных структур будут соответствовать ряды Фибоначчи, золотая пропорция, математические прогрессии, немарковские процессы. Соответственно голографии — самоподобия в представлении символической информации: последовательность Морса-Туэ, последовательность Фибоначчи, преобразование Прибрама.

Выводы. Предполагается, что затронутые математические особенности данного конструкта будут способствовать объяснению природы психического и природы сознания. Все это, в рамках данной концепции, открывает большой простор для дальнейшего исследования различных психических феноменов и природы сознания человека.

Ключевые слова: теория поля К. Левина, фрактально-голографический конструкт, фрактальная геометрия, голография, числа Фибоначчи, золотая пропорция, математические прогрессии, немарковские процессы, последовательность Морса-Туэ, последовательность Фибоначчи, преобразование Прибрама, немарковские процессы.

Background. Key issues of approaches to the field theory of K. Lewin within the nature (concept) of fractal and holographic construct are considered. At the beginning of the 20th century neopositivism, the newly-developed philosophical trend, proclaimed the language of physics as the only scientific one that has to be used as the translation language of psychology. However, K. Lewin considered physics from a different angle. He was not interested in the operational procedures able to carry out data of psychological concepts to physical terminology, but in the intellectual methods. According to K. Lewin, the aforementioned methods can contribute to developing new psychology. K. Lewin introduced the concept of «psychological field» to describe not physical, but psychological reality where a person lives. In order to avoid interpretation of psychological phenomena, using a concept of the dynamic field K. Lewin tried to pass from physics to geometry, in particular, to topology (that studies space transformations).

Objective. The fractal holographic construct will allow to present psychological phenomena in more generalized forms. For this purpose the most adequate topological (fractal geometry) and the physical (holography) nature of this construct are considered. Mathematical tools of fractal structures and holography are used. Mathematical tools of fractal structures will correspond to the Fibonacci sequence, the golden proportion, mathematical progression, non-Markovian random processes. Accordingly, the holography of self-similarity in the presentation of character information (Thue-Morse sequence, Fibonacci sequence, Pribram's transformation).

Conclusion. The affected mathematical features of the construct mentioned above will promote an explanation of the mental nature and consciousness. This reveals a big scope for further research of various mental phenomena and the nature of human consciousness.

Keywords: field theory of K. Lewin, fractal geometry, holography, Fibonacci's numbers, gold proportion, mathematical progression, non-Markovian random processes, Thue-Morse sequence, Fibonacci sequence, Pribram's transformation.

*Без языка математики
большая часть глубоких взаимосвязей между вещами
навсегда осталась бы неизвестной.*

Анри Пуанкаре

Введение

Как известно, к 20-м годам прошлого века зародилось философское течение – неопозитивизм (эмпиризм). Он провозгласил язык физики единственно научным, на который должны быть переведены, в том числе в целом, все суждения о психологических фактах (Современная западная философия, 2000). Однако К. Левина это не устраивало. Он смотрел на физику несколько иначе. Его интересовали, прежде всего, не те или иные операциональные процедуры и не перспективы сведения неопределенных психологических понятий к физической терминологии, а интеллектуальные приемы (Левин, 2001). Именно они, по его мнению, могут обеспечить триумфальное обновление новой психологии. В одной из

мевают, в том числе и в психологии, не столько однозначно определенные вещи, сколько изменчивые отношения, т.е. возможность разночтений и отличных одно от других толкований.

К. Левин был первым, кто на этой методологической основе в прошлом веке систематически использовал коэволюционные связи жизненного пространства человека и его непсихологического мира при анализе сопряженного развития психики. Он утверждал, что психологическая теория должна быть многомерной, т.е. должна рассматриваться в рамках теории поля. Именно теория поля позволяет осмыслить психологическую систему как систему многих взаимодействующих переменных, а не как совокупность их пар.

Заметим, что выработанное основоположниками квантовой физики поня-

напряжения и, в конечном итоге, ведет к восстановлению динамического напряжения. К. Левин, в отличие от гештальтистов, взял за основу анализа категорию мотива. Он считал, что мотивами являются те или иные объекты, представляющие собой различные районы «жизненного пространства» в их отношении к тому человеку, который испытывает в них потребность либо квазипотребность, т.е. намерение. Введением понятия «психологическое поле» К. Левин пытался описать не физическую, а психологическую реальность, в которой живет человек. Ученый пытался этим отразить совокупность событий, имеющих для человека смысл, обуславливающих его поведение в значимых жизненных ситуациях.

Иными словами, по К. Левину, мотивами становятся сами предметы жизненного пространства (окружающей среды) в силу потребностного отношения к ним человека (Левин, 2001). Причем, сама динамическая система означает не столько поле сознания, но и, прежде всего, поле поведения, которое в определенной мере детерминировано. Здесь динамическая система, отражающая собой поле поведения, представляет собой функцию психического поля как системы, находящейся под напряжением, которое возникает при нарушении равновесия между человеком и средой. Следовательно, мотивации придавался собственно психологический статус. Таким образом, К. Левин сменил представление о замкнутости энергии мотива в пределах организма на представление о системе «организм – среда», что привело к рассмотрению человека и окружающей его среды (физической, социальной и т.д.) в виде взаимосвязанного динамического целого. Как следствие, мотивационное напряжение стало выступать уже не как биологически предопределенное, а как созданное конкретным человеком (в виде намерения, т.е. квазипотребности) либо другими людьми, взаимодействующими с данным человеком. Но, при этом возникла проблема. Какое отношение имеет физика

К. Левин был первым, кто систематически использовал коэволюционные связи жизненного пространства человека и его непсихологического мира при анализе сопряженного развития психики. Он утверждал, что психологическая теория должна быть многомерной, т.е. должна рассматриваться в рамках теории поля

первых своих работ он предпринял важное методологическое исследование различий и приемов древнегреческой науки – физики Аристотеля, и физики нового времени – физики Галилея (Левин, 2001, С. 54–84). Основным выводом данной работы К. Левина стало то, что симптомом прогресса в любой науке будет процесс перехода от так называемых вещных понятий, т.е. понятий, соответствующих реальным вещам в природе, к «реляционным» понятиям. Последние подразу-

тие о динамическом поле стало центром гештальтистских объяснений. Этот момент как раз и роднил К. Левина с основателями гештальтпсихологии – М. Вертеймером, В. Келером и К. Коффкой, занимавшихся проблемой перцептивных структур, т.е. категории образа. Понятие «динамическое поле» репрезентирует тот факт, что каждый пункт взаимодействует с другими, а, в свою очередь, изменение напряжения в одном из пунктов порождает тенденцию к устранению данного

Борис Александрович Богатых – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры «Психология» Института атомной энергетики Национального исследовательского ядерного университета МИФИ
E-mail: bogboris@yandex.ru

к психологическим феноменам? Можно ли интерпретировать психологические феномены, используя понятие динамического поля? Ведь сама концепция динамического поля взята из физики. Сам К. Левин осмысливал данную проблему и пытался от физики перейти к геометрии, в частности, к топологии – науке, изучающей те или иные преобразования пространства (Levin, 1936).

К. Левин не застал создание ни принципа голографии, ни фрактальной геометрии. Они были созданы уже после его смерти. На наш взгляд, опираясь на коэволюционные репрезентации исследования сопряженного развития психики человека, его жизненного пространства и непсихологического мира, на обращение к фрактально-голографическому конструкту позволит, в определенной мере, представить психологические феномены в более обобщенных формах. Этому, на наш взгляд, соответствует тот факт, что фрактально-голографический конструкт не в последнюю очередь обеспечивает гармоничное существование и сосуществование конкретных систем, а также циклические процессы их с системами более высокого порядка.

Таким образом, учитывая, что сознание психически взаимодействует с физической реальностью, целью настоящей статьи является поиск подходов к объяснению различных психических феноменов и природы сознания в рамках природы фрактально-голографического конструкта, с привлечением его наиболее адекватного физического и математического инструментария. Применение математического инструментария фрактально-голографического конструкта для адекватного объяснения психологических феноменов будет ново и весьма актуально. Это, на наш взгляд, позволит в последующем в рамках современной постнеклассической парадигмы в определенной мере модифицировать представления теории поля К. Левина.

Природа фрактально-голографического конструкта

Фрактальная геометрия

Рассматривая фрактальную геометрию можно отметить, что процессы, от-

ражающие фрактальное самоподобие, основаны, прежде всего, на принципе обратной связи, когда результат одной итерации является начальным значением следующей итерации. Наряду с этим, фрактальная геометрия позволяет устанавливать взаимозависимость между геометриями в различных масштабах, а именно, понимать, как микроскопическое поведение тех или иных систем связано с тем, что можно наблюдать в макроскопическом масштабе (Mandelbrot 1980; 1982). Многообразие фракталов при этом, содержащих множество виртуальных наборов всех возможностей, отраженное через принцип самоподобия, описывается довольно простой математической формулой вида: $Z_{n+1} = Z_n^2 + C$. Данная формула получила название множества Мандельброта (ММ). В ней, как мы отметили выше, отражен процесс повторения процедуры неопределенное число раз (процесс итерации), фиксируя этим непрерывное изменение и самоизменение опосредованного операцией непрерывного самоотнесения (самореферентности). Процессу итера-

На наш взгляд, опираясь на коэволюционные репрезентации исследования сопряженного развития психики человека, его жизненного пространства и непсихологического мира, на обращение к фрактально-голографическому конструкту позволит, в определенной мере, представить психологические феномены в более обобщенных формах

ции, отраженному в данной формуле, соответствуют как золотая пропорция (ЗП), выступающая прообразом рядов (чисел) Фибоначчи (РФ), так и разного вида геометрические и алгебраические прогрессии. Широкие исследования в области фрактальной геометрии и синергетики выявили глубокую связь между этими научными направлениями (Шелепин, 2001). Так, например, математический язык фракталов точно и корректно описывает тонкую структуру странных (фрактальных) аттракторов.

Синтетические взаимоотношения динамичности и статистичности

Важный аспект фрактальной геометрии заключается в том, что она содержит в себе, в рамках диалектического принципа, эффекты синергии, т.е. «кооперативные», синтетические взаимоотношения динамичности и статистично-

сти (Богатых, 2006; 2012). Динамичность системы – это фундаментальное качество развития системы как целого, так как именно оно связано с однозначной предсказуемостью, детерминированностью развития тех или иных систем и процессов между точками выбора путей эволюции (точки бифуркации). Статистичность (стохастичность, случайность, т.е. сами точки бифуркации) – фундаментальное качество системы, относится к уровню ее элементного строения, на котором будут возникать различного рода мутации, кардинально преобразуя систему. Важно отметить, что, когда система попадает в точку бифуркации, ее поведение в ней зависит от предыдущей истории системы, оно уникально для данной системы. Иными словами, в данной реальности, которой внутренне присуща динамичность и статистичность, просматривается синтез позитивных элементов детерминистической и вероятностной картин мира, отражая собой в этом специфическом единстве противоположностей саморазвитие органического мира (Богатых, 2006; 2012).

Фрактальная размерность

Само понятие размерности фрактального множества Б. Мандельброт предложил применять с целью количественного описания фрактальных множеств. В более общей форме Мандельброт предлагает следующее определение фрактала: «Фракталом называется множество, размерность Хаусдорфа-Безиковича для которого строго больше его топологической размерности» (Мандельброт, 2002). Данное определение, в свою очередь, требует определений терминов: «размерность Хаусдорфа-Безиковича», т.е. дробная (фрактальная) размерность (D_f), и «топологическая размерность» (D_t), которая всегда равна целому числу. В обыденном понимании размерность геометрического множества (фрактальный рост) представляет собой число измерений, с помощью которых можно задать положение точки на

геометрическом объекте. И все же смысл понятия «размерность» значительно шире, так как оно отражает более «тонкие» топологические свойства объектов, совпадая при этом с числом независимых переменных, необходимых для описания объекта только в частных случаях. Так, распространение данного представления на множество Кантора даст уже дробную размерность: $d_{\text{Cantor}} = 0.63$. Размерность кривой Коха: $d_{\text{Koch}} = 1.261$. Рассмотренные объекты, как и ряд других объектов: кривая Пеано, ковер Серпинского и т.д. демонстрируют фундаментальное свойство фрактальных объектов, их самоподобие, являющееся общим для всех фракталов (Mandelbrot, 1982; Кроновер, 2000).

Голография

Как известно, голография представляет собой трехмерную, безлинзовую фотографию, и способна воспроизводить объемные реалистичные образы материальных объектов. Математические основы голографической техники были разработаны Денисом Габором еще в конце 40-х годов XX-го века. Сами голограммы выражаются при этом в форме так называемых преобразований Фурье, в основе которых – любой самый сложный паттерн может быть разложен на ряд регулярных волн. Обратное преобразование Фурье, как и ряд других сходных с ними преобразований, при наличии правил трансформации превращает голографическую сферу в структурированную.

Иными словами, переводит волновой паттерн снова в изображение. Здесь не в последнюю очередь срабатывает особое свойство голограммы, а именно, тот факт, что каждая часть голограммы, отражающая целое, обусловлена частностями математического преобразования картины или паттерна в язык волновых форм. Именно данные преобразования позволили Д. Габору перевести изображение объекта в интерференционное «пятно» на голографической пленке и изобрести способ обратного преобразования интерференционных паттернов в первоначальное изображение.

Самоподобные структуры в голографии

Важнейшим физическим принципом, лежащим в основе голографии, является принцип Гюйгенса-Френеля. Суть его в том, что каждая точка фронта волны, исходящей из какого-либо источника света (рис. 1, А), представляет собой центр вторичного возмущения. Этот центр, в свою очередь, вызывает элементарные сферические волны (рис. 1, В), а волновой фронт в более поздние моменты времени становится огибающей эти волны (рис. 1, С). Если продолжить умозрительно эту цепочку дальше, то получим, что каждый фронт второго порядка создает источники и фронты третьего, четвертого порядка (рис. 2) и т.д. Видно, что при таком распространении волны получается своеобразная самоподобная структура, где каждый «источник» n -го порядка подобен всем источникам «предыдущих» порядков, и каждый фрагмент волны подобен всей волне.

Иными словами, наличествует самоподобный конструкт – скейлинг или масштабная инвариантность. Аналогичное свойство масштабной инвариантности сохраняет и голографическая пленка и, как следствие, любой фрагмент пленки способен восстановить весь исходный образ. Учитывая, что принцип Гюйгенса-Френеля в оптической голографии играет основополагающую роль, можно предположить, что, моделируя, например, символическое рассеивание информации, можно также столкнуться с проявлениями самоподобия.

Голограммы обладают также уникальной способностью к хранению информа-

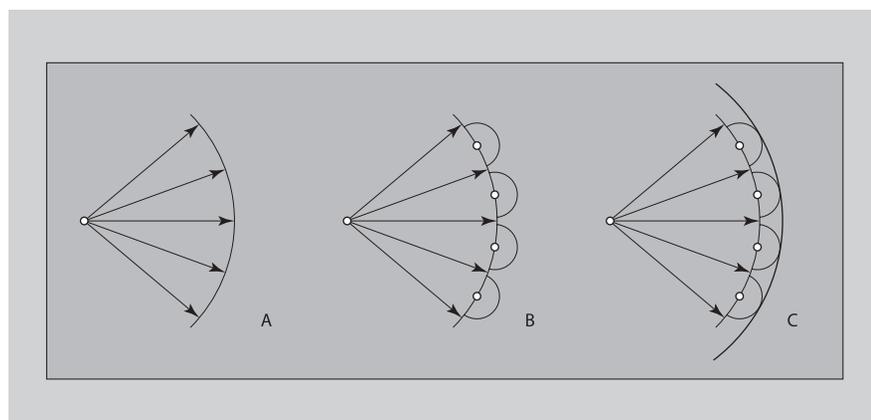

Рис. 1. Распространение волнового фронта.

А. Фронт первичной волны. В. Вторичные источники элементарных волн. С. Огибающая вторичных источников, совпадающая с первоначальным фронтом.

Fig. 1. Propagation of the wavefront.

А. Front of the primary wave. В. Secondary sources of elementary waves. С. Envelope of secondary sources coinciding with the original front.

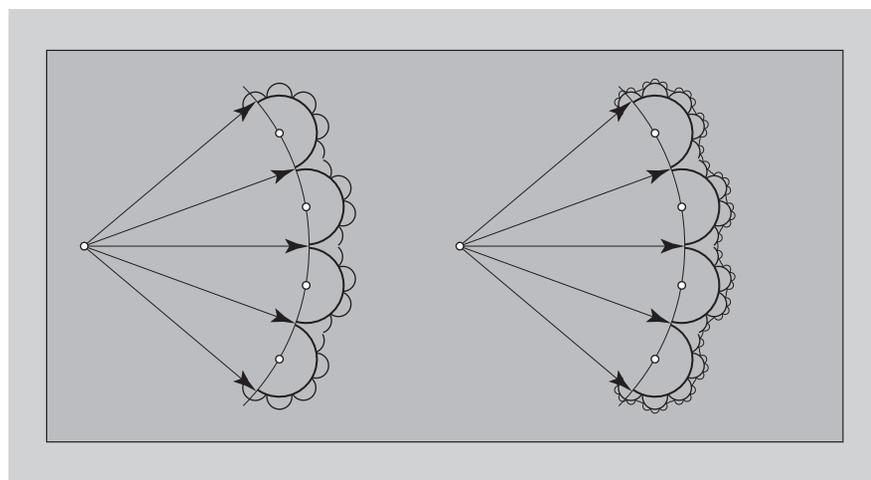

Рис. 2. Фронты третьего и четвертого порядков.

Fig. 2. Fronts of the third and fourth course.

ции. Например, голографическая пленка может содержать более сотни изображений на одной и той же поверхности. Таким образом, на каждую голограмму фактически проецируется сразу весь образ, обеспечивая многократно повторенную, избыточную информацию. Данная колоссальная избыточность голографической записи обеспечивает высокую помехоустойчивость и надежность хранения информации.

Фрактально-голографический конструкт

В целом фракталы являются близким структурным описанием голограммы, позволяя тем самым обозначать данное образование как фрактально-голографический конструкт. При этом оба конструкта – фрактальность и голография – имеют дело с законами, уточняющими отношения между элементами или системами, образующими организацию фрактально-голографического конструкта. Структура данной организации становится более организованной при нарастании большого количества степеней свободы, обеспечивая этим перекрывание элементов, входящих в систему при максимально возможных отношениях элементов. Данная особенность позволяет осуществлять процесс перекрывания элементов данных конструктов – фрактальности и голографии, что обуславливает их взаимодействие и постоянный переход идеального (фрактальность) в материальное образование (физика голограммы). Причем, данный переход осуществляется как в одну, так и в другую сторону, постоянно обогащая и обновляя элементы данных конструктов.

Немарковские процессы

Можно отметить, что качественное отличие работы мозга, осуществляющего мышление, от работы компьютера заключается в том, что в основе функционирования мозга лежит не заданный алгоритм, а стохастические немарковские процессы, которые описывают изменение структур, обладающих памятью. Это, прежде всего, мозг как система, а также многие биологические, социальные и информационные системы, они стали наиболее адекватным инструментарием при описании процессов с памятью.

Рассматривая марковские процессы, следует отметить, что они обладают локальностью во времени. Это, в принципе, позволяет определять вероятностную картину поведения системы в будущем, так как данная картина не меняется от добавочных сведений о событиях при $t < t_0$. Таким образом, для марковских процессов вероятностная картина поведения системы в будущем определяется ее состоянием в момент времени t_0 :

$$u_{n+1} = f(u_n). \quad (1)$$

В немарковских же процессах важнейшей дополнительной характеристикой выступает неэнтропия как мера упорядочения структуры, мера ее сложности. Учитывая добавочные сведения о событиях при $t < t_0$, т.е. память о прошлом, немарковские процессы по своей природе являются нелокальными во времени. Вероятностная картина для них в простейшем случае будет иметь вид:

$$u_{n+1} = u_n + u_{n-1} \quad (2)$$

Характерная величина u_n данного уравнения зависит не только от предыдущего состояния, но также и от того, что было шаг назад, т.е. от событий при $t < t_0$. Ближняя память, отраженная в рекуррентном соотношении (2), является наиболее существенной для многих биологических явлений, она задает первое приближение в отклонении от марковского мира.

Именно теории немарковских процессов, описывающие изменение структур обладающих памятью, а это, прежде всего, биологические, социальные и информационные системы – стали наиболее адекватным инструментарием при описании процессов с памятью (Азроянц и др., 1999; Шелепин, 2001). При этом именно ЗП, как и РФ, непосредственно следуют из условий равновесия в немарковской системе с ближней памятью (Богатых, 2012). Более того, как РФ, так и ЗП тесно связаны с немарковскими неравновесными распределениями и, следовательно, являются не только характеристиками и своего рода индикаторами наличия немарковских процессов, но также служат признаками равновесия в таких системах (Шелепин, 2001).

В дополнение к этому предлагается выделять среди различных обобщений чисел Фибоначчи решение немарковского уравнения в виде:

$$u_{n+1} = u_n + u_{n-S-1} \quad (3),$$

где каждый член равен сумме предыдущего и отстоящего на определенную величину, а именно, S шагов (Шелепин, 2001). Причем, если $S = 1$, то оно будет соответствовать числам Фибоначчи, значениям же $S = 2, 3, 4, \dots$ – соответствуют величинам, носящие название S -чисел Фибоначчи, способствующие обобщению понятия золотой пропорции. В этом случае золотая S -пропорция будет являться положительным корнем уравнения золотого S -сечения:

$$q^{2S} - q^S - 1 = 0. \quad (4)$$

Вследствие этого, отношения соседних S -чисел Фибоначчи совпадают в пределе с золотыми S -пропорциями аналогично обычному ряду Фибоначчи. Иными словами, золотые S -сечения являются числовыми инвариантами S -чисел Фибоначчи. В качестве примера, инварианты для первых четырех значений S соответственно равны: 1.618, 1.464, 1.380, 1.324. Следовательно, золотых сечений существует столько, сколько есть натуральных чисел k , т.е. целый ряд. Таким образом, золотая S -пропорция выражает более общий закон пропорционального отношения между целым и его частями, чем классическая золотая пропорция.

Способы достижения самоподобия в представлении символической информации

Одним из основных источников самоподобия фрактальных структур являются итерации и рекурсивные функции, представляющие собой механизм обратных связей. Он выполняет основной и всеобщий способ детерминации многих явлений, состояний, процессов и т.д. Итерационные, как и рекурсивные, особенности характерны для любых сложных самоорганизующихся, саморазвивающихся систем, обладающих при этом избыточной информацией. В данных системах можно увидеть организацию как идею и главные отношения, конституирующие и структурирующие систему, и собственно структуру как текущие второстепенные связи, поддерживающие и сохраняющие организацию, меняющиеся в целях и в рамках этого сохранения при появлении принципиально ново-

го, эмерджентного. В качестве примеров в голографии может выступать ряд возможных вариантов создания избыточной информации для создания квазиголографической памяти в виде символической информации, а именно, последовательность Морса-Туэ, последовательность Фибоначчи, преобразование Прибрама, немарковские процессы (Шелепин, 2001; Шредер, 2005; Pribram, 1971).

Корпускулярно-волновой дуализм

Голографическое свойство фрактала, как и его самоподобие, выражающееся в наличии целого в каждой его части, позволяет привлекать его синергетичность при объяснении феноменов идеального: процессов мышления, чувствования, сознания. Данные психологические феномены (процессы мышления, чувствования, сознания) человек разворачивает в процессе своего существования самоподобным, фрактально-голографическим способом спонтанно, естественным образом в соответствии с теми культурой, обычаями и нравами, в среде которых он сформировался как человек. Иными словами, человек реагирует на широкий спектр тех или иных событий при взаимодействии с окружающей средой, как на ментальном, так и на биологическом уровне. Так, Д. Бом выражает точку зрения, согласно которой человек реагирует на те или иные события при взаимодействии с окружающей средой, как на ментальном, так и на биологическом уровне. Он, в частности, отстаивает важный вывод, что смыслы присутствуют одновременно, как в психическом (сознание), так и в физическом (наша соматика) аспектах природы. Иными словами, сознание – это не единственный атрибут, реагирующий на смыслы (Bohm, 1986, p. 123; Bohm, Hiley, 1994). В.В. Налимов, развивая эти представления, пишет: «Сознание человека породило изысканные геометрические представления, как для понимания Мира, так и для понимания самого себя. И почему тогда не допустить, что сама природа, порождая многообразие форм – построений чисто геометрических, – не опирается на геометрически задаваемую потенциальность» (Налимов,

2000, С. 142). Это вытекает из того факта, что сознание обладает такой же природой, как и все известные физические процессы, а именно, дуальностью волны/частицы.

Как известно, природа корпускулярно-волнового дуализма материальных объектов микромира разрешилась Н. Бором в рамках его знаменитого «принципа дополнительности». Это указывает нам на то, что для адекватного описания субатомных явлений необходимо руководствоваться не каким-то одним представлением о квантовом процессе (волновом или дискретном, корпускулярном), а двумя или более одновременно. Данный корпускулярно-волновой дуализм, выявленный для микрообъектов, Луи де Бройль распространил на все виды материи (макро- и мегамиры), получив при этом простую зависимость, в которой между собой связаны как ее корпускулярные (энергия, масса, скорость передвижения), так и волновые свойства. Согласно де Бройлю, с любым материальным объектом связана волна, частота которой прямо пропорциональна (а длина – обратно пропорциональна) произведению массы частицы на ее скорость:

$$\lambda = h/mv. (5)$$

где h – постоянная Планка; m – масса, а v – скорость частицы (Де Бройль, 1965).

Для нас же важно, что данный корпускулярно-волновой дуализм применим и к макротелам и, соответственно, требует применимости других основополагающих принципов. Так, например, Н. Бор относил применимость принципа дополнительности не только к физическим наукам, он писал: «цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания» (Бор, 1971, С. 532). Данное высказывание Н. Бора наводит на мысль, что сама реальность – это результат взаимодействия, взаимопроникновения волновой природы материи и волновой природы сознания. Иными словами, изменение природы сознания потенциально может существенно изменить материальный мир, пространство и время. Наряду с этим, по свидетельству В. Гейзенберга, Н. Бор отстаивал приоритет

понимания смысла изучаемого явления перед попытками «скорее угадать правильные математические формулы с помощью заключений по аналогии, чем вывести их» (Гейзенберг, 1987, С. 50).

Природа психических феноменов в рамках фрактально-голографического конструкта

Принимая основные положения К. Левина о взаимосвязанности динамического поля поведения целостной системы «организм-среда», необходимо, на наш взгляд, данное положение рассмотреть в рамках фрактально-голографического конструкта.

Уже с начала 60-х годов XX века К. Прибрам (Pribram, 1971, 1981), обратил внимание на определенное подобие концептуальных подходов нейрофизиологии, психологии и голографии и сформулировал голографическую гипотезу. Суть ее в том, что подобными голографическими свойствами при распределенной обработке данных восприятия обладает вся сеть нейронов нашего мозга. К этим идеям К. Прибрам пришел, опираясь на ранее выдвинутую им модель мозга, в основе которой лежит постулат о том, что многие важные аспекты функций мозга основаны на голографических (от гр. holos – целостный) принципах. В частности, учитывая, что нейроны имеют древовидные разветвления аксонов, Прибрам пришел к осмыслению того, что, когда электрический сигнал достигает конца хотя бы одного такого разветвления, он не заканчивает свое существование. Электрический сигнал продолжает распространяться далее в виде волн, аналогичных наблюдаемым на поверхности воды, постоянно налагающихся друг на друга, между контактирующими друг с другом нейронами. Это, не в последнюю очередь, позволило Прибраму понять, что волны фактически создают бесконечный калейдоскопический ряд интерференционных картин, обеспечивая адаптированность мозга к принципу голографии (Pribram, 1971; 1991).

Модель, основанная на голографических принципах, позволила К. Прибраму объяснить такие свойства мозга, как

огромный объем памяти и ее дистрибутивность, способность сенсорных систем к воображению, ряд важных аспектов ассоциативного воспоминания и многие другие (Pribram, 1971; 1981; 1991). Ряд модельных процессов запоминания и восстановления образов, обладающих голографическими свойствами, получили свое воплощение в псевдооптических нейронных сетях (Кузнецов, Шипилина, 2000).

Наряду с этим, рассмотренная выше область Фурье может, как отмечает С. Гроф (Grof, 1985; Grof S., Grof C., 1980), разбиваться на информационные единицы – логоны, действующие по принципу своеобразных «окон», которые ограничивают ширину диапазона. Более того, обработка «окон» может иногда осуществляться в голографической области, отражая этим функции мозга в распределенном виде. В других же случаях обработка «окон» будет осуществляться в пространственно-временной области, отражая этим локализацию функций мозга. Иными словами, данная особенность обработки «окон» выявляет одновременность наличия функций мозга в локализованном и распределенном виде.

Следует отметить, что в животном, как и в растительном мире, широко представлены проявления РФ и ЗП (Богатых, 2012). Проявления чисел Фибоначчи обнаруживаются и на субклеточном уровне в цитоскелете клетки, как у одноклеточных, например, парameций-туфельек, так и у многоклеточных. В частности, все нейроны мозга имеют свой собственный цитоскелет, это указывает на то, что каждый нейрон обладает своеобразной «нервной личной системой». Причем одной из составляющих цитоскелета являются микротрубочки, представляющие собой белковый полимер, состоящий из субъединиц и носящий название «тубулин». Выявлено, что в основе организации микротрубочек млекопитающих заложены как раз числовые отношения Фибоначчи. Так, гексагональный узор микротрубочек состоит из 5 правых и 8 левых винтовых структур, в сумме формирующих фибоначчиово число 13. Наряду с этим, в часто встречающихся двойных микротрубочках внешний слой содержит уже 21 ряд димеров тубулина, представляющих следующее число Фибоначчи. При

этом микротрубочки работают в квантово-когерентном режиме, не подвергаясь декогеренции за счет неконтролируемого взаимодействия с окружением. Однако отсутствие декогеренции на стадии вычисления характерно для квантовых компьютеров. Именно числовым отношениям Фибоначчи отводится ведущая роль в повышении эффективности микротрубочек как «информационного процессора». Представляя собой своеобразные клеточные автоматы, они могут передавать и обрабатывать сложные сигналы в виде волн различных состояний электрической поляризации молекул тубулина (Hameroff, 1987, 1998; Hameroff, Rasmussen, Mansson, 1988). Иными словами, РФ (числовые отношения) как и ЗП, выступают мощным математическим инструментарием, как фрактальной геометрии, так и голографии (Богатых, 2010).

Как известно, мозг обладает огромной пластичностью. Потенциальная вычислительная возможность мозга является значительно большей, чем это можно ожидать, если бы мозг использовал в качестве простейших вычислительных блоков целые нейроны. Мозг, его нейронно-синапсовая схема не статична, т.е. не обладает ни постоянными синапсами, ни постоянной их интенсивностью. Интенсивность, по крайней мере, некоторых синаптических связей изменяется время от времени порой быстрее, чем за секунду. Кроме того, изменяются и сами связи. Если бы нейронно-синапсовая схема мозга была статична, она бы была эквивалентна схеме компьютера (Penrose, 1989). Упрощая, можно сказать, что, согласно гипотезе Пенроуза-Хамероффа, мозг работает скорее, как квантовое, чем как классическое вычислительное устройство.

В качестве примера кратко рассмотрим участие ЗП и РФ в обеспечении работы функциональных систем и природы сознания. Хорошо известно, что ЗП, представляет собой соотношение только трех величин, проявляющих определенную закономерность, и при этом в конечном своем выражении выступая прообразом чисел (рядов) Фибоначчи. ЗП, содержа две части, порождает третью, являющуюся качественно новой. Оно, в свою очередь, дает результат, выполняет функцию, т.е. становится устойчивой функциональной единицей, отражая, на-

ряду с этим, и математический аспект. Более значимо соотношение ЗП выражено у П.К. Анохина. Он пишет: «Когда наш мозг осуществляет самое начало действия, он уже заряжен и на ожидание результата ... Чем не существование определенного соотношения между какими-нибудь двумя элементами, которое с необходимостью определяет величину третьего: то есть мозг уже знает, что есть и ждет то, что надо. *А есть соотношение, выраженное либо в вещи, либо как-нибудь абстрактно.* ... Еще не реализованное действие уже захватывает мозг, настраивает его на ожидание предстоящих результатов и на последующую оценку этих результатов, ... как совершенно четко очерченную функцию этой системы» (Анохин, 1998, С. 42–43).

Иными словами, данный нервный аппарат, находя в поиске единственно нужную реакцию, в конечном итоге осуществляет завершение и процесса, и соотношения. ЗП, как и ЧФ, выступая здесь своеобразным инвариантом, может выступать инструментом качественного и количественного изучения, например, функциональных систем в теории функциональных систем (ТФС) П.К. Анохина, оправдывая в целом логический переход от изоморфности результата, как системообразующего фактора, к его математической (информационной) интерпретации (Богатых, 2008). Более того, именно ЗП, как и РФ, в своем математическом выражении обеспечивают работающей функциональной системе осуществление широчайшего спектра функций организма, отражая при этом количественное проявление процесса развертывания целостности при выявлении колоссального разнообразия тех или иных композиций. Здесь в более полной мере осуществляется принцип фрактальной, можно сказать, фрактально-голографической (многомерной) развертки. Данная развертка раскрывает многомерное пространство объекта, играя при этом, в целостном континууме, конкретную роль. А именно, роль меры, указывая этим также на то, что весь логический инструментарий поисковых процедур, основанный на методе использования фибоначчиовой стратегии, как и ЗП, является логикой структурного оптимума, который в наибольшей мере выявляется при анализе немарковских процессов.

Именно микротрубочки, как отмечено выше, управляют функционированием мозга. Следовательно, в процессах, осуществляющихся в микротрубочках, должно быть что-то отличное от простых вычислений. Гипотеза Хамероффа-Пенроуза основана на том положении, что такая вычислительная активность должна предполагать микроскопическую квантовую когерентность, объединенную неким тонким образом с макроскопическим поведением (Hameroff, 1998; Hameroff, Rasmussen, Mansson, 1988). На наш взгляд, данное объединение микроскопической квантовой когерентности с макроскопическим поведением может быть обусловлено следующим положением. А именно, сопряженностью числовых соотношений Фибоначчи, заложенных в организации микротрубочек нервных клеток, и работы функциональных систем организма в рамках стратегии числовых отношений РФ, ЗП, а также соответственно обобщающих золотых S-пропорций и фибоначчевых S-инвариантов (Богатых, 2010). Более того, рассмотренный математический

В частности, показано, что ЗП, как и РФ (соответственно и S-числа Фибоначчи и золотая S-пропорция), выступая здесь своеобразным инвариантом, становятся инструментом качественного и количественного изучения нейрофункциональных систем мозга, обеспечивая работу функциональной системе осуществление широчайшего спектра функций организма и отражая при этом количественное проявление процесса развертывания целостности при выявлении колоссального разнообразия тех или иных композиций. Более того, они оправдывают в целом логический переход от изоморфности результата, как системообразующего фактора, к его математической (информационной) интерпретации (Богатых, 2008). При этом, играя в целостном континууме конкретную роль, а именно, роль меры, указывая этим также на то, что весь логический инструментарий поисковых процедур, основанный на методе использования фибоначчевой стратегии, как и ЗП, является логикой структурного оптимума.

Разнообразие растительных и животных организмов проявляет себя через ту или иную математическую формулу: а) ряды, образуемые цветками и соцветиями, а также законы листорасположения большинства растений и с винтовыми, и со спиральным расположением семян (в головках подсолнечника) или чешуй (в шишках сосновых), формулы которых соответствуют тем или иным РФ; б) раковины многих моллюсков (наутилоидей, аммоноидей, гастропод и др.), а также фораминифер (одноклеточных животных) соответствуют геометрическим классам спиралей (архимедовой, логарифмической и др.); в) проявление чисел ЗП в строении тел многих живых организмов, включая человека (Богатых, 2012). Важно при этом отметить, что в основе всех этих математических отношений (РФ, математических прогрессий, как и ЗП) просматривается принцип итерации, отраженный в математической формулой вида $Z_{n+1} = Z_n^2 + C$.

Голографическая модель Прибрама позволила объяснить многие парадоксальные свойства мозга, такие как дистрибутивность памяти, огромный ее объем, способность сенсорных систем к воображению, многие важные аспекты ассоциативного воспоминания, проекцию образов из области памяти и т.д. В дальнейшем голографический подход способствовал широкому его привлечению при объяснении уже феноменов не только мышления и чувствования, но и процесса сознания (Grof, 1985; Grof S., Grof C., 1980; Прибрам, 1975). Следовательно, кодирование информации представляет собой операцию, свойственную не только искусственным системам, но и человеческому мозгу.

Эффективной частью человеческой памяти также является ее способность к перекодированию информации. Иными словами, учитывая, что человек реагирует на те или иные события при взаимодействии с окружающей средой, как на ментальном, так и на биологическом уровне, способность нервной системы человека к перекодированию информации приспособлена великолепно (Pribram, 1971, 1981, 1991), и формы перекодирования фактически безграничны. Как следствие, природа восприятия личностью объективного мира (истинной реальности)

Использование нами математических и информационных составляющих фрактальной геометрии, таких как золотая пропорция и ряды (числа) Фибоначчи, природа фрактальных аттракторов, а также ряд математических отношений (математические прогрессии, немарковские процессы), позволило по-новому взглянуть, как на эволюционный процесс живого, так и на отдельные его проявления

инструментарий фрактальной геометрии (РФ, ЗП) и голографии (самоподобия в представлении символической информации) (Богатых, 2012) отражает собой существенную особенность. ЗП отражает собой иррациональность процессов и явлений природы, тогда как РФ – целочисленность ее организации, а их совокупность (РФ и ЗП) отражает диалектическое единство их противоположностей: непрерывного (континуального) и дискретного, так свойственного процессам мышления, чувствования, сознания и, в целом, процессам развития психики.

В подтверждение этого, ранее мы рассмотрели процессуальные закономерности фрактальной геометрии – ЗП, РФ, S-числа Фибоначчи, золотую S-пропорцию, фрактальность каналов в приложении к нейрофункциональным и нейрофизиологическим процессам в ТФС П.К. Анохина (Богатых, 2008, 2012).

Использование нами математических и информационных составляющих фрактальной геометрии, таких как золотая пропорция и ряды (числа) Фибоначчи, природа фрактальных аттракторов, а также ряд математических отношений (математические прогрессии, немарковские процессы), позволило по-новому взглянуть, как на эволюционный процесс живого, так и на отдельные его проявления (Богатых, 2006, 2007, 2010). Данный математический инструментарий, примененный при анализе природы полиморфических рядов в растительном и животном мире, природы гомологических рядов наследственной изменчивости Вавилова, теории функциональных систем П.К. Анохина, способствовал формулированию дискретно-непрерывной (дискретно-континуальной) интерпретации эволюции органического мира (Богатых, 2006, 2010).

также безгранична, имея при этом, на первый взгляд, противоречивую особенность.

Следует отметить, что использование математической и информационной составляющей фрактально-голографического конструкта будет в определенной мере отвечать на проблему семантики и грамматики, так как семантический анализ, т.е. анализ системы значений (понятий, конструктов, категориальных структур) может выступать в качестве основного способа описания содержания сознания и механизмов его изменения. Так, например, Л.С. Выготский, говоря о понятийном мышлении, предлагает закон эквивалентности понятий, распределяя их при этом по классам (между которыми существуют определенные связи) в виде своеобразной пирамиды. Он пишет, что «всякое понятие может быть обозначено бесчисленным количеством способов с помощью других понятий» (Выготский, 1982, С. 273). При этом добавляет, что это отчасти соответствует своеобразному подобию: «как любое число может быть получено бесконечным количеством арифметических комбинаций других чисел» (Выготский, 1982, С. 275). Возможно, математические аналогии в законе эквивалентности понятий будут соответствовать понятию числа в математике, так как математика есть пустая форма, способная вместить любое содержание. «Мгновенная мысль может относиться к мысли, сформулированной словами, как алгебраическая формула к ряду чисел, в который она развертывается» (Витгенштейн, 1994, С. 188). Иными словами, знаки, символы, синтаксис, как и грамматика, по-видимому, должны также рассматриваться как составляющие итерационных процессов ЗП, РФ, немарковских процессов, обеспечивающих логический инструментарий поисковых процедур.

Заключение

Подытоживая, можно отметить, что Фрактал как геометрическая форма обладает голографическим свойством. Именно голографическое свойство фрактала, а также самоподобие фрактально-голографического конструкта позволяет ос-

мысливать его синергетическое привлечение при объяснении феноменов идеального – процессов мышления, чувствования, сознания. Данные процессы человек разворачивает в процессе своей экзистенции самоподобным, фрактально-голографическим способом спонтанно в соответствии с особенностями той культуры, в которой он сформировался как человек. Существенную роль здесь играет инструментарий фрактальной размерности (фрактальный рост). Он, в частности, представляет собой показатель, меру заполнения пространства фрактальной структуры, где фрактальная линия осуществляет выход, своеобразно вторгаясь за пределы одномерного пространства в двухмерное, а фрактальная плоскость, со своей стороны, частично выходит в трехмерное пространство. Ряд авторов постулируют, что, хотя живые существа и занимают трехмерное пространство, их организация приближается к четырехмерному пространству (West et al., 1999). То есть, фрактальные структу-

фрактал как геометрическая форма обладает голографическим свойством. Именно голографическое свойство фрактала, а также самоподобие фрактально-голографического конструкта позволяет осмысливать его синергетическое привлечение при объяснении феноменов идеального – процессов мышления, чувствования, сознания

ры, осуществляют добавочное четырехмерное измерение жизни. По аналогии можно сказать, что сознание человека в процессе познания окружающей действительности – истинной реальности, «достраивает» евклидову целочисленную размерность фрактальной, дробной размерностью. Этим актом осуществляется заполнение той пустоты, которую так не любит природа. Иными словами, «природа не терпит пустоты» (Богатых, 2007).

Следует также отметить, что объединение микроскопической квантовой когерентности с макроскопическим поведением не в последнюю очередь обусловлено процессами, основанными на принципе обратной связи, когда результат одной итерации является начальным значением следующей итерации, отраженный математической формулой вида $Z_{n+1} = Z_n^2 + C$. Данной формуле соответствует ряд рассмотренных взаимосопреженных и взаимосвязанных математических отношений (принципов

и подходов): математические прогрессии, немарковские процессы, ЗП, РФ, как и обобщающие золотые S-пропорции и фибоначчьевые S-инварианты, последовательность Морса-Туэ, последовательность Фибоначчи, преобразование Прибрама и т.д. Ряд этих математических соотношений имеет, в рамках природы фрактально-голографического конструкта, свое приложение при анализе биологических (Богатых, 2012), социальных, научно-технических и гуманитарно-художественных систем (Голыцын, 1997; Копчик и др., 2004; Петров, 2004). Фрактальная геометрия (опираясь на свои принципы), как и в целом фрактально-голографический конструкт, позволяет, на наш взгляд, объяснить или, по крайней мере, подступиться к объяснению ряда других еще не решенных проблем. В частности, особенностей и парадоксов биологической эволюции и ее механизмов, а также многих проблем и парадоксов осцилляций живого вещества, начиная от простейших, например,

цианобактерий, до работы мозга животных и человека и анализа развития и реализации интеллектуальных систем в гуманитарно-художественном и научном творчестве.

Учитывая, что человек при взаимодействии с окружающей средой реагирует на те или иные события, как на ментальном, так и на биологическом уровне, необходимо осуществлять следующий прием. Для объяснения привлечь особенность преобразований Фурье, в основе которых любой самый сложный паттерн может быть разложен в ряд регулярных волн. Обратное преобразование, в свою очередь, переводит волновой паттерн снова в изображение. Наличие широкого спектра перекрытия элементов, входящих в систему при максимально возможных отношениях элементов фрактально-голографического конструкта, обуславливает их взаимодействие, взаимопроникновение и постоянный переход (перекодировка) идеального (фракталь-

ности при всем ее математическом аппарате) в материальное образование (физика голограммы). Причем, данный переход осуществляется как в одну, так и в другую сторону, постоянно обогащая и обновляя элементы данных конструктов.

Таким образом, языком кодирования-перекодирования является и дух, и материя. Все это указывает на то, что противоположности здесь своеобразно уравниваются в неразличность, но они при этом по-прежнему потенциально существуют. Все это, в определенной мере, косвенно отвечает на ряд вопросов, которые пытался разрешить К. Левин в своей теории поля. Будет ли это

«парадигма числа», либо «парадигма числового поля» в психологии, или что-то подобное – время покажет.

Возникает вопрос. Не является ли основополагающим в данном функционировании кодирования-перекодирования работа самоподобной сопряженности числовых соотношений Фибоначчи, заложенных в организации микротрубочек нервных клеток, и работы функциональных систем организма в рамках стратегии числовых отношений РФ, ЗП, а также соответственно обобщающих золотых S-пропорций и фибоначиевых S-инвариантов?

И последнее. По меткому выражению Давида Рюэля в эволюционной биологии,

как и в других областях знания (экология, психология, социальные науки) математический аппарат, описывающий процессы эволюции с условием влияния хаоса, только начинает прокладывать себе дорогу. В настоящее время влияние хаоса в данных науках находится не столько на уровне количественной науки, сколько на уровне научной философии. Однако, продолжает Давид Рюэль, прогресс возможен и здесь: «... не забывайте, что размышления Пуанкаре о предсказуемости в метеорологии тоже когда-то были лишь научной философией, а теперь эта область превратилась в количественную науку» (Рюэль 2001, С. 78).

Литература:

- Азроянц Э.А., Харитонов А.С., Шелепин Л.А. Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 94–104.
- Анохин П.К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем. – Москва : Медицина, 1998. – 397 с.
- Богатых Б.А. Фрактальные структуры живого и эволюционный процесс // Журнал общей биологии. – 2006. – Т. 67. – № 4. – С. 243–255.
- Богатых Б.А. Фрактальная природа постнеклассического познания // Философские науки. – 2007. – № 6. – С. 27–40.
- Богатых Б.А. Фрактальность и теория функциональных систем // Нелинейный мир. – 2008. – Т. 6. – № 9. – С. 491–499.
- Богатых Б.А. Фрактально-голографический конструкт и природа сознания // XIII Всероссийская научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2011»: сборник научных трудов. В 3-х ч. Ч. 2. – Москва : НИЯУ МИФИ, 2010. – С. 34–44.
- Богатых Б.А. Фрактальная природа живого: системное исследование биологической эволюции и природы сознания. – Москва : ЛИБРОКОМ ; URSS, 2012. – 256 с.
- Бор Н. Квантовая физика и философия // Бор Н. Избр. науч. труды. В 2 тт. Т. 2. – Москва, 1971. – С. 526–532.
- Бройль де Луи. «Революция в физике» (Новая физика и кванты). – Москва : Атомиздат, 1965. 232 с.
- Витгенштейн Л. Философские работы. В 2 ч. Ч. 1. – Москва : Гносис. 1994.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. В 6 тт. Т. 2. – Москва : Педагогика, 1982. – С. 5–361.
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – Москва, 1987. – 368 с.
- Голицын Г.А. Информация и творчество: на пути к интегральной культуре. – Москва : Русский мир, 1997. – 304 с.
- Копчик В.М., Рыжов В.П., Петров В.М. Этюды по теории искусства: диалог естественных и гуманитарных наук. – Москва : ОГИ, 2004. – 368 с.
- Кроновер Р.М. Фракталы и хаос в динамических системах. Основы теории. – Москва : Постмаркет, 2000. – 352 с.
- Кузнецов О.П., Шипилина Л.Б. Псевдооптические нейронные сети – полная прямолинейная модель и методы расчета ее поведения // Известия АН. Сер. Теория и системы управления. – 2000. – № 5. – С. 168–176.
- Левин К. Динамическая психология : избранные труды. – Москва : Смысл, 2001. – 572 с.
- Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – Москва : Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
- Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
- Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики / общ. ред. В.О. Малышенко. – Москва : Эдиториал УРСС. – 2003. – 384 с.
- Петров В.М. Количественные методы в искусствознании. – Москва : Академический проект, 2004. – 432 с.
- Рюэль Д. Случайность и хаос. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 192 с.
- Современная западная философия : словарь / сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – Москва : ТОН – Остожье, 2000. – 554 с.
- Шелепин Л.А. Становление новой парадигмы // Философия науки. Вып. 7: Формирование современной естественнонаучной парадигмы. – Москва, 2001. – 270 с.
- Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. – 528 с.
- Bohm, D.J. (1986) A New Theory of the Relationship of Mind and Matter. *Journal of the American Society for Psychological Research*, 80(2), 91–123.
- Bohm, D., & Hiley, B. (1994) *The undivided universe*. Routledge, London.
- Grof, S. (1985) *Beyond the Brain*. Albany N.Y., State University of New York Press.
- Grof, S., & Grof, C. (1980) *Beyond the Death*. L.: Thames I Hudson.
- Hameroff, S.R. (1987) *Ultimate computing. Biomolecular Consciousness and NanoTechnology*, Elsevier Science Publishers B.V.
- Hameroff, S.R., Rasmussen, S., & Mansson, D. (1988) *Molecular automata in microtubules: basic computational logic of the living state? Artificial Life*,

- SFI studies in the sciences of complexity (ed. C. Langton). Addison-Wesley, New York.
- Hameroff, S.R. (1998) Quantum computation in brain microtubules? The Penrose–Hameroff “Orch OR” model of consciousness. *Philosophical Transactions of the Royal Society*. London Series A, 356, 1869–1896.
- Levin, K. (1936) Principles of topological Psychology. New York; McGraw Hill, 231.
- Mandelbrot, B. B. (1980) Fractal aspects of the iteration of $z \rightarrow \lambda(1-z)$ for complex λ , *z*. *Annals NY. Acad. Sciences*, 357, 249–259.
- Mandelbrot, B. B. (1982) The fractal Geometry of Nature. Freeman, San Francisco.
- Penrose, R. (1989) The Emperor’s New Mind. New York: Oxford Univ. Press.
- Pribram, K.H. (1971) Languages of the Brain: Experimental paradoxes and principles in neuropsychology. Stanford Univ., Prentice-hall, inc. Englewood cliffs, new jersey.
- Pribram, K.H. (1981) Non-Locality and Localization: A Review of the Place of the Holographic Hypothesis of Brain Function in Perception and Memory. Preprint for the Tenth JCUS. November.
- Pribram, K.H. (1991) Brain and perception: holonomy and structure in figural processing. Lawrence Erlbaum Assoc, New Jersey.
- West, G.B., Brown, J.H., & Enguist, B.J. (1999) The fourth dimension of life: fractal geometry and allometric scaling of organism. *Science*, 284(5420), 1677–1679. doi: 10.1126/science.284.5420.1677

References:

- Azroyants, E.A., Kharitonov, A.S., & Shelepin, L.A. (1999) Nemarkovsky processes as a new paradigm. [*Voprosy filosofii*], 7, 94–104.
- Anokhin, P.K. (1998) Selected works. Cybernetics of functional systems. Moscow, Meditsina. 397.
- Bogatykh, B.A. (2006) Fractal structures of the living and evolutionary process. [*Zhurnal of obschey biologii*], 67(4), 243–255.
- Bogatykh, B.A. (2007) Fractal nature of post-nonclassical knowledge. [*Filosofskie nauki*], 6, 27–40.
- Bogatykh, B.A. (2008) Fractals and the theory of functional systems. [*Nelineynyy mir*], 6(9), 491–499.
- Bogatykh, B.A. (2010) Fractal holographic construct and nature of consciousness. [13-aya Vserossiyskaya nauchno-tehnicheskaya konferentsiya «Neyroinformatika-2011»: sbornik nauchnyh trudov], In 3 parts. Part 2. Moscow, NNIU MEPI, 34–44.
- Bogatykh, B.A. (2012) Fractal nature of the living: a systematic study of biological evolution and the nature of consciousness. Moscow, LIBROKOM; URSS, 256.
- Bohm, D.J. (1986) A New Theory of the Relationship of Mind and Matter. *Journal of the American Society for Psychical Research*, 80(2), 91–123.
- Bohm, D., & Hiley, B. (1994) The undivided universe. Routledge, London.
- Bor, N. (1971) Quantum Physics and Philosophy. [*Izbrannyye nauchnye trudy*], In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 526–532.
- Brogie De, Louis (1965) «The Revolution in Physics» (New Physics and Quanta) Moscow, Atomizdat, 232 .
- Golitsyn, G.A. (1997) Information and creativity: on the way to an integral culture. Moscow, Russian world, 304.
- Grof, S. (1985) Beyond the Brain. Albany N.Y., State University of New York Press.
- Grof, S., & Grof, C. (1980) Beyond the Death. L.: Thames I Hudson.
- Hameroff, S.R. (1987) Ultimate computing. Biomolecular Consciousness and NanoTechnology, Elsevier Science Publishers B. V.
- Hameroff, S.R., Rasmussen, S., & Mansson, D. (1988) Molecular automata in microtubules: basic computational logic of the living state? Artificial Life, SFI studies in the sciences of complexity (ed. C. Langton). Addison-Wesley, New York.
- Hameroff, S.R. (1998) Quantum computation in brain microtubules? The Penrose–Hameroff “Orch OR” model of consciousness. *Philosophical Transactions of the Royal Society*. London Series A, 356, 1869–1896.
18. Heisenberg, V. (1987) Steps beyond the horizon. Moscow, 368.
19. Koptsik, V.M., Ryzhov, V.P., & Petrov, V.M. (2004) Etudes on the theory of art: a dialogue of natural and human sciences. Moscow, OGI, 368.
20. Kronover, R.M. (2000) Fractals and chaos in dynamic systems. Fundamentals of the theory. Moscow, Postmarket, 352.
- Kuznetsov, O.P., & Shipilina, L.B. (2000) Pseudo-optical neural networks – complete rectilinear model and methods for calculating its behavior. [*Izvestiya AN*]. Series Theory and control systems. 5, 168–176.
- Levin, K. (1936) Principles of topological Psychology. New York; McGraw Hill, 231.
- Levin, K. (2001) Dynamic Psychology: Selected Works. Moscow, Smysl, 572.
- Malakhov, V.S. & Filatov, V.P. (Eds.) (2000) Modern Western philosophy: dictionary. Moscow, TON-Ostozhye, 554.
- Mandelbrot, B. (2002) Fractal geometry of nature. Moscow, Institut computernykh issledovaniy, 656.
- Mandelbrot, B. B. (1980) Fractal aspects of the iteration of $z \rightarrow \lambda(1-z)$ for complex λ , *z*. *Annals NY. Acad. Sciences*, 357, 249–259.
- Mandelbrot, B. B. (1982) The fractal Geometry of Nature. Freeman, San Francisco.
- Nalimov, V.V. (2000) I scatter thoughts. On the way and at a crossroads. Moscow, Progress-Traditsiya, 344.
- Penrose, R. (1989) The Emperor’s New Mind. New York: Oxford Univ. Press.
- Penrose, R. (2003) The new mind of the king: on computers, thinking and the laws of physics. Moscow, Editorial URSS. 384.
- Petrov, V.M. (2004) Quantitative methods in art history. Moscow, Akademicheskii Proekt, 432.
- Pribram, K.H. (1971) Languages of the Brain: Experimental paradoxes and principles in neuropsychology. Stanford Univ., Prentice-hall, inc. Englewood cliffs, new jersey.

- Pribram, K.H. (1981) Non-Locality and Localization: A Review of the Place of the Holographic Hypothesis of Brain Function in Perception and Memory. Preprint for the Tenth JCUS. November.
- Pribram, K.H. (1991) Brain and perception: holonomy and structure in figural processing. Lawrence Erlbaum Assoc., New Jersey.
- Ruel, D. (2001) Accident and chaos. Izhevsk, SRC «Regular and chaotic dynamics», 192.
- Shelepin, L.A. (2001) Developing a new paradigm Filosofiya nauki. Issue 7. Developing a modern science-based paradigm. Moscow, 270.
- Shreder, M. (2005) Fractals, chaos, power laws. Izhevsk, SRC «Regular and chaotic dynamics», 528.
- Vygotsky, L.S. (1982) Thinking and Speech. [Sobranie sochineniy]. In 6 vols. Vol. 2. Moscow, Pedagogika, 5–361.
- West, G.B., Brown, J.H., & Enguist, B.J. (1999) The fourth dimension of life: fractal geometry and allometric scaling of organism. *Science*, 284(5420), 1677–1679. doi: 10.1126/science.284.5420.1677
- Wittgenstein, L. (1994) Philosophical works. In 2 parts. Part 1. Moscow, Gnosis.

Исследователь в сфере образования: барьеры в реализации научной деятельности

В.С. Собкин, А.И. Андреева, Ф. Р. Рзаева

Информационно-аналитический центр РАО, Москва, Россия

Поступила 3 марта 2018/ Принята к публикации: 26 марта 2018

Researcher in the field of education: barriers in actualising scientific work

Vladimir S. Sobkin*, Anna I. Andreeva, Fatima R. Rzaeva

Information and Analytical Centry of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: sobkin@mail.ru

Received March 3, 2018 / Accepted for publication: March 26, 2018

Актуальность статьи. В статье представлены результаты исследования различных аспектов профессиональной деятельности научных сотрудников, проводящих исследования в сфере образования. Основное внимание уделено рассмотрению влияния различных барьеров на снижение эффективности этой деятельности. Актуальность исследования обусловлена особой значимостью проблемы психологических барьеров для понимания особенностей творческой самореализации ученого.

Цель. Анализируется влияние возраста и социальных индикаторов профессионального статуса (ученая степень, научное звание, занимаемая должность) на значимость различных барьеров, снижающих эффективность профессиональной деятельности ученых.

Описание хода исследования. По специально разработанной авторской анкете, включающей 72 вопроса (закрытых, открытых и шкальных), был опрошен 721 респондент. В выборку вошли сотрудники с разным уровнем научной квалификации и стажем профессиональной научной деятельности. Опрашивались сотрудники, как НИИ, так и вузов из разных регионов Российской Федерации.

Результаты исследования. Исследование показало, что в иерархии значимости различных барьеров доминируют те, которые связаны с материальным и социальным статусом ученого. Важную роль играют и собственно психологические барьеры: отсутствие карьерных перспектив, отсутствие профессиональной среды общения, напряженные отношения с руководством и коллегами. Выявлена корреляционная зависимость между барьером, касающимся финансирования новых проектов, и такими мотивационными установками, как стремление к самостоятельности и профессиональная самореализация. Показано, что с повышением научной должности, с одной стороны, снижается значимость барьеров, препятствующих удовлетворению материальных потребностей, а с другой – актуализируется значимость тех из них, которые касаются профессиональной самореализации. Установлено, что социально-психологические факторы (удовлетворенность результатами своей профессиональной деятельности, положение в научном коллективе) актуализируют значимость барьеров, фиксирующих неблагоприятные социально-психологические отношения в коллективе.

Выводы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что неудовлетворенность своим материальным и социальным статусом для ученых оказываются наиболее значимыми барьерами, препятствующими реализации научной деятельности. В исследовании был выявлен характерный комплекс мотивационных установок, связанных со стремлением научного сотрудника к самостоятельности и профессиональной самореализации. Полученные материалы опроса показали, что совмещение научной и преподавательской деятельности субъективно воспринимается как барьер, препятствующий профессиональной самореализации в науке.

Ключевые слова: научный сотрудник, образование, научная деятельность, психологические барьеры, мотивация, удовлетворенность результатами деятельности, социометрический статус, анкетный опрос, социально-профессиональный статус.

Background. The paper presents the results of a sociological study that focuses on the attitude towards the reform of the Russian researcher sphere in education. Much attention is paid to the influence of various stumbling blocks that influence the efficacy of research work. The relevance of the study is due to the psychological barriers for understanding the features of the creative self-actualised researcher.

Objective. The influence of age and social factors of professional status (e.g. scientific degree, scientific title, position) on the importance of various barriers that reduce the efficacy of scientists' work is analyzed.

Design. According to the authorship questionnaire, which included 72 questions, 721 researchers were interviewed. The survey was conducted in different cities and towns of Russia, the respondents included those with different levels of scientific qualifications, and different experience of research work.

Results. The research showed that in the hierarchy of various barriers, those that are associated with the material and social status of the researcher are dominating. Psychological barriers themselves play an important role: lack of promotional opportunities, lack of professional communication environment, strained relations with management and colleagues. Correlation dependence between the barrier concerning funding of new projects and such motivational attitudes as aspiration to independence and professional self-actualisation are revealed. The upgraded position reduces satisfaction of material needs, and, on the other hand, the importance of those factors that concern career self-actualisation (e.g. funding a new research project) is emphasized. It is established that socio-psychological factors (satisfaction with the results of their professional activities, position in the scientific team) actualize the significance of barriers that fix the unfortunate socio-psychological relations in the team.

Conclusion. The obtained results allow to conclude that dissatisfaction with their material and social status for researchers are the most significant barriers preventing the research work. The study revealed a characteristic set of motivational attitudes related to the researcher's desire for independence and self-actualisation. The survey materials showed that the combination of research work and teaching is subjectively perceived as a barrier that prevents career self-actualisation.

Keywords: Researcher, education, research work, barriers, motivation, job satisfaction, sociometric status, questionnaire survey, social and professional status.

При рассмотрении особенностей мотивационной сферы ученого важно, на наш взгляд, учитывать не только собственно мотивирующие аспекты профессиональной деятельности, но и те барьеры, которые препятствуют ее реализации (Lam, 2011). В качестве последних можно понимать, как внешние материальные условия профессиональной деятельности (оплата труда, график работы и т.п.), так и социально-психологические (напряженные отношения в коллективе, отсутствие профессиональной среды общения) (Ryan, Deci, 2000; Parker, 2002; Gagne, 2005; Hong, 2009; Ouwamalam, Zagefka, 2014).

Важно отметить, что в специальной литературе, посвященной психологическим барьерам, сложилось два противоположных мнения относительно их роли в профессиональной деятельности. С одной стороны, барьеры рассматриваются с негативной точки зрения, как затрудня-

ющие эффективную деятельность ученого. С другой, – как мотивирующий фактор, способствующий личностному росту (Бохан, 2008; Подымов, 1990; Шакуров, 2003). При интерпретации результатов особое внимание уделялось психологическому пониманию термина «барьер», как особого препятствия «внутреннего, психологического характера, мешающее человеку достичь поставленной цели, добиться успехов в какой-либо деятельности» (Немов, 2007, С. 40).

В теоретическом отношении понятие «психологический барьер» используется представителями разных подходов: психоанализа, динамической психологии, гуманистической психологии, культурно-деятельностной психологии, теории отношений и пр. (З. Фрейд, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Левин, Э. Фромм, Л.С. Выготский, М.Я. Басов, С.Л. Рубенштейн, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, В.А. Подымалова, Е.Н. Ермолаева, В.И. Андреева,

И.А. Зимняя, В.А. Кан-Калик, А.К. Маркова, Л.М. Митина).

Помимо широко известных разработок классификаций психологических барьеров и способов их преодоления: экстрапунитивные, интрапунитивные, импунитивные реакции (С. Розенцвейг), имеется ряд исследований отечественных психологов по этой проблематике.

Анализ специальной литературы позволил выделить несколько различных классификаций барьеров. Так, в классификации барьеров, основанной на теории отношений В.Н. Мясищева, выделяют: барьеры отражения (неадекватное восприятие самого человека, партнера или ситуации), барьеры отношения (неадекватное отношение к самому себе, партнеру или ситуации) и барьеры взаимодействия (Мясищев, 1960). В своей теории Н.В. Виденеев определяет следующие барьеры: физические, социальные, гносеологические, идеологические и психологические (Виденеев, 1989). Согласно классификации И.А. Зимней можно выделить этно-социокультурные, статусно-позиционно-ролевые, индивидуально-психологические, возрастные, деятельностные и межличностные барьеры (Зимняя, 1991).

В целом, психологические барьеры выступают в роли системы защиты человека от травматических факторов (June, 2012). Но, несмотря на положительное значение, они ограничивают деятельность субъекта (в нашем случае – научного сотрудника), делая его ригидным в творческом процессе. Творчество же в научной деятельности предполагает «выход за рамки» изученного, реализацию заложенного личностного потенциала. Согласно Э. Фромму творчество является позитивной формой реализации истинного стремления, потребности в трансценденции (Фромм, 2009). Особое внимание потребности самореализации уделял К. Роджерс. Под творчеством он понимал «направляющее начало, проявляющееся во всех формах органической и человеческой жизни, стремление к развитию, расширению, совершенствованию, зрелости, тенденцию к выражению и проявлению всех способностей организма и «Я». Это стремление может быть глубоко скрыто под несколькими слоями ржавых психологических защит»

Владимир Самуилович Собкин – профессор, академик РАО, руководитель Информационно-аналитического центра Российской академии образования
E-mail: sobkin@mail.ru
<http://www.socioedu.ru/node/103>

Анна Игоревна Андреева – старший научный сотрудник Информационно-аналитического центра РАО, аспирантка департамента психологии НИУ ВШЭ
E-mail: ann-94@bk.ru
<https://www.hse.ru/org/persons/196136983>

Фатима Рза Кызы Рзаева – старший научный сотрудник Информационно-аналитического центра РАО
E-mail: fatia92@mail.ru

(Роджерс, 1994, С. 28). Таким образом, мотивация к творчеству, самореализации является одним из главных компонентов профессиональной деятельности ученого (Boden, Epstein, Kenway, 2007). Отметим также, что А.В. Юревич в деятельности исследователя на первое место ставит увлеченность и мотивацию: «ученый должен забывать о славе, почестях, приоритете, иначе мысли о них не дадут ему полностью отдаться полету своей творческой фантазии» (Аллахвердян, 1998, С. 183).

В связи с этим, следует подчеркнуть особую значимость проблемы психологических барьеров в творческой самореализации ученого.

Кроме психологических барьеров на эффективность профессиональной деятельности ученого влияет и состояние фрустрации, которое возникает в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей (Dollard, 1939; Jeronimus, 2017). Такое состояние может оказаться весьма значимым негативным фактором, характеризующим особенности реализации профессиональной деятельности научного сотрудника. Как показывает качественное лонгитюдное исследование И.П. Поповой, посвященное изучению данной профессиональной группы в контексте социальных трансформаций, уход ученого из профессии часто сопровождается ощущением «бессилия» по отношению к условиям функционирования отечественной науки, которые ассоциируются с низкими зарплатами, отсутствием карьерных перспектив и поддержки со стороны академического сообщества (Попова, 2012). Так, например, один из респондентов, который уже десять лет не работал в науке, отметил, что: «Уже после того времени и после того, как все установки ..., которые мы ... разработали, после того, как они просто за нашей спиной были проданы за рубеж ..., а мы – ничего [не получили]. Нет, ну вот, мы стали лауреатами Государственной премии. ... Мы все вместе, коллектив, получили эту премию. ... И когда там это все работает, а у нас ничего не работает, и когда в Академии наук, чтобы что-то делать, надо пойти купить реактивы за свой собственный счет, – ребята, все, до свиданья. В эти игрушки я уже не стал играть» (там же, С. 3203).

Анализ работ зарубежных авторов показывает, что основными причинами ухода из научной карьеры являются: неудовлетворенность продвижением по службе, трудности совмещения семейных и профессиональных обязанностей, а также изменение профессиональных интересов (Preston, 2004, 2006).

С одной стороны, деятельность ученого сопровождается существенными трудностями в профессиональной самореализации, с другой – «почетная» и «интеллигентная» коннотации все еще закреплены за данной профессиональной группой

Отметим, что те, кто не уходит из профессии и совмещает научную деятельность с другой деятельностью, которая оказывается зачастую более доходной, руководствуется при этом сохранением для себя высокого социального статуса, соответствующего званию ученого и по сей день. Данная ситуация является весьма парадоксальной. С одной стороны, деятельность ученого сопровождается существенными трудностями в профессиональной самореализации, с другой – «почетная» и «интеллигентная» коннотации все еще закреплены за данной профессиональной группой.

В связи с вышеизложенным, нашей целью было рассмотрение актуализации барьеров, встающих на пути деятельности научного сотрудника по мере его профессионального становления, то есть, на разных этапах его профессиональной деятельности.

Эмпирическое исследование

Исследование проведено Информационно-аналитическим центром РАО в период с ноября 2015 г. по апрель 2016 г. среди сотрудников научно-исследовательских институтов РАО, преподавателей педагогических вузов и ряда других научных организаций. Опрос проводился в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Тюмень и др.).

Всего было опрошено 721 человек. В опросе приняли участие респонденты с разной научной квалификацией: доктора наук (22,0%), кандидаты наук (58,4%), сотрудники, не имеющие научной степени (19,6%). Среди опрошенных 14,9% имеют

звание профессора, 40,0% – доцента, являются заведующими лабораториями – 10,0%, заведующими кафедрами – 10,1%. Распределение респондентов по возрасту: до 30 лет – 18,8%, 31–40 лет – 22,9%, 41–50 лет – 22,7%, 51–60 лет – 22,3%, более 60 лет – 13,3%. Таким образом, выборка респондентов позволяет проводить

содержательный анализ эмпирических данных, учитывая влияние и демографических, и социально-профессиональных факторов (ученая степень, научное звание, занимаемая должность и др.).

При разработке инструментария учитывался опыт наших предыдущих исследований в сфере социологии образования (Собкин, Писарский, Коломиец, 1996; Собкин, Ткаченко, Федонина, 2004, 2005; Собкин, 2009; Собкин, Белова, 2010; Собкин, Адамчук, 2016; Собкин, Андреева, Рзаева, 2017). В результате в рамках исследовательской программы была разработана анкета, включающая 72 вопроса (закрытых, открытых и шкальных), которые группируются относительно следующих семи основных содержательных блоков: жизненные ориентации и социальное самочувствие; особенности мотивации, целеполагания и барьеры в реализации научной и преподавательской деятельности; удовлетворенность работой, материальным и социальным обеспечением; профессиональная мобильность; оценка эффективности научного труда; особенности психологического климата в коллективе; отношение к реформированию науки.

Эмпирический материал в статье разбит на четыре части. В первой – дается общая характеристика иерархии барьеров и их взаимосвязей. Во второй – рассматривается изменение значимости тех и иных барьеров в зависимости от возраста. В третьей – анализируется влияние социально-профессиональных характеристик (ученая степень, научное звание, занимаемая должность) на значимость тех или иных барьеров. В четвертой – обсуждается влияние различных социально-психологических факторов (удов-

летворенность научной деятельностью, положение в коллективе, миграционные планы) на оценку значимости тех или иных барьеров.

1. Иерархия значимости барьеров, препятствующих успешной реализации профессиональной деятельности.

Для выявления значимости тех или иных барьеров, снижающих эффективность профессиональной деятельности, респондентам был предложен специальный закрытый вопрос: «Что снижает эффективность Вашей научной деятельности?». Отвечая на него, респонденты могли выбрать не более пяти из предложенных пятнадцати вариантов ответа, которые учитывали как внешние препятствия («низкая оплата труда», «отсутствие социального пакета», «неудобный график работы» и др.), так и социально-психологические («отсутствие карьерных перспектив», «напряженные отношения с руководством», «отсутствие заинтересованности в результатах моей научной деятельности» др.). Процентное распределение ответов приведено на рисунке 1.

Приведенные на рисунке данные требуют некоторых уточняющих комментариев. Так, из рисунка видно, что наиболее значимым барьером, снижающим эффективность научной деятельности, является «низкая оплата труда». На нее указывает каждый второй респондент. Следует также добавить, что практически

каждый седьмой из опрошенных, помимо оплаты труда, отмечает «отсутствие социального пакета». Это позволяет сделать вывод о том, что в целом неудовлетворенность своим материальным статусом оказывается наиболее значимым барьером, снижающим, по мнению научных сотрудников, эффективность их научной деятельности. Добавим, что неудовлетворенность финансированием проявляется и при выборе другого варианта ответа: «сложность в получении финансирования новых научных проектов». По своей значимости этот ответ занимает вторую позицию из предложенных пятнадцати. Заметим, что само финансирование научного проекта также предполагает затраты на оплату труда (помимо приобретения оборудования, расходных материалов и т.п.). Таким образом, совокупность отмеченных моментов еще более усиливает явную неудовлетворенность сотрудников характером финансирования научной деятельности в сфере образования.

Помимо обеспечения поддержки материального и социального статуса сотрудника, большое значение имеют организационные моменты. В первую очередь, это касается совмещения научной деятельности с преподавательской, что оказывается весьма значимым барьером для каждого третьего из опрошенных. Этот аспект гораздо чаще отмечают сотрудники, работающие по совместительству (для сравнения: среди штатных

сотрудников его отметили 22,9%, а среди совместителей – 50,0%; $p < .05$). Добавим, что среди различных барьеров обращают на себя и собственно психологические барьеры. Так, например, на «отсутствие карьерных перспектив» указывает каждый шестой, на «отсутствие профессиональной среды общения» – каждый седьмой. К психологическим барьерам следует добавить и напряженное отношение сотрудника с руководством и с коллективом.

В ответах респондентов достаточно отчетливо проявляются характерные взаимосвязи. Так, например, специально проведенный корреляционный анализ позволил выявить статистически значимые корреляции ($p < .05$) в ответах между такими барьерами, как низкая оплата труда, сложности получения финансирования новых научных проектов и слабой материально-технической обеспеченностью рабочего процесса. Помимо этого, выделяются достаточно содержательные статистически значимые взаимосвязи между низкой оплатой труда и отсутствием «социального пакета» ($p = .05$). Добавим, что низкая оплата труда связана и с такими барьерами, снижающими эффективность научной деятельности, как сложность публикации в научных журналах, а также совмещение научной деятельности с преподавательской ($p = .05$). И наконец, сложность в получении финансирования новых научных проектов коррелирует также с барьерами, касающимися трудностей публикации в научных журналах и совмещения научной деятельности с преподавательской ($p = .05$).

В целом, корреляционный анализ позволяет выделить два взаимосвязанных центральных барьера (низкая оплата труда и сложность получения финансирования для новых научных проектов), относительно которых группируются такие барьеры, как материально-техническая обеспеченность рабочего процесса, сложность публикации в научных журналах, совмещение научной деятельности с преподавательской. Графически это представлено на рисунке 2.

Понятно, что на значимость тех или иных барьеров, снижающих эффективность научной деятельности, влияет целый ряд факторов: демографических, социально-профессиональных и собст-

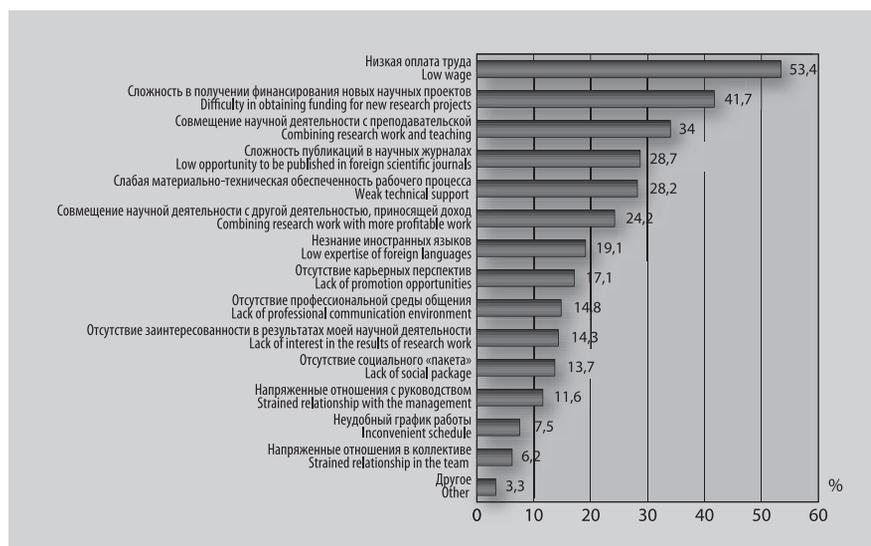

Рис. 1. Распределение значимости факторов, снижающих эффективность научной деятельности (%)
Fig. 1. Factors that reduce the efficacy of scientific work (%)

венно психологических. Рассмотрим их более подробно.

2. Влияние возраста на оценку значимости профессиональных барьеров.

На рисунке 3 выделены те барьеры, относительно которых прослеживается последовательная динамика изменения их значимости. Это «сложность в получении финансирования научных проектов», «отсутствие карьерных перспектив» и «совмещение научной деятельности с другой деятельностью, приносящей доход».

Из рисунка 3 видно, что с возрастом увеличивается значимость такого барьера, как «сложность получения финансирования новых научных проектов». Следует отметить, что фиксация проблемы получения финансирования на новые научные проекты, как показывает проведенный нами специальный анализ, статистически значимо коррелирует с такими мотивационными установками, как «получение позитивных эмоциональных переживаний в процессе работы», возможность самореализации («получение гранта и возможность вести собственный проект»), а также «возможность участия в международных исследованиях». Эти тенденции, на наш взгляд, отражают весьма характерную установку научного сотрудника, связанную со стремлением к самостоятельности и профессиональной самореализации.

Заметим, что при этом существенные статистически значимые различия проявляются дважды. Первый сдвиг связан с ответами 20-летних и 30-летних научных сотрудников, второй – с ответами 50-летних и 60-летних. Можно предположить, что эти два сдвига связаны и с актуализацией перечисленных выше мотивов: получение позитивных эмоциональных переживаний в процессе научной деятельности, стремление к самореализации, проведение исследований, имеющих международный статус. В то же время, возможно, что актуализация значимости данного барьера в когорте 60-летних научных сотрудников отражает и те особые сложности, которые возникают на завершающем этапе профессиональной деятельности, когда научному сотруднику, достигшему пенси-

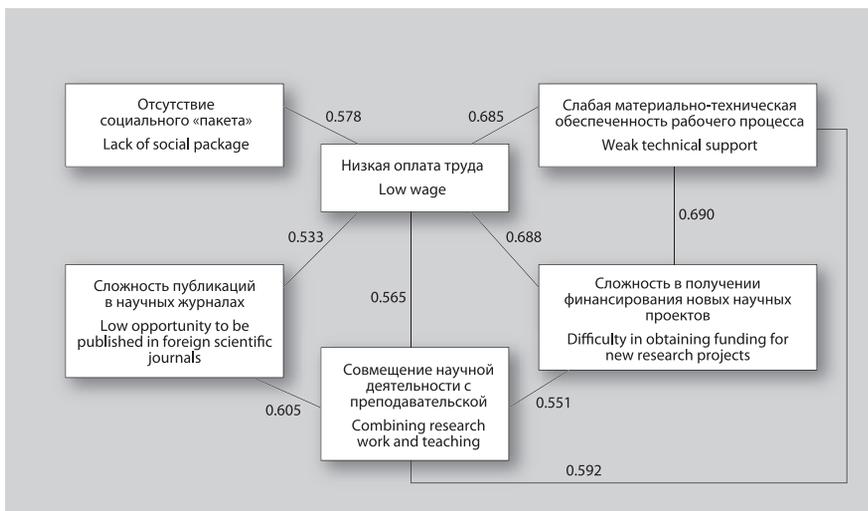

Рис. 2. Плетяда корреляционных связей между барьерами, снижающими эффективность научной деятельности.

Fig. 2. Array of correlation links between barriers that reduce the efficacy of research work.

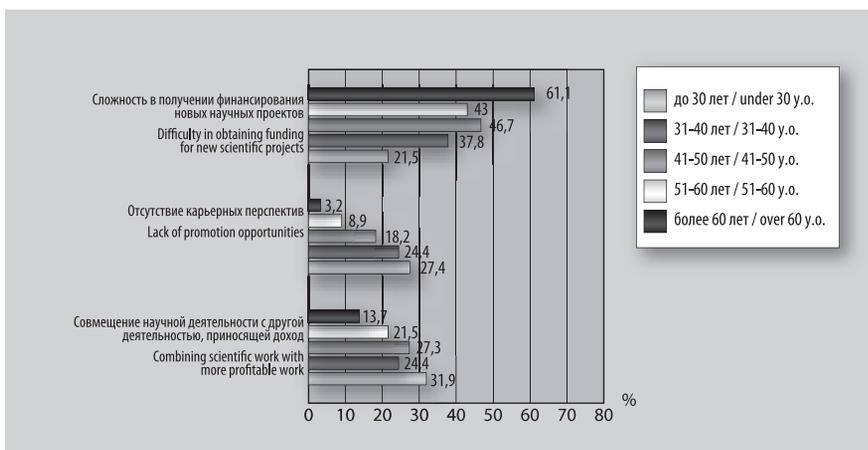

Рис. 3. Возрастная динамика изменения значимости барьеров, влияющих на эффективность профессиональной деятельности (%)

Fig. 3. Age dynamics of changing the importance of barriers affecting the efficacy of career work (%)

онного возраста, оказывается все труднее получить финансирование для поддержки нового научного проекта. В определенной степени это может быть связано и с отсутствием организационных способностей к действиям в новых социально-экономических условиях, которые предполагают иные критерии оценки значимости и результативности научной деятельности по сравнению с ранее сформированными.

Важны и два других результата, представленные на рисунке 3, которые касаются снижения значимости с возрастом двух барьеров. Один из них – «отсутствие карьерных перспектив». Как видно из рисунка, в более старших возрастных когортах влияние этого барьера на эф-

фективность научной деятельности отмечается все реже (O'Leary, 2010). И это понятно, поскольку жизненная «перспектива дали» характерна для более молодых возрастных групп. В то же время, подобная жизненная установка является значимой среди научных сотрудников вплоть до 50-летнего возраста. А это, в свою очередь, свидетельствует о весьма важной социально-психологической характеристике данной профессиональной группы, здесь «профессиональное старение» происходит заметно позже, чем во многих других профессиях.

Важно обратить внимание и на такой барьер, как необходимость «совмещения научной деятельности с другой деятельностью, приносящей доход». Значи-

Для цитирования: Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. Исследователь в сфере образования: барьеры в реализации научной деятельности // Национальный психологический журнал. – 2018. – №2(30). – С. 135–145. doi: 10.11621/npsj.2018.0214

For citation: Sobkin V.S., Andreeva A.I., Rzaeva F.R. (2018) Researcher in the field of education: barriers in actualising scientific work. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 11(2), 135–145. doi: 10.11621/npsj.2018.0214

мость данного барьера также снижается с возрастом. Однако, по сравнению с «карьерными перспективами», тенденция снижения проявляется здесь гораздо медленнее. Почти вплоть до достижения 60-летнего возраста каждый пятый респондент указывает на необходимость совмещения своей научной деятельности с другой (приносящей доход). В данном случае вновь проявляется отмеченная выше тенденция, косвенно свидетельствующая о неудовлетворенности оплатой труда, необходимости поиска дополнительных доходов для поддержания своего материального статуса.

3. Влияние социально-профессиональных характеристик на значимость барьеров в реализации профессиональной деятельности.

В данном разделе будут рассмотрены три социально-профессиональные характеристики: занимаемая должность, ученая степень, научное звание. Анализ влияния занимаемой должности на оценку значимости тех или иных барьеров, снижающих эффективность профессиональной деятельности, позволил выделить две противоположные тенденции.

Одна из них касается значимости тако-го барьера, как «низкая оплата труда». Так, если среди младших научных сотрудников «низкую оплату труда» отмечают 66,7%, то среди научных сотрудников – 57,4%, среди главных научных сотрудников – 50,0%, а среди заведующих лабораторией – 34,7% ($p < .05$). Другая, противоположная тенденция, проявляется относительно «финансирования новых научных проектов». Среди младших научных сотрудников этот барьер отмечают 38,9%, среди главных научных сотрудников – 65,0%, а среди заведующих лабораторией – 56,9% ($p < .05$).

В целом эти две тенденции могут быть интерпретированы в логике представлений об иерархии потребностей (А. Маслоу). Действительно, по мере увеличения должностного статуса снижается значимость барьера «оплаты труда», отвечающего за возможность удовлетворения базовых, витальных потребностей (поскольку, как правило, занимаемая должность положительно коррелирует с уровнем оплаты труда). В то же время параллельно увеличивается значимость барьера, препятствующего удовлетворению потребностей более высокого уровня – профессиональной самореа-

лизации, т.е. барьера, касающегося «финансирования новых научных проектов». Иными словами, с занятием более высокой должности снижается значимость барьеров, препятствующих удовлетворению витальных потребностей, и актуализируется значимость барьеров, которые препятствуют профессиональной самореализации.

Особый интерес представляет сопоставление ответов научных сотрудников, имеющих разные ученые степени и научные звания (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, с повышением ученой степени увеличивается частота ответа, касающегося «сложности получения финансирования новых научных проектов»: у сотрудников, не имеющих степени, – 25,7%; у кандидатов наук – 38,1%; у докторов – 62,1% ($p < .05$). Данный результат можно объяснить тем, что именно доктора наук, как правило, являются руководителями научных проектов и занимаются поиском средств для их реализации. Добавим, что та же тенденция проявляется и при сравнении ответов доцентов и профессоров (соответственно, 40,1 и 62,5%, $p < .05$).

Вполне ожидаемо, что по мере увеличения профессионального статуса будет снижаться и значимость барьера, который препятствует карьерному росту. Действительно, эта тенденция отчетливо проявилась. Так, с увеличением уровня ученой степени уменьшается частота ответов об «отсутствии карьерных перспектив»: среди научных сотрудников без степени – 25,0%, среди кандидатов наук – 18,7%, среди докторов наук – 4,6% ($p < .05$). Та же тенденция наблюдается и при сравнении ответов доцентов и профессоров (соответственно, 19,0% и 4,8%, $p < .05$).

Следует обратить внимание на барьеры, касающиеся совмещения научной деятельности. Как видно из таблицы 1, «совмещение научной деятельности с преподавательской» гораздо чаще отмечают кандидаты и доктора наук, нежели «неостепененные» респонденты. Это позволяет сделать вывод о том, что получение ученой степени предоставляет научному сотруднику более широкие возможности для преподавания. Причем, доценты отмечают этот барьер гораздо чаще, чем профессора – соответствен-

Табл. 1. Значимость барьеров, влияющих на эффективность профессиональной деятельности, у научных сотрудников с разной ученой степенью и научным званием (%)

Барьер	Без степени	Кандидат наук	Доктор наук	Доцент	Профессор
Сложность в получении финансирования новых научных проектов	25,7	38,1	62,1	40,1	62,5
Отсутствие карьерных перспектив	25,0	18,7	4,6	19,0	4,8
Совмещение научной деятельности с преподавательской	12,5	41,0	33,3	46,1	31,7
Совмещение научной деятельности с другой деятельностью, приносящей доход	33,8	24,3	17,0	21,5	18,3

Table 1. Importance of barriers affecting the efficacy of career work in researchers with different scientific degree and scientific title (%)

Barrier Type	Without Scientific Degree	Ph.D.	Doctor	Assistant Professor	Professor
Difficulty in obtaining funding for new research projects	25.7	38.1	62.1	40.1	62.5
Lack of promotion opportunities	25.0	18.7	4.6	19.0	4.8
Combining research work and teaching	12.5	41.0	33.3	46.1	31.7
Combining research work with more profitable work	33.8	24.3	17.0	21.5	18.3

но, 46,1% и 31,7% ($p < .05$). Данный результат дает основание для вывода о том, что учебная нагрузка у доцентов оказывается гораздо выше, по сравнению с профессорами, что, в свою очередь, ограничивает их возможности по проведению собственных научных исследований.

Иная тенденция проявляется при «совмещении научной деятельности с другой деятельностью, приносящей доход». Здесь, как видно из таблицы, этот барьер гораздо чаще отмечают именно сотрудники, не имеющие ученой степени. С одной стороны, это подтверждает предыдущий вывод о том, что наличие степени предоставляет возможности научному сотруднику для занятия преподавательской деятельностью. С другой, как видно из результатов, практически каждый третий «неостепененный» научный сотрудник (33,8%) вынужден совмещать научную деятельность с другими для обеспечения своего материального положения. Причем, характерно, что подобное совмещение субъективно воспринимается именно как барьер, препятствующий профессиональной самореализации в науке.

4. Влияние социально-психологических факторов.

К социально-психологическим факторам, которые могут оказать влияние на оценку значимости тех или иных барьеров, препятствующих профессиональной деятельности научного сотрудника, можно отнести удовлетворенность результатами своей профессиональной деятельности, положение в научном коллективе, эмиграционные планы и эмоциональную оценку жизненных перспектив.

Барьеры профессиональной деятельности и удовлетворенность результатами научного труда. Для оценки удовлетворенности результатами своей профессиональной деятельности научным сотрудникам был предложен специальный шкальный вопрос, где они были должны оценить по 9-ти балльной шкале (1 – «крайне не удовлетворен», а 9 – «полностью удовлетворен») степень удовлетворенности результатами своей научной деятельности. В ходе дальнейшего анализа 9-ти балльная шкала была переведена в более компактную 3-балльную, где 1–3 балла соответствует оценке «не

Табл. 2. Значимость барьеров, препятствующих реализации профессиональной деятельности среди сотрудников, «не удовлетворенных» и «удовлетворенных» результатами своего научного труда (%)

Барьеры	«не удовлетворен»	«удовлетворен»	$p \leq$
Низкая оплата труда	68,1	50,0	,0001
Сложность в получении финансирования новых научных проектов	46,7	28,8	,0002
Слабая материально-техническая обеспеченность рабочего процесса	38,5	17,6	,000
Сложность публикаций в научных журналах	37,4	15,9	,000
Совмещение научной деятельности с другой деятельностью, приносящей доход	33,3	5,3	,000
Отсутствие заинтересованности в результатах моей научной деятельности	21,9	8,8	,0003
Отсутствие профессиональной среды общения	20,4	5,9	,000
Напряженные отношения с руководством	7,0	18,2	,003

Table 2. of barriers affecting the efficacy of career work in researchers who are “satisfied” and “unsatisfied” with their work results (%)

Barrier Type	«unsatisfied»	«satisfied»	$p \leq$
Low wage	68.1	50.0	.0001
Difficulty in obtaining funding for new research projects	46.7	28.8	.0002
Weak technical support	38.5	17.6	.000
Low opportunity to be published in foreign scientific journals	37.4	15.9	.000
Combining research work with more profitable work	33.3	5.3	.000
Lack of interest in the results of research work	21.9	8.8	.0003
Lack of professional communication environment	20.4	5.9	.000
Strained relationship with the boss	7.0	18.2	.003

удовлетворен», 4–6 балла – «средне удовлетворен», 7–9 баллов – «удовлетворен». Ответы «не удовлетворенных» и «удовлетворенных» сотрудников о значимости тех или иных барьеров, препятствующих реализации их профессиональной деятельности, представлены в таблице 2.

В таблице приведены те ответы, относительно которых были обнаружены статистически значимые различия. Из таблицы видно, что «не удовлетворенные» результатами своей профессиональной деятельности сотрудники, по сравнению с «удовлетворенными», выделяют гораздо более широкий спектр барьеров, препятствующих их научной деятельности.

Сюда входят барьеры, не только связанные с финансированием (оплата труда, совмещение научной деятельности с другой, приносящей доход, сложность финансирования новых научных проектов), но и касающиеся профессиональной коммуникации (публикации, отсутствие профессиональной среды, отсутствие заинтересованности в их деятельности). Можно выделить лишь один барьер, значимость которого чаще отмечают сотрудники, удовлетворенные результатами своего труда. Это – «напряженные отношения с руководством». В связи с этим, можно предположить, что руководство воспринимается ими, как бюрократиче-

ская структура, поскольку руководитель «не заинтересован результатами научной деятельности» и не является представителем «профессиональной среды общения».

Барьеры профессиональной деятельности и социальный статус в коллективе. Чтобы определить, как научные сотрудники оценивают свой статус в коллективе, им был предложен специальный закрытый вопрос. Они могли выбрать один из следующих вариантов ответа: «лидер с высоким уровнем влияния», «член коллектива со средней популярностью», «член коллектива, который ориентируется на лидеров», «член коллектива, который предпочитает быть в стороне», «член коллектива, который имеет оппозиционную точку зрения по большинству вопросов», «в коллективе я чувствую себя одиноко», «я работаю индивидуально».

Ниже будут рассмотрены ответы на вопрос о барьерах представителей лишь трех групп респондентов: «лидеров», «оппозиционеров» и тех, кто «в коллективе чувствует себя одиноко».

Анализ полученных данных позволяет выделить две характерные тенденции. Первая касается значимости оценки такого барьера, как «низкая оплата труда». Те респонденты, кто относит себя к «лидерам», гораздо реже отмечают «низкую оплату труда» как барьер, в отличие от «оппозиционеров» и тех, кто чувствует себя в коллективе «одиноко» – соот-

ветственно, 43,4% и 67,6%, 76,9% ($p < .05$). Вторая тенденция касается различий между этими группами относительно значимости таких барьеров, как «отсутствие карьерных перспектив» и «отсутствие профессиональной среды общения» (см. рис. 4).

Как видно из рисунка, «лидеры» в отличие от «оппозиционеров» и тех, кто чувствует себя в коллективе «одиноко», гораздо реже отмечают в качестве барьеров такие, как «отсутствие профессиональных перспектив» и «отсутствие профессиональной среды общения». К этому стоит добавить и тенденцию, касающуюся большей значимости такого барьера, как «напряженные отношения в коллективе» (7,6% среди «лидеров», 14,7% – среди «оппозиционеров», 15,4% – среди «одиноких»). Несмотря на то, что эти различия статистически не значимы, они подтверждают, что самооценка своего статуса в коллективе является одним из важнейших факторов, влияющим на оценку значимости барьеров, препятствующих успешной реализации профессиональной деятельности. Причем, чем статус ниже, тем выше значимость барьеров, касающихся социально-психологических аспектов: карьерных перспектив, профессиональной среды общения и межличностных отношений в научном коллективе.

И, наконец, еще один важный момент: «оппозиционеры» заметно чаще, чем «ли-

деры», отмечают значимость такого барьера, как «отсутствие социального пакета» (соответственно, 32,4%, и 12,5%, $p < .05$). Можно предположить, что фиксация значимости социального пакета в данном случае свидетельствует об актуализации потребности в социально-правовой защите.

Барьеры профессиональной деятельности и трудовой эмиграция. Для выявления эмиграционных планов научных сотрудников им был задан специальный закрытый вопрос: «Хотели бы Вы работать за рубежом?». Он предполагает различные варианты ответов – от явно выраженной установки на отъезд из страны до «отсутствия желания работать за рубежом». Одним из главных барьеров, препятствующих реализации профессиональной деятельности научных сотрудников, желающих найти постоянную работу за рубежом и эмигрировать из России, является «низкая оплата труда», ее отметили – 67,9% из них, среди тех, кто не видит перспектив в профессиональной самореализации за рубежом таких только 47,8% ($p < .05$). Отметим, что каждый третий ученый, ориентированный на эмиграцию, выбрал «отсутствие карьерных перспектив» в качестве значимого барьера в профессиональной деятельности (30,2%), в то время как среди тех, кто не имеет подобных планов, таких лишь примерно каждый десятый (8,1%). Таким образом, неудовлетворенность заработной платой и карьерными перспективами выступают как основные барьеры, обосновывающие желание ученых эмигрировать из России.

Заметим, что эти данные в целом согласуются с другими исследованиями. В них отмечается, что, наряду с низкой оплатой труда, «в настоящее время одним из главных причин принятия решения о переезде за рубеж являются отставание отечественной науки от мирового научного сообщества по информационной и технологической базе и растущая бюрократизация» (Бугаева, 2016, С. 258).

Следующим по значимости барьером профессиональной деятельности, влияющим на эмиграционные планы, является «отсутствие социального пакета»: почти каждый четвертый (24,5%) научный сотрудник, желающий покинуть Россию для работы за рубежом выбрал данный

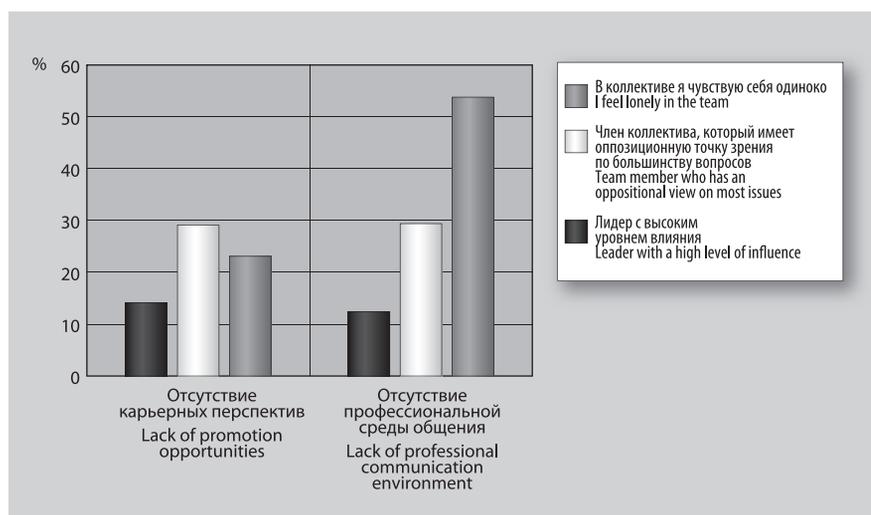

Рис. 4. Оценка значимости социально-психологических барьеров среди научных сотрудников с различным социальным статусом в коллективе (%).

Fig. 4. Assessing the importance of social psychological barriers in researchers with different social status in the team (%).

вариант ответа, тогда как среди тех, кто не ориентирован на эмиграцию, таких вдвое меньше – 12,4% ($p < .05$).

И, наконец, отметим те барьеры профессиональной деятельности, которые касаются социально-психологических аспектов взаимоотношений в научном коллективе. Так, «напряженные отношения с руководством» среди ориентированных на эмиграцию отмечают 22,6%, а среди тех, у кого подобные планы отсутствуют, такие отношения только у 9,7% ($p < .05$). Та же тенденция прослеживается и относительно «напряженных отношений в коллективе» (соответственно, 18,9%, 7,1%, $p < .05$). Приведенные данные позволяют выделить три содержательных типа барьеров, играющих важную роль в актуализации эмиграционных планов научных сотрудников: низкая заработная плата и отсутствие профессиональной карьеры, отсутствие «социального пакета», социально-психологический климат в коллективе.

Завершая статью, обобщим основные результаты.

Результаты исследования

1. Анализ значимости барьеров, снижающих эффективность научной деятельности, показал, что наиболее часто отмечаемым барьером является «низкая оплата труда». На это указывает каждый второй научный сотрудник. Помимо этого значительная часть опрошенных указала на «отсутствие социального пакета». Это позволяет сделать вывод о том, что неудовлетворенность своим материальным и социальным ста-

Полученные результаты свидетельствуют о влиянии социально-психологических факторов (удовлетворенность результатами своей профессиональной деятельности, положение в научном коллективе) на оценку значимости тех или иных барьеров, препятствующих профессиональной деятельности научного сотрудника

тумом являются наиболее значимыми барьерами, препятствующими реализации научной деятельности. В иерархии различных барьеров, снижающих эффективность научной деятельности, важную роль играют и собственно психологические барьеры: «отсутствие карьерных перспектив», «отсутствие профессиональной среды общения», «напряженные отношения сотрудника с руководством и коллегами».

2. С возрастом увеличивается значимость такого барьера, как «сложность получения финансирования для новых научных проектов». Специально проведенный корреляционный анализ показал, что данный барьер коррелирует с такими мотивационными установками, как получение позитивных эмоциональных переживаний в процессе работы и возможность профессиональной самореализации (получение гранта, возможность вести собственный проект, участие в международных исследованиях). Это позволяет сделать вывод о наличии характерного комплекса мотивационных установок, связанных со стремлением научного сотрудника к самостоятельности и профессиональной самореализации.

3. При анализе влияния социально-профессиональных характеристик на эффективность профессиональной деятельности научных работников выявлена своеобразная тенденция, свиде-

тельствующая о том, что с повышением должности, с одной стороны, снижается значимость барьеров, препятствующих удовлетворению материальных потребностей, а с другой – актуализируется барьеры, касающиеся профессиональной самореализации.

4. Практически каждый третий научный сотрудник, не имеющий ученой степени, совмещает профессиональную деятельность с другими видами трудовой активности для обеспечения своего материального положения. Подобное совмещение субъективно воспринимается как барьер, препятствующий профессиональной самореализации в науке.

5. Полученные результаты свидетельствуют о влиянии социально-психологических факторов (удовлетворенность результатами своей профессиональной деятельности, положение в научном коллективе) на оценку значимости тех или иных барьеров, препятствующих профессиональной деятельности научного сотрудника. Характерно, что социально-психологические факторы в основном актуализируют значимость барьеров, фиксирующих неблагоприятное социально-психологическое отношение в коллективе. В то время как эмиграционные планы явно повышают значимость таких барьеров, как отсутствие карьерных перспектив, недостаточная материальная обеспеченность и отсутствие социального пакета.

Литература:

- Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки : учеб. пособие. – Москва : Флинта, 1998.
- Бохан Т.Г. Проблема стресса в психологии: трансспективный анализ. – Томск, 2008. – 156 с.
- Бугаева О.О. Эмиграция ученых: «утечка мозгов» или возможность интеграции в мировое научное пространство? // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых. – 2016. – С. 256–261.
- Виденев Н. В. Природа интеллектуальных способностей человека. – Москва : Мысль, 1989. – 173 с.
- Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – Москва : Просвещение, 1991. – 222 с.
- Молчанов С.В. Морально-ценностные основания профессионального выбора в юношеском возрасте. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2016. – №3. – С. 81–86.
- Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. Т. II. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1960. – С. 110–125.
- Немов Р.С. Психологический словарь. – Москва : ВЛАДОС, 2007.
- Подымов Н.А. Психологические барьеры в профессиональной деятельности учителя : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 1990. – 390 с.
- Попова И. П. Российские ученые: особенности исследования профессиональной группы в контексте социальных трансформаций //

Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. – Москва : РОС, 2012. – С. 3199–3206.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека /общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. – Москва : Прогресс; Универс. 1994.

Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О. Учительство как социально-профессиональная группа. – Москва ; Рига : Российская академия образования, ЦСО РАО, 1996. – 53 с.

Собкин В.С. Отношение учителей к Единому Государственному Экзамену (по материалам социологического исследования) // Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXIII. – Москва : Институт социологии образования РАО, 2009. – 233 с.

Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации // Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. – Москва : ФГБНУ «ИУО РАО», 2016. – 216 с.

Собкин В.С., Ткаченко О.В., Федюнина А.В. Студент педагогического вуза: отношение к образованию и профессиональные планы // Вопросы образования. – 2005. – № 1. – С. 304–319.

Собкин В.С., Белова О.В. Качество педагогического образования глазами студента // Педагогика. – 2010. – № 5. – С. 10–17.

Собкин В.С., Ткаченко О.В., Федюнина А.В. Удовлетворенность качеством образования: студенческие мнения и оценки // Социология образования : труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XV / под ред. В.С. Собкина. – Москва : ЦСО РАО, 2004. – 444 с.

Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. Профессиональная мобильность исследователей в сфере образования // Педагогика. – 2017. – № 1. – С. 42–57.

Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. Отношение ученых к реформированию российской науки об образовании (по материалам социологического опроса) // Ценности и смыслы. – 2017. – № 4(50). – С. 34–43.

Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. К вопросу о ценностных ориентациях исследователей в сфере образования // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2(26). – С. 106–115. doi: 10.11621/npj.2017.0212

Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. Социальное самочувствие научного сотрудника: жизненные страхи // Вестник Тюменского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 8–31.

Фромм Э. Человек для самого себя. – Москва : АСТ, 2009.

Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопросы психологии. – 2003. – № 5. – С. 18–33.

Boden, R., Epstein, D., & Kenway, J. (2007) Building your academic career. Sage.

Dollard, J. et al. (1939) Frustration and aggression.

Gagne, M., & Deci, E. L., (2005) Self-determination theory and work motivation. *Journal of Organizational Behavior*, 26(4), 331–362. doi: 10.1002/job.322

Hong, W., & Walsh, J. P., (2009) For money or glory? Commercialization, competition, and secrecy in the entrepreneurial university. *Sociological Quarterly*. 50(1), 145–171. doi: 10.1111/j.1533-8525.2008.01136.x

Jeronimus; et al. (2017) «Frustration». In Zeigler-Hill, V., & Shackelford, T.K. *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. New York, Springer, 1–8. doi: 10.1007/978-3-319-28099-8_815-1

June, D. L. (Ed.). (2012) Protection, security, and safeguards: practical approaches and perspectives. CRC Press. doi: 10.1201/b12486

Klyueva, O. A. (2016) Competitiveness of personality as a psychological phenomenon: The content of the construct and its typology. *Psychology in Russia: State of the Art*. 9(2), 151–166. doi: 10.11621/pir.2016.0212

Lam, A. (2011) What motivates academic scientists to engage in research commercialization: 'Gold', 'ribbon' or 'puzzle'? *Research Policy*, 40, 1354–1368. doi: 10.1016/j.respol.2011.09.002

O'Leary N. et al. (2010) The Right Skills for Silver Workers: An Empirical Analysis.

Owuamalam, C.K. & Zagefka, H. (2014) On the Psychological Barriers to the Workplace: When and Why Metastereotyping Undermines Employability Beliefs of Women and Ethnic Minorities. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 20(4), 521–528. doi: 10.1037/a0037645

Parker J. (2002) How much is a scientist worth. *EMBO reports*, 3, 1012–1015. doi: 10.1093/embo-reports/kvf229

Preston, A. E. (2004) Leaving Science. Russell Sage Foundation.

Preston, A. E. (2006). Women leaving science. Haverford College working.

Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2000) Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*, 25(1), 54–67. doi: 10.1006/ceps.1999.1020

References:

Allahverdyan, A.G., Moshkova, G.Yu., Yurevich, A.V., & Yaroshevsky, M.G. (1998) Psychology of Science: Textbook. Moscow, Flint, 183.

Boden, R., Epstein, D., & Kenway, J. (2007) Building your academic career. Sage.

Bokhan, T.G. (2008) The problem of stress in psychology: transsexual analysis. Tomsk, 156.

Bugayeva, O.O. (2016) Emigration of scientists: «brain drain» or the possibility of integration into the world scientific space? [*Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh*], 256–261.

Dollard, J. et al. (1939) Frustration and aggression.

Fromm, E. Man for himself. Moscow: AST, 2009.

Gagne, M., & Deci, E. L., (2005) Self-determination theory and work motivation. *Journal of Organizational Behavior*, 26(4), 331–362. doi: 10.1002/job.322

Hong, W., & Walsh, J. P., (2009) For money or glory? Commercialization, competition, and secrecy in the entrepreneurial university. *Sociological*

Quarterly. 50(1), 145–171. doi: 10.1111/j.1533-8525.2008.01136.x

Jeronimus; et al. (2017) «Frustration». In Zeigler-Hill, V., & Shackelford, T.K. *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. New York, Springer, 1–8. doi: 10.1007/978-3-319-28099-8_815-1

June, D. L. (Ed.). (2012) Protection, security, and safeguards: practical approaches and perspectives. CRC Press. doi: 10.1201/b12486

Klyueva, O.A. (2016) Competitiveness of personality as a psychological phenomenon: The content of the construct and its typology. *Psychology in Russia: State of the Art*. 9(2), 151–166. doi: 10.11621/pir.2016.0212

Lam, A. (2011) What motivates academic scientists to engage in research commercialization: 'Gold', 'ribbon' or 'puzzle'? *Research Policy*, 40, 1354–1368. doi: 10.1016/j.respol.2011.09.002

Molchanov, S.V. (2016) Moral value basis of career choice in adolescence. *[Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology, 3, 81–86.

Myasishchev, V.N. (1960) The main issues and the current state of the psychology of human relations. *[Psichologicheskaya nauka v SSSR]*. Vol. II. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR, 110–125.

Nemov, R.S. (2007) Psychological dictionary. Moscow, VLADOS, 40.

O'Leary N. et al. (2010) The Right Skills for Silver Workers: An Empirical Analysis.

Owuamalam, C.K. & Zagefka, H. (2014) On the Psychological Barriers to the Workplace: When and Why Metastereotyping Undermines Employability Beliefs of Women and Ethnic Minorities. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 20(4), 521–528. doi: 10.1037/a0037645

Parker J. (2002) How much is a scientist worth. *EMBO reports*, 3, 1012–1015. doi: 10.1093/embo-reports/kvf229

Podymov, N.A. (1990) Psychological barriers in the professional career of a teacher: Doctor of psychology thesis. Moscow, 390.

Popova, I.P. (2012) Russian scientists: the study features of the professional group in the context of social transformations.. *[Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye: materialy 4 Ocherednogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa]*, Moscow, ROS, 3199–3206.

Preston, A. E. (2004) Leaving Science. Russell Sage Foundation.

Preston, A. E. (2006). Women leaving science. Haverford College working.

Rogers, K. (1994) Moscow, Progress; Univers, 28.

Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2000) Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*, 25(1), 54–67. doi: 10.1006/ceps.1999.1020

Sobkin, V.S., Pisarsky, P.S., & Kolomiets, Yu.O. (1996) Teaching as a social and professional group. Moscow, Riga, Rossiyskaya akademiya obrazovaniya, TsSO RAO, 53.

Sobkin V.S. (2009) The attitude of teachers towards the Unified State Exam (based on sociological research). *[Trudy po sociologii obrazovaniya]*. Vol. XIII. Issue XXIII. Moscow, Institut sotsiologii obrazovaniya RAO. 233.

Sobkin, V.S., & Adamchuk, D.V. (2016) Modern Teacher: Life and Career landmarks. *[Trudy po sociologii obrazovaniya]*. Vol. XVIII. Issue XXX. Moscow, FGBICU «IUO RAO», 216.

Sobkin, V.S., Tkachenko, O.V., Fedyunina, A.V. (2005) Student of a teacher-training university: attitude to education and career plans. *[Voprosy obrazovaniya]*, 1, 304–319.

Sobkin, V.S., & Belova, O.V. (2010) The quality of teacher-training education by the eyes of a student. *[Pedagogika]*, 5, 10–17.

Sobkin, V.S., Tkachenko, O.V., & Fedyunina, A.V. (2004) Satisfaction with the quality of education: student opinions and assessments. *[Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya]*. Vol. IX. Issue XV. Moscow, TsSO RAO, 444.

Sobkin, V.S., Andreeva, A.I., & Rzaeva, F.R. (2017) Professional mobility of researchers in the field of education *[Pedagogika]*, 1, 42–57.

Sobkin, V.S., Andreeva, A.I., & Rzaeva, F.R. (2017) The attitude of scientists towards the reform of the Russian science of education (based on the sociological survey). *[Tsennosti i smysly]*, 4 (50), 34–43.

Sobkin, V.S., Andreeva, A.I., & Rzaeva, F.R. (2017) On the question of the value orientations of researchers in the field of education. *National Psychological Journal*, 2 (26), 106–115. doi: 10.11621/npj.2017.0212

Sobkin, V.S., Andreeva, A.I., Rzaeva, F.R. (2017) The social well-being of research staff: life. *[Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta]*, 1, 8–31.

Shakurov R.Kh. (2003) Psychology of meanings: the theory of overcoming. *[Voprosy psikhologii]*. 5, 18–33.

Videneev, N. V. (1989) The nature of man's intellectual abilities. Moscow, Mysl', 173.

Winter, I.A. (1991) Psychology of teaching foreign languages in school. Moscow, Prosveshchenie, 222.

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в pdf-формате [электронном виде]. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учреждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшиф-

рованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в конце статьи перед списком литературы.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.
- курсива, полужирного шрифта и подчеркиваний при оформлении текста статьи,
- выделение заголовков прописными буквами.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 30 ссылок для статей и 50 ссылок для обзоров. 50% ссылок необходимо давать на иностранные источники.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление приставейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>). Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, С. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Ссылки на иностранные источники оформляются по требованиям Американской психологической ассоциации (APA).

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале) и портретную фотографию. При наличии нескольких авторов обязательно указывайте ответственного автора (Corresponding author).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствии текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal).

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на неё ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, изобилуют общими ничего не значащими словами, увеличивающими объем, но не способствующими рас-

крытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;

- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.